

НЕ КАК У ЛЮДЕЙ

РЕБЕККА ХАРДИМАН

ЛЮБОВЬ
БЕЗ ПРАВИЛ

РЕБЕККА
ХАРДИМАН

НЕ КАК У ЛЮДЕЙ

В многодетном ирландском семействе Гогарти неспокойно. Родители не справляются с подростковым бунтом шестнадцатилетней Эйдин, неугомонная бабушка Милли, протестуя против надвигающейся старости, подворовывает в супермаркете, а отец семейства Кевин переживает серьезный кризис среднего возраста на фоне карьерных неудач. Неурядицы растут как снежный ком, и кажется, что семья неуклонно катится к развалу... Но бабушка и внучка неожиданно исчезают, оставив родственников в состоянии недоумения и тревоги. У этой парочки все не как у людей! Куда же они отправились и удастся ли им осуществить задуманное?

«Роман Ребекки Хардиман бодрит, как чашка хорошего кофе. Неизбитый сюжет, остроумные диалоги, прелестные, немного нелепые персонажи... И смешно, и грустно, и совершенно невозможно оторваться!»

USA Today

Все книги издательства «Аркадия»
на www.labirint.ru

ISBN 978-5-907338-43-2

9 785907 338432 >

16+

Знак информационной продукции

ЛЮБОВЬ
БЕЗ ПРАВИЛ

РЕБЕККА
ХАРДИМАН НЕ КАК
У ЛЮДЕЙ

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2021

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
X20

Rebecca Hardiman
GOOD EGGS

Перевела с английского
Ольга Полей

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Ирина Бабушкина

Настоящее издание выходит с разрешения
Aaron M. Priest Literary Agency и *The Van Lear Agency*.

Хардиман Р.

X20 Не как у людей : [роман] / Ребекка Хардиман; [пер. с англ. О. Полей]. — СПб. : Аркадия, 2021. — 448 с. — (Серия «Любовь без правил»).

ISBN 978-5-907338-43-2

Когда престарелую мать Кевина Гогарти, Милли, в очередной раз ловят на краже в магазине, его терпению приходит конец. Сам Кевин, оставшийся без работы, из последних сил поддерживает порядок в доме и заботится о четырех детях, пока жена пропадает в служебных командировках. После очередной выходки строптивую шестнадцатилетнюю Эйдин посылают в школу-интернат, но это лишь приводит к новым осложнениям. Сильвия, новая помощница Милли, и ее симпатичный племянник Шон, казалось бы, спасают ситуацию, но в итоге их появление оборачивается новым кризисом.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Rebecca Hardiman, 2021
© Издание на русском языке,
перевод на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2021

ISBN 978-5-907338-43-2

1

Уже преодолев три четверти пути до магазина — пути, о котором она впоследствии горько пожалеет, — Милли Гогарти замечает, что до сих пор едет на второй скорости, не слыша утробного рокота в чреве своего «Рено». Она переключает передачу. Мысли ее и впрямь заняты совсем другим: соображениями, чего бы купить к чаю с Кевинем; новым романом в мягкой обложке, который, пожалуй, стоит захватить с собой в большое путешествие; неожиданно сдохшим телевизором. Вчера вечером, как раз во время повтора «Золотых девочек», экран погас — в тот самый момент, когда героинь приняли за пожилых путан (ну да, глуповато, по-американски, утрировано до неправдоподобия, зато не скучно). Милли задала телевизору заслуженную трепку — отвесила несколько крепких плюх по бокам в тщетной надежде, что у него откроется второе дыхание, — и вернулась в спальню покойного Питера, где он когда-то провел свои последние дни в постели. После того как у Милли в комнате, на втором этаже, загадочным образом взорвалась лампа, перепугав ее до смерти, она перебралась сюда. В спальне Милли раскопала под старыми шерстяными одеялами радиоприемник на батарейках и наконец-то устроилась в постели вместе с верным «Филипсом». Она уютно уложила его между подушкой без наволочки и здоровым ухом, и тот зажурчал в него последние новости

о мире. Тревога понемногу улеглась. Похожий эффект производил на Милли бокал хереса вместо вечернего чая под постапокалиптические завывания морского ветра за окном. Даже самые мрачные репортажи — рецессия, коррупция, проливные дожди — как ни странно, действовали ободряюще: все-таки хоть где-то, хоть с кем-то, хоть что-то происходит.

Вдруг боковым зрением Милли замечает неведомо откуда взявшийся БМВ, который резко виляет в сторону — неужели она выехала из своего ряда? — и водитель издает в адрес Милли оглушительный гудок. Та в ответ лишь жизнерадостно машет рукой. Вскоре приходится остановиться на светофоре, и их машины оказываются рядом. Милли опускает окошко и делает знак водителю БМВ сделать то же самое. Полированное стекло ползет вниз медленно и вальяжно, как в президентском авто.

— Прошу прощения, — говорит Милли. — У меня синдром замороженного плеча после аварии. — Травма не имеет никакого отношения к ее рискованным маневрам, но Милли хочется как-то объясниться. Она высовывает в окошко правую руку, согнутую в локте куриным крылышком. — Все еще побаливает.

Милли прощается с оторопевшим водителем тремя дружелюбными коротенькими гудками и катит дальше.

Дома, перед тем как выходить, она позвонила сыну — технически Кевин ее пасынок, хотя все техническое ей глубоко чуждо, но, как бы там ни было, он ее мальчик, а она его мамочка с первых месяцев жизни. Милли начала с того, что поведала о трагедии с телевизором.

— Бланш по ошибке заселила девушек в отель для проституток, — рассказывала Милли, — а полицейские...

— Мам, я же детей в школу везу.

— Может, заедешь, посмотришь? Я без телевизора не могу.

— А батарейки ты проверила?

— Да нет там батареек. Это же телевизор.

— В пульте.

— А-а... — тянет Милли. — Погоди, а как же...

— Давай я тебе перезвоню через пять сек.

— А может, к ужину приедешь и посмотришь заодно?

— То есть?

— Ты что, забыл? Это твой последний шанс вообще-то. Я же в субботу уезжаю.

— Да помню я.

— И, может быть, уже не вернусь.

— Да ладно, брось эти шуточки.

— И кого-нибудь из детей привози с собой. Да всех привози! У меня есть бараньи отбивные с картошкой.

На самом деле ни того, ни другого. Беглый осмотр кухонных шкафчиков, на время которого Милли оторвала телефон от уха, совсем забыв, что сын еще на связи, показал, что нет ни оливкового масла, ни картошки. Заглянув в холодильник, встретивший ее привычной волной кислого запаха и ослепительной вспышкой света, Милли обнаружила одну-единственную бутылку молока, уже скисшего, три-четыре дряблых кочешка брокколи и одинокое битое яйцо с вытекающим желтком.

— Мозги у меня, похоже, тоже вытекли, — пробормотала Милли, снова поднося телефон к уху.

— Вот в этом, — отозвался сын, — у меня никогда не было сомнений.

***

В магазинчике Доннелли Милли, в знак общего приветствия, легонько дотрагивается кончиками

пальцев до своей фетровой шляпы леопардовой расцветки с лисьим мехом. Здесь, в Дун-Лаэре, Милли Гогарти знает многих, да и дальше тоже, вплоть до Долки и Киллини. Она добровольно взяла на себя эту миссию — останавливаться поболтать со всеми подряд, где угодно и когда угодно, при любой возможности — на прогулке вдоль продуваемого всеми ветрами Восточного пирса, на парковке торгового центра, в очереди в банке (раньше она никогда не упускала возможности налить себе кофе в кассовом зале Банка Ирландии — пока он был бесплатный), да вот хотя бы и в этом магазинчике.

Она подходит к Майклу Доннелли, прыщавому подростку, сыну владельца магазина, который каждый день, кроме выходных, торчит после школы за прилавком.

— А знаешь, через три дня мы с Джессикой Уолш будем праздновать Рождество в Нью-Йорке. Мой прапрапраправнучатый племянник (по обыкновению Милли вставляет парочку лишних «пра») жил когда-то в Огайо, но мы туда не поедem. Конечно, там же нечего делать! Я ездила к нему как-то раз... не помню когда, неважно. — Она скрещивает руки на груди, принимая позу поудобнее. — Рождественское утро — а на улице ни души. Мы с Кевином, ему тогда только-только восемнадцать исполнилось, вышли прогуляться — кругом горы снега, и мы такие стоим посреди улицы и кричим: «Эй! Америка! Есть кто живой?»

— Вот как, миссис Гогарти? — переспрашивает Майкл, и улыбка у него даже не совсем равнодушная. Он поворачивается к следующему покупателю, Брендану Тьерни. Брендана Милли тоже, конечно, знает, но он сосредоточенно разглядывает свои растоптанные лоферы и, кажется, совершенно поглощен этим занятием.

Милли лучезарно улыбается обоим сразу и направляется к микроскопическому отделу канцелярских товаров. Это всего пара полочек с пыльными открытками, кроме людей ее поколения на них и внимания никто не обратит. Молодежь давно отвыкла писать ручкой по бумаге. Взять хоть ее внуков — только и делают, что тычут пальцами в телефон с лихорадочной быстротой, вызывающей у Милли зависть: когда ее саму в последний раз с такой силой тянуло общаться?

Она берет с полки открытку с тисненым букетом — «Любимой доченьке в день рождения!» — и читает сиропное поздравление внутри. Едва открытка, абсолютно ненужная Милли Гогарти — у которой и дочери-то нет! — оказывается у нее в руках, как соблазн стянуть ее становится все сильнее, и наконец Милли отчетливо понимает: она должна это сделать — и сделает.

Она оглядывается на кассу, где Майкл уже пробивает Брендану шоколадки. В последний раз их с Бренданом пути пересекались в аптеке: он покупал там крем для задницы. Вспомнив об этом, Милли подавляет смехок. Чувствуя, как влажнеет под мышками, она раскрывает потрескавшуюся на сгибах сумочку, уминает всякую всячину внутри — вышедшие из обращения монетки, окаменевшие комочки бумажных платков, древние записочки, — и сумка распахивает перед ней зияющую пасть, настойчиво требуя корма. Желудок у Милли то подкатывает к горлу, то падает вниз. Сердце, столько дней подряд выполнявшее одну лишь унылую биологическую функцию, теперь бешено колотится в груди. Отчаянным, судорожным движением, которое она потом спишет на помутнение сознания, Милли сует открытку в сумочку.

Она переводит дыхание. С делано непринужденным видом берет еще одну открытку — на ней изображен пухлый младенец со слоном. Милли сдерживает смех.

«Может быть, Кевин и прав: я все-таки тронулась умом!» Она бросает еще один взгляд на Майкла. Тот, встретившись с ней взглядом, едва заметно кивает, и Милли хихикает — будто бы над нелепым поздравительным текстом. Милли Гогарти всегда ощущала тягу к актерскому ремеслу и до сих пор лелеет тайную надежду проявить свои таланты. На мгновение ее даже охватывает восторг от собственной дерзости, от того, с каким хладнокровным видом она стоит тут на виду у всего Дун-Лазра, и никто не догадывается, как бешено стучит кровь у нее в ушах. Вспомнив о предстоящем ужине — вдруг придет кто-то из внуков, — Милли невозмутимо направляется к стойке с чипсами и выбирает пакетик с сыром и луком, а потом еще один, с луковыми кольцами.

Сама не своя от радости и облегчения, она ловко запрыгивает обратно в машину, заботливо пристраивает рядом на сиденье свои утренние трофеи. Ставит левую ногу на сцепление, а правую на газ, уже готовая рвануть с места и катить домой, в Маргит, — и тут слышит робкий стук в стекло.

Это Доннелли-младший, и он уже не улыбается. От внезапного страха у Милли темнеет в глазах. Она нехотя приоткрывает окно.

— Мне очень жаль, миссис Гогарти, но я вынужден попросить вас вернуться.

— Я что-то забыла?

Майкл указывает глазами на ее сумку.

— По-моему, у вас там неоплаченный товар.

Наступает молчание — долгое, многозначительное.

— Что? — переспрашивает Милли, включая заднюю передачу.

— Вот здесь. — Толстый грязный палец утыкается в сумку. Мальчишка (ему едва шестнадцать исполнилось, ровесник двойняшек, небось, первый год

в старшей школе) переводит глаза с руля на сумку и обратно.

— Отец велел, если такое случится еще раз, звонить в полицию.

В полицию!

Милли старается как можно правдоподобнее изобразить смущенную улыбку в надежде сойти за безобидную рассеянную старушку. Но телесные реакции выдают ее с головой: лицо вспыхивает, на лбу под волосами выступают капельки пота. Такова печальная участь всех стариков: тело не в ладу со все еще острым умом. Прорастают опухоли, кости ломаются, стоит только поскользнуться на льду, и сердце может однажды просто отказать, как это случилось с ее Питером. А теперь вот и у самой Милли оно уже второй раз за день начинает колотиться с такой силой, что, кажется, вот-вот вырвется из груди, взмахнет крыльями, как птица, и улетит прочь.

Доннелли-младший продолжает сверлить ее взглядом. Она прижимает ладонь тыльной стороной ко лбу, словно утонченная дама из прошлого века, готовая вот-вот лишиться чувств. Сознание того, что на нее смотрят, невыносимо. И тут же в голову приходит ужасная мысль: если в дело вмешается полиция, узнает и Кевин.

Нет, Кевин ничего не должен знать.

Он и так-то давно уже принохивается, компромат собирает — с убийственной показной нежностью, от которой у Милли кровь стынет в жилах, готовится законопатить свою бедную матушку в какое-нибудь богом забытое заведение для усохших старых овощей. Ну уж нет, Милли Гогарти не намерена доживать свои дни в компании сморщенных развалин, пускающих слюни в углу. Ее любимую подругу Гретель Шихи вот так сплывили в пансионат Уильямса — рядышком,

каких-нибудь пять километров по шоссе. Надо ли говорить, что Гретель там долго не протянула.

И вторая, не менее жуткая мысль: а что, если теперь и ее внуки, и соседи Фицджеральды, и весь южный Дублин — все узнают, что она воровка? Грозящий ей позор настолько ужасен, что Милли поспешно отбрасывает от себя эту мысль, заталкивает в самый дальний ящик сознания, куда уже не один год спихивает свои многочисленные неприятности — хоть это, возможно, и не самое мудрое решение.

В отчаянии она лихорадочно прикидывает, не попытаться ли симулировать какой-нибудь приступ — инсульт, например? Вроде бы что-то подобное уже выручало ее в прошлом. Но мысли в голове путаются, Милли никак не может припомнить, когда в последний раз пользовалась этой уловкой, и смутно подозревает, что именно здесь, в Дун-Лаэре.

— Мне очень жаль, — снова говорит Майкл. Несмотря на свои прыщи, он, в общем-то, недурен собой. — Если честно, я уже позвонил в полицию.

2

Звонок застает Кевина Гогарти за кружкой пива в «Медном колоколе» — одном из старейших пабов в центре города, знаменитом тем, что здесь, на крошечной импровизированной эстраде наверху, выступают восходящие звезды комического жанра. Кевин и сам много лет назад, когда мечтал о карьере эстрадного комика, как-то раз сунулся здесь к микрофону. Провалился с треском: его искрометные шутки о минетах и священниках, как ему стало очевидно позже, сильно опередили свое время. Но резная мебель красного дерева ему по-прежнему нравится, и медные пивные кружки, и вся эта обветшалое-викторианская обстановка, поэтому они с Миком, его бывшим коллегой и лучшим другом, встречаются здесь в тех редких случаях, когда Кевину удастся вырваться.

В преддверии рождественской недели пьяниц набился полный паб — со всей страны стянулись, чтобы налакаться. Кевин протискивается сквозь толпу к бару не меньше минуты, постоянно извиняясь и похлопывая по спинам незнакомцев, и облегченно вздыхает. Наконец-то он выбрался из дома, наконец-то увидится с Миком, а тот уж непременно угостит его свежими сплетнями об их журнале.

Бармены, как всегда, в запарке: разливают эль, стат и сидр — по три-четыре пинты разом, принимают заказы вдоль всей длиннющей барной стойки. И как

только они умудряются не накосячить — безошибочно подбивают счета, мгновенно выдают сдачу без всяких там кассовых аппаратов, смешивают ром с колой, ликер с красным, ирландский кофе, чего душе угодно. Вот если бы бармены управляли страной, думает Кевин, тогда и экономика не скатилась бы в такую задницу.

Он видит, как за дверью, несмотря на мороз, толпятся жалкими кучками курильщики, как колышутся над ними роскошные канцерогенные шлейфы. В самом баре курить запрещено — кому бы раньше такое пришло в голову? Кевин чувствует себя старым пнем и все же не может втайне не удивляться тому, как разительно изменилась Ирландия. Раньше здесь всегда висели клубы дыма, и народу к обеду было битком в любой день недели. Но пресловутого кельтского тигра¹ постигла жестокая и бесславная смерть, и лишнего бабла у людей больше не водится. За эти несколько месяцев, пока Кевин развозил детей туда-сюда в своем огромном минивэне, пока усаживал их за уроки, пока выступал третейским судьей в жарких семейных баталиях, пока готовил рыбу с жареной картошкой и горохом, мир, кажется, стал совсем другим. Из еще недавно жизнерадостного Дублина словно весь воздух вытек. Да, прошли те беззаботные деньки, когда можно было ни о чем всерьез не задумываться.

Первый звонок с незнакомого номера Кевин сбрасывает. Тут же замечает Мика и машет ему издали рукой. Сквозь гам пробивается музыка — а, да это же Zeppelin — «Over the Hills and Far Away». С двумя пинтами «Гиннеса», по одной в каждой руке, Кевин умело и ловко прокладывает путь к столику, который

---

¹ Термин, описывающий ирландский экономический бум. — *Здесь и далее примеч. пер.*

занял для них Мик. Наверняка приятель выбрал именно это место не случайно: рядом расположились две очень хорошенькие, очень молоденькие цыпочки — чуть за двадцать, самое большее, и перед каждой стоит бокал и маленькая бутылочка шабли.

— Вы не против, если мы сюда втиснемся? — спрашивает Кевин.

Та, что поярче — большие умные глаза, грудь, явно еще нетронутая (губами младенца, во всяком случае), ослепительные, как у американки, зубы, — окидывает его взглядом и в ту же долю секунды теряет к нему интерес. Кевин принимает это безразличие с разочарованной гримасой.

— Ну вот, свобода, — говорит Мик. — До будущего года, во всяком случае.

— Живем, чувак!

Мужчины обмениваются долгим рукопожатием, и Кевин от избытка чувств (елка уже наряжена, кухня забита едой и выпивкой, Грейс приедет домой, пусть хоть на пару дней, а там, может, и до постели дело дойдет — бывают же рождественские чудеса!) обнимает Мика.

— Слушай-ка, у меня есть для тебя предложение.

— Не уверен, что смогу выкроить время.

— Да иди ты... Знаешь такого — Ройстона Клайва?

— Шутишь? Он же, говорят, придурок, каких свет не видел?

— Ну, придурок-то придурок, а, между прочим, собрался кое-что замутить. Ищет того, кто возьмет на себя все дела. А денег у них там — жопой жуй.

У Кевина снова звонит телефон — все тот же неизвестный номер. Червь беспокойства начинает точить его склонную к сомнениям душу. А вдруг это Грейс звонит с дороги? Или мать с какой-нибудь дурацкой просьбой. А может, сестра Маргарет хочет сообщить,

что Эйдин опоздала в школу или прогуляла урок. Или сама Эйдин опять рванула куда-то автостопом, только на этот раз какой-нибудь двинутый ублюдок связал его любимую доченьку, запер в заброшенном сарае, заткнул рот тряпкой с хлороформом и теперь звонит, чтобы затребовать выкуп.

С Эйдин с ее бунтарским характером станется — от нее же чего угодно можно ожидать.

Кевин пытается снова сосредоточиться на словах Мика — тот как раз несет самую упоительную похабщину о ночном свидании на столе издателя в их бывшей конторе. Для Кевина этот рассказ представляет особый интерес, поскольку в нем фигурирует его бывший босс Джон Бирн, напыщенное самоуверенное трепло с масляной рожей. Так что Кевину ужасно хочется дослушать до конца — посмаковать эту грязную интрижку со всеми ее отвратительными подробностями.

— Ты, может, помнишь еще, а может, и нет, — понижает голос Мик, — но наш уважаемый издатель — большой любитель ролевых игр, и не в смысле Шекспира по ролям читать. — Мик ухмыляется. — Ты не поверишь, какой у него любимый сюжет. Кроме шуток: непослушный ученик старательно выпрашивает, чтобы ему хорошенько надрали задницу.

Мик хохочет, показывая потемневшие клыки.

Кевин реагирует как положено, убедительно изображает подходящее к случаю выражение лица, но из головы все никак не идет незнакомый номер — и тут он вспыхивает на экране в третий раз.

— Погоди-ка минутку, Мик, — говорит Кевин. И уже в телефон: — Кевин Гогарти.

Хотя Кевин не так давно сидит без работы, он уже взял манеру с наигранным техасским акцентом именовать себя «временным отцом-домохозяином» — однако

по телефону до сих пор отвечает так, словно ждет звонка из типографии, от креативного директора или менеджера по продажам.

— Мистер Гогарти? Это сержант Брайан О'Коннор из полицейского участка Дун-Лаэра.

Кевин обмирает.

— Что? С Эйдин все в порядке?

— С Эйдин? Какой Эйдин? Нет-нет. Сожалею, что приходится вас беспокоить, но у нас здесь ваша матушка. Не могли бы вы подъехать и забрать ее? Она немного не в себе.

— Что? — Кевин затыкает свободное ухо большим пальцем. — Что с ней? Что случилось?

Девицы, расслышав встревоженные нотки в голосе Кевина, тут же прекращают разговор и оглядываются, но теперь они сами для него — лишь мутный фон.

— Она что, упала?

— Нет-нет, с ней все в порядке, — говорит О'Коннор. — Извините, если напугал. Нет, она в полном порядке — физически, я имею в виду. Просто... у нас тут произошел небольшой инцидент. К сожалению, ее задержали с краденными вещами в сумке.

Кевин выдерживает длинную паузу и за это время успевает пройти привычную эмоциональную дугу: первоначальное раздражение перерастает в жгучую ярость, но та вскоре спадает, и остается лишь тоненькая струйка жалости к самому себе. Кевин благодарит полицейского, сбрасывает звонок и смотрит на Мика. Хорошо ему, холостяку — все тревоги лишь о том, где заказать очередную пинту пива, кого еще затащить в постель и какой футболист станет главным героем страницы сплетен. У Мика же нет семьи с куцей детей — а у него, у Кевина, четверо: две девочки и два мальчика! За восемнадцать лет Кевин так и не привык к тяготам жизни многодетного отца: лежи без

сна, изводишься тревогой в три часа ночи, присматривай, корми и воспитывай из них достойных членов общества. Не говоря уже о фокусах матушки-клептоманки, которую в очередной раз придется вытаскивать из неприятностей. Он допивает пиво и встает.

— Извини, Мик. Надо идти.

— Ничего серьезного?

— Да нет, самая заурядная херня, — с горечью говорит Кевин. — Мою мать только что задержали за кражу в магазине. Сидит в участке с полицейскими и наверняка уже довела их до грани массового самоубийства. Помнишь этого, как его там — Джима Джонса? Ну так ему до Милли Гогарти — как до луны.

3

В трех километрах к югу от Дун-Лаэра, в милом прибрежном городке Долки, Эйдин Гогарти, сидя за отцовским ноутбуком, вводит в строку поиска на сайте thesaurus.com слово «томиться». Она сочиняет стихи для Чёткого. Чёткий, последняя сенсация в мире современной ирландской поп-музыки, в основном перепевает хиты софт-рока середины семидесятых и начала восьмидесятых. На самом деле Чёткий — бородатый детина баскетбольного роста с лохматой отбеленной гривой, забавно контрастирующий с четверкой скромненьких и аккуратненьких бэк-вокалистов. Просмотрев синонимы (изнывать, изнемогать, страдать, умирать, млет, тосковать, маяться, мучиться, вздыхать, скучать, тяготиться, грустить, печалиться, скорбеть, горевать, жаждать, алкать, терзаться, сохнуть, мыкаться, мытариться), Эйдин отвергает все по очереди: все звучат по-дурацки, и вообще хрень какая-то.

Она обшаривает книжную полку и груды бумаг на отцовском письменном столе в поисках студенческого тезауруса Роже², который до отца принадлежал еще дедушке. На него Эйдин возлагает больше надежд — все-таки вещь, проверенная временем, а значит,

---

² Распространенный идеографический словарь, изначально составленный британским энциклопедистом Питером Марком Роже.

настоящая. Эйдин всегда тянется к настоящему... или как там — жаждет? Алчет?

Наткнувшись наконец глазами на обшарпанный переплет, она замечает рядом еще кое-что — фотографию улыбающейся во весь рот веснушчатой девицы в коричневой школьной форме, с ярко-красным ноутбуком в руках. Похоже на обложку рекламного буклета какой-то школы. Фото, конечно, отвратное — какой идиоткой надо быть, чтобы согласиться так тупо пиарить свою школу? — но Эйдин становится любопытно, и она начинает разглядывать другие фотографии, рассыпанные по глянцевой обложке. Стайка девушек с крикетными битами на девственно чистом игровом поле, вскинувших руки в знак победы, «жилая комната» с продуманно разбросанными подушками цвета фуксии и, наконец, самое главное — кованный указатель на заросшем травой холме: «Миллбернская школа для девочек». Ниже школьный девиз: «Честь, лидерство, отличная учеба», хотя Эйдин где-то уже слышала другой: «Выше носы, ниже трусы».

На последней странице Эйдин, к своему изумлению, обнаруживает прищипленную скобкой собственную фотографию — крошечный, но отвратительный прыщ на переносице сразу бросается в глаза.

Эйдин пытается осознать произошедшее — очевидное и в то же время немыслимое. Но даже про себя она не в силах выговорить ничего, кроме: «Э-э-э?...» Она перебирает в памяти последние семейные стычки и гадает, что же могло стать поводом к такому радикальному шагу у нее за спиной. Да, в последнее время она и впрямь вышла из берегов — нарочно разбила зеркало сестры (так ей и надо!), слишком часто совала нос в мамину сумочку, ну, и в школе есть проблемки. Оценки у нее паршивые, что верно, то верно.

И все-таки... Анкета ведь пока не заполнена — наверное, это хороший знак?

Но фото...

Эйдин слышит крики и видит в окно своего младшего брата Кирана — тот по-обезьяньи кувыркается на брусках на игровой площадке в саду за домом. За ним на фоне выцветшего дублинского неба четко рисуются хмурые тучи. Ага, а вот и сестрица Нуала (кодовое имя — Чума). Чума медленно бредет к дому, обшаривая взглядом горизонт, несомненно, в поисках парней, и перекидывая свою длиннющую черную русалочью гриву то влево, то вправо, то снова влево — будто с одной стороны улицы на другую. Ни дать ни взять калифорнийская цыпочка из видеоклипа Кэти Перри, а не насквозь фальшивая пустышка из скучного провинциального Долки.

Эйдин проверяет историю браузера на ноутбуке за последнюю неделю, и сердце у нее замирает, и хочется вдруг немедленно зарыться в постель. Да, точно, папа заходит на сайт Миллберна по три-четыре раза на дню.

Пипец.

Эйдин начинает обшаривать отцовские полки и ящики в поисках каких-либо улик — за или против (ну пожалуйста, пусть будет против!) того, что она обречена окончательно и бесповоротно. Миллберн — закрытая школа, где наверняка полно надутых самодвольных девиц, которые мгновенно ее возненавидят. Хлопает дверь черного хода. Эйдин быстро сует брошюру обратно под ворох бумаг — ровно в ту самую секунду, когда в дверях возникает Чума вместе со своим новым, в кои-то веки довольно симпатичным воздыхателем, Гэвином Муни.

Красота сестры — неприятный факт из жизни Эйдин, может быть, даже самый неприятный, особенно

потому, что они двойняшки. Такое чувство, что их так или иначе сравнивают, явно или исподволь, каждый божий день, и, хотя никто никогда не произносил этого вслух, Эйдин уверена, что если она и умница, то уж точно не красавица. Как-то раз Чуму остановил в Стивенз-Грин охотник за моделями, сунул ей свою визитку, подмигнул и сказал, что она непременно должна сделать несколько фото крупным планом, что она — «готовый образ» (угу, олицетворение редкой стервозности), и что у него в городе студия, где можно организовать съемки. Чума приклеила визитку скотчем к зеркалу и захлебывалась восторгами, пока они не опротивели Эйдин до рвоты (что и привело к расправе с зеркалом). И парни Чуме каждый день названивают. А вот Эйдин Гогарти ни разу в жизни еще не звонил ни один человек мужского пола, и сознание этого переполняет ее стыдом и печалью. Больше всего на свете она боится, как бы кто-нибудь об этом не проведал.

А тут еще мама с папой захлебываются розовыми слюнями: наша Нуала такая спортивная, лучшая гимнастка в школе! Наша Нуала такая талантливая, она сыграла главную роль в школьном спектакле! Наша Нуала такая добрая, смотрите, как чудесно она нарисовала наш семейный портрет, ах, какая прелесть!

*Всюду славилась дева прелестная
Как модель и актриса известная.
Всех пленяла она —
Пусть и грош ей цена,
Но зато репутация лестная.*

— Мне нужен компьютер, — заявляет Нуала, нетерпеливо подскакивая на цыпочках.

— Привет, — бросает Гэвин. На нем темно-синий спортивный костюм и белые кеды.

— Могла бы и поздороваться с Гэвином.

Но Эйдин не до того: перед ней на экране отцовского компьютера сияет во всей красе готического шрифта вывеска Миллбернской школы. Не желая допустить, чтобы кто-нибудь, а тем более сестра-двойняшка, пронюхал о таком деле (закрытая школа!), она ничего не отвечает и стоит прямо перед монитором, загораживая его от Нуалы.

— Ой, никак у тебя там тайны завелись? — недобро фыркает Чума.

— Привет, Гэвин.

— Как хочешь, — говорит Чума, — а мне нужен компьютер.

— Мне тоже.

— А мне нужнее.

— Перетопчешься.

Чума грозно щурится, но в мужском присутствии сдерживается и удаляется молча. Гэвин, конечно же, хвостом плетется следом. Эйдин решает отложить сбор разведданных до той поры, когда все уснут. Только в эти краткие часы и можно заполучить хоть какую-то информацию о том, что происходит в семействе Гогарти. Мама с папой только болтают об открытости, честности и прочей фигне, а сами тщательно скрывают все, что представляет хоть какой-то интерес или ценность. Однажды Эйдин нашла в мамином туалете тест на беременность — отрицательный, как она поняла, изучив коробку, а затем и саму полоску бумаги. Этим, вероятно, и объяснялось мамино дурное настроение в последующие дни. Для Эйдин, правда, полнейшая загадка, зачем маме еще дети, когда она постоянно пропадает на работе.

А еще было письмо, адресованное папе: Эйдин тайком сложила его из обрывков, валявшихся сверху в мусорном ведре: «С сожалением вынуждены

сообщить, что вакансия, на которую вы претендовали...»

Эйдин направляется на кухню, разогревает лазанью в точности по занудным инструкциям отца — он вечно все разжевывает до последней мелочи и дергается из-за каждого пустяка. Она подкидывает дров в затухающий огонь, ворошит в камине кочергой, все еще не в состоянии отойти от шока. Спору нет, обстановка в семействе Гогарти непростая, особенно теперь, когда мамина консалтинговая фирма по туризму получила нового крупного клиента, а папа, потеряв работу в журнале, бродит по дому с несчастным видом и лезет в каждую бочку затычкой. К тому же, хотя родители и талдычат, что Эйдин вся такая умная и наблюдательная, что она отличается «эмоциональным интеллектом» (а это еще что?), она знает, что постоянно разочаровывает их. Она вечно «делает глупости», по родительским понятиям, — то есть поступает не так, как поступили бы они. Хорошо, пусть так, но отправить ее в изгнание, жить среди чужих людей?

— Эйдин! Ты этот сайт искала, да? — окликает ее Чума из кабинета. В голосе ее слышится издевка, а когда Эйдин входит в комнату, на губах сестры уже играет садистски-злорадная ухмылочка. Именно в такие моменты Эйдин больше всего не хватает старшего брата Джерарда, уехавшего в сентябре изучать психологию в университете Корка, который, в отличие от родителей, действительно всегда готов ее выслушать.

Гэвин опускает голову, отводит глаза и потихоньку пятится задом из комнаты. Эйдин подходит к монитору и видит на нем сплошные ряды фотографий — какие-то увеличенные пятна, что-то медицинское. Это страница о прыщах: засохшая короста, назревшие, выпирающие белые головки... Чума запрокидывает голову, ведьмински-злобно хихикает и проматывает

страницу вниз, к черно-белой ретро-рекламе. На ней изображена несчастная, усыпанная прыщами девочка-подросток, по виду годов из пятидесятых, а внизу подпись: «Доктор, у меня останутся шрамы на лице?»

Да, Нуала права: она, Эйдин, непривлекательна внешне, и никогда не будет привлекательной, и это настоящая трагедия, ведь ее самое тайное, самое заветное желание — чтобы кто-то желал ее. Чёткий бывает мил с ней во время раздачи автографов в магазинах HMV, и за кулисами VIP-фан-зон, и даже в личной переписке в твиттере (правда, всего-то дважды), но это просто потому, что она преданная фанатка — она боготворила его и его группу еще в те дни, когда они были никому не известными мальчишками из Ратфарнема. Какой парень, какой уважающий себя парень станет смотреть на Эйдин Гогарти, тем более на фоне ослепительной красоты ее сестры? Эйдин даже своей паршивой семейке не нужна. Уродливый черный клубок гнева — или обиды на несправедливость, или, может, просто зависти к сестре — разрастается у Эйдин в груди и разжигает искру ненависти к самой себе, которая тлела в ней столько месяцев.

Наверное, в какой-то мере это можно считать оправданием тому, что происходит дальше. Эйдин хватается первое попавшееся оружие — кочергу, как раз случайно застрявшую между двумя жарко пылающими поленьями. Теперь это раскаленный докрасна, неоновое светящийся металлический прут — приспособление для клеймения скота или какой-то жуткий пыточный инструмент ЦРУ.

Самое то.

Эйдин замахивается на сестру. Обе визжат. Чума бросается наутек, и начинается беготня по всему первому этажу, совсем как когда-то в детстве, когда они затевали веселые игры в догонялки. Нуала на шесть

минут старше, но Эйдин была непререкаемым лидером их детских забав. Она принимала все главные решения: «Скрэббл» или «Монополия», когда меняться местами на двухъярусной кровати (тогда они еще спали в одной комнате), кому искать, а кому прятаться. Нуала годами ходила за Эйдин тенью — невозможно понять, когда и почему все изменилось. Теперь же они яростно грохочут пятками по огромным комнатам с высокими потолками, Эйдин издает леденящие кровь вопли, словно хочет превратить в камень отвратительного злого тролля — и тролль верещит в один голос с ней, только тоненько, по-девчоночьи. Гэвин поначалу гонится за ними с криком: «Хватит!», но быстро выдыхается.

Эйдин, конечно, не пытается по-настоящему обжечь эту безмозглую дрянь кочергой — просто хочет попугать. Позже она попытается это объяснить, но никто не станет слушать. Никогда ее никто не слушает. В конце концов погоня заканчивается там же, где и началась: у камина, и наступает тишина, прерываемая лишь утробным рычанием. Летят выдранные клочья волос, раздаются звонкие пощечины, идет обмен щипками. Когда Гэвин наконец подбегает и останавливает свалку, Эйдин сидит на сестре верхом, прижав ее тонкие слабые руки к полу костлявыми коленками. Занесенная кочерга дрожит в воздухе, и от нее все еще тянется вверх легкая струйка дыма.

4

Милли сидит, нахохлившись, на металлическом стуле в неудобной комнате без окон, насквозь пропитанной запахом сигарет — это же надо так надымить! — и с этой позиции ей видно, как ее красавец-сын влетает в участок. Стягивает пальто и остается в стильном сером джемпере и шерстяных брюках без отворотов. Кевин, до сих пор стройный и подтянутый, с годами становится все представительнее. Густые волосы, лишь местами тронутые сединой, почти незаметные залысины, и доброе, выразительное лицо с легкой тенью щетины. Милли, пожалуй, сказала бы — лицо ученого: четко очерченный подбородок и лоб, очки в тонкой металлической оправе, совсем как у Йейтса. Прибавить сюда актерские наклонности и разнообразие мимических приемов (изогнутая бровь — самоуничижение, привычный прищур — напускной скептицизм, вскинутые кверху крупные ладони — знак капитуляции), и станет ясно, что ему не составит труда очаровать публику где угодно: хоть в провинциальном пабе для рабочих, хоть на бонтонном суаре, хоть на недавней домашней вечеринке. Милли рассказывали (саму ее по непонятной причине не пригласили), что он, раздвинув столы, устроил импровизированный танцпол и выступил не хуже модного диджея.

Но подействует ли его обаяние в дун-лаэрском полицейском участке?

Сейчас Кевин стоит в позе футболиста (он ведь когда-то играл) во время совещания игроков и внимательно слушает сержанта О'Коннора, того самого, что доставил ее сюда. Ей часто кажется, что Кевин так любит спорт — бег, теннис, сквош, — потому что много лет наблюдал за болезнью Питера, и изо всех сил старается избежать участи отца. Сейчас он то и дело кивает, затем, кажется, прерывает сержанта длинной тирадой, и снова кивает, скрестив руки на груди. Всю ее жизнь, думает вдруг Милли, мужчины обсуждают ее дела между собой и принимают решения за нее. Интересно, как бы поступили в сложившейся ситуации «Золотые девочки»?

Наконец эти двое — грозная боевая единица противника, маленькое темное облачко, предвестие смертоносной бури — направляются к Милли Гогарти, и у той кружится голова от странного ощущения: будто все вдруг перевернулось с ног на голову, будто Кевин тут старший, а она — маленькая непослушная девчонка. Что он будет делать — ругаться, угрожать, кричать? Или пожалеет свою непутевую мать, простит и забудет все?

— Вы меня слушаете, миссис Гогарти? — уточняет О'Коннор, когда все трое — сам сержант, второй полицейский и ее сын — со скрежетом придвигают стулья поближе к ней. Давным-давно уже Милли не оказывалась в окружении мужчин, тем более таком близком окружении, и неистребимая слабость к противоположному полу слегка придает ей бодрости. Она застенчиво улыбается, начиная соображать, что дело еще можно повернуть в свою пользу. В конце концов, она ведь даже с инсультами Питера как-то справилась, со всеми тремя, и говорить его заново выучила! И смерть его пережила, а задолго до того похоронила малышку Морин. А сейчас-то что — пустяк, можно сказать.

Кевин сидит почти вплотную к ней, отчужденный и строгий, и избегает встречаться с ней глазами.

— Принести вам чего-нибудь? — спрашивает О'Коннор. — Кофе, чаю?

Милли отказывается и кивает в знак того, что она спокойна и готова слушать.

— Проблема вот в чем: вы ведь уже не первый раз прихватываете что-то в магазине мистера Доннелли, верно? Он готов был закрыть на это глаза разок-другой, но теперь это уже похоже на издевательство, понимаете?

— Джентльмены, — бодро начинает Милли, хотя голос у нее заметно подрагивает. — По-моему, это просто недоразумение. Видите ли, я была в магазине, и моя подруга Кара О'Ши... знаете ее? Мать Райана и Дары О'Ши — они оба превосходные моряки, переплыли Ла-Манш на такой малюсенькой лодочке, величиной с ванну... когда же это было? Нет, стойте...

— Прошу прощения, — неожиданно вмешивается Кевин, вскакивая на ноги. — Вы позволите мне переговорить с матерью наедине? Одну минуту.

Не успевает кабинет опустеть, как он резко разворачивается к Милли, обжигает ее грозным взглядом, и ей становится ясно, как день: ни на милосердие, ни на амнезию с его стороны рассчитывать не приходится.

— Они хотят предъявить тебе обвинение в краже, мама, — шипит Кевин, — так что игра в полоумную бабулю тут не прокатит.

Капля слюны с его губ летит прямо в Милли, она инстинктивно увертывается и смотрит, как капля падает на металлическую табуретку, отполированную, должно быть, задницами сотен закоренелых преступников.

Про себя Милли гадает, где сейчас копы — может, торчат в соседней комнате, за стеклом, прозрачным только с одной стороны, как в «Законе и порядке», и подсматривают сквозь него за разворачивающейся драмой. И правда, замечает она — вот же оно, квадратное окошечко в стене напротив. Милли тут же принимает невозмутимый вид и улыбается своему дорогому мальчику — она ведь его, разумеется, нежно любит, несмотря ни на что.

— Вот бы узнать, — говорит Кевин, — чему это ты улыбаешься в такой-то момент.

— Все это можно уладить. Я ведь хожу к Доннелли уже столько лет. Я их постоянный клиент.

— Постоянный клиент! — У Кевина отвисает челюсть, а глаза сужаются в сердитые щелочки, словно проделанные игрушечным ножом дошкольника на пластилиновой рожице. — Я уже всерьез начинаю сомневаться в твоей вменяемости.

По спине у Милли пробегают мурашки. Вот такие профессионально-жаргонные словечки непременно застряли бы в мозгу у того, кто ищет способы выставить свою мать слабоумной и сплавить в специальное заведение.

— Да нате, забирайте все! Я даже луковые кольца не съела! — кричит она, переворачивает сумку вверх дном, и все ее содержимое высыпается на пол фантазмагорическим дождем. Позже Милли сама будет изумляться собственной глупости: ведь если полицейские и вправду наблюдали за ней, она своими руками дала им неопровержимую улику. Из сумки вываливаются краденые чипсы, поздравительная открытка и, наконец, тяжело шлепается уже начинающий темнеть банан. Милли подбирает его с пола: за всеми тревогами и волнениями этого дня она забыла пообедать.

— Ради бога, скажи, что ты не собираешься это есть.

— Я умираю с голоду.

— Слушай, ты хоть соображаешь, во что влипла? Ты в курсе, что, если тебе предъявят обвинение, это попадет в газеты?

— Ха! — свирепо взвизгивает Милли. — За какой-то сраный пакетик чипсов?

— Каждую сраную неделю! В одном и том же сраном магазине! Я же тебя предупреждал в прошлый раз. — Кевин встает и начинает расхаживать по комнате взад-вперед, как леопард в клетке. Милли не может понять — не то он нарочно распаляет свой гнев, не то, наоборот, старается его подавить. — У них есть уже целый список всего, что ты успела за это время стянуть.

— О чем ты?

— Доннелли поставил камеры видеонаблюдения месяц назад, — поясняет Кевин.

Милли кое-как поднимается на ноги.

— Кевин, прошу тебя! Прошу! Я не могу идти в тюрьму! Нет. Нет. Нет. — Чувствуя, как кружится голова, она упирается ладонями в шаткий столик — он идиотски скрипит, чуть до него дотронешься. Вот сейчас она и впрямь готова рухнуть на пол, без всякого притворства. Еще девчонкой она то и дело норовила тайком сунуть в карман то мятную конфетку, то карандаш, пока отец со своим обычным серьезным видом не пригрозил, что скажет кассиру — а тот уж наверняка упрячет ее в тюрьму Маунтджой. Тогда это сработало, а теперь силы воли уже не хватает, и она не в состоянии сдержать свои шаловливые пальцы, побороть эту чудовищную тягу.

Милли слышит шаги сразу нескольких человек, и у нее мелькает внезапная надежда: может быть,

полицейских за стеклом все-таки растрогал вид благонамеренной дамы, к тому же такой улыбчивой, которая едва стоит на ногах, держась за стол в кабинете для допросов, и умоляет о пощаде? Но шаги проходят мимо и затихают.

— Ну-ну, возьми себя в руки. Успокойся. — Кевин подходит к матери, помогает ей сесть и тоже садится. — О тюрьме пока что речи нет. Не будем преувеличивать. — Он протягивает к ней руку, но тут же опускает. Ласковые жесты Кевина слишком часто обрываются на полпути. — Понимаешь, они просто хотят, чтобы до тебя дошло, чтобы ты осознала, насколько это серьезно. Тебе предъявят обвинение.

— Публично?

— Попытаемся уладить дело без огласки, но не могу ручаться, что это не выйдет наружу.

Милли закрывает лицо руками — когда-то она ими гордилась, а теперь они напоминают птичьи лапки с толстыми, как черви, жилами. Аристократические руки — так говорил ее Питер. Как у настоящей леди.

Сын вздыхает, легонько постукивает по столу кулаком, а затем потирает ладонями макушку — жест, который всегда выдает у него сильный стресс.

— Они готовы прийти к соглашению, но на определенных условиях.

— На любых.

— Тебе придется признаться в том, что ты сделала, извиниться перед Доннелли. И показать, что искренне хочешь исправиться.

— Да, конечно, сколько угодно.

— Ты должна это прекратить. Поняла, мама? Это. Должно. Прекратиться.

Милли с невыразимым облегчением роняет голову на руки.

— Что бы я только без тебя делала?

— И еще одно. — Он откашливается. — Мы найдем помощницу, которая будет приходить в Маргит.

— Кого?

— Человека, который будет наведываться, сиделку...

— Домой наведываться?

— Нет, в конюшню! Домой, куда же еще. Господи ты боже мой! Или так, или идти в суд и положиться на удачу. А учитывая, что у них есть видео, где ты пихаешь барахло Доннелли в сумку, не думаю, что у тебя много шансов.

— Не нравится мне это, Кевин. Чужой человек в доме...

— Всего несколько раз в неделю. Двадцать часов.

— Двадцать часов!

— Это на три месяца, на время испытательного срока — он начнется сразу же, как только мы найдем подходящего человека... У Мика сестра как раз занимается подбором кадров, может быть, она нас выручит. Если ты выдержишь испытательный срок, обвинения снимут без огласки.

— То есть мирно договориться никак нельзя?

— Это и есть мирный договор, мама. Ты совершила преступление. Ты не в том положении, чтобы диктовать условия.

— Извиниться я не против, это справедливо. Но сиделка...

— Это меньшее из зол.

Милли наклоняется за разбросанными вещами и медленно выкладывает в ряд на столе всю эту совершенно не нужную ей чепуху. Она же вообще не из тех, кто гоняется за материальным. На свете очень мало вещей, имеющих для нее какую-то ценность: старая фотография Кевина, которую когда-то показал

ей Питер, молитвенник, оставшийся с похорон малышки Морин, семейное обручальное кольцо Питера с обрамленным бриллиантами изумрудом — стоит кучу денег, между прочим.

— Так что, я иду говорить с сержантом О'Коннором? — спрашивает Кевин.

— Ладно, — кивает Милли. — Пусть так. Разберемся со всем, когда я вернусь из Америки.

— Ну нет, мама, — говорит Кевин, отводя взгляд. — Боюсь, с Америкой придется подождать.

5

Когда Кевин распахивает входную дверь и решительным шагом входит в прихожую, заваленную всяким хламом (тут и грязные туфли, и в придачу — японский бог! — забытая миска кукурузных хлопьев), его встречают лишь два полосатых питомца Грейс — кот Беккет и кошка по имени Кошка, из которых ни один к нему особой приязни не питает. Они мяукают и наперебой трутся о штанины. Кевин вздыхает: и тут он уже кому-то нужен. Эйдин даже кошек не покормила. И на звонки не отвечала, а он трижды пытался дозвониться до нее, прежде чем везти мать, слава богу, примолкшую, обратно в Маргит. Ответом было лишь хамское сообщение голосовой почты: «Это я. Ты знаешь, что делать». Бип. После третьей попытки Кевин наконец отрезал: «Ты тоже знаешь», и яростно щелкнул пальцем по красной трубке на экране мобильного телефона. Это нисколько не помогло выпустить пар. То ли дело раньше — хоть трубку можно было швырнуть. Кевин представляет, что сейчас делает дочь: сидит с хмурым видом наверху, не замечая вокруг себя ничего, кроме экрана ноутбука, и истязает свои нежные барабанные перепонки блеянием какого-то безмозглого и бездарного сопляка.

Кевин наклоняется погладить Беккета, и кот цапает его зубами за руку. Он успевает дать улепетывающему зверюге шлепка и кричит:

— Эйдин, Нуала, Киран!

Потолки в доме не меньше четырнадцать футов высотой, и комнаты напоминают пещеры. Чтобы вас услышали в доме Гогарти, нужно орать во всю глотку. Кевину вдруг приходит в голову: это же и есть то самое, чего он клялся не допустить в своей жизни — семья, где все постоянно орут друг на друга.

С нарастающим беспокойством Кевин перебирает в уме все, что предстоит сделать в ближайшие часы. Рассказать Грейс о позоре матери, опять попавшейся на мелком воровстве, — хотя Грейс ведь в Дубае, а там, кажется, уже перевалило за полночь и началась среда. Позвонить Мику и узнать, как найти сиделку. Упаковать огромную и все растущую посреди этого адового бедлама гору рождественских подарков и впихнуть детям в глотки хоть немного зелени. Одно из очень немногих исключений в родительской философии невмешательства, которой придерживается Грейс, — настойчивое требование, чтобы дети съедали как можно больше полезных и разнообразных овощей. И это, конечно, правильно. Грейс родилась и выросла в Англии: заботливая и старательная старшая сестра — у ее неугомонно-хлопотливой матери-одиночки было пятеро детей. Отец смазал лыжи к соседке — замужней, хоть и жившей отдельно от мужа адвокатше по банкротствам. В доме всегда питались как попало: вместо моркови — чипсы, а мясо в любом виде, кроме жареного, вообще за мясо не считалось. Даже хлеб, и тот жарили. Насмотревшись на мать, мечущуюся между кухней и детьми, пытаюсь свести концы с концами работая на трех низкооплачиваемых работах одновременно, Грейс навсегда уяснила для себя, что главное в жизни — карьера.

Если вспомнить, с этого и началось знакомство Кевина с будущей тещей — она хотела накормить его

жареной картошкой с колбасой. Она уже собиралась спать, когда Кевин и Грейс появились в дом после нескольких кружек в местном пабе. Грейс подошла к застывшейся на кухне матери сзади, обхватила ее руками и осталась стоять в этой позе. Как будто выражение родственных чувств не ограничивается быстрым поцелуем или похлопыванием по спине, каким-то неловким моментом, который хочется поскорее оставить позади. Для нее это было чем-то естественным, как дыхание, удовольствием, которое хотелось растянуть подольше, как и для всех остальных в этой семье. Грейс сказала матери не переживать насчет Кевина, поскольку ее парень — она впервые назвала его так вслух — вполне может приготовить себе что-нибудь и сам. «Да ну?» — переспросил он тогда, изобразив на лице ужас. Теща засмеялась, она была смешливая, как и дочь. Чудесное свойство, подумал он тогда: способность развеселиться вот так сразу, без всяких усилий. А потом Грейс отправила своих братьев и сестер спать, отвела его в гостиную, плотно закрыла дверь и поставила фильм «Уик-энд у Берни» — в итоге они так и не увидели ничего, кроме первой сцены. Это стало их кодовой фразой: «Посмотрим “Уик-энд у Берни”»?

Шаркая ногами, он плетется на кухню, наливает щедрую порцию мальбека в единственную чистую емкость — пластиковую чашку-поильник с динозавриком, от которой почему-то до сих пор не избавились, и только тут до его сознания постепенно доходит глухой, отдаленный стук — будто где-то колотят по дереву. Кевин идет в заднюю часть дома, и стук делается громче. Это Нуала молотит кулаками в дверь снаружи. Кевин открывает и начинает с порога:

— Ну сколько раз повторять...

— Папочка! — отчаянно вскрикивает Нуала и бросается к нему в объятия. Вся застывшая, как сосулька,

нос красный, как у пьяницы, и из него течет. Она что-то говорит сквозь слезы, но в этом хлюпающем бормотании ничего не разобрать.

— Тихо, тихо, солнышко, возьми себя в руки, — говорит Кевин, похлопывает ее по спине и уводит в дом. — Успокойся.

Да сколько же можно ему сегодня плачущих женщин утешать?

Но ведь это не кто-нибудь, это его красавица Нуала, самая уверенная в себе и жизнерадостная из всего их семейного экипажа, и вот она жмет к нему, совсем как раньше — раньше все они так делали. И он обнимает ее. В его руках она кажется бесплотной, почти невесомой. Вечно он забывает, какие они еще юные и невинные, его дети, какие маленькие и простодушные, какие еще по-ребячьи беззащитные, а потом сам думает — каким же надо быть ослом, чтобы про это забыть? От волос Нуалы исходит резкий химический запах кокоса, и Кевину даже делается не по себе: он хоть не ядовитый, этот ее шампунь? Он целует дочь в макушку — раз, другой.

— Боже мой, я сто лет за дверью простояла, — выдавливает Нуала сквозь судорожные всхлипы. Кевин ведет ее на кухню, достает какао и сахар и ставит молоко на плиту.

— Бедняжка, — говорит он. — Как же ты умудрилась дверь изнутри запереть?

— Это Эйдин!

Кевин хлопает ладонью по столешнице. Больно, между прочим.

— Она кинулась на меня с кочергой, — продолжает Нуала. — Хотела меня обжечь, правда.

— Черт возьми! Да что ж вы... — Он сжимает ее плечо. — А Киран где?

— У соседей.

Кевин вздыхает.

— А Эйдин где сейчас?

— Не знаю и знать не хочу.

Желание отомстить за пострадавшую дочь — ее же чуть было не обожгли, а потом выставили из дому на арктический мороз! — и немедленно схватить за шиворот обидчицу, сорвать зло за весь этот дурдом на своей умной, сложной, вечно несчастной девчонке охватывает Кевина с такой силой, что пол буквально уходит из-под ног. Он взлетает вверх по лестнице, перемахивая жилистыми ногами бегуна через две, а то и через три ступеньки враз, и бросается к двери Эйдин, куда вход строго воспрещен для всех Гогарти, пока не постучишь дурацким кодовым стуком и вежливо не попросишь разрешения.

Но сегодня он вламывается без всяких церемоний.

Комната — точное отражение дочкиного возраста, или душевного состояния, или того и другого вместе. Повсюду, за исключением того угла, где в идеальном порядке хранятся реликвии святого Чёткого, царит бардак. Пол завален хламом: дезодорант, весь облепленный ворсинками от ковра, разномастные джинсы и носки, вывернутые наизнанку, пакет из торгового центра, откуда торчит целый ворох бюстгальтеров: недавний поход по магазинам с матерью закончился полным фиаско, как нередко случается в последнее время. Рядом с кроватью Эйдин стоит чашка холодного чая, затянутого молочной пленкой, и тарелка с остатками утренних тостов — Эйдин, все более склонная к отшельничеству, с недавних пор взяла моду есть в своей комнате.

Кевин заглядывает во все остальные комнаты в доме, все сильнее закипая, наконец в спешке запинаясь о кровать Джерарда — большой палец ноги со скоростью пули врезается в металлический каркас,

и Кевин во весь голос разражается смачным: «Япона мать!» Затем он спускается в подвал. Иногда Эйдин прячется здесь — устраивается с книжкой на покрытом плесенью кресле-мешке в тесной кладовке, куда он уже сто раз просил ее не соваться. Но ее нет и здесь.

Запахавшийся Кевин возвращается на кухню и включает телефон. Набирает номер Грейс, затем Джерарда — Эйдин иногда откровенничает со старшим братом, — но телефон не отвечает. Хоть Кевина и тревожит полное отсутствие у Джерарда каких-либо амбиций — опасная черта в этом безжалостном мире, тем более когда вокруг полно пабов, откуда можно не вылезать, — но тому уже восемнадцать, и, слава богу, следить за ним Кевин уже не обязан.

Ему так и не удается ни до кого дозвониться.

Кевин вручает уже совсем успокоившейся Нуале кружку какао. Расхаживая по комнате, он залпом допивает вино и мысленно подводит итоги своего дерьмового дня: мать пришлось вытаскивать из полицейского участка, неуправляемая дочь шляется неизвестно где (ну, хоть остальные трое живы-здоровы, мрачно думает он, — не все еще прогадил), от жены, как обычно, ни совета, ни поддержки — ее дело толкать речи, обхаживать иностранных клиентов в закрытом частном клубе или поедать самсу где-нибудь в палатке посреди пустыни.

Кевин открывает последнюю банку кошачьего корма, и тут звонит телефон.

— У вас там что-то случилось?

Мама.

— О чем ты?

— Эйдин пришла, но из нее ни слова не вытянешь.

— Эйдин у тебя?

— Я ей всегда рада. Может, и ты все-таки зайдешь — на телевизор взглянуть? Нам не вредно бы

сейчас немного отвлечься. Как там называется этот фильм — ну, про ту американскую проститутку, с зубами которая, где она по магазинам ходит? Как он называется, Эйдин?

— Можно ей переночевать у тебя сегодня?

— Она не захочет, Кевин.

— Скажи, что у нее нет выбора. Она здесь такую бучу устроила, что теперь надо разрядить атмосферу.

— Точно, «Красотка»! Умница.

Кевин откладывает телефон в сторону, направляется напрямиком к письменному столу и отыскивает заявление о приеме в Миллберн.

6

Дома, как только Кевин ее отвез, Милли достала бутылочку хереса, обычно приберегаемого для особых случаев (правда, этот случай особым назвать трудно — скорее уж кошмарным или отвратительным). Зашла на кухню за бокалом, там заметила, что на автотответчике горит красная лампочка, и с содроганием прослушала единственное сообщение, от которого у нее сжалось сердце.

— У тебя, случайно, не сохранилась та запасная дорожная подушка — помнишь, ты как-то говорила? Можно мне взять ее с собой в Америку? Если нет, то и ладно, не беспокойся, но, если она у тебя где-нибудь под рукой, было бы просто отлично.

Веселая Джессика. Милли совсем забыла о ней — о ВД, главной вдохновительнице их нью-йоркского путешествия. Это она полгода назад торжественно написала красными буквами «Большое Яблоко» под числом 22 декабря в кухонном настенном календаре «Знаменитые ирландские писатели», под мрачным портретом Брайана Фрила. Какая злая насмешка! Столько месяцев изучать с местным туристическим агентом рекламные проспекты автобусных экскурсий и репертуар бродвейских шоу, потом, сидя за кофе и криббиджем, как положено двум чудаковатым старушкам-подружкам, доказывать друг другу, что это совершенно нелепая затея, потом все-таки набраться смелости и решиться осуществить мечту — и вот

теперь мечта опять становится несбыточной! Это была последняя капля, от которой душевное состояние Милли, и без того подавленное, скатилось в беспросветное отчаяние.

Только представить, каково будет пересказывать ВД все эти отвратительные подробности — магазинные кражи, позорный арест, кабинет для допросов! Она изо всех сил старалась сползти пониже на заднем сиденье полицейской машины, что оказалось не так уж легко. Слава богу, хоть шляпу надела. В глазах ВД она после этого, без сомнения, упадет ниже некуда. Это же Джессика Уолш — та самая, что регулярно посылает цветы больным в хоспис Девы Марии на Гарольдс-Кросс и вечно дарит Милли свое рукоделие: бархатные мешочки с вышитыми инициалами «М. Г.» и рамочки для фото из морских ракушек, собственноручно собранных на пляже Сэндимаунт-Стрэнд. Стоит кому-то уронить полпенса на тротуар — именно Джессика, с ее-то полнотой и астматическими приступами, первой неуклюже бросится поднимать. Такая уж она, Джессика — миляга, ничего не скажешь. А стало быть, у нее, у Милли, выбора нет. Придется врать. И она начинает придумывать, какой бы лапши навешать Джессике на уши: доктор, мол, настаивает, что перелеты небезопасны, если начинаешь принимать такие-то таблетки, а он как раз только что их прописал от такого-то заболевания, так что придется подождать, пока организм не приспособится — скажем, до марта, когда закончится испытательный срок.

Звонит дверной звонок, и Милли в изумлении видит на пороге свою внучку. Визит девочки для нее полная неожиданность: из всех четверых детей Кевина именно с Эйдин Милли общается меньше всех.

Зубы девочки стучат от холода, она без пальто и на все расспросы молчит, как камень. Волосы у Эйдин,

как и у ее братьев, темные, волнистые, и на свету в них иногда проблескивает рыжинка, а улыбается она, если соблаговолит, очень мило. Ну да, действительно, колени чуть-чуть выпирают вперед, и из-за этого ступни кажутся настоящими лапами, но ведь это возраст такой. Эйдин кажется Милли невозможно застенчивой: она то ли стесняется, то ли просто не в силах надолго встретиться с кем-то взглядами. Бедняжка.

За первый час девочка не произносит и двух слов.

На втором часу Милли, сделав вид, будто это ей только что пришло в голову, предлагает Эйдин остаться на ночь.

Эйдин неподвижно, оцепенело сидит у окна, из которого открывается вид на бабушкино любимое Ирландское море. В ответ она кивает — а может быть, просто неопределенно дергает головой.

— Есть хочешь?

Голова снова дергается.

Пока Милли прикидывает, не будет ли неприличным мотовством бросить еще пару брикетов в угасающий огонь, Эйдин встает.

— Где мне можно лечь, в бывшей папиной комнате?

— Да ведь рано еще. Ты точно тост не будешь?

Эйдин не большая любительница поесть — во всяком случае, вид у нее всегда немного болезненный, или, может, точнее будет сказать — заморенный. При рождении она весила на фунт меньше сестры, и, когда ее извлекли из живота Грейс, легкие у нее не работали, глаза, забитые слизью, не открывались, а стиснутые кулачки были крепко прижаты к ушам. Милли потом не раз думала: кажется, она эти кулаки так до сих пор и не разжала.

— Расскажи, что случилось, — говорит Милли. — Я тебя ругать не буду. Выкладывай, дружок. Сразу легче станет.

Лицо Эйдин напоминает поле боя: она изо всех сил пытается сохранить твердость перед угрозой неминуемой капитуляции. Она шмыгает носом и моргает. Мыскулы ее рта упрямо напряжены, а брови вздрагивают.

— Можно я у тебя поживу?

Милли подавляет мгновенный порыв — подскочить до потолка и завопить от радости. «Вот тебе спальня, — хочется ей сказать, — вот тебе полотенце, а одеяло найдем! А если чего-нибудь не хватит — мыла там, или зубной пасты, или молока — ничего, выкрутимся!» «И не нужна мне никакая сиделка, — думает Милли. — Я еще сама за другими присмотрю».

Но, каким бы трогательным и соблазнительным ни выглядело это простое предложение, Милли понимает, что это безумие. Кевин ее считает как минимум недееспособной с придурью. Он скорее согласится, чтобы дочь ошивалась до рассвета на улице, где-нибудь на нижней Шериф-стрит, где даже фонари не горят и все стены разрисованы граффити, чем позволит ей поселиться в Маргите.

— Что случилось-то? С сестрой поссорилась?

— Я ее ненавижу.

— Ну, знаешь...

— Ты понятия не имеешь, какая она на самом деле. Сучка бесстыжая, вот она кто.

— Эйдин!

— Ты же говорила, что не будешь ругаться. — Эйдин смотрит на Милли из другого конца комнаты. — Ты уже знаешь про Миллберн?

— Что?

— Про закрытую школу.

— Миллбернскую школу?

Эйдин падает в кресло, уже не сдерживая слез. Она сама не своя. Милли с необычайной ясностью вспоминает, как впервые увидела своих чудесных

внучек в родильном отделении Ротонды. Милли, не-исправимая курица-наседка, как любил поддразнивать ее Питер, тут же потянулась к кровати и взяла на руки крохотную Эйдин — упакованную, как в кокон, в хлопковые пеленки и такую легонькую, что сердце защемило. Это было невероятное ощущение — будто спеленатый воздух держишь в руках.

Милли поцеловала младенца в полупрозрачную щечку и стала укачивать, расхаживая по мрачным, темным коридорам больницы и воркуя на ходу без умолку: конечно же, она описала малышке и каждого проходящего пациента, и толстую медсестру с пышной грудью и косыми глазами. Медсестра бросила на Милли суровый, неодобрительный взгляд, и она почувствовала себя юной и легкомысленной. Ну и что плохого в легкомыслии — почему бы ей и не пови-таться в облаках? Не каждый день в жизни выпадает шанс начать все с чистого листа с новым человеком, с дочерью сына, там, где не успела еще ничего на-портить.

— А при чем тут Миллбернская школа? — спрашивает Милли.

— Они хотят меня туда отправить! — сквозь слезы говорит Эйдин. — Хотят от меня избавиться!

— Что?

Эйдин вытирает щеки.

— Ты знала?

— Я? — возмущается Милли. — Откуда, твой отец мне никогда ничего не рассказывает. Когда это случилось?

— Не знаю. Я вообще не должна была об этом знать. Просто нашла эти... ну... документы.

— Но почему?

— Потому что они меня ненавидят.

— Глупости. Никто тебя не ненавидит. Тебе на будущий год выпускной экзамен сдавать. Должно быть, хотят, чтобы ты по учебе подтянулась.

— Ага, как же.

— Я хочу спросить тебя кое о чем, Эйдин. Где ты нашла те документы?

— У папы на письменном столе.

— А о доме престарелых ты там, случайно, ничего не видела?

Эйдин молчит.

— Никаких фотографий малахольных стариков в инвалидных колясках? Бабушек с ходунками, еще чего-нибудь в этом роде?

— Мне нравится это слово — малахольный.

Милли вздыхает.

— Кажется, меня хотят туда сплавить. Выходит, мы с тобой товарищи по несчастью.

— Вряд ли, бабушка.

— Ты многого не знаешь, — мрачно говорит Милли и добавляет: — Идея! Мы с тобой куда-нибудь убежим — вдвоем. Спрячемся на каком-нибудь большом корабле в гавани и даже знать не будем, куда плывем. А потом, недели через две, вылезем из темного чулана, проморгаемся на солнце — и окажемся в Африке, и поедem на сафари.

— Так вот ты какой, бред малахольного.

Эйдин впервые за весь вечер еле заметно улыбается, и Милли думает, какая она все-таки славная.

7

Придирчиво перебрав все варианты, Кевин останавливается на «Доббинсе». Именно там сегодня состоится стратегический ужин, во время которого они с Грейс (Грейс уже дома, явилась наконец!), как он надеется, обсудят в деталях вопрос о новой сиделке для его матери — вопрос, который Милли, по своему обыкновению, с момента ареста упорно игнорирует. Кевин до сих пор не знает, готова ли она внутренне к тому, чтобы впустить в дом сиделку. Теперь, в придачу к просмотру в нездоровых количествах всех эпизодов сериала об освобожденных женщинах Майами (он заменил ей батарейки в пульте), мама, похоже, нашла себе новое занятие: приставать к соседям Фицджеральдам, чтобы те вернули какой-то ящик, который она сама им всучила несколько лет назад.

«Доббинс», освещенный в основном крошечными белыми свечками в стеклянных банках, имеет вид чопорный, строгий и сдержанный. Есть надежда, что мама, с ее привычкой бросать родственников за столиком и без приглашения подсаживаться к другим компаниям, которые покажутся ей более интересными, будет достаточно подавлена этой обстановкой, чтобы это отбило у нее желание бродить по всему ресторану.

Они усаживаются и делают заказ. Кевин замечает, что Милли, уже слегка захмелев, начинает исподтишка высматривать потенциальную жертву. Официант,

немолодой, надменного вида (эту надменность не нарушают даже жидкие ошипанные усишки), приносит за соседний столик широкий бокал с коктейлем из креветок. За столиком сидит удивительно несовпадающая пара: дивной красоты женщина с оливковой кожей и непослушными курчавыми волосами, а рядом с ней — гигантский рыжий человек-горилла с приятной улыбкой на лице.

— Ах, какая красота, — говорит Милли, якобы обращаясь к сыну с невесткой, но Кевин-то ее хорошо знает. — Должна заметить, я люблю хороший коктейль из креветок, правда, Кев? — Мама повышает голос и бросает взгляд на соседей. — Конечно, за креветками нужно идти только в «Баллибоу», это во-первых.

Кевин негромко говорит:

— Давай на «во-первых» и остановимся.

— А во-вторых, конечно же, коктейльный соус. Туда нужно непременно добавить *sourçon*³... — Мама застенчиво улыбается, как всегда, когда пытается щегольнуть своим школьным французским. — *Sourçon* хрена. На кончике ножа. — И, обращаясь уже напрямую к соседке, добавляет: — Позвольте спросить, вы из Индии или из Пакистана?

— Мама, ты, как всегда, успела приложиться? — говорит Кевин, подмигивая соседям. — Давай не будем мешать людям, хорошо?

— Ничего страшного, — произносит мужчина.

— Я из Тринидада.

Мужчина дружелюбно улыбается маме.

— Вы тоже креветки заказали?

— Кто, я? — переспрашивает мама. — Нет, что вы — куда мне столько креветок! — И обращается к Кевину: — Что я заказала?

---

³ *Sourçon* — чуточку (фр.).

Это часть спектакля: мать всегда делает вид, будто не знает, что заказала, а когда блюдо приносят, изображает изумление, словно в первый раз видит мидии из Дублинского залива или салат с рукколой, и уж тем более никогда ничего подобного не заказывала.

— Копченого лосося, кажется? — спрашивает она.

— Понятия не имею, — говорит Кевин.

— Или суп. Как бы там ни было, надеюсь, хоть порция будет небольшая. Вот в Америке, вы бы видели — о-о-о, просто не поверите, какого размера тарелки там приносят! Это целая проблема в Штатах — тарелки!

Она смеется.

— Может, не будем...

— Но зато люди! Таких веселых людей вы никогда в жизни не видели. Ой, я обожаю американцев. Правда, они все толстые, как бегемоты, зато милые и добрые. А вы бывали там?

Не дав женщине ответить, мама выливает в рот остатки вина и продолжает:

— Я вот что хочу сказать, вы только не обижайтесь — у меня всегда вызывают интерес межрасовые браки. У вас кожа мулатки, кажется, так принято говорить? Вообще-то, — она заговорщицки наклоняется ближе, — если хотите знать правду, цветные мне больше по душе, чем белые. — Она сияет улыбкой. — Сколько себя помню.

Даже Кевин, который обычно способен отшутиться в самой неловкой ситуации и гордится своим умением сглаживать чудовищно бестактные выходки полубезумной матери, на какой-то миг теряет дар речи.

После нескольких секунд молчания рыжий говорит:

— Значит, нас таких двое. — Он разражается смехом, и тогда уже начинают смеяться все.

Но это лишь короткая передышка.

Пока мама уплетает за обе щеки первое блюдо — суп, как она, конечно, прекрасно помнила, — Кевин снова наполняет бокалы, свой и Грейс, и говорит:

— Мы нашли для тебя сиделку, мама. Вернее, сестра Мика нашла. Ее зовут Сильвия Феннинг. Я ее еще не видел, но, кажется, она очень милая. Готова взять на себя уборку и к тому же немного готовит. Кстати, она американка.

— Американка?

— Да, откуда-то из Флориды.

— Нет, американка мне не подходит.

— Ты же только что рассказывала, как ты их обожаешь.

— Ну, в Америке — да.

— А здесь, в Ирландии, нет? — Кевин не может удержаться от улыбки.

— В моей стране? — Она качает головой, словно эта идея представляется ей верхом глупости.

Кевин с Грейс незаметно переглядываются. Никто, кроме жены, ничего не понимает. Все вокруг видят лишь очаровательную чудачку. На минуту собравшись с духом, Кевин вновь обращается к матери:

— Самое главное, что она готова приступить к работе прямо сейчас. Ты ведь сама знаешь, найти кого-то перед самым Рождеством — это просто чудо. Нам крупно повезло.

— Да что ты говоришь.

— По-моему, прекрасный план, — продолжает Кевин. Конечно, маме скучно одной в Маргите, немного общения вовсе не повредит, да и присмотр вовсе не помешает. В конце концов, сколько это может продолжаться: то обожжет руку о плиту и промолчит, рискуя схватить заражение, то свалится с лестницы, набьет синяки и сделает вид, что ничего не произошло, то, на ночь глядя, выйдет к сыну садовника в ночнушке

и предложит угостить его бренди с печеньем. — И вообще, раз уж мы начали этот разговор, нужно учитывать и твои проблемы со здоровьем и всякое такое...

— Проблемы со здоровьем? — переспрашивает Милли. — Я здорова, как огурчик. — Она оглядывается на соседей по столикам в поисках поддержки, но, видя, что публика уже потеряла к ней интерес, снова поворачивается к сыну и невестке и похлопывает себя по артритному плечу. — От этого не умирают.

— Ну конечно, нет. — В разговор вступает Грейс. Сегодня она выглядит особенно мило, в своем мягком сером платье с широким свободным воротником, со стильной укладкой. — Как плечо, Милли? Все еще делаете упражнения?

Кевина всегда восхищает умение жены не реагировать на всю эту хрень, от которой у него взрывается мозг. Она умело обезоруживает противника — будь то скандальный клиент или капризные дети, — мгновенно берет ситуацию под контроль и гасит бурлящие эмоции, причем всем, включая его самого, чудесным образом кажется, что их услышали.

С другой стороны, все же это не ее мать, близкие родственники дело особое.

Грейс продолжает:

— Просто мне кажется, в доме слишком много работы для одного человека, даже для вас, с вашей энергией. Тут никто не справится.

— До сих пор справлялась, — огрызается Милли.

Кевин тяжело вздыхает.

— Мы ведь говорим в общем, просто размышляем вслух. С тобой может что-нибудь случиться, например, когда Сильвии не будет рядом. Помнишь, как ты упала прошлой зимой?

— Это было в июне!

— Нет, не в июне. Гололед был на улице.

— На мне была шляпа от солнца.

— И тем не менее.

— Передай мне масло, дорогой, — говорит Милли.

Грейс сжимает ладонь Кевина, но он не уверен, как это следует понимать: «придержи лошадей, болван» или «так-так, продолжай».

— И еще один вопрос — с машиной. Только за последний год у тебя было минимум две аварии. Это те, о которых мне известно.

— Да ты ведь и сам не так давно попал в аварию, помнишь, Кевин?

— Сейчас речь не обо мне.

— А что так? Почему бы нам о тебе не поговорить?

Пара за соседним столиком уже старательно избегает встречаться с ними глазами, зато другие посетители начинают оглядываться, а кто-то уже откровенно тарашится, учуяв аппетитный запах семейной ссоры. Кевин широко улыбается и без слов, лишь приподняв бокал, дает понять официанту на другом конце зала, что хочет заказать еще бутылку.

Второе блюдо семья Гогарти съедает в атмосфере настороженного, явно вынужденного перемирия. Кевин жует, не чувствуя вкуса, и ему уже не терпится попросить счет. Но официант не замечает его и подкатывает к ним стеклянную тележку с роскошными десертами, прихотливо украшенными тонкими мазками шоколада и пуантилистскими капельками сиропа. Он представляет их все по очереди — сначала название, а потом подробное пояснение: ананасовый пирог с имбирем и крем-фреш, суфле из лесных орехов, «Монблан»...

— Монблан — подходящее название для шариковой ручки, — перебивает мать. — Или для жареного сэндвича с сыром. — Она хихикает. — Или для жареной ручки с сыром.

— А это, — продолжает, нахмурившись, официант, — это традиционный сливовый пудинг с...

Мама молниеносно выбрасывает вперед руку и выхватывает у него тарелку.

— Да-да, мне вот это.

— О нет, мадам, это только для демонстрации. Наш шеф-кондитер с удовольствием приготовит для вас свежий десерт. — Он хочет забрать тарелку, но Милли сопротивляется. Несколько секунд идет борьба: они тянут пудинг каждый к себе. Кевин невольно чувствует, как в животе щекочет от истерического смеха.

— Нет, Милли, — мягко говорит Грейс. — Он лакированный, это несъедобно.

Она пытается оторвать руки свекрови от тарелки, но мама не поддается ни в какую.

— Ой, да пусть ест, — тихо говорит Кевин, понимая, что все его планы сегодня потерпели грандиозный крах: о доме престарелых мать даже думать не хочет, ключи от машины нипочем не отдаст и будет мотать ему нервы до конца его дней. — Может, он ядовитый, на наше счастье.

8

Рождественским утром, еще до рассвета, Милли перерывает все ящики в столовой — собирает передаваемые подарки, чтобы отвезти к Кевину. Для них с Грейс находится набор подставок под горячее с видами достопримечательностей Сиднея. Эйдин, пожалуй, порадует пакет водорослей (с ними можно делать суши, по крайней мере, так ей сказали). Для маленького Кирана кепка и перчатки — правда, на большом пальце пятнышко от соуса, но ничего страшного — немножко мыла, и все отстирается. Нуале она подарит лак для ногтей (парикмахерша вечно сует ей флакончики), а Джерарду, приехавшему на каникулы домой, — китайскую кулинарную книгу... правда, до сих пор ей как-то не приходило в голову: в его студии хоть кухня-то есть?

Все утро Милли то и дело поглядывает на дорогу, в телевизор, на часы, на дорогу, в телевизор, снова на часы... Чтобы поздравить Джессику, дожидается, когда подруга, по ее расчетам, уйдет на мессу, и оставляет ей поздравление на автоответчике. На следующий день после ареста она позвонила ВД и изложила ей свою медицинскую легенду. Джессика выслушала, ответила с притворной веселостью: «Ну конечно, Милли, Америка от нас никуда не уйдет!» — и повесила трубку. Затем Милли позвонила в туристическое агентство и перенесла поездку, на чем, конечно,

потеряла кучу фунтов и пенсов. Теперь, когда поездка сорвалась, она сделалась еще притягательнее: в мечтах Милли то и дело катается с Джессикой в туристическом автобусе по Таймс-сквер и бродит по шумным улицам. Может быть, она отыскала бы на Бродвее какой-нибудь яркий, освещенный неоновыми огнями уголок, бросила бы на землю перевернутую шляпу и запела ирландские баллады — «Danny Boy» или «The Fields of Athenry», — янки слетаются на такое, как мухи на мед. Может быть, поужинала бы корн-догами с кетчупом, купила гигантский холодильник и начала новую жизнь, осталась бы там навсегда.

В половине второго, когда у Милли уже нет сил торчать в пустом холодном доме в день, созданный для тепла, она садится за руль, за несколько минут доезжает до дома Кевина и стучит в дверь. Упреждающий удар. Это одна из множества тонких игр у них с сыном: она всегда появляется на пороге чуть раньше назначенного срока, а он неукоснительно приглашает ее на час-полтора попозже, чтобы она явилась вовремя.

— С Рождеством, — говорит он и улыбается. — Мы же договаривались в три.

— Правда?.. С Рождеством, дорогой! — произносит она нараспев.

— Заходи же. Ты и подарки принесла. — Он забирает у нее часть подарков, завернутых в газетные страницы из спортивного раздела, и наклоняется, чтобы поцеловать ее в щеку.

— Так, пустяки.

— Ну да.

Кевин ведет Милли в гостиную, и она с порога ахает: повсюду горы распакованных подарков, бумага, ленты, банты, мягкие игрушки, новые кроссовки, флаконы с духами, джемперы, шкатулочки для

драгоценностей и скомканная подарочная упаковка. По комнате словно ИРА прошла.

— Да, знаю, — говорит Кевин. — Я как раз собирался...

— Пресвятая Богородица! Сколько подарков! А у африканских детей нет даже миски риса.

— А можно хоть раз без этого?

Милли, уязвленная этим посягательством на свободу слова, раскладывает оставшиеся свертки под огромной елкой. Комната таинственным образом пустеет, и Милли остается одна. Она чувствует нарастающий голод и легкую обиду. Не нравится ей и непочтительная попытка сына засунуть ее в одно из двух мягких, непостижимо белых кресел — как будто она уж такая старая, что ее и ноги не держат. Она долго рассуждает про себя о самоуважении, о неразумном мотовстве и о неуместности белой обивки в доме, где есть дети.

— С Рождеством, Милли! — восклицает Грейс, подходя к ней с хрустальным бокалом шампанского в руке, пожалуй, поприветливее ее собственного сына, как думается Милли. Кевин присоединяется к ним, и они втроем чокаются бокалами, но Милли не хватает детского гвалта вокруг: без него она чувствует себя словно на вражеской территории.

Но вот Милли слышит громкие голоса, а затем и топот молодых ног, спускающихся по лестнице. Дыхание жизни! Джерард, Нуала, а затем и маленький Киран появляются в арке столовой. Они встречают Милли горячими объятиями. Джерард — вылитый Питер: длиннолицый, с таким же одухотворенным взглядом, поэтому Милли в нем души не чает. Но, в сущности, все младшие Гогарти красавцы, умницы, и уверенности в себе им не занимать. «Молодцы вы, отлично справились», — мысленно хвалит Милли Кевина и Грейс.

Нуала, едва держась на своих новеньких роликовых коньках, начинает изображать официантку: неуклюже катается из кухни в столовую с бесчисленными салфетками, ложками, вилками, бокалами и тарелками в руках. Наконец она врывается в дверной проем, разливает стакан молока и смеется. Милли, которой ошибки и промахи всегда милее безупречного мастерства, с удовольствием наблюдает за ней.

Она смотрит в выходящее на улицу окно и разглядывает соседей: мимо идут молодые семьи и парочки, старики в вязаных шапках, небо серое, будто закопченное, но сквозь облака проблескивает солнце. По всему городу дублинцы сейчас ходят друг к другу в гости — это ее любимая часть праздника, детство напоминает. Всем хочется поздравить друг друга с Рождеством, выпить вместе, повеселиться, повидаться с теми, кто приехал на праздники домой из Штатов, или из Лондона, или из Австралии, или куда там люди уезжают — в Ирландии ведь с работой было туго, да и сейчас опять не лучше.

Старший из внуков, Джерард, без подсказок усаживает бабушку во главе стола, подает ей вино, отодвигает стул, рассказывает что-то про Корк и про свою учебу — следует примеру старших, который был у него перед глазами всю жизнь, и вот теперь он, кажется, созрел до того, чтобы ему следовать. Милли забывает свои горести и удивленно хлопает глазами: она не привыкла к такой суете вокруг своей персоны. Она долго, пристально разглядывает внуков (она уже старая, ей можно), и ее словно подхватывает какой-то мощный поток, на смену которому приходит привычный приступ паники: ведь и этот миг вот-вот пройдет, как все на свете проходит. Навсегда.

Но где же, спохватывается она, Эйдин?

Наконец, когда Милли уже готова упасть в голодный обморок, Грейс зовет сверху Эйдин, и Милли замечает, как Кевин с женой обеспокоенно переглядываются — словно ведут какой-то тайный разговор. Они открывают коробку рождественского печенья, которое мама Грейс каждый год присылает из Англии, разворачивают и надевают бумажные короны, по очереди зачитывая напечатанные на внутренней стороне дурацкие шутки. Тарелки уже наполнены едой — ветчиной, жареным картофелем, брюссельской капустой, зеленым горошком, подливкой, — когда Эйдин наконец проскальзывает в комнату с хмурым видом, словно какая-нибудь судомойка. Чуть ли не ползком пробирается, так явно ей не хочется привлекать к себе внимание. И в самом деле, при ее появлении над этим праздничным столом с элегантными мишурными сосульками, свисающими с каждого угла, и зажженными свечами цвета слоновой кости в сверкающих подсвечниках словно пролетает дуновение злого рока.

— Счастливого Рождества, Эйдин! — восклицает Милли и встает, чтобы обнять внучку. Она не видела Эйдин с того дня, как девочка ночевала у нее. Эйдин хочет проскользнуть мимо, но Милли ей не дает: хватает обеими руками за плечи, чмокает в ухо и шепотом спрашивает: — Есть какие-нибудь новости?

Эйдин отрицательно качает головой и неловко хлопывает Милли по спине, словно утешает незнакомую старушку, которая вдруг ни с того ни с сего расчувствовалась. Наконец она высвобождается из объятий, и Милли не обижается: в этом возрасте ласки родственников — хуже чумы. Пока Эйдин садится, разворачивает на коленях салфетку и отрешенными, непроницаемыми, как у всех подростков, глазами изучает разложенные перед ней праздничные яства, все молчат.

— Что ж, все выглядит просто потрясающе, — говорит Милли, уже потерявшая счет выпитому.

Изысканные манеры детей за столом сразу испаряются: они ковыряются в еде и стараются перекричать друг друга. Кевин молча наклоняется к своей угрюмой дочери — разжигательнице ненависти — и кладет ей руку на плечо, надеясь, что та улыбнется. Эйдин на него не смотрит.

Под конец праздничного обеда Кевин встает и постукивает вилкой по фужеру, что производит эффект, обратный желаемому: все начинают говорить еще громче.

— Речь! — кричит Киран, хлопая ладонью по столу. — Речь, речь!

Он улыбается отцу. В Киране все души не чают — настолько, что Милли относится к нему с некоторой прохладцей. Ее симпатии всегда принадлежат неудачникам и париям мировой истории.

— Всем счастливого Рождества! Как славно собраться всей семьей: и бабушка здесь, и Джерард, — он кивает старшему сыну. — От себя лично хотел бы поблагодарить за ваши заботливо выбранные подарки, и не в последнюю очередь — за мохнатые синие тапочки, которые уже помогли мне не отморозить ноги в нашей арктической ванной. И тебе спасибо, дорогая. — Кевин смотрит на Грейс, но в детали ее подарка, к досаде Милли, не вдается. — Я чувствую себя счастливым человеком — вот уже восемнадцатое Рождество я встречаю в этом доме... — продолжает Кевин, и тут Милли вдруг издает громкий, явственно слышный звук отрыжки. В свои преклонные лета она уже не в состоянии удерживать воздух внутри, и он вылетает из самых разных отверстий в самые неподходящие моменты. Отрыжка — до смешного долгая, почти как у мальчишки-подростка, рисующегося

перед сверстниками — разносится в изумленной тишине. Затем дети, все четверо (да, даже Эйдин) разражаются хохотом.

— Бабушка! — вопят они в восторге. — Ну ты даешь!

Кевин, старательно отыгрывая роль многострадального отца этой шумной оравы, поднимает бокал еще выше и говорит:

— Ох, мама, вечно ты перехватываешь мои лавры. Лучше и не скажешь. Счастливого Рождества!

— Прости, милый! — говорит Милли, радуясь, что, хоть и невольно, подарила всем минутку беззаботного веселья. Она даже ощущает прилив настоящей бодрости. В эту минуту она не думает ни об аресте, ни о квартире дочери ВД в Бруклине, где могла бы сейчас готовить рождественский ужин, ни о грядущем вторжении чужачки в Маргит.

Раздается новый душераздирающий звук отрывки — еще дольше, громче и противнее. Виновник — Киран — хихикает и повторяет свой номер несколько раз подряд.

— Киран! — говорит Грейс.

— Фу-у-у! — морщится Нуала. — Гадость какая!

— Оставь его в покое, — возражает Эйдин. — Он же просто шутит.

— А ты что раскомандовалась?

— Ребята... — произносит Джерард. — Да ладно вам.

— Ты некрасивая, — выпаливает Эйдин. — И как личность полный ноль.

— Эйдин, — говорит Кевин. — Довольно.

— «Дорогой дневник, — Нуала делает вид, будто пишет в воздухе воображаемой ручкой. — Сегодня мне так грустно. Ы-ы-ы!»

— Довольно! — повторяет Кевин.

— Мне нехорошо, — говорит Эйдин, вскакивает и направляется к лестнице, шлепая по полу своими лапами.

— Сядь на место, дорогая, будь добра, — произносит Грейс таким тоном, что Эйдин подчиняется, хотя и топает на обратном пути еще громче прежнего. — Сегодня Рождество. Мы собрались за столом всей семьей.

Эйдин фыркает.

— Дерьмо это, а не семья.

Атмосфера в комнате разом меняется — опасно и необратимо.

— Эйдин! — говорит Кевин.

— Когда ты собирался поведать мне и семье радостную весть?

— Развыступалась, — бурчит Нуала.

— Я не собираюсь делать вид, будто ничего не случилось, — продолжает Эйдин. — Случилось. Я никуда не поеду.

Кевин бледнеет.

— Никуда — это куда? — переспрашивает Джерард.

— Эйдин, давай пока... — начинает Кевин.

— Когда ты собирался мне сказать, папа? Вечером накануне отъезда? «Спокойной ночи. Да, кстати, это твоя последняя ночь дома», — так, да?

— Что сказать-то? — допытывается Нуала, не скрывая злорадного удовольствия.

— Сейчас не время и не место, — говорит Грейс. — Сделай глубокий вдох, и давай...

— Нет!

— Мы обсудим это с тобой, Эйдин, обсудим, — говорит Кевин. — Мы просто не хотели поднимать эту тему до Рождества, дорогая. Чтобы не портить праздник.

— Отлично, папочка, — произносит Эйдин тоном ядовитейшего сарказма, перенятым у отца и приправленным изрядной долей неприкрытой подростковой ненависти, и с этими словами выбегает наконец из комнаты. — Отлично получилось.

9

Если бы отец не положил на чемодан хоккейную клюшку, Эйдин, может, и не взорвалась бы так. Но клюшка ее взбесила как очередное напоминание о том, что она для отца — сплошное разочарование. Он же прекрасно понимает, что она эту штуку и в руки не возьмет, но упрямо верит в ее до сих пор не реализованный потенциал и без слов намекает: захвати, мол, с собой. Как будто в школе она станет другим человеком.

Эйдин достает из холодильника упаковку яиц и крадется наверх. Прошло время слез, жалобных просьб и споров — эмоциональной бури, которая за время рождественских и новогодних праздников вымотала из семейства Гогарти последние остатки душевных сил. Теперь Эйдин уже убедилась, что толку из этого не выйдет, и вернулась к своей единственной внутренней опоре — молчанию. На рассвете, плеснув в лицо водой, она мельком заметила, какие у нее ужасно опухшие глаза. За всю ночь она не спала ни минуты: размышляла о жизни и писала сообщения Шэрон, своей лучшей подруге, уехавшей в Глазго в прошлом году. Потом написала в твиттер Чёткому, и его ответ «Ты наша лучшая фанатка, чмоки-чмоки, обнимашки» был перечитан немыслимое число раз. Из всех писем и сообщений, какие Эйдин когда-либо получала, это больше всего похоже на любовную записку. Прошлой

ночью и мама, и папа равнодушно храпели, нисколько не сочувствуя ее страданиям, в блаженном сознании того, что скоро сбегут Эйдин в закрытую школу.

Сколько Эйдин ни спорила, как ни пыталась уговорить маму, та лишь до тошноты упорно твердила одно и то же: ее отправляют в Миллберн вовсе не из-за ссор в доме и поведения, и ей самой еще понравится учиться в новой школе, отдельно от сестры. А главное, впереди выпускные экзамены, так что пора уже взяться за ум и начать заниматься как следует. К тому же жить в школе придется только с понедельника по пятницу, а выходные она будет проводить дома.

Эйдин прекрасно понимает, чего стоит это объяснение: типичная родительская лапша на уши.

Сначала она даже отказывалась собирать вещи — не хватало еще помогать в приготовлениях к собственной казни! — но, представив, какого барахла могут ей напихать мама с папой (привет, хоккейная клюшка), в конце концов сдалась и с несчастным видом уложила все самое необходимое — под жалостливыми взглядами Кирана и даже Нуалы. В два часа ночи, по совету Шэрон, она прокралась к буфету и прихватила бутылку водки (лучший выбор, как ей подсказали, потому что водка не пахнет) плюс шесть жестяных банок папиного стаута. Сама Эйдин пить не собиралась — уж больно вкус противный, — но Шэрон считала, что это поможет ей расположить к себе девчонок из Миллберна. Всю добычу она засунула поглубже в недра спортивной сумки, под свернутую комком школьную форму цвета свежего дерьма.

Перед уходом на работу мама зашла к Эйдин и встала в дверях спальни. Это было прощание, которое Эйдин столько раз рисовала у себя в голове, и, несмотря на свою решимость оставаться деревянно-бесчувственной, неожиданно для себя разрыдалась.

— Ох, милая, — проговорила мама, уткнувшись лицом ей в волосы, отчего стало еще тяжелее. — Не плачь. В пятницу будешь уже дома.

— Мама, пожалуйста, не заставляй меня туда ехать. Ну пожалуйста!

— Все будет хорошо. И не просто хорошо, а отлично. — Мама выпустила Эйдин из объятий, положила руки ей на плечи и улыбнулась. Еще и улыбается!

***

На уроках истории доктор Скэнлон рассказывал о павших героях Ирландии — Патрике Пирсе, Имоне де Валера и других, сражавшихся за независимость и самоопределение, — о борцах за правое дело, о повстанцах. Что ж, Эйдин, по их примеру, поднимет бунт против своего несправного положения. Она заходит в родительскую спальню и, не раздумывая, запускает коричневым яйцом в их любимую картину «Гретель и Гензель» — мешанину базовых цветов, в которой Гензеля и Гретель даже отдаленно не разглядеть — только два безликих, грубо размазанных пятна в верхнем углу. Этот подарок знакомого коллекционера висит над кроватью со дня их свадьбы.

Первое яйцо с великолепным хрустом скорлупы расплывается как раз между двумя полосами бирюзовой краски. Второе стекает вниз — клейкий белок медленно тянется за желтком, и наконец содержимое яйца тяжело плюхается на серый ворсистый подголовник кровати. Эйдин пуляет еще, и еще, и еще, и еще — по яйцу на каждого Гогарти! — и под конец швыряет опустевшую упаковку на пуховое одеяло.

Отступив назад, Эйдин оценивает масштаб разрушений — правду сказать, не слишком впечатляющий. До Майкла Коллинза, с оружием в руках державшего

оборону против лоялистов на главном почтамте, ей еще далеко. Нужно добавить. Эйдин достает из ящика на кухне самый большой и острый нож, возвращается к заляпанной яйцами картине и вспарывает ее прямо посередине, от края до края, словно хирург, вскрывающий пациента. Разрез выходит длинный — такая рана уже не затянется. Пипец вашей картинке, думает Эйдин. Как и мне.

10

Если судить по репутации этой школы — и по размеру платы за обучение, — то это чистый Дублин-4, то есть нечто элитное и престижное, но вблизи она выглядит несколько сомнительно. За роскошными декоративными воротами и какой-то искусственной, показушно ухоженной дорожкой встают приземистые, квадратные, мрачного вида корпуса, покрашенные бежевой краской, заляпанные пятнами дождя и как попало разбросанные на лоскутном одеяле школьной территории. Словно кто-то летал на самолете с завязанными глазами над пегими лужайками с пожухлой травой и швырял сверху спичечные коробки, а потом заскучал, махнул рукой на это дело и отправился домой. По мнению Кевина, такая безыскусная простота даже несколько оскорбительна. Что бы ты ни делал, никогда нельзя забывать о красоте.

А тут еще дождь моросит не переставая. Невероятно, но за всю дорогу в Миллберн, где, помимо школы, только один мини-маркет, пара церквей да «Петух» — фермерский паб XVIII века, — Эйдин не проронила ни слова, кроме безучастных «да» и «нет». Даже когда по радио звучал ремикс Чёткого — «I'm Not in Love», и Кевин ради дочери сделал погромче, она и бровью не повела. Обалденная выдержка, думает Кевин с невольным уважением: в ее годы ему такая и не снилась.

До сих пор он был скорее склонен списывать выходки Эйдин на очередной этап роста, хотя этап этот

тянется уже несколько месяцев: раздражительность, угрюмая мина, вечная нелюдимость. В разговорах с Миком Кевин полушутя называет это «тревожные годы». Кевин, будучи единственным ребенком, сочувствует дочери, ведь быть двойняшкой означает конкуренцию, необходимость делиться и неизбежные сравнения, особенно когда девочки такие разные.

В утешение он припоминает трудные периоды других своих детей — когда-то они тоже ужасно бесили, но пролетели довольно быстро, хотя, конечно, это только теперь так кажется. Джерард, было время, свирепо лупасил всех, кто только посмеет посягнуть на его игрушки, Нуала не хотела есть ничего, кроме йогурта, а Киран сосал соску уже далеко не младенцем — давно ли им приходилось кипятить чайник и размачивать замусоленную пустышку, потому что сыну нравилось совать ее в рот мягкой и влажной.

Подъезжая к гостевой парковке, Кевин старается унять нетерпеливое желание — абсурдное и неуместное, как он прекрасно понимает, — еще разок полюбоваться на школьного администратора, мисс Роуз Берд, с которой он познакомился, когда приезжал записывать Эйдин в школу. Мисс Берд — молодая светловолосая богиня, с телом одновременно спортивным и чувственным, с идеальной грудью — двумя маленькими глобусами, торчащими под неожиданно строгой кремовой блузкой-рубашкой. Ее близость вскружила ему голову, и он повел себя, пожалуй, глуповато. Тогда-то, во время этой короткой встречи в тесном кабинете, Кевину казалось, что он держится с развязностью искушенного сердцееда и весьма остроумно рассказывает о своих школьных годах. Не забыл он и щегольнуть знакомством со знаменитым драматургом, с которым учился, хотя по ее непонимающему взгляду стало ясно, что она понятия не имеет, о ком это он. Потом

Кевин не раз вспоминал этот непонимающий взгляд, и теперь этот легкий флирт уже кажется ему слишком топорным, слишком явно выдающим озабоченность и средний возраст.

Он глушит мотор и оборачивается к дочери:

— Ты уже знаешь скучную историю о том, как сто лет назад твоя бабушка отправила меня в лагерь на молочную ферму в Типперэри?

В ответ Кевин слышит откровенно пренебрежительный досадливый вздох и умолкает. Он-то надеялся утешить дочь одним из немногих его детских воспоминаний, подходящих для ушей подростка, тем более что в этой истории многое должно быть ей близко: изгнанничество, тоска по дому, отчаяние. По правде говоря, все в этом лагере было ему ненавистно: дергать коров за соски в рассветной темнотище, рубить торф, пока на непривычных к работе руках не вздуются пузыри, спать в сарае на койке под вонючим списанным армейским одеялом, каждый вечер по два часа до отупения долбить ирландский язык. Вдобавок местные игнорировали городских пижонов из Дублина. Так что же он делает сейчас? Зачем обрекает свою дочь на такую же печальную участь? Неужели он перешел на темную сторону — на сторону взрослых, куда, когда стал отцом, торжественно поклялся не переходить ни за что на свете? Разве теперь, спустя десятилетия, мятежная юность не остается стержнем его вольнодумной, неконформистской натуры? Разве не он, в конце концов, организовал в школе бойкот «Кока-Колы» из-за поддержки апартеида? Разве не он создал группу The Right Wailing Willies в родительском гараже? Правда, все ограничилось парой репетиций: двоим участникам не на чем было играть, а одного выгнали за то, что вероломно скрыл от остальных

факт обладания несколькими альбомами Bee Gees. Но все-таки, ведь все это делалось ради борьбы с системой.

А теперь поглядите на него: ему полтинник, и он везет свою дочь, умеренно трудного подростка, в одну из самых престижных женских школ Дублина, на которую ухнули остатки денег с их сберегательного счета, и спрашивается, почему? Только потому, что она немного... разболталась? Отбилась от рук? Вот они, его заурядные проблемы, которые даже проблемами нельзя назвать — так, убогая мещанская суета. Как он до этого докатился?

— Я только хочу сказать, — говорит Кевин, — что ты потрясающе сильная и все можешь.

Все утро Кевин пытался побороть тревожное ощущение: он чувствовал, что не вправе упустить этот важный момент, который дочь наверняка запомнит на всю жизнь. Всего ведь каких-то два года ему осталось формировать ее характер, любить, направлять, заботиться, воспитывать. Он протягивает ладонь сквозь струю искусственного тепла от радиатора: хочет взять дочь за руку, чего ни его отец, ни мать, между прочим, никогда не делали, им бы это и в голову не пришло. У мамы материнские чувства и проснулись-то, кажется, только в старости, а в его смутных воспоминаниях об отце до болезни тот видится каким-то отдаленным загадочным великаном.

Кевин сжимает пальцы Эйдин в своих и произносит:

— И я тебя очень люблю.

Эйдин отталкивает его руку и открывает дверцу машины.

Звенит звонок, и со всех углов кампуса, словно все это время ждали в засаде, сбегаются фигурки в грязно-коричневых юбках и джемперах с алыми галстуками.

Сбившись в тесные кучки, с тяжелыми рюкзаками за спиной, они перебегают зигзагами от одного корпуса к другому. Эйдин, словно бы уже смирившаяся со своей судьбой, вылезает из минивэна и покорно вливается в общий поток. Кевин заносит ее вещи в спальный корпус и бежит следом, с трудом поспевая за ней.

Когда они подходят к кабинету администрации, Кевин откашливается, вытирает влажные ладони о рубашку, на которой только теперь замечает засохшее пятно какой-то неизвестной гадости, и мысленно говорит себе: «Не будь придурком». Он сам понимает, что это глупо. Он ведь женатый мужчина. Но в кабинете мисс Берд никого нет. В первый момент Кевин ощущает горькую пустоту, а затем сам изумляется силе своего разочарования. Оказывается, он ждал этой встречи как самого важного события дня, да что там, всей недели. Сейчас он вернется в Долки и будет просматривать вакансии на сайтах, собирать вещи в химчистку, готовить обед, потом того отвезти, этого забрать, чего-нибудь перекусить, потом уроки с детьми и хоккей, а там и ужин. Снова этот заведенный круг, эта накатанная колея — вот это и есть его жизнь.

Кевин заглядывает в следующий кабинет — гигантскую резиденцию директора, с намерением жизнерадостно поздороваться, но и там не видно мисс Мерфи, эксцентричной горбуньи, которая с середины прошлого столетия руководит этой школой в суровом духе ирландской церкви. Это жутковатая фигура в черном, с ногами, наверняка ни разу в жизни не тронутыми бритвой. Она известна тем, что любит потчевать своих учениц мрачными сагами о выживании в суровых условиях и дикими советами в том же духе: например, пользоваться вощенной бумагой, если рулон в туалете закончился, или выворачивать трусы наизнанку, чтобы продлить срок их носки.

Мысль о нижнем белье мисс Мерфи — не из тех, которые легко вынести с утра, и Кевин плетется дальше, а дочь все так же вышагивает впереди, излучая страх и плохо скрываемую ненависть ко всем вокруг и не в последнюю очередь к себе самой.

Вскоре они обнаруживают, что вся школа собралась в актовом зале и слушает (или не слушает) грузную женщину, похожую на доярку: она зачитывает перед этим коричневым морем какие-то скучные объявления. Здесь же Кевин замечает и мисс Берд, правда, ее почти не разглядеть за строем пожилых учительниц. Невезуха. Звучит орган в сопровождении хилого, анемичного хора: «Господь, как Ты велик...» Поют только самые старые и самые маленькие, все остальные лишь беззвучно шевелят губами или молча стоят со своими классами, поводят вокруг мечтательными глазами и думают... о чем? О мальчиках? О месячных? О смысле жизни? Черт их разберет. А как там его собственная дочь — обмирает от страха, наверное? Он пробегает глазами по рядам, но Эйдин не то растворилась в толпе, не то уже удрала. Во всяком случае, ее нигде не видно, и Кевин с тоской думает о том, что не успел ни попрощаться, ни пожелать удачи.

11

Милли сидит, скрестив руки и засунув под мышки пальцы, у грязного камина, в котором горит не очень-то жаркий огонь, и смотрит через огромное венецианское окно на свой залитый дождем палисадник. Всякий раз, когда взгляд ее падает на две экзотические пальмы, раскачивающиеся под неутихающими дублинскими ветрами, перед ее мысленным взором предстает оживленная бухта, что расположена дальше по ее любимому побережью, с изящными яхтами и кораблями, красной шапочкой маяка и прибрежными утесами. В один прекрасный день она обязательно пройдет по Восточному пирсу и купит себе фирменное мороженое «99» в вафельном стаканчике в древнем киоске «Теддис», точь-в-точь как в детстве — с воткнутым сбоку шоколадным батончиком «Кэдбери Флейк».

В кадре появляется Кевин. Он видит, что Милли смотрит на него, и делает рукой движение, словно затягивает воображаемую петлю вокруг шеи. С ним высокая, яркая блондинка — идет рядом, не отстает, несмотря на высокие кожаные ботинки до колен. Она катит за собой чемодан, при виде которого Милли прошивает иглой страха. Эта женщина уже готова вселиться к ней в дом?

Из всех сценариев, что крутились у нее в голове, не давая уснуть прошлой ночью, больше всего ее страшит, что помощница по дому окажется

добродетельной занудой: будет следить за ней в оба, как за беспомощной старушкой, и неодобрительно цокать языком при виде беспорядка на кухне — так, чего доброго, начнешь чувствовать себя гостьей в собственном доме. У Милли уже рефлекс выработался, как у собаки Павлова: у нее с первого взгляда вызывают неприязнь добренькие тетушки, неутомонные хлопотуны, библиотекариши, не первой молодости учительницы начальных классов, соцработницы и монашки. Вот священников, тех иногда еще можно терпеть, если они не слишком усердствуют с проповедями и не откажутся иной раз от глоточка виски.

— Доброе утро.

Кевин входит — почему-то один, — закрывает за собой дверь и небрежно целует мать в морщинистую щеку.

Милли берет его за руку.

— У меня в холодильнике есть отличное яйцо. Если будешь хорошо себя вести, может быть, я тебе его даже сварю.

— Сильвия Феннинг уже здесь — стоит за дверью и ждет, когда можно будет с тобой познакомиться.

— Прямо сегодня?

— Ну да. Я хотел позвонить, но у тебя, похоже, телефон не работает.

— Кто-то засунул его черт знает куда.

— В унитазе смотрела? — усмехается он.

— В тот раз случайно вышло.

— Слушай, она правда очень, очень милая. Ты ее полюбишь.

— За то, что она будет мной командовать?

— Не будет. Командуешь здесь ты. Но только... ты ведь будешь вести себя прилично? — Кевин наклоняется, чтобы посмотреть ей в глаза. — Ведь так?

Милли пожимает плечами и думает: «Там видно будет».

Сильвия Феннинг оказывается молодой, большеглазой, с бледной кожей, с неправдоподобно белыми, крупными, как у лошади, зубами и губами в матовой помаде цвета «морозный коралл».

— Очень приятно с вами познакомиться! — произносит она нараспев. Золотые браслеты, доходящие чуть ли не до локтя, звенят и дребезжат, когда она вежливо протягивает Милли руку. Милли чувствует, как женщина незаметно сжимает ей пальцы покрепче: словно хочет сказать, что заметила ее настороженность, но что они вдвоем все уладят.

— Вы уже с вещами?

Сильвия похлопывает ладонью по крышке чемодана.

— Ах, это? Это я к подруге собралась на выходные. Что ж, одной угрозой меньше.

— Вы американка? — спрашивает Милли.

— А как вы догадались? — отвечает Сильвия вопросом на вопрос, а затем преувеличенно громко смеется. Как это по-американски — хохотать во все горло над собственными несмешными шутками.

— Сильвия из Флориды, — объявляет Кевин с таким видом, словно это невесть какое диво.

— Из Майами? — спрашивает Милли, вспомнив Бланш и Дороти.

— Нет, из Клируотера. Это недалеко от Тампы.

— Ох, там, во Флориде, должно быть, ужасно жарко! Я бы не вынесла такой жары, — говорит Милли.

Если Сильвия и обижается на такое замечание, то виду не показывает. Напротив, даже улыбается и заговорщицки шепчет:

— Как я вас понимаю. Без крема от солнца там никуда.

Сильвия словно бы интуитивно догадывается о расположении комнат в Маргите: она идет напрямик в гостиную, где ее встречают горы мусора и общий беспорядок, тут же подходит к окну и начинает охать и ахать, восхищаясь видом на море.

Милли задерживается в дверях.

— Схожу-ка я по-маленькому.

— Э-э?..

Милли выходит из комнаты, размышляя на ходу о том, как часто ей теперь будет требоваться переводчик.

На обратном пути она замечает багажную бирку, болтающуюся на чемодане Сильвии, и с любопытством подходит поближе. Чемодан кожаный, цвета каштана, — первоклассная вещь. Милли сдвигает крышку на бирке — под ней листочек линованной бумаги, неразборчиво исписанный буквами и цифрами, но без очков Милли не в состоянии разобрать эти чернильные каракули.

Дальше Милли действует не раздумывая, хотя на мгновение у нее перехватывает дыхание от этой мысли: сколько она уже наделала всего в жизни из-за нелюбви к долгим утомительным размышлениям? Ну и ладно — и об этом она тоже долго размышлять не станет. Ее пальцы уже торопливо отвязывают бирку от чемодана. Вспомнив, что карманов у нее нет, Милли засовывает ее в свое обширное декольте жестом бордельной «мадам», забирающей чаевые за своих девочек. Поправляет блузку и смотрится в зеркало в холле. Кому, во имя святых апостолов Петра и Павла, придет в голову разглядывать грудь Милли Гогарти — хоть и пышную, но, увы, давно вышедшую в тираж? Молодые думают, что старикам легко перестать думать

о сексе, а Милли знает — ничего подобного. Еще как нелегко-то.

***

— За такой вид умереть не жалко! — говорит Сильвия, когда Милли возвращается. — Кажется, весь день бы стояла и смотрела. Люблю Ирландию! Я ирландофилка. — Она улыбается. — Есть такое слово?

— На самом деле это называется гибернофилия, — вставляет Кевин. — Хотя, по-моему, я еще ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь так говорил. Мама, ты, кажется, хотела рассказать Сильвии о своем расписании дня и, вообще, ввести ее в курс дела?

Кевин сразу же исчезает где-то в задней части дома, не оставив Милли иного выбора, кроме как указать на кушетку у самого камина — единственное спасение от холода в этой комнате, не считая клетчатого одеяла, явно и остро нуждающегося в стирке.

— Любит он командовать, — говорит Милли.

— Ой, это даже мило, — говорит Сильвия. — Он вас, должно быть, очень любит. — Она протягивает руки к огню и добавляет: — Кевин упомянул, что нам, вероятно, лучше всего подойдет смешанный график? Скажем, два раза утром и два раза вечером? Я могу приходить к девяти утра и кормить вас завтраком.

— Слишком рано. Я в это время еще в постели.

— А в десять?

— Это уже поздновато.

— А-а. Ну хорошо, о времени договоримся... а что вы любите на завтрак?

— Я слишком стара для завтраков.

Сильвия смотрит на Милли, словно на несчастное, сбитое машиной животное в придорожной канаве.

— Можно у вас кое-что спросить? — Не получив ответа, она все-таки продолжает: — Я так понимаю,

это ведь на самом деле не ваше решение? Чтобы я приходила помогать. — Она наклоняется ближе и понижает голос, словно они с Милли — две заговорщицы: — Я все прекрасно понимаю, поверьте. Наверняка я на вашем месте чувствовала бы то же самое. Но вы должны знать: я всегда за честность, понимаете? Просто скажите, чего вы хотите, и я это сделаю — не больше и не меньше. Так сказать, оставляю последнее слово за вами. Идет? Как вам такой уговор?

Милли, несколько умиротворенная, кивает. Эта Сильвия, кажется, не похожа ни на грубиянку, ни на критиканку, ни на злюку.

— Наверное, следовало бы предложить вам чашечку кофе.

— Я бы не отказалась, — говорит Сильвия. — Давайте я пойду с вами и вы мне сами все покажете?

Взглянув на свою кухню глазами гостьи, Милли впервые за долгое время замечает, что все горизонтальные поверхности в ней заставлены чем-то грязным: тут тарелка с засохшей бараниной и картофельным пюре, там кружка с окаменевшим в ней чайным пакетиком. Должно быть, американке все это кажется ужасным? Даже те миски и тарелки, что стоят на полках в закрытом шкафу, как становится очевидно при ближайшем рассмотрении, нуждаются в мытье не меньше тех, что скопились в раковине и в давно не работающей посудомоечной машине. В кухне воняет кислятиной, лампочки перегорели, ковер по какой-то загадочной причине вечно сырой. На плите, где только одна из четырех конфорок рабочая, стоит древняя кастрюля с таким же древним пригоревшим молоком. К этой кастрюле и направляется Милли, берет лежащий поблизости гаечный ключ и, пользуясь

им как рычагом, включает последнюю работающую конфорку.

Сильвия и бровью не поводит.

— Как тут просторно, — говорит она. — Видели бы вы кухню в той квартире, где мы сейчас живем. Совсем малюсенькая.

— Вы замужем?

Сильвия смеется, и неожиданно обнаруживается, что почти во всех зубах поблескивают серебряные пломбы. Словно строй боевых кораблей в игре «Морской бой».

— Ой, нет, боже упаси! Хватит с меня этого. Нет-нет, я живу с сыном сестры, с племянником.

— Да? И сколько же ему лет?

— Семнадцать.

— Вот как? А у меня, кстати, две чудесные внучки, им шестнадцать.

— Двойняшки? Неужели! Надо их познакомить. Он ведь здесь никого не знает.

Милли незаметно для себя начинает напевать что-то себе под нос по пути к банке с растворимым кофе, а затем снова к плите. Она торопливо снует от кухни к кладовке и обратно, словно стоит ей остановиться, как Сильвия вдруг исчезнет. В коридоре раздаются шаги Кевина. Он подкрадывается к двери кухни, подмигивает Сильвии, а потом подхватывает мать, словно хочет станцевать с ней вальс, и запрокидывает назад. Милли, подыгрывая ему, изящным движением слегка отставляет левую ногу.

Позже, оставшись одна в комнате Питера, Милли сбрасывает с себя кардиган, блузку и бюстгальтер, и багажная бирка Сильвии, о которой она уже успела забыть, падает на пол.

12

Пятый класс, куда записана Эйдин, занимает три прямоугольные спальни на втором этаже «Фэйр» — корпуса, находящегося в ведении мисс Бликленд, чрезвычайно долговязой, суровой, невзрачной женщины-автомата, неизменно одетой в строгую блузку и длинную клетчатую юбку. Юбка лишь частично скрывает протез ноги, и загадочная история его происхождения — нескончаемая пища для сплетен. Мисс Бликленд выражает неодобрение не тоном голоса, который у нее почти никогда не меняется, а ритмом — механически четкими восходящими и нисходящими интонациями в каждой фразе. Ее единственная слабость — мятное драже, вопреки ей же неустанно повторяемому правилу: никакой еды, никаких жевательных резинок, никаких сладостей. Она никогда не улыбается, и на ее лице никогда нельзя разглядеть даже намек на веселость.

В каждой комнате «Фэйр» живет по восемь девочек-подростков, в той или иной степени страдающих от тоски по дому, стресса, истощения, расстройств пищевого поведения, запоров или общей неудовлетворенности жизнью. Оказывается, многие из них — вовсе не ирландки. В первые невыносимо тоскливые дни в новой школе Эйдин так толком и не поговорила ни с кем из соседок, но насчитала среди них по меньшей мере четырех испанок, одну норвежку, плюс еще

пару девушек, одну азиатку и одну белую, из Зимбабве и Южной Африки: их родители то ли дипломаты, то ли бизнес-магнаты — чем там еще занимаются богатые иностранцы, что им приходится спихивать своих детей в это унылое казенное заведение.

Ни одно из тесных мест хранения — ни ящик комода, ни шкафчик — не запирается, так что первым делом возник вопрос, куда прятать контрабанду. Эйдин уже успела пожалеть, что протащила ее сюда. Во-первых, можно попасться. Во-вторых, зачем ей столько спиртного, что хватит упиться вусмерть самой и напоить половину комнаты, если до сих пор ей случалось выпить не больше полбокала шампанского, и то на семейном празднике по случаю маминого пятидесятилетия, так что даже и не считается. К тому же ей это и не понравилось: слишком быстро теряешь ясность сознания, контроль над собой. Вот еще за что, в числе многого другого, стоит уважать Чёткого: вернувшись из калифорнийского тура, он заявил о своей приверженности «стрейт-эдж», здоровому образу жизни — без алкоголя, курения и наркотиков, — чем вызвал лавину насмешек в прессе. Какой там стрейт-эдж в Ирландии? Серьезно? Как бы то ни было, идея предложить соседкам выпить водки требует изрядной уверенности в себе, чем Эйдин пока что похвастаться не может.

Наконец вечером, когда гасят свет, Эйдин выжидает, пока все не уснут, а затем выскальзывает из комнаты и выбрасывает бутылку водки в огромную корзину для мусора в дальнем конце огромного туалета. Она падает с неожиданно громким стуком. Незнакомая девочка из младшего класса сонно шаркает мимо, бросая косой взгляд на Эйдин, сжимающую в руках банки с пивом. Эйдин дожидается, пока та уйдет, и осторожно опускает остаток своей добычи в мусор.

Эйдин пока еще ни разу не решилась воспользоваться душевой: тонкие виниловые занавески оставляют по бокам кабинок довольно широкие щели. Еще одна проблема. Нигде не уединишься — ни в ванной, ни на своем жалком пятачке спальни. Переодеться (не демонстрировать же свою жалкую плоскую грудь этой стае куда более зрелых молодых волчиц) можно только в туалете. Из-за этого на нее то и дело косятся — и не очень-то дружелюбно. Все девочки в Миллберне знают друг друга уже много лет. Никому не интересна дружба с новенькой, особенно с такой, от которой наверняка уже пахнет потом, на лице сразу же бросается в глаза уродливый прыщ (а девушки ведь выбирают подруг прежде всего по внешности) — Эйдин и сама понимает, что она здесь лишняя.

За целую неделю она так и не привыкла к оглушительным звонкам, резко вырывающим обитательниц «Фэйр» из утреннего сна. Глаза у девочек заспанные, все они полуодеты, все зевают. В бледных лучах рассвета, пробивающихся сквозь окошки, они гурьбой спускаются в столовую, где витает аромат жареной колбасы. Еда точно та же, что и вчера: треугольники поджаренного резинового хлеба под светящейся инфракрасной лампой, графины с «соком» (разведенная водой «Оранжевая») и яичница-глазунья — такая же клейкая, как тосты, и такая же неаппетитная.

— Дерьмище, — раздается позади чей-то голос.

Эйдин, сжимая в руках пластиковый поднос, встает в очередь и снова слышит тот же голос за спиной, теперь уже громче:

— Такое даже мой бигль выблевал бы обратно.

Эйдин оборачивается и видит, что голос, как она и догадывалась, принадлежит Бриджид Кроу — очень красивой, бойкой, задиристой пятикласснице, которая спит через две кровати от нее. Бриджид — главная

заводила всех вечерних разговоров после отбоя и без тени стеснения рассказывает, что она уже не девственница и баловалась гашишем. Это та самая девушка, которой Бликленд устроила жуткий разнос за притворный храп во время самоподготовки — мучительно тоскливых трехчасовых занятий в полной тишине, которые проходят каждый вечер в этом же обеденном зале. Каждая девочка сидит за отдельным столом, чтобы нельзя было поболтать друг с другом, хотя сложная система обмена записками работает всюю. Не считая попыток заснуть в комнате, где куча незнакомых людей трубно сморкается, храпит, вопит, бормочет во сне, плачет, мастурбирует и ворочается, часы самоподготовки, пожалуй, самые тяжелые. Эйдин приходится крепко зажмуриваться и всеми силами отгонять от себя мысли о том, что сейчас делают мама с папой, Киран и даже Чума.

Бриджид, которая недавно объявила всем, что может достать поддельные удостоверения личности, чтобы ходить в выходные по ночным клубам, накручивает на пальцы длинные пряди светлых волос с мелированием цвета фуксии. На пальцах у нее четыре накладных ногтя — пятый, на большом, видимо, отклеился.

— Ага, — только и может выговорить Эйдин со смущенной улыбкой. — Я тут в основном только чай и пью.

— Курить ужасно хочется, — говорит Бриджид. — Хочешь, выйдем куда-нибудь после завтрака?

Эйдин не курит и ненавидит запах дыма, но все-таки кивает. В первый раз ее хоть куда-то зовут.

— Может, на хоккейную площадку? — Бриджид проказливо улыбается, и на щеках у нее появляются две дерзкие ямочки. — Все шестиклассницы туда бегают. — Она бесцеремонно разглядывает Эйдин. — Как там, говоришь, тебя зовут?

Пока Эйдин пытается свыкнуться с мыслью о курении среди бела дня на хоккейной площадке, видной из любого окна школы, включая директорское, к ним робко подходит девочка помладше и сообщает, что Эйдин вызывают в кабинет мисс Бликленд.

— Ну, ёлки, — говорит Бриджид с сочувствием и, как хочется верить Эйдин, с ноткой восхищения. — Похоже, ты встряла.

— Эйдин.

— Что?

— Эйдин меня зовут.

13

Милли слышит, как и каждое утро, вот уже целую неделю, Сильвия входит в дом ровно в девять, открыв дверь ключом, который дал ей Кевин. Она исключительно пунктуальна, деловита и предприимчива. В половине десятого она с подносом уже тихонько стучит в дверь спальни Питера, и начинается черепаший ритуал одевания Милли. Часто прямо в середине процесса, в одном бюстгальтере и застиранных трусах, Милли усаживается на кровати и начинает вслух размышлять о погоде, о своих носках и о мире во всем мире. Сильвия никогда ее не торопит. У нее ангельское терпение.

Потом, если погода хорошая, они идут гулять по окрестностям, и Милли останавливается на каждом шагу, чтобы поболтать со всеми соседями и представить им свою новую американскую подругу Сильви (а вчера и вовсе сократила ее до «Сил»). По пути они здороваются с собаками, с малышами, гуляющими в колясках в сопровождении непостижимо юных мам или несколько чопорных или застенчивых иностранных нянь, со случайными прохожими и, чаще всего, с сестрами О'Лири, двумя богемными дамами, никогда не бывавшими замужем — они тоже ежедневно выходят на утреннюю прогулку.

На очередной прогулке в сырой и холодный день, уже на второй неделе их знакомства, Милли обсуждает широкий круг вопросов: шоколадный торт (посыпать

ли его сверху миндальной крошкой?), Эйдин (как она там, в новой школе?), сына ВД, который звонит ей, только когда потребуются деньги, ревматизм, размер собственной груди... Сильвия выслушивает эти монологи внимательно и серьезно, с неподдельным интересом, и Милли чувствует, что уже просто влюблена в нее. Когда дорога идет под уклон, американка заботливо берет Милли под руку.

Милли слышит рев мотора раньше, чем видит сам двухэтажный автобус, летящий по узкой, извилистой дороге.

— К стене! — кричит Милли. — Водитель бешеный!

Женщины, смеясь над этим ЧП, которое сами же себе и организовали, отбегают к обочине и прижимаются к старинной каменной ограде. Краем глаза Милли видит море — бушующее, прекрасное в своем неистовстве. Огромный автобус проносится мимо, Милли смотрит ему вслед, видит, как водитель машет ей рукой, и машет ему в ответ.

— Вы спасли мне жизнь! — смеется Сильвия. — Идемте, нам все равно пора возвращаться. Вас ждет сюрприз.

***

Сюрприз оказывается совсем не таким, какого ожидала Милли. Не цветок в горшке, не банка хрустящего рисового печенья, которую Сильвия принесла ей в первый день. Это вообще не вещественный подарок. Сильвия ведет Милли на кухню и распахивает дверцу шкафчика возле раковины.

— Та-дам!

Шкафчик неузнаваем. Нижняя полка выскоблена дочи́ста и покрыта каким-то синим сорбирующим

ковриком. Чашки, блюда и кружки не только сверкают чистотой — они собраны все в одном месте и расставлены аккуратными рядочками. На полке выше — идеально ровная стопка чистых салатниц, а рядом — такая же ровная стопка чистых тарелок на таком же синем коврике. Здесь царит порядок — идеальный, продуманный, ошеломляющий.

С какой-то подчеркнутой торжественностью Сильвия распахивает следующую дверцу. Здесь, очевидно, отведено место для стаканов и бокалов, а в соседнем шкафчике, где раньше были свалены самые разнородные предметы, теперь разместилось все необходимое для выпечки, и все это тоже выглядит красиво. Мука и сахар больше не хранятся в бумажных пакетах: Сильвия пересыпала их в высокие стеклянные банки с пробковыми крышками, как на картинке в журнале о домашнем дизайне. Рядом — специи, макароны, рис, консервы и так далее.

От ее кухни Сильвия не оставила камня на камне.

Милли стоит посреди комнаты, разинув рот, обуреваемая противоречивыми эмоциями. Сильвия не имела никакого права шариться в ее вещах без разрешения, даже без предупреждения, и устраивать такие радикальные перестановки! Да кто она такая? Всего лишь наемная работница, получающая жалование в конверте, она и в доме-то появилась всего пару недель назад. А главное — что Сильвия хочет сказать таким непрошеным вмешательством? Что у нее, у Милли, на кухне бардак? Что она никуда не годная хозяйка? Эта мысль — о том, что Сильвия, пожалуй, ее все-таки не понимает, а может, просто жалеет, — оказывается неожиданно горькой.

И в то же время Милли ощущает прилив благодарности. Сильвия явно не один час трудилась с одной-единственной целью — порадовать ее, Милли, пусть

даже ей это не вполне удалось. Но намерения-то у нее были добрые. И нельзя отрицать, что новый порядок в шкафах и ящиках (да, ящики тоже преобразились) намного удобнее прежнего и, пожалуй, в целом лучше.

— Когда же вы успели? — спрашивает наконец Милли.

— Ой! Вам не нравится?

— Не то чтобы не нравится, а...

— Я работала понемножку каждый день. А закончила сегодня утром, пока вы отдыхали.

Милли подходит к первому шкафчику и ошеломленно разглядывает чайный сервиз ручной росписи — в нежных бледно-розовых розочках, выходящих по серо-зеленым лозам.

— Где это вы его откопали?

— Ах, это? — Сильвия улыбается. — Он лежал наверху, под кроватью в одной из спален. Я сначала решила, что это мусор. Он был в таком пластиковом пакете, знаете, как из магазина.

— Мне этот сервиз уже много лет на глаза не попадался.

— Он такой красивый! Давайте из него чай пить.

— Но он ведь не на каждый день.

— Почему? Почему бы не выпить чаю из самых красивых чашек, какие у вас есть? Вы этого заслуживаете.

— Я?

— Как никто другой. — Сильвия смотрит в лицо Милли — не то озадаченное, не то рассерженное, и выпаливает, по своему обыкновению, с дерзкой откровенностью: — Вы вообще привыкли себя во всем обделять. Не замечали?

Эти слова трогают Милли, и ей уже хочется как-то загладить свою первую, не слишком любезную реакцию.

— Вы, должно быть, кучу времени на это убили. Выглядит просто потрясающе.

В сущности, это правда. Пожалуй, Кевина стоит даже поблагодарить за то, что привел в дом эту незамутненную прелесть.

— Вам правда нравится? — спрашивает Сильвия. — Я обожаю это делать. Хочу еще кое-где в комнатах порядок навести, если вы не против.

— Ума не приложу, как это я его засунула под кровать? Что на меня нашло?

Сильвия берет одну из тоненьких чашек и ставит на поднос.

— На вид прямо старина.

— Прямо как я.

Сильвия фыркает.

— Да бросьте! Нет, правда, у вас столько хороших вещей. — Она включает чайник и показывает на французские настольные часы на подоконнике. — Вот, например. У моей мамы были такие же часы. Держу пари, стоят они немало.

— Эти-то? Да на них даже вор не польстится. Вечно отстают по меньшей мере минут на десять.

— Но их же можно починить. Я могу сама отвезти в починку в следующий раз, когда поеду в город. Никогда не знаешь, какие сокровища могут найтись прямо под боком. Вы смотрели такую передачу — «Лавка древностей»? Не знаю, у вас это показывают или нет? Каждую неделю люди приносят из дома какие-то вещи, вроде этих часов, или еще что-нибудь в том же духе — лампу или вазу, которые нашли у себя в подвале, — а там эксперты смотрят и говорят, сколько все это стоит. Иногда кто-то приносит картину, как он считает, необычайно дорогую, начала девятнадцатого века, например, а оказывается, что это подделка и ничего не стоит.

— Ха! Вот это как раз про меня.

Продолжая болтать, Сильвия приносит чай, и они вдвоем садятся за стол.

— А бывает, кто-то притащит люстру, про которую всегда думал, что это хлам, — рассказывает она, — или вот еще раз было — одна женщина нашла серьги в маминой шкатулке, и оказалось, что они стоят тысяч пятьдесят.

— Вот такое и у меня найдется. Мое обручальное кольцо, фамильное. Поэтому я его никогда и не ношу. Я ведь его уже теряла — в первый же день, как только надела, представляете?

Милли начинает подробнейший, хотя и довольно путаный рассказ. Они с Питером устроили пикник возле какого-то паба в Болсбридже, или, может быть, на лугу в Киллестере, или где-то еще — в общем, где-то в городе, и она уронила свое кольцо с изумрудом в траву. Двое влюбленных прочесывали берег реки, пока совсем не выдохлись. А потом, представьте себе, уборщица, миссис Оливия Кео ее звали, нашла его в мусорном ведре, или, может быть, на тротуаре возле магазина, или на столике под сахарницей. Повесила объявление: «Найдено утерянное кольцо», и Питер, когда приехал назавтра, чтобы поискать еще разок, увидел его и забрал кольцо. А Милли потом пригласила миссис Кео на чай — сконы, бутерброды с лососем и все такое — в Шелбурне.

— Ух ты, — говорит Сильвия, — слава богу, что нашлось. Но я все равно не понимаю — почему же вы это кольцо не носите?

— Да пальцы, знаете, отекают.

— А, ну да. Но вы же, надеюсь, храните его в банке, в ячейке или еще где-нибудь?

— А что, во Флориде все так делают?

— Ну да, если вещь дорогая. Вы же говорите, оно ценное?

— Очень, но нет, банкирам я не доверяю, — говорит Милли. — Оно у меня здесь, в Маргите.

— А если воры в дом заберутся?

— Не беспокойтесь, оно надежно запрятано, как клоп в ковре. — Несколько лет назад, когда на их улице произошла череда краж со взломом, Питер принес домой сейф для ценных вещей. А ее кольцо, упрятанное в бархатный мешочек с вышитой Веселой Джессикой монограммой, оказалось единственной вещью, которую ей хотелось сохранить. — И ключ тоже спрятан.

— Вот это хорошо, это разумно, — говорит Сильвия и, не дожидаясь просьбы, насыпает Милли в чашку ложку сахара и размешивает.

14

Поднос с чайником, сахарницей, молочником, яйцом-пашот, тостами с маслом и двумя таблетками парацетамола сотрясается с каждым шагом Кевина, когда он поднимается на второй этаж своего обожаемого дома, который они мудро купили еще давно, до того, как началось безумие на рынке недвижимости. Кевин толкает дверь носком кроссовки, еще влажной после утренней пробежки, и подходит к кровати: где-то там, в ворохе смятых простыней, лежит его жена.

— У меня есть лекарство от твоей боли, — говорит он и ставит поднос рядом с Грейс.

— Это не лечится, — отвечает она. На поверхности показывается прядь ее темных волос, а затем и она вся: вокруг глаз размазанная тушь или краска, не смытая на ночь, под глазами пятна теней — цвета трупa, выловленного из моря. И все равно она выглядит секси.

— Бог мой, женщина, чем же ты занималась всю ночь?

Кевин рассчитывал, что это прозвучит весело, но, кажется, в голосе все-таки проскочила нотка обиды, ревности или еще чего-то нехорошего.

— Вы так любезны. — Грейс садится у изголовья кровати, где все еще заметно бледное пятнышко яичного желтка, и при виде его Кевина вновь слегка потряхивает от злости. Они долго спорили о том, как

реагировать на этот возмутительный акт вандализма, метаясь между стремлением понять боль своей дочери и желанием сурово наказать ее. Вопрос повис в воздухе, где, вероятно, и останется висеть, по крайней мере пока.

— В другой раз не выпускай меня из дома. — Грейс натягивает одеяло до самого подбородка и быстрыми, короткими круговыми движениями потирает виски. Кевин в шутку суетится над ней, взбивает подушки, а затем изображает с одной из них настоящую драку. Кевин закидывает подушки ей за спину, а затем берет ее голову в обе ладони и массирует, как когда-то раньше. Она благодарно постанывает:

— О-о-о... великолепно. Нет, не останавливайся, пожалуйста! Еще! Я сейчас умру.

— В котором часу ты вчера пришла? — спрашивает Кевин, хотя прекрасно знает, что она ввалилась в парадную дверь в третьем часу ночи, еле держась на ногах, наскоро закусил чем-то — судя по всему, поджаренным сэндвичем с сыром и помидорами, — а потом рухнула на кровать прямо в одежде и захрипела на весь дом.

— Понятия не имею. В час? — Дрожащей рукой Грейс подносит к губам чашку вместе с блюдцем. — О, черт. — Она вздрагивает и расплескивает чай. — Черт! Я и забыла. Вчера вечером мне в офис звонил кто-то из Миллберна, а перезвонить так и не получилось.

— Вот они, твои пьяные вечеринки... — Кевин улыбается, давая понять, что шутит, и тут же морщится. Ведь было же время (ну да, почти двадцать лет назад — до смешного беззаботное время, еще до того, как они начали плодиться и размножаться), когда не нужно было специально подчеркивать, что шутка — это шутка? Пошутил, и все. Теперь же непременно

нужно поднять бровь, пожать плечами, что-то пояснить или смягчить, чтобы кто-нибудь из близких не истолковал его слова превратно.

— Я уже в курсе, — говорит он. — Ее высочеству понадобились какие-то туалетные принадлежности. Не то гель, не то масло для волос.

— Не нужно подробностей. — Грейс запивает таблетки остатками чая и начинает разминать вилкой яйцо. — Это прекрасно.

Кевину даже не верится, что она так легко проглотила его вранье. Эйдин, яростная противница всякого кокетства, никаких туалетных принадлежностей не просила, это совсем не в ее духе. Правда в том, что за такое короткое время дочь уже успела влипнуть в неприятности, хотя Бликленд, старая садистка, обожающая передавать родителям дурные новости лично и наслаждаться реакцией, отказалась сообщать подробности по телефону, сколько он ни выпрашивал. Лишь заявила, что хочет видеть его завтра с утра. Кевин намерен погасить этот тлеющий уголек сам, не посвящая в это жену, иначе очередная атака «урагана Эйдин», да еще сразу же после расправы над картиной, неизбежно усугубит ситуацию. По крайней мере, именно так он для себя оправдывает свою скрытность; на самом деле, конечно, и другие мотивы играют роль.

— А до пятницы это не может подождать? — спрашивает Грейс. — Ты как? Выглядишь как-то не очень.

— Нормально. Вообще-то я собирался сегодня съездить. Мне все равно в город нужно.

— Да?

— Мик нашел одну вакансию. Шансов немного, конечно. Какая-то онлайн-муть, я в ней не разбираюсь.

— Можно же на какие-нибудь курсы пойти?

Кевин с трудом сдерживается: она уже не в первый раз дает ему этот наивный совет.

— Что ж, все равно хорошо, если есть шанс, — продолжает она. — Но, сам понимаешь, может и затянуться.

— И так уже затянулось.

— Ничего страшного. Слушай, — говорит Грейс, — к ужину меня не жди. Я сегодня поздно приду.

— Опять? — вырывается у него.

— Ничего не поделаешь, — говорит она, хмурясь. — Поверь, я бы сама с удовольствием дома побывала.

— Правда?

— Шутишь? — она слегка улыбается, не то с любопытством, не то озадаченно, и направляется в душ.

***

Выгладив свои лучшие брюки, Кевин добрых десять минут разыскивает свой единственный ремень — старенький, потертый плетеный пояс, и в конце концов находит: ремень висит на спинке кровати Кирана, и на нем болтается в петле плюшевый мишка. Господи, у него в этом доме хоть что-то свое есть?.. В туалете он после некоторых раздумий отвергает мысль брызнуть на себя одеколоном, подаренным детьми на день рождения и до сих пор не распечатанным: это кажется слишком банальным. Нет, все-таки он и правда дурачок деревенский. Немолодой мужчина, притом женатый, притом более или менее счастливо женатый... или нет? И вот, как последний идиот, пытается принарядиться в надежде произвести впечатление на женщину, которая его на добрую четверть века моложе, которая тоже, скорее всего, замужем и вряд ли помнит о его существовании. Не говоря уже о том,

что его шансы увидеться сегодня с Роуз Берд вообще призрачны. Встреча с Бликленд назначена в корпусе «Фэйр», а кабинет мисс Берд располагается в школьном здании. И тем не менее его мозг все утро кипел, изобретая какой-нибудь правдоподобный предлог для того, чтобы зайти в главный офис и вдоволь налюбоваться ею: темным пятнышком родинки в правом верхнем углу рта, роскошным изгибом бедер под юбкой-карандашом, влажно блестящими глазами с дерзкой искоркой...

По счастливой случайности или по прихоти подсознания, сидя перед кабинетом Бликленд и разглядывая три телефона на стене напротив, Кевин вдруг замечает Роуз Берд. Объект его вожделения, ни о чем не подозревая, приближается к нему, просматривая на ходу огромную стопку папок с документами, и щеки у нее покраснелись от короткой прогулки между двумя школьными корпусами. На ней сексуального вида очки в черной оправе «кошачий глаз», которых он раньше на ней не видел, и синее платье с запахом, скрадывающее и одновременно подчеркивающее фигуру — в воображении Кевин тут же начинает медленно разматывать на ней ткань. На ногах у нее, как у всех женщин в Дублине, темные высокие кожаные ботинки, все в серебристых люверсах и молниях от щиколотки до середины икры. Вот бы сейчас расстегнуть эти молнии. Снять с нее ботинки и поглядеть, что там под ними. Колготки? Чулки на подвязках? Голая кожа?

— Мистер Гогарти, — она резко останавливается.

Стоит ей улыбнуться Кевину этими губами, как щеки у него окрашиваются румянцем и кровь приливает к паху. Ему снова четырнадцать лет. Как бы ему ни хотелось держаться с вежливой отстраненностью, он просто тупо пялится на Роуз Берд. В ней, словно

в таблетке экстази, есть что-то такое, что ударяет в голову, и Кевину вдруг делается хорошо.

— Как поживаете, мисс Берд? — Он не знает точно, что полагается делать в таких случаях по этикету. Кивнуть? Слишком холодно. Поцеловать? О боже, нет, конечно. Помахать рукой? Как-то нелепо, она же рядом стоит. Кевин останавливается на рукопожатии.

— Ой, — говорит она с хриловатым смешком, — какой вы холодный!

А вот у нее рука, наоборот, теплая, даже горячая, и этот первый телесный контакт с Роуз Берд, администратором школы Миллберн, несет в себе заряд чистого секса, ну ладно — потенциального крышесносного секса, который пробивает его насквозь.

— Как дела у Эйдин? — спрашивает Роуз.

Тут Кевин вдруг замечает, что у нее за спиной Бликленд уже хромот к ним через свое непомерно огромное, под стать раздутому самолюбию, логово. Еще несколько секунд — и шанс будет упущен.

— Отлично, — говорит Кевин и делает Роуз Берд знак придвинуться поближе, словно хочет сказать ей что-то по секрету. — Послушайте, я хочу спросить — можно будет с вами побеседовать после того, как я закончу свои дела здесь? — Он комично таращит глаза, словно мысль о встрече с Бликленд приводит его в ужас. — Чисто деловой разговор...

— Да? — Очаровательная головка в замешательстве наклоняется ближе. Кевина накрывает волна дорогого мускусного аромата, напоминающего о дорогом универсальном магазине, где продавщицы с утра до вечера обрызгивают духами надменных клиенток, мимоходом завернувших к ним в обеденный перерыв в поисках средств соблазнения. Мисс Берд больше ничего не говорит, только смотрит, наклонив к нему

лицо, серьезно и с любопытством, и ему остается только развивать дальше свою смехотворную легенду.

— Я хотел узнать, нельзя ли переводить Эйдин карманные деньги на какой-нибудь счет, чтобы она могла тратить их после школы. Она говорит, что другие девушки заходят в магазин и покупают конфеты. — От ее взгляда Кевин теряет волю, от ее близости слетает фильтр, сквозь который в другой обстановке не провалось бы то, что он брякает сейчас: — А может быть, и кое-что еще.

Что, черт возьми, он хотел этим сказать? А главное, как его поняла очаровательная мисс Берд? Что такое необычное или недозволенное можно купить в местном магазине?

— Вы имеете в виду сигареты? — понимающе кивает мисс Берд. Она совершенно невозмутима — помимо всего прочего, она умеет сгладить неловкость, и Кевин снова чувствует себя на коне. Интересно, думает он, у нее тоже ток пробежал по каждой клеточке тела от этого рукопожатия? — Но эти вопросы найдутся в ведении мисс Бликленд. Она распоряжается всеми делами в «Фэйр». А вот и она сама.

— Ясно, — бормочет Кевин, и мозги у него в голове взбалтываются, как омлет, от лихорадочных попыток прямо сейчас, когда старая карга с пустым и непроницаемым, словно кусок ДСП, лицом уже взялась за дверную ручку, придумать другой законный повод снова увидеться с Роуз Берд, и поскорее. Как можно скорее.

— Кстати, я хотела спросить, — говорит мисс Берд, поправляя сережку, у которой, кажется, расстегнулся замочек, и снова поворачиваясь к нему. — Вы получили ознакомительный буклет? Мне казалось, что я послала его по почте, а сегодня утром увидела, что

он лежит у меня на столе. Эйдин у нас единственная новенькая в этом семестре, вот я и подумала — может, я забыла отправить?

— Я зайду к вам на обратном пути и заберу, — говорит Кевин, еле сдерживаясь, чтобы не вскинуть победно вверх кулак.

— О нет, не стоит. Я пришлю его с кем-нибудь из девочек, не беспокойтесь.

— Мистер Гогарти, — произносит мисс Бликленд без малейшего проблеска чего-то человеческого на угрюмом лице. — Входите, прошу вас.

— Так я зайду чуть позже, — говорит Кевин. — Мне ведь все равно и с Эйдин надо повидаться.

— Дети сейчас на уроках, мистер Гогарти, — укоряющим тоном говорит Бликленд. — Посещения только после занятий.

Кевин готов отдубасить эту старую ведьму. Но тут Роуз Берд с лукавым видом добавляет такое, что он в один миг взлетает на вершину блаженства.

— Буклет у меня в главном офисе, можете зайти, если хотите, когда закончите свои дела.

Она улыбается и, как только Бликленд поворачивается спиной, показывает ему язык и подмигивает. Подмигивает! Ему!

Кевин Гогарти, окрыленный, буквально впархивает в офис Бликленд.

— Слушаю вас, — говорит он.

***

За закрытой дверью Бликленд довольно бессвязно излагает недавние события: оказывается, его дочь украла у него же в доме огромное количество спиртного, в том числе бутылку довольно дорогой водки — удивительно, как только он не заметил ее пропажи.

Первая мысль Кевина: ну, если честно, эта выходка вполне в духе того, что он и сам мог отмочить в юности — правда, у него обычно хватало ума не попадаться. Самое невероятное в этой истории, что, по словам Бликленд, бутылки обнаружили только потому, что Эйдин пыталась от них избавиться. Кто-то из учеников видел, как она выбросила их, невыпитыми! Нет, думает Кевин, Эйдин — определенно самая странная из всех его отпрысков.

— Наши правила категорически запрещают алкоголь — уверена, вы это понимаете. Если это правило нарушается, если девушка, — тут голос Бликленд слегка взлетает вверх, — проносит в корпус спиртное, это очень серьезный проступок.

— Миссис Бликленд...

— Мисс.

— Прошу прощения. Мисс Бликленд, на самом деле Эйдин хорошая девочка, правда. Она очень чуткая и заботливая. Но у нее сейчас трудный период — у нее сестра-двойняшка, между ними начались кое-какие... трения, а брат недавно уехал учиться в колледж, и она скучает. Лучшая подруга в прошлом году переехала в Шотландию. Знаете, я считаю, что этот случай... Видите ли, это своего рода символический бунт. Она не хотела ехать в школу. Возможно, она рассчитывала завести с кем-то дружбу таким образом, произвести впечатление. Ужасная ошибка, да.

Выражение лица Бликленд не меняется ни на йоту.

— Возможно, Миллберн — не самая подходящая школа для Эйдин, мистер Гогарти. Вы, вероятно, еще не знаете, что единственная подруга, которую она здесь нашла — самая трудная девушка из пятого класса, девушка, которую почти никогда не отпускают домой.

Кевин несколько не удивлен, однако говорит:

— Меня это очень удивляет. Послушайте, я хочу сказать — ей, вероятно, нужно время, чтобы привыкнуть. Думаю, она отлично впишется, если дать ей шанс.

— Неважно, был ли это бунт, как вы говорите, или она и в самом деле собиралась выпить бутылку водки и несколько банок пива, — голос Бликленд вновь звенит от возмущения, — за что пришлось бы нести ответственность школе, — все равно, правила есть правила.

— Я понимаю, разумеется, понимаю, — говорит Кевин, думая про себя: «Твою мать, ее же сейчас из школы исключат». — Но нужно же принять во внимание, что она выбросила бутылки? Очевидно, опомнилась, раскаялась в содеянном и приняла — да, запоздало, согласен, но все же приняла верное решение: не пить, не подбивать на это других девочек, не нарушать правила. — Перед глазами у Кевина встает Эйдин: как она вышла из машины в первый день, когда они приехали сюда — скорее всего, перепуганная до полусмерти, но решительная и упрямая. — Я прошу вас судить о ней по этому поступку, а не по той ошибке, которую она чуть было не совершила. Она будет стараться. Обещаю.

15

К Доннелли за покупками теперь путь заказан, и у Милли не остается другого выхода, кроме как отправиться в жуткий супермаркет, гигантский, рассчитанный на современного покупателя, привыкшего закупать еду тоннами. Построенный еще в помпезные нулевые, магазин с глупо-самодовольным видом высится у вечно забитого машинами кольца; армии сверкающих тележек стоят симметричными рядами у огромных автоматических двойных дверей; пафосная автостоянка с терминалом для самостоятельной оплаты размещается в прозрачном отсеке.

— В собственной-то деревне за парковку платить, — фыркает Милли, обращаясь к Сильвии. Она уже несколько месяцев не покупала продукты сразу на всю неделю — пожалуй, даже несколько лет. Как она однажды с удовольствием разъяснила сотруднику супермаркета, с изумлением увидев, сколько стоит фунт лосося (из здешней же бухты!), этот магазин оскорбляет ее чувства. А если уж говорить откровенно (к чему, надо признаться, Милли не очень-то склонна), это демонстративное потребление, эти груды пластиковых пакетов с едой и напитками, без половины которых вполне можно было бы обойтись, претят ей с философской точки зрения. Милли Гогарти пережила трудные времена, она — гражданка Ирландской Республики, ее мать во время войны сжимала в руках коричневые продовольственные карточки с торжеством

человека, поймавшего удачу за хвост. Милли твердо убеждена: в жизни нужно уметь довольствоваться малым. На неделю ей достаточно пинты молока, упаковки хлебной нарезки, немного бекона, масла, чая, баночки джема и, может быть, одного яйца.

— Осторожно!

Милли выныривает из своей задумчивости, когда ее верный «Рено» с чудовищной силой врывается в бетонное ограждение автостоянки. Раздается скрежет металла, и они с Сильвией визжат в один голос. Автомобиль отскакивает от ограждения и оказывается прямо перед проезжающим мотоциклом.

— Осторожно! — кричит Сильвия. — Тормозите!

Милли жмет, как ей кажется, на тормоз, но нога стоит на педали газа.

— Остановите машину!

Сильвия дергает ручной тормоз, и они резко останавливаются. Мотоциклист виляет вбок, едва не потеряв равновесие, но выравнивается и успевает на ходу показать Милли средний палец.

— Дурища старая! — орет он во всю глотку, так что слышно всем покупателям, катящим обратно к магазину пустые тележки. — Какого ты на дорогу вылезла!

— Боже мой! — говорит Сильвия. — Вы целы?

Это уже слишком даже для Милли, хотя обычно ей почти любые приключения в радость. От прилива адреналина ее, кажется, вот-вот разорвет изнутри, а левая рука словно намертво припаялась к рычагу переключения передач. Кое-как, по одному, Милли разгибает судорожно сжавшиеся пальцы. Хорошо хоть, ничего не болит: пальцы, руки, ноги — все в порядке.

— Миссис Гогарти?..

Милли выдергивает ключи из замка зажигания — с такой яростью, словно это они во всем виноваты.

— Я-то цела, — говорит она. — А вы?

Это ее третья авария за последнее время (хотя она не собирается об этом никому докладывать), и после каждой наступает момент помутнения рассудка, отстраненное тревожное ощущение, что ее физическая оболочка начинает разрушаться.

— Это же... о господи, — говорит Сильвия. — Нужно осмотреть повреждения.

Милли кое-как выбирается из «Рено», они с Сильвией обходят машину спереди и видят: бампер полностью смят, левая передняя фара разбита. Осколки полупрозрачного пластика разлетелись по асфальту, а по стене перед ними тянутся резкие черные полосы, похожие на граффити.

— Вы точно не пострадали? — спрашивает американка.

Милли кивает, но сама уже думает о последствиях. Теперь нужно хорошенько все обдумать, чтобы не напортить еще больше.

— Вот что, — говорит она. — Кевин не должен об этом знать.

— Как?..

— У меня и так уже достаточно неприятностей.

— Да ничего страшного, — говорит Сильвия. — Немного помяли машину. Главное, что никто не пострадал.

— Но он использует это против меня. Он давно уже грозит забрать у меня ключи от машины.

На загрузочную платформу въезжает задним ходом непрерывно гудящий грузовик, покупатели катят нагруженные тележки к своим минивэнам — жизнь продолжается.

Сильвия говорит:

— А что, если... может быть, пойдем где-нибудь кофе попьем? Например, в то чудное кафе, где мы были на прошлой неделе?

— Кто угодно может во что-нибудь врезаться без всякой своей вины, правда? Веселой Джессике тоже не раз случилось помять машину. И даже Кевину.

— Конечно. Не стоит из-за этого переживать.

— Пожалуйста... — Милли поднимает глаза на Сильвию. — Обещайте, что ничего ему не скажете.

— Да, но дело в том, что я должна давать ему еженедельный отчет — ну, знаете, что было, куда ходили, что вы ели и так далее.

Милли фыркает. Об отчетах она слышит впервые. Вечно из-за этих бумаг одни неприятности.

— Вот бы их почитать, — говорит она.

— Да нет, это не... он просто звонит по телефону. Минут на пять разговора.

Впервые Милли смотрит на Сильвию с подозрением. Выходит, эта женщина шпионит за ней? Передает бог знает какие сплетни тому самому человеку, который ничего лишнего не должен знать?

— Кевин просто хочет быть уверен, что с вами все в порядке.

— Ничего подобного, — возражает Милли. — Кевин, чтоб вы знали, задумал отправить меня в дом престарелых. Он считает, что мне нельзя жить одной, а это будет еще один аргумент.

— Так-так, — говорит Сильвия. — Подождите. Дайте мне немного подумать.

Наступает тишина, и в этой тишине паника, охватившая Милли, никак не хочет ее отпускать.

— Ладно, допустим на минуту, что я ничего не скажу Кевину...

— Да, да!

Лицо у Сильвии расстроенное.

— Если он узнает, меня уволят.

— Не узнает. Никогда в жизни.

— Ну, не знаю...

— Я могу вам заплатить.

Сильвия удивленно вскидывает голову.

— Что? Нет, я так не могу... это не в моих правилах.

— Да все равно, — говорит Милли. — Даже если вы ему не скажете — все равно. Он и сам узнает, правда же? Увидит, что машины нет возле дома. На ремонт ведь уйдет не один день.

— Это же мелочи. Можно и за один день справиться.

— Это Ирландия, — говорит Милли. — Тут ничего не делается за один день.

— А если мы... хотя нет...

— Что?

— Ох, ну что же делать. — Сильвия хмурится. Даже с нахмуренными бровями она довольно хорошенькая. — В общем, я подумала... а если мы скажем Кевину, что это я? Что я была за рулем?

Милли даже не сразу удается в полной мере оценить, сколько доброты, преданности и самоотверженности в этом предложении.

— И вы согласитесь?

— Ну, не скажу, что с радостью...

— Это гениальная идея.

— Думаете? По-вашему, получится? Но тогда пусть это будет наш секрет.

— Богом клянусь. — Милли кладет руку на грудь.

Сильвия говорит:

— Просто я считаю, что в доме престарелых вам не место. Это безумие. И если пустяковая авария может сыграть на руку Кевину, зачем же это допускать?

Милли обнимает Сильвию. Она готова даже от избытка чувств поцеловать помощницу в шею, но сдерживается. Только бормочет ей в плечо:

— И за что мне такое счастье, как вы?

Сильвия обнимает ее в ответ:

— Не говорите глупостей. — Она кладет Милли руки на плечи и говорит со всей прямоотой: — Вы замечательная. Вы замечательный человек. Никогда об этом не забывайте. Но только строжайшая секретность, договорились?

— Если я пророню хоть слово, пусть меня отведут на городскую площадь и побьют камнями.

— На площадь! — смеется Сильвия.

— Приходите ко мне на ужин в пятницу? Вдвоем с племянником.

— Ну что вы, не стоит.

— Я настаиваю!

Нужно позвонить механику, чтобы забрал машину, но это успеется. А сейчас Милли берет Сильвию под руку, и они направляются в магазин, уже составляя меню для ужина — ростбиф, картофельное пюре, зеленый горошек...

16

Кевин ожидает собеседования в «Старджар», ирландском филиале крупного британского интернет-агентства, специализирующегося на новостях из жизни знаменитостей и развлекательной индустрии. Офисы компании занимают второй этаж бывшего банка неподалеку от Графтон-стрит, недавно разорившегося. Кевин сидит в шикарной приемной и ерошит свою еще не столь откровенно поредевшую шевелюру. Ладони у него потные, изо рта разит (кариес пока что отошел куда-то на последний план в списке текущих задач), и сидит он здесь уже почти час. И должность-то — заместитель кого-то там... Пока что Кевину представляется нечто малопривлекательное: одна штатная единица, работа на износ, график не для семейного человека, бюджет скудный, бесконечная правка, вместо журналистов — стажеры, готовые пахать даром, лишь бы увидеть свое имя под статьей. А значит, и тексты корявые, значит, каждый раз переписывать все заново, значит, работы выше головы — словом, дерьмо еще то.

Но с другой стороны... Это единственная вакансия в редакции, какую Мик отыскал для него по всей стране, и Кевин идеально на нее подходит. Он всю жизнь проработал в журналах о знаменитостях, в Ирландии и за границей. Он знает эту отрасль вдоль и поперек: как написать броский заголовок, как уговорить

упирающуюся звезду дать яркое интервью, как выбрать горячую тему для обложки, чтобы ее заметили среди других в газетном киоске. Придется сегодня все это продемонстрировать и произвести впечатление на этот «Старджар», как ни ненавидит Кевин «продавать себя». У него это всегда выходит чудовищно топорно, и предстоящее собеседование радует его примерно так же, как перспектива сидеть с утра на размокшей картонке где-нибудь в переулке и кланчить мелочь у прохожих.

За исключением одинокого, неприкаянно слоняющегося по приемной строительного рабочего, чье изможденное небритое лицо вызывает у Кевина утешительно-братские чувства, никому здесь на вид не дашь больше двадцати двух. Какие-то хипстеры в узких разноцветных джинсах, бесконечно длинных серых шарфах и тяжелых квадратных библиотечарских очках бродят туда-сюда с вальяжным видом хозяев жизни. А может, это один и тот же хипстер бродит взад-вперед.

За стойкой регистрации восседает девица самого что ни на есть модного вида: черная сетчатая рубашка поверх черного кружевного бюстгальтера, полные ненакрашенные губы, два тонких серебряных колечка в потемневшем от кофе языке. Время от времени она останавливает на Кевине равнодушный взгляд, и он делает вид, что просматривает стопку глянце-вых журналов по дизайну, нервно постукивая своими «лучшими» (с самыми легкими признаками разложения) туфлями по дизайнерскому ковру ручной работы с волнистым узором — его цена наверняка могла бы покрыть годовое содержание минивэна.

Радостное возбуждение, владевшее Кевином на рассвете — пока он натягивал костюм («таких уже сто лет не носят», — морщится он), готовил себе

капучино, — заметно спало за те шестьдесят минут, что он провел в этой комнате с дурацкими пластиковыми стульями (всю задницу отсидишь), с чистыми холстами в одинаковых рамах светлого дерева, развешенными аккуратными симметричными рядами.

Наконец девушка за столом снимает свои нелепые телефонные наушники, встает и подзывает его ленивым движением двух пальцев. Где-то поблизости оглушительно визжит дрель, шлифовальная машинка или еще какой-то инструмент. Здание явно в стадии ремонта, в противоположность самому Кевину, который, как ему сейчас кажется, ремонту уже не подлежит и с каждым днем медленно, но неуклонно приближается к распаду.

Кевин стискивает в пальцах ручки кожаной папки: в ее тяжести есть нечто успокаивающее. За выходные, в перерывах между развозкой детей и готовкой в отсутствие Грейс (подалась куда-то на запад Ирландии — корпоративный выезд), он отобрал из множества вырезок, скопившихся за двадцать лет, несколько ярких глянцевых страниц и уложил между двумя крышками из мягкой, черной, потертой флорентийской кожи. Отбор материалов для портфолио — это его первая творческая работа за долгие годы, если не считать воображаемых адюльтеров.

Кевин никогда сознательно не стремился к карьере журналиста, пишущего о знаменитостях, просто так вышло. Закончив университет, он точно знал, что ему не интересно — банковское дело, юриспруденция, медицина, маркетинг, — но совершенно не представлял, чем заняться. Сразу по окончании они с Грейс переехали в Лондон, и он еще раз попробовал себя в жанре стендапа, но быстро понял, что ему не хватает необходимого упорства, этой неутолимой жажды, хотя писать монологи ему нравилось. Ему вообще

нравилось писать. Грейс уходила на работу — она уже тогда начала свое восхождение по карьерной лестнице в «Бритиш Эйрвейз», — а он сидел в их залитой солнцем квартире в Клэпхем-Саут с кофейником и пачкой сигарет и все писал, переписывал предложение за предложением, правил весь этот ужас, пока, опустошив кофейник, не доводил, наконец, до ума. Он чувствовал, что это у него получается.

Грейс стала первой и единственной читательницей Кевина и преданно поддерживала его, как и он всеми силами поддерживал ее стремительный взлет в отделе маркетинга и рекламы авиакомпании. Они играли в одной команде, хотя никогда не говорили об этом вслух. Она уговаривала его посылать свои опусы в литературные журналы (он так ничего и не послал) и ходить на авторские чтения в городе (туда он ходил). Летом в выходные они покупали самсу с мясом, бутылку розового и до темноты сидели в прокатных шезлонгах в парке, разговаривая о всякой всячине. Грейс зачитывала вслух анонсы из «Тайм-Аута», и они выбирали развлечение себе по средствам на следующую неделю — поход в Национальную портретную галерею (бесплатно) с последующим кофепитием в древнем склепе у Сент-Мартин-ин-зе-Филдс через дорогу, или поэтический турнир в Брикстоне (два фунта), или постановку никому не известной пьесы в каком-нибудь неожиданном месте. Последний запомнившийся ему спектакль — «Тень убийцы», — просмотренный за пятерку в районном клубе Киллберна, вызвал у него прилив тоски по родине.

Тем временем один из их однокашников решил переехать в Австралию и предложил Кевину парадоксальную должность фактчекера в одном из самых одиозных таблоидов того времени. За этим потянулись годы работы в самых разных журналах, публикующих

слухи: бесконечные уговоры, лесть, паника, авралы и разнузданные пьянки после работы. Хоть творчеством как таковым здесь и не пахло, ему нравилось писать, он наслаждался духом товарищества, к тому же за это платили. А лет через двадцать, после шестнадцати пьянящих, головокружительных месяцев на вершине ирландского рейтинга, его должность сократили в связи с урезанием бюджета.

По всему зданию расставлены мусорные мешки промышленных размеров, вздувшиеся так, что, кажется, из них вот-вот вывалятся внутренности, вокруг явственно ощущается атмосфера неустроенности, однако на двери матового стекла уже висит табличка с именем босса крупным шрифтом: «Ройстон Клайв, издатель». Судя по тем пикантным деталям, которые публиковал когда-то «Слухи и сплетни» — бывший журнал Кевина, Клайв — личность яркая и талантливая, но и совершенно невыносимая: педик из лондонского пригорода, имеющий сотни тысяч подписчиков в твиттере и владеющий знаменитым роскошным двойным таунхаусом в Мейфэре. Говорят, там на стенах есть специальные экраны — проведешь по нему пальцем, и диван нагревается прямо у тебя под задницей.

Кевин вздыхает: ему представляется, как его будущие внуки включают кресла в розетки и ставят подушки на зарядку. Да и по его собственному дому эта дрянь уже понемногу расползается, пожирая на своем пути самые яркие приметы его времени. Индейку проверяют на готовность по термометру, шины на велосипедах накачивают новомодным насосом. Даже штопор для вина уже работает на батарейках и, пока пробка ползет вверх, весь светится, будто НЛО, отрывающийся от земли. Кевину кажется непостижимым, зачем так яростно стараться устранить все мелкие неприятности и неудобства, почему все их непременно нужно

внести в план работы какого-нибудь офиса в Кремниевой долине, укомплектованного двадцатилетними спецами — молодыми, да ранними, напичканными ненужными знаниями, безмерно избалованными и до отвращения убежденными в своей исключительности технарями, — создать прототип, исследовать рынок, привлечь инвестиции и «запустить» готовый продукт. Где же находчивость, импровизация, умение решать житейские задачи при помощи простого здравого смысла? Задница мерзнет? Достань одеяло, брось брикет топлива в камин. А еще лучше — ложись в постель и скажи спасибо, что замерз: чувствуешь холод — значит, живой.

Дверь распаивается, и на пороге появляется бородатый коротышка с детским лицом и носом-картошкой, чем-то смахивающий на Папу Смурфа, лет двадцати с небольшим.

— Кевин? Я заставил вас ждать? Прошу прощения. Ройстон Клайв. Входите, пожалуйста. — Клайв улыбается, но Кевин ощущает в этой улыбке явственный оттенок неуверенности. — Садитесь, пожалуйста. А эта вертихвостка уже убежала? Джемма!

Девушка — Джемма — появляется снова.

— Придержи пока все звонки. Только если Тед позвонит — скажи ему, пусть пойдет и трахнет себя в задницу ржавой кочергой.

Клайв хохочет над собственной шуткой, а Кевин, стараясь не выдать накотившего отвращения, втискивается в черное кожаное кресло — подделку под Имса, а может, и оригинал. Кевин не особенно высокого роста, но здесь чувствует себя великаном в норе гнома. Ройстон плюхается на вращающийся стул за массивным столом, поворачивается к блестящему серебристому ноутбуку, и его пальцы начинают бегать по клавишам. Не глядя Кевину в глаза, он спрашивает:

— Итак, Кевин Гогарти, чего вы хотите от жизни?

— Прошу прощения?

— Это один американец — вообще-то довольно известный кинорежиссер, вы наверняка знаете его имя, — однажды задал мне такой вопрос на званом ужине в каком-то особняке на Голливудских холмах. Можете себе представить? Ну, я и ответил: «Чтобы соседи за столом не задавали тупых вопросов». Кофе хотите? Джемма!

Джемма вновь возникает в дверях и прислоняется к косяку с видом угрюмого подростка, размышляющего, есть ли смысл вступать в разговоры взрослых — все равно ведь скучища одна.

— Два кофе, живенько. И это самое печенье с джемом принеси. Хотя мне-то явно не стоило бы. Но у меня же сегодня Дэви в пять часов, так?

Джемма хмурит брови и выскальзывает за дверь. Оттолкнувшись от края стола, Клайв подкатывает вместе со стулом к корпоративной подарочной корзине, набитой какой-то безликой несъедобной дрянью — печенье с сухофруктами, фисташки в медовой оболочке, — которую можно распечатать и съесть только в случае мирового апокалипсиса.

Бородатый сопляк тормозит стул, разворачивает квадратик жевательной резинки с никотином и говорит:

— Итак, скажите мне: что необходимо для крутого журнала? В десяти словах, не больше.

— Я ирландец, — демонстрирует свою неотразимую улыбку Кевин. — Я ничего не могу уложить в десять слов.

— А вы попробуйте.

Как будто это возможно — свести все журнальное дело к «десятке лучших». Типичный безмозглый, беспардонный молодой недоумок. Из тех, кто не чувствует

нюансов, не имеет понятия о приличиях, думает, что знает все на свете, а чего не знает, то, значит, никому и не нужно. И откуда только взялась эта повальная мода (Кевин смутно подозревает, что винить в этом следует если не Америку, то Великобританию) — все на свете упрощать, сокращать и облегчать, лишь бы не признавать, что жизнь по природе своей — чертовски сложная и запутанная штука?

— Ну что ж, — начинает Кевин. — Сногшибательные фото. Сенсационные интервью... мировые знаменитости... возможность привлечь громкие имена, умение правильно подать...

— Стоп! Слова кончились.

Кевину хочется дотянуться через весь стол и врезать Ройстону Клайву по его самодовольной роже, на которой топорщатся нелепые санта-клаусовские усишки — местами как будто выщипанные. Такие больше пошли бы голуэйскому торговцу рыбой, чем гуру издательского дела. Замечает Кевин и рубашку ценой в триста фунтов, и блестящие, как у хорька, глаза, и понимает — перед ним конченный утырок, из тех, кто небрежно швыряет бармену кредитную карту, громко объявляет, что вся выпивка за его счет, а потом весь вечер напоминает о своей щедрости всем, кто способен слышать.

— Шучу, — говорит Клайв. — Но вы пропустили один пункт.

— В самом деле?

— Глаза.

— Прошу прощения?

— Сколько человек увидит рекламу.

— Ну, это не по моей части... — Кевин старается скрыть высокомерную нотку в голосе. — Это скорее в вашей компетенции, не так ли? Что называется, церковь отделена от государства.

— Нет, — с неприятным блеском в глазах отвечает Клайв и снова хватается за свой телефон. Похоже, он не в состоянии сидеть спокойно. А может, у него что-то на уме. У этого поколения всегда что-то на уме. — Здесь у нас так не делается. — Он щелкает по экрану мобильного телефона и рывкает: «Ты что там, собираешь долбанные бобы, что ли?» Снова щелкает и улыбается Кевину, ожидая одобрения. — Как же поддерживать медиаконтент без рекламы?

Медиаконтент! А, чтоб тебя! Самоуверенный сопляк подмигивает Кевину, вынимает изо рта жевательную резинку — мгновенно твердеющую цементно-серую горошину, похожую на замазку, — и впечатывает пальцем прямо в красивый тиковый стол середины прошлого века, как теперь замечает Кевин — уже сплошь облепленный этими жеваными шариками. Стол выглядит как поле боя после бомбежки.

Закинув руки за свою безмозглую головенку, Ройстон Клайв еще минут десять распинаясь об «ингредиентах успешного коктейля» для блога о знаменитостях. Затем начинает хвастливую сагу о своих успехах — по большей части наверняка выдуманных, — беззастенчиво вплетая в каждую славную историю давно забытые имена знаменитостей — одной из «Спайс Гелз», герцогини. «А эта Ферги однажды притащила на фотосессию королевского конюха, плюс еще двадцать человек свиты — и всем подавай горячий марокканский чай с мятой и свежие манго. Это в Фулеме-то!»

Кевин надеется, что ему удастся убедительно изобразить интерес и внимание, а сам между тем думает о том, настолько ли плохи его дела, чтобы ввязываться в это. Ходить сюда каждое утро и работать на такого идиота? Возвращается Джемма с чайником, чашками, блюдцами и тарелкой песочного печенья.

— Я же сказал — кофе! — рявкает Клайв и хлопает ладонью по столу.

— Ой...

— Ты уволена, лесбуха! — орет он и смеется. Джемма закатывает глаза и выходит.

— Ладно, давайте серьезно. Вот что я вам скажу — Клайв берет пилку и начинает шлифовать ноготь большого пальца, покрытый прозрачным блестящим лаком. — Ваши вкусы меня несколько не волнуют.

Телефон Клайва вибрирует.

— Это Эндрю из того реалити-шоу. Ну, знаете, такой — с секси-монобровью? Вы бы видели его задницу!

Кевин выдавливая из себя вялый смешок, и Клайв откладывает телефон в сторону.

— Вот что — я вас знаю, знаком с вашей работой. Я ваш фанат.

— Это очень любезно с вашей стороны, — говорит Кевин, тянется к папке и мысленно ругает себя за то, что не взял с собой черно-белое студийное фото Дэвида Бекхэма на «Харлее» — без рубашки, с блестящим от масла торсом и мрачным взглядом в камеру. Одного такого снимка, как он теперь понимает, было бы достаточно, чтобы обеспечить ему эту работу. — Я захватил несколько образцов...

— Меня смущает только то, — говорит Клайв, отбрасывая пилку и наливая себе чай, — что у вас нет опыта работы в онлайн-изданиях.

— Хм, да, это верно, и я как раз хотел об этом поговорить. Действительно, моя карьера по большей части была связана с печатными изданиями. Но, как вы наверняка знаете, у «Слухов и сплетен» был и свой веб-сайт, причем весьма успешный, и я руководил его работой.

— Две тысячи уникальных посетителей в неделю. Скажем так: сайты про хламидиоз, пожалуй, набирают больше просмотров.

Кевин притворно смеется над остроумием этого полудурка, хотя в его словах есть доля истины. У Кевина и впрямь никогда душа не лежала к цифровым технологиям. Он даже едва не потерял работу, устроив скандал, когда на него пытались навесить кучу дополнительных обязанностей, связанных с сайтом, без дополнительной оплаты.

— Между печатными и онлайн-изданиями большая разница, — продолжает Клайв. — Речь идет не об одной статье в месяц, и не о двух. Речь о том, чтобы выдавать статью за статьей весь день, с утра до вечера. Это небо и земля. О печатных СМИ вы, конечно, знаете гораздо больше моего. Я в них вообще ни дня не работал, — говорит он таким тоном, будто бумажные издания — это груда собачьего дерьма на только что постеленном ковре в гостиной. — Но понятно, что скорости там не те. Там на статью дается... сколько? Три недели, месяц? Какие уж тут свежие новости. Вообще-то новости сейчас дешевы — да что там, они просто ни хрена не стоят! Я выкладываю на сайт статьи о том, как у вышедшей в тираж певицы силиконовая грудь торчала из выреза халата, или о том, что самому гетеросексуальному герою Голливуда регулярно делает анилингус уборщик его бассейна в Беверли-Хиллз. А через двадцать минут это уже старье, разошлось повсюду. Понимаете, что такое вирусные новости? Вот хотя бы Джейми Гроснанс.

Что еще за Джейми?.. Кевин понимающе кивает, хотя внутри скребется беспокойство. На самом деле последние пару месяцев он полностью отключился от новостей о знаменитостях.

— Не возражаете? — Кевин тянется к чайнику.

Клайв злорадно хихикает.

— Не мне, конечно, осуждать кого-то за противоправные действия, косячок там, или еще что, но это

уже полный зашквар. А эсэмэски? Боже ты мой, до такого нарочно не додумаешься.

Что тут делать? Попробовать выкрутиться как-нибудь — что-что, а лапшу на уши вешать он умеет, — а потом, дома, освежить знания о поп-культуре — наверняка для этого будет достаточно двадцатиминутного разговора с Нуалой или Эйдин? Или признаться, что все это для него темный лес, и почти наверняка загубить свои перспективы на корню? Кевин улыбается:

— Жизнь богаче выдумки.

— Итак, вы — редактор, вам становится известно об этой истории, и вы должны выложить ее на сайт через шестьдесят секунд. Какой заголовок дадите?

Мысли у Кевина в голове лихорадочно мечутся, хотя он и пытается принять вид воплощенного спокойствия. Кто этот Джейми Гроснанс — кинозвезда, звезда реалити-шоу, звезда Ютуба, звезда поп-музыки? Если уж гадать — он бы, пожалуй, поставил на музыканта, но гадать слишком рискованно. Кевин решает выбрать как можно более обтекаемую формулировку, чтобы уж точно не облажаться.

— Может быть, сыграть на теме наркотиков... Что-нибудь вроде «Что курит Джейми?»

Клайв смотрит на собеседника с легкой насмешкой.

— Но там была не травка. Там был кристаллический метамфетамин.

— Ага, — бормочет Кевин. — Тогда, скажем... — Он замолкает на пару секунд. — «Упоротый самец».

Учитывая, что в его распоряжении был доли секунды, вариант, по мнению Кевина, совсем неплох. Однако Клайв явно разочарован. Он берет телефон, набирает что-то и говорит:

— Вот что — спасибо, что пришли на собеседование. Но я не думаю, что вы нам подойдете.

Вот так просто? Одна недостаточно остроумная импровизация — и шанс упущен?

— Я наверняка смогу придумать что-нибудь получше.

— Да нет, достаточно. — Клайв поднимается со стула и стоя оказывается немногим выше, чем сидя.

Кевин кое-как разгибает свои длинные спортивные ноги и тоже встает.

— Ну что ж, — говорит он. — Не возражаете, если я прихвачу на дорожку? — Он тянет руку к последнему печенью.

Клайв смотрит на него со смесью любопытства и жалости.

— Валяйте.

Кевин засовывает печенье в рот, а Клайв уже зовет Джемму. Когда Кевин кивает от двери головой на прощание, интервьюер усмехается и говорит:

— Ничего личного, приятель, но мне нужен человек, который разбирается во всей этой помойке. Джейми Гроснанс — не самец. Она самка.

17

В пятницу в наступающих сумерках, перед приходом гостей, Милли забирается в гараж и обшаривает свои тайники в поисках курева. От кого она его там прячет и зачем, она и сама толком не знает. С Сильвией Милли тему курения не обсуждала: Сильвия все же американка, а значит, наверняка серьезно относится к канцерогенам. Скрывает Милли свой порок и от Кевина: она еще помнит этот бесконечный нудеж, которым он ее замучил после того, как сам бросил курить, а потом — после появления той опухоли, что так перепутала ее два года назад (безобразная шишка на подбородке — большущая, с грецкий орех, но доброкачественная).

Милли долго смотрит на шаткую стремянку, которая ей нужна, чтобы выковыривать мусор из водосточков раз в десять лет или около того (не платить же каждый раз по две сотни за такую ерунду), осторожно взбирается на верхнюю ступеньку и вслепую шарит рукой по заставленной всяким барахлом полке. Вечно она забывает, куда засунула сигареты, и вообще про все забывает. Однажды нашла целую пачку вместе с золотой зажигалкой в духовке. Что нужно иметь вместо мозгов, чтобы засунуть сигареты в плиту!

Милли нащупывает на стене выключатель, и тусклая лампочка освещает громоздящиеся повсюду кучи хлама: банки с давно загустевшим моторным

маслом, остовы велосипедов, уже не первое десятилетие валяющиеся беспорядочной грудой на полу. Может, кто-нибудь из детей соседей Фицджеральдов захочет покататься? То, что цепи давно соскочили, а седла едва держатся на ржавых пеньках — все это Милли не смущает. С другой стороны, соседи несколько достали: день и ночь строители у них что-то долбят, сверлят, сооружают какую-то отвратительно-пафосную пристройку к дому. Но при всем при том — почему бы и не зайти к Лоре Фицджеральд и не спросить, не пригодятся ли ей велосипеды? Как-никак, а сэндвичи с ветчиной и маслом эта женщина готовит действительно превосходно.

Оставив без внимания предупреждение «Курильщики умирают молодыми», жирным шрифтом напечатанное на пачке сбоку (она уже старуха и курит, а все еще жива), Милли затягивается и тут же слышит шаги и голоса у входной двери. Рано ее гости явились к ужину. У Милли лишь смутное представление об истории Сильвии: она в курсе, что девушка недавно приехала в Ирландию со своим тогдашним парнем, барабанщиком из Айриштауна, чтобы сопровождать в турне его группу, и прихватила с собой племянника. Бойфренд оказался капризным занудой, группа в итоге распалась, а Сильвия и Шон остались, поскольку возвращаться им было особо некуда. С тех пор она так и подрабатывает то здесь, то там, пытаясь скопить немного денег и встать на ноги. Сильвия как-то упоминала об этом Шоне, сыне своей сестры, которая умерла совсем молодой. Парень он, судя по всему, спокойный, помощник в доме и не лишен творческой жилки, только чересчур уж замкнутый — должно быть, страдает от одиночества или по дому тоскует. И тогда Милли — на волне внезапного вдохновения — пригласила в тот же день и Эйдин.

Шон невысок ростом, у него мягкие черты лица, аккуратные брови, пытливые, влажно блестящие глаза и оливково-бледное лицо — ничего общего с его белокожей тетушкой. Эйдин этот парень наверняка понравится. Со спутанными волосами, напоминающими заросли густой травы, вроде как у того ирландского парня-доходяги, которого обожает Эйдин, — именно таких ребят придирчиво отбирают циничные дельцы от шоу-бизнеса, чтобы они воплотили в себе все надежды и горести молодых. На нем клетчатая рубашка без двух пуговиц и темные джинсы с низкой посадкой, из-под которых выглядывает неоновая-яркая резинка трусов.

Милли вглядывается в лицо Шона и замечает в нем какую-то потерянность. Он кивает и вежливо здоровается, но при этом смущенно разглядывает ковер в холле. Сильвия принесла с собой вино, и, пока она его открывает, Милли готовит юноше стакан сквоша, разбавляя апельсиновый сироп газировкой из своего старомодного сифона — у нее он всегда наготове, чтобы было чем угостить внуков.

— Вот молодец, что пришел, — говорит она. — Твоя мама говорила, что ты сейчас в школу не ходишь?

— Тетя, — мягко поправляет он. — Я сдаю экзамены на аттестат среднего образования. Это примерно то же самое, что школьный. Еще чуть-чуть осталось.

— Шон очень любит читать, — говорит Сильвия. — И книги все такие... серьезные.

— Я же не гражданин, — говорит Шон. — Меня здесь, наверное, никуда и не примут?

— Не примут? — переспрашивает Милли. — Ну что ж, все равно тебе ни к чему изучать ирландскую историю и язык. Какой от них прок? Давай-ка, расскажи мне что-нибудь. Какой-нибудь секрет.

Шон серьезно задумывается и говорит:

— Я атеист.

Милли хлопает в ладоши.

— И я тоже атеистка. А еще?

Шон улыбается.

— Ну ладно. Ненавижу, когда люди сюсюкают со своими собаками, как с младенцами.

— Ненавижу собак.

— Ну нет, — смеется он. — Собак ненавидеть не за что.

— Ты прав. Если они не злые, конечно.

— Они так любят людей. Просто хотят пообщаться.

— А какое у тебя любимое место в Дублине? Если я что-то знаю в этой жизни — а я почти ничего не знаю! — хихикает Милли, — так это мой Дублин.

По правде говоря, в последнее время она с немалым трудом ориентируется в своем Дублине — столько новых домов, торговых центров, бизнес-парков, столько строительных кранов, которые когда-то внушали надежду на будущее, а теперь застыли в воздухе над горизонтом города. Ни дать ни взять диорама с длинношеими динозаврами, мирно пасущимися на лужайке перед самым падением астероида.

Шон показывает рукой за окно — там, на северной стороне залива, на воде мерцающей подковой лежат отражения огней, до самого Хоута.

— Да хотя бы вот это — по-моему, совсем неплохо.

Милли радостно сияет.

— Я-то сама выросла здесь неподалеку, в Киллини. Не бывал там? Я тебе сейчас фотографию покажу. — Милли шарит на полках и показывает Шону фотографию в рамке. На самом деле это не тот дом, где она выросла — тот снесли много лет назад, чтобы освободить место для жилых многоэтажек, — но так похож, что кажется ей родным.

— Сильвия говорила, ты музыкант, — вспоминает Милли. — Правда?

— Ну, это у меня вроде...

— Моя внучка должна прийти с минуты на минуту. Она без ума от поп-музыки. В общем, как вы все, наверное. Подбрось-ка пару брикетиков, Шон, будь другом — огонь вот-вот погаснет.

Шон аккуратно, методично выкладывает три брикета пирамидкой, в промежутки втыкает вонючие палочки для растопки, и огонь мгновенно вспыхивает. Парень отрывается от своего занятия, когда в гостиную тихонько проскальзывает Эйдин. Она здоровается с американскими гостями, неловко обнимает Милли и отмахивается от ее неумеренно горячих поцелуев.

— Она и правда красавица, как вы и говорили, миссис Гогарти, — замечает Сильвия. — Правда ведь, Шон?

Шон, краснея, говорит: «Да, мэм», и все смеются. Он подхватывает щипцами тлеющие угольки, разлетевшиеся во все стороны, и снова бросает их в огонь, а затем смахивает метелкой грязь и золу на совок и кидает обратно в камин. Делать больше нечего, и он садится на единственный свободный стул рядом с Эйдин. Когда он потягивается, вскинув руки вверх, Милли замечает мелькнувшую полоску смуглого плоского живота и дорожку темных волос, непристойно спускающуюся от пупка.

— Я так рада, что ты пришла, — говорит Милли внучке. — Знаешь что? Шон любит музыку.

— О боже, — вырывается у Эйдин.

— Что же тут плохого? — жизнерадостно спрашивает Милли и переводит взгляд на Шона. — Ты знал, что твоя тетя обещала когда-нибудь засунуть меня в чемодан и провезти в Америку зайцем? Нет, вы только посмотрите — трое гостей в один день! Я всегда говорю: здесь или густо, или пусто, вот и доказательство, правда, Сил? То всю неделю ни души...

— Ну как же, — возражает Сильвия. — Кевин заходил...

— А сегодня и ты, и Шон, а теперь еще и Эйдин, — не останавливается Милли, уже чувствуя действие вина. — Расскажи что-нибудь сексуальное.

— Бабушка!

Милли оглядывает Эйдин с головы до ног. Каким-то непостижимым образом эта девочка, сидящая перед ней с красными щеками, еще сильнее похудела с тех пор, как поступила в Миллберн.

— Расскажи нам про свою новую школу.

— Дерьмо, — говорит Эйдин.

— Неужели?

Эйдин кивает.

— А кормят как?

— Дерьмово.

— Должно же там еще что-то быть, кроме дерьма, — говорит Милли, и Шон смеется. Ей определенно начинает нравиться Шон. — Что же вам там к чаю дают, интересно?

— Булочки с сосиской. Отвратные. Или тосты с бобами.

— Но кто же не любит тосты с бобами?

— Только не с такими, — отвечает Эйдин. — И тосты не такие.

— Бедный мой птенчик. Что ж, теперь ты здесь, а это главное.

— Так ты что, прямо живешь в этой школе? — Это первый вопрос, который Шон адресуется непосредственно Эйдин. — В общей комнате?

— Ага, — говорит Эйдин. — Но только на неделе. На выходные приезжаю домой.

— Представляется что-то вроде казармы.

— Больше похоже на сумасшедший дом.

Шон усмехается.

— Что, правда?

— Ну, они там все какие-то... вот, например, одна девочка — по ночам на нее всегда накатывает тоска по дому. Это ужасно грустно. Она не хочет, чтобы кто-то заметил, и плачет так, потихоньку, в подушку. А мне ее жалко. А другой родители все время присылают деньги, дорогие подарки, вещи, но никогда не навещают. Домой берут только на Рождество и на летние каникулы. И она там с шести лет.

— Я практически разорена, — говорит между тем Милли. — Да, кстати, Сильвия, вы не видели, мне тут никакие чеки не приходили? Обычно в это время я получаю свои дивиденды.

— Да, была пара чеков. Я положила их на счет, в среду, кажется. Вот черт, я что, забыла вам квитанцию отдать?

— Чего не знаю, того не знаю. Да нет, наверняка отдавали. Неважно. Ужасно скучная тема, правда, Шон? Молодым людям ни к чему разговоры о деньгах.

Шон вежливо качает головой, а затем с улыбкой поворачивается к Эйдин.

— Так ты, значит, тоже любишь музыку?

18

Эйдин в самом радужном настроении летит на велосипеде от бабушкиного дома вдоль темнеющего Ирландского моря по непроглядно темной дороге — фонари вдоль нее попадаются только изредка, да и те светят паршиво. Свирепые порывы ветра обжигают щеки, уши, пальцы, но Эйдин этого почти не замечает, ей ничего не страшно. Вся дорога её! Свернув на боковую дорогу, она взвизгивает, хохочет, как сумасшедшая, и бросает педали — летит под уклон на полной скорости, а в ушах гремит «I'd Really Love to See You Tonight» в исполнении Чёткого. «Но теплый ветер разносит звезды, ах, как хочется видеть тебя». Интересно, сколько лет Шону? Семнадцать? Девятнадцать? Да какая разница. У него волосы как у рок-звезды. И кожаная куртка. Интересно, он уже занимался сексом? Представление о сексе у Эйдин, мягко говоря, туманное, хотя Бриджид во время полуночных бесед в «Фэйр» всякий раз упоминает какие-нибудь откровенные, неприятные подробности: обязательно зажми кончик презерватива, держи под рукой полотенце, приготовься — будет больно.

Впереди Эйдин видит старика, гуляющего с собакой, кричит, против своего обыкновения: «Привет!» и катит дальше. Вновь и вновь она проигрывает в воображении сцену, только что разыгравшуюся в бабушкиной гостиной. Теперь она будет это делать

всю неделю, и молча, наедине с собой, и вслух, вместе с Бриджид в Миллберне: переживать заново, разбирать на детали, прокручивать в голове раз за разом.

Когда Сильвия с Милли ушли готовить ужин, Эйдин, ужасно смущенная, торопливо подошла к камину и стала перекладывать брикеты.

— Твоя бабушка — просто отпад, — сказал Шон.

— Это хорошо или плохо?

— Конечно, хорошо. Она такая прикольная, правда же? «Шон любит музыку!»

— В жизни не слышала худшей имитации ирландского акцента.

Шон рассмеялся и попробовал еще раз:

— «Сейчас бы в паб, да по ба-а-аночке!»

— Кончай! — Эйдин зажала руками уши, изображая протест. — Это ужас какой-то.

Он улыбнулся ей.

— Так какую музыку ты любишь?

— Ой, я обожаю Чёткого. Он лучший. Я его раза четыре живьем видела.

— Чёткий? — Шон отшатнулся и выставил обе ладони перед лицом, словно заслоняясь от какой-то инфекции. — Это такой длинный чувак с бородой, который типа перепевает чужие песни?

Если бы кто-то из окружения Эйдин позволил себе подобную реакцию (а такое случалось), она бы не полезла за словом в карман. Но Шон, кажется, просто дружески ее подначивал, и, разумеется, даже намек на резкость был бы тут совершенно неуместен.

— У него и свои песни есть, — проговорила Эйдин, глядя ему в лицо. Было почти больно, да просто невыносимо смотреть на этого юношу вот так прямо. У него такие одухотворенные глаза, такая восхитительная грива волос — гуще, чем у нее, и блестят

сильнее. — Он классный, совсем не выделяется, к фанатам нормально относится.

— Да? Ну, клево. Так что же — каждый день Чёткий двадцать четыре часа в сутки? И больше никакой музыки?

Эйдин тут же стало жаль, что ей нечего на это ответить.

— А ты что слушаешь?

— Я много чего люблю, разного. Сейчас вот на всякую старину подсел. Sonic Youth, Nirvana. Fugazi. Хочешь, запишу тебе плейлист?

Эйдин чувствовала, что этот разговор — первый в ее жизни разговор в таком духе — разом сделал ее жизнь ярче: как будто она до сих пор, сама того не замечая, слушала музыку только в одном наушнике, а стоило ей заговорить с этим парнем, как ожил и второй. Когда Шон вышел за своим телефоном, она с ожесточением потеряла кончик носа, чтобы убрать жирный блеск, и взъерошила пальцами волосы. Услышав, что Шон возвращается, вытерла вспотевшие руки о джинсы — правда, они тут же снова стали влажными. Больше всего на свете она боялась, что он захочет взять ее за руку или дотронется до пальцев, хотя бы нечаянно, или еще что-нибудь — почувствует, что ладонь потная, и тут же пожалеет, что встретил ее. Больше всего на свете ей хотелось ему понравиться.

— Я тебе ссылки сброшу. — Это происходило наяву. — А если не понравится — ну что ж... — Шон покачал лохматой головой. — Тогда нашей дружбе конец.

Эйдин засмеялась. Они что, уже друзья? Они всего-то час назад познакомились.

*Жил-был парень с глазами зелеными,
Говорил он словами мудреными.*

*Под попсу не танцует он...
Пусть меня поцелует он,
Этот парень с глазами зелеными!*

Шон, не поднимая глаз (слава богу, иначе Эйдин могла бы и сознание потерять — у нее и так все лицо горело), спросил:

— Какой у тебя номер? И емейл?

Вспоминая об этом, Эйдин вновь издает ликующий крик, запрокинув голову к небу. Она крутит педали изо всех сил: скорее бы добраться до дома! Ее же просто разорвет, если она прямо сейчас не напишет Бриджид обо всем.

Дома Эйдин пытается сразу же проскользнуть наверх, минуя цепкие родительские лапы.

— Эйдин? — окликает папа из гостиной. — Можно тебя на пару слов?

— Я очень устала.

— Всего на минутку.

Эйдин со вздохом толкает дверь носком высокого ботинка и становится в дверном проеме.

— Извини, что так поздно пришла.

— Ты же знаешь, что тебе нельзя гулять. Ты наказана.

— И к бабушке нельзя? — она закатывает глаза.

— Нет, к бабушке можно, конечно. Но не рассчитывай, что в эти выходные будешь разгуливать где вздумается.

— Я знаю, но я ведь ни капли не выпила. Я все выбросила.

— Слушай, давай-ка... войди и сядь на минутку. Ты почти ничего не рассказала про школу. Как у тебя там дела?

Эйдин слышит сигнал телефона — пришло новое сообщение.

— Нормально. То есть я ее, конечно, ненавижу, но...

— А как бабушка?

— Хорошо.

— И все? Расскажи.

Эйдин упирает руку в бедро.

— Все нормально. Она почти все время разговаривала со своей помощницей.

— С Сильвией?

— Да.

— Кажется, они поладили?

— Да.

— Бабушке нравится Сильвия?

— Да.

Голосом робота отец повторяет:

— «Да. Да. Да. Да. Отключите провода».

— Папа, я устала. — Телефон снова звякает. Эйдин вытаскивает его из заднего кармана, вводит пароль — это чтобы Чума свой нос не совала — и видит на экране незнакомый номер и сообщение, от которого у нее замирает сердце: «Послал немного музыки. Только посмей сказать, что тебе не понравилось».

— По-моему, Сильвия — это то, что нужно, — говорит папа, даже не подозревающий о том, что ее жизнь только что изменилась навсегда. Взрослые вообще ни черта в жизни не понимают. — Кажется, твоя бабушка довольно быстро к ней привязалась, и слава богу. — Он усмехается. — Правда, она, судя по всему, еще не освоилась здесь с вождением.

То, что сообщение пришло так быстро, говорит о многом. Эйдин ужасно не терпит подняться наверх. При всем своем умении скрывать эмоции, она не в силах удержаться от улыбки, и отец с любопытством замечает это.

— Что такое?

— Ничего. — Эйдин выскакивает в коридор, пока отец не успел разглядеть, как она рада. Произносит нараспев: — Спокойной ночи! — и стремительно бросается вверх по лестнице, по пути даже буркнув «привет» сестре.

19

Разит от Кевина адски. Дома он от души плеснул и на шею, и на грудь, и теперь до него доходит, что реклама дешевого европейского одеколона, обещавшая превратить его из вонючего задрота в ухоженного джентльмена, оказалась сплошным надувательством. Хорошо еще, если этот запах хоть как-то замаскирует очевидные признаки волнения — под мышками уже слегка влажно, несмотря на ледяной холод. Далеко не идеально для первого подступа к адюльтеру. А Кевину как раз хочется, чтобы все было идеально.

Через час, если эта очередь в банке, черт бы ее побрал, все-таки начнет хоть немного двигаться, он будет сидеть напротив Роуз Берд в «Стране вечной юности», модном маленьком гастробае на кривой, узкой, темной улочке к северу от реки — именно это местечко он выбрал для их первого тайного свидания. Втайне Кевина по-дурацки радует символичность этого названия. В детстве его зачаровывал миф об Оссиане и Ниам, тот, в котором Ниам уводит простодушного барда в Страну вечной юности — потусторонний мир, где царит молодость, красота и наслаждения. Молодость и красота — это, безусловно, по части Роуз, а он будет рад обеспечить наслаждения. Трах-тарарах! С тех пор, как ввязался в этот флирт, он чувствует себя прямо-таки подростком. Только не подумайте, это даже рядом не лежало с его ухаживанием за

Грейс, которое, представьте себе, началось в университетской библиотеке, а вовсе не в пабе, не на дискотеке или студенческой пьянке. Кевин подрабатывал, раскладывая книги по полкам, а Грейс вечно сидела за столом у окна, часами зубрила перед экзаменами, и ее круглые, как у Джона Леннона, очки мило сползали вниз по переносице. Он не сразу разглядел ее красоту — блестящие темные глаза, легкая россыпь веснушек на высоких скулах, смоляные волосы, тогда еще гораздо более длинные, — но, разглядев, начал засматриваться, подглядывая тайком, что она читает (неизменно учебники по истории). Он пытался заговаривать с ней — бесполезно! Это ему понравилось, появился азарт. Однажды, дождавшись, когда она отойдет от стола, он заложил между листами ее книги стихи. Никакой лирики — это было выбранное в результате долгих поисков стихотворение озлобленного на весь мир британского поэта-алкоголика о разбитом сердце. Под стихами он подписал: «Если не пойдешь со мной выпить, закончу как он».

Кевин постукивает дебетовой картой по бумажнику и проверяет сообщения на мобильном. Нет, ну как так — понедельник, время обеденное, а работает только один кассир! Эти люди просто крадут у Кевина его драгоценные минуты, и это так бесит, что он старается об этом не думать. Срываться сейчас никак нельзя. Не картой же в пабе расплачиваться. С тех пор, как его уволили с работы, Грейс стала тщательнее проверять счета, все больше убеждая себя, что они на волосок от разорения, что между Долки и нищетой всего один чек зарплаты — и, в сущности, она хоть и не вполне права, но и не так уж далека от истины.

Кевина преследует иррациональное чувство, что, стоит ему опоздать хотя бы на минуту, Роуз исчезнет, и эта мысль для него невыносима. Неожиданно

сильное искушение вступает в противоречие с моральными принципами, которых он до сих пор в достаточной степени придерживался, и с давним, местами слегка растяжимым, но все же достаточно твердым кодексом чести. Сегодня, например, он запретил себе заказывать вино. Иначе бокал мюскаде за обедом потянет за собой и другой, и третий, и в конце концов лишит его остатков здравого рассудка и воли, которые, может быть, к тому времени останутся последней соломинкой, последним оплотом его сомнительной моральной стойкости. Он ведь себя знает. Стоит только Рози Б. бросить на него «тот самый» взгляд — и он, если будет хоть самую чуточку пьян, тут же кинется искать подходящую кровать, заднее сиденье, стену, а на худой конец сгодится и ствол гигантского дуба в Стивенс-Грин.

Самая большая неожиданность, открывшаяся ему во всех этих грязных играх, — это его природный талант ко лжи. Оказывается, он мастер хитрить, а ведь у него никогда не было необходимости оттачивать этот навык, даже в школьные годы: мама была занята в основном мужем и его долгой, прогрессирующей болезнью. Вот и это свидание Кевин не случайно назначил именно на сегодня: он знал, что жена весь день будет на совещании в Лимерике, а после совещания ее ожидает ужин с ректором ведущего городского университета. То, что она до сих пор не почувствовала некоторого охлаждения, некоторой скрытности со стороны Кевина, только укрепляет его в убеждении: они на разных волнах, она утратила чувства к нему. В конце концов, они уже так давно вместе, что умеют угадывать значение любого притворного вздоха или случайно оброненного слова — все это так просто и предсказуемо, что расшифровать ничего не стоит. Им и разговаривать-то почти не нужно. Приподнятая

бровь означает надменное: «Чепуха». А когда от тебя отодвигаются к прикроватной лампе, в переводе это будет звучать так: «Отвали. Ты меня больше не привлекаешь».

Может быть, так проще, спокойнее — когда каждый живет своей отдельной жизнью, идя по пути наименьшего сопротивления? Грейс приходит домой, сбрасывает ботинки, роняет сумку на пол в коридоре и сухо, деловито спрашивает, как дети. Если никто не ранен, крови нет, трупов нет — остальное ей неинтересно. Накапливающиеся за день обиды и горести в отсутствие взрослых собеседников приходится таскать в себе все долгое утро и потом целый день до вечера, и вечером Кевину не терпится поведать о них в мельчайших подробностях, но чаще всего они так и остаются невысказанными. Грейс ничего не замечает или, может быть, делает вид. Видимо, сама она не чувствует потребности делиться мелкими заботами своего трудного дня. Она (если не успела поужинать раньше) молча съедает ужин, который Кевин оставил для нее в духовке, чтобы не остыл, и наливает себе полный бокал. Она так измучена долгими часами совещаний, что у нее едва хватает сил стянуть чулки и рухнуть на диван перед зомбоящиком.

Но это все ему давно знакомо. Чего он не знает, так это того, как Роуз проводит свои вечера. Почему-то ему представляется, как она поедает мидии с чесноком и лингвини в роскошной квартире с фигурными полками, заставленными всяким барахлом, или с закрытыми глазами играет Сати на своем детском пианино, и тут ее короткий шелковый халатик распахивается...

Он бы не опоздал, если бы не Киран — тот только что позвонил из школы, срочно понадобились кроссовки для физкультуры. Он любит детей, но их

потрясающее умение без всякого злого умысла уничтожать любое удовольствие, любую отдушину в его жизни, от попытки вздремнуть после обеда до теннисного матча или назначенного свидания, просто убивает — ну правда, это совсем не смешно. Кевин, тихонько чертыхаясь, бросает взгляд на электронное табло настенных часов, чтобы сверить по ним свои наручные, и вдруг видит, что перед окошечком кассира стоит Сильвия — как ее там... в общем, помощница его матери.

Сильвия проталкивает бланк под стеклянную перегородку и несколько раз громко повторяет: «Снять деньги», словно она где-нибудь в Хорватии или в Португалии, а не в англоговорящей стране. Наконец кассир отсчитывает стопку банкнот, и Сильвия в своих розовых сапогах из крокодиловой кожи разворачивается и идет по направлению к Кевину.

Кевину не до светских бесед: он впадает в панику — как будто Сильвия может догадаться по его лицу, куда он собрался. Он отворачивается и утыкается в экран телефона, чувствуя легкие угрызения совести. Надо бы, конечно, поздороваться и спросить о маме. Вот тебе и кодекс чести! Любой, кто способен терпеть Милли Гогарти изо дня в день, заслуживает как минимум приветствия. Но мысль о том, что он только что стал на шаг ближе к своим деньгам и, следовательно, к свиданию, возвращает его к мечтам о Роуз Берд. Он воспроизводит в памяти момент, когда она непринужденно нацарапала свой номер на информационном пакете Эйдин и сказала, совершенно не административным тоном, что, если возникнут вопросы, он может сразу обращаться к ней — «с любыми вопросами».

Он выводит на экран скриншоты их короткой головокружительной переписки — сами сообщения

он благоразумно удалил, хотя они так или иначе уже выжжены в его похотливом мозгу.

«Не хочешь пообедать?»

«Кто это?»

«Хм».

«Попался! Привет, Кевин».

«Кевин с горя пошел топиться в море. Позвоните ему попозже».

«А что за обед?»

«Платонический обед. Ты мне расскажешь о своем ужасном детстве и несбывшихся мечтах, а я не расскажу тебе о том, чего я хочу».

«Это как-то не очень платонически».

— Кевин? — Сильвия стоит перед ним и машет рукой. — Приветик.

Кевин изображает легкое удивление.

— Сильвия? Как поживаете? А мама тоже здесь?

Про себя он думает: «О боже, надеюсь, надеюсь, нет. Не хватало мне сейчас старушкиных фокусов — ограбления банка или притворного инсульта на прогулке».

— Она дома, а мне нужно было быстро сбегать по делам.

— Отлично. Значит, все идет хорошо? Машину отремонтировали?

— Угу. Правда, я теперь не знаю, стоит ли мне садиться за руль, — смеется Сильвия.

Кевин вежливо посмеивается в ответ, поскольку очередь сдвинулась с места, делает шаг вперед и говорит:

— Уж лучше вы, чем мама. Можете мне поверить.

Послерожественские распродажи в полном разгаре, словно еще мало барахла вся страна за последние

недели надарила и наполучала в подарок, и в городе не протолкнуться. Кевин лезет в карман куртки за мятной пастилкой или жевательной резинкой — он уже приближается к пункту назначения, где свежее дыхание будет необходимо как никогда, — но рука натывается на что-то твердое, гладкое, прямоугольное, и он догадывается, что это: его айпод — потерянный и найденный. Это Грейс подарила в прошлом году, заботливо загрузив туда его любимые композиции классического рока. Подарок был из тех, при виде которых вспоминаешь, что вот этот человек, сидящий напротив, — свой, близкий.

Еще не поздно вернуться на стоянку и сесть в свой минивэн. Можно поехать домой. Купить стейки, бутылку приличного вина, разжечь огонь, разогнать детей и поговорить, как раньше. Вместе строить планы на будущее: скажем, съездить отдохнуть в Таиланд или купить запущенный дом в деревне и отремонтировать. Можно вернуться домой, к жене.

Вместо этого Кевин засовывает наушники поглубже в уши, долго жмет на кнопку питания, и, как ни удивительно, айпод оживает. Давно уже, с тех самых пор, когда он с ревом гонял по городу на мотоцикле в кожаной куртке со здоровенным неуклюжим плеером в кармане, Кевин не чувствовал этой удивительной радости, которую дает гроыхающий рок в наушниках — когда летишь по дороге, а случайные прохожие даже не подозревают, что мимо них мчится звезда своего собственного фильма под свой собственный саундтрек. Это похоже на стремительный удар каратэ. Он проматывает «Creedence» Клэптона и The Doors, которых на самом деле терпеть не может (это Грейс с чего-то решила, будто он их фанат, а у него не хватило духу удалить записи), и выбирает самую крутую песню из всех возможных: зеппелиновскую «The Ocean».

Музыка взрывается в ушах, оттесняя на задворки сознания, по крайней мере на время, тот факт, что он уже подошел к краю чего-то жуткого и опасного для тех, кого он любит больше всего на свете. Слова песни словно обращены прямо к нему. «Нет времени на сборы — мне пора в путь: я должен прибыть вовремя на праздник великих надежд...» Кевину хочется орать и трясти головой вместе с Робертом Плантом, но он сдерживается и лишь тихонько, как солидный зрелый мужчина, шевелит губами.

На повороте моста, когда музыка достигает крещендо, превращаясь в восхитительный рев, Кевин вдруг осознает: может быть, это одна из редких прекрасных минут в его жизни. Он сбрасывает скорость, чтобы растянуть блаженное ожидание своего маленького чуда. Его ждет прекрасная женщина! Он плавно катит по Энн-стрит на юг. Ему вспоминается, как однажды они с бандой одноклассников нашли солидный запас пива, спрятанный на мусорной куче в конце этой самой дороги. Видимо, какую-то другую компанию малолеток, таких же, как они, засекали копы и они оставили здесь свою добычу, намереваясь вернуться за ней позже. Вот это был подарочек! Они с приятелями, помнится, тут же набрались и потом немилосердно ржали друг над другом на верхнем этаже последнего автобуса, возвращаясь домой с таким запасом халявного пойла, что можно было заливать глотки всю ночь.

«Страна вечной юности» — один из первых в Дублине современных ресторанчиков органической еды, прямо с фермы на стол. Меню здесь приносят на маленьких грифельных дощечках с привязанными к ним кусочками мела; корзинки доверху наполнены отполированными до блеска «грени смит», которые никому не придет в голову надкусить, а из лаймов кто-то

выстроил ровные пирамиды в стильных блестящих белых вазах.

Роуз Берд сидит за самым укромным столиком, прячущимся в нише в конце зала. Кевин невольно задумывается, нарочно ли она такой выбрала. Стараясь — увы, кажется, безуспешно — не выдать, как бешено колотится сердце под оксфордской рубашкой, он помахивает ей рукой и уверенно направляется к столику:

— Привет-привет. Быстро нашла ресторан?

Роуз в бледно-желтой шелковой блузке встает из-за столика. Мешковатая блузка скрывает ее тонкую талию, темно-синие джинсы скинни, почти неотличимые от тех, в которых его дочери занимаются спортом по выходным (нет, правда, что он здесь делает?), заправлены в темные, дорогие на вид ботильоны на платформе. В каждом ухе по тонкому золотому колечку.

Роуз Берд смотрит Кевину Гогарти прямо в глаза, но если в этом взгляде и скрыто какое-то послание, он не может его расшифровать. Ее губы размыкаются в улыбке, и Кевину хочется думать, хоть он и не уверен до конца, что нижняя слегка вздрагивает. Он долго, крепко жмет Роуз руку. Тянуться к ней губами пока не решается: это было бы неделикатно, слишком скоропалительно.

— Привет, — говорит Роуз. — Да, я знаю это место. Правда, я слышала, что у них нет больше денег на аренду. К концу месяца закроются.

От такой новости Кевин опять чувствует себя деревенским дурачком. Нашел место, называется. Он переводит дыхание. Остается надеяться, что Роуз его не осудит.словно яркая вспышка, от которой он, впрочем, тут же отмахивается, освещает перед ним эту сцену как она есть: женатый мужчина отчаянно пытается продемонстрировать слишком молодой для

него женщине, секретарше из школы его дочери, каким крутым и интересным парнем он был когда-то.

Кевин подзывает официанта, и Роуз выбирает шампанское. Вопреки своему обету трезвости, Кевин заказывает бутылку ценой примерно в одну восемнадцатую его прежнего месячного заработка.

— Итак... — начинает он, опустившись на прозрачный стул, отчего трусы немедленно врезаются ему в задницу. Кевину хочется услышать мнение Роуз по всем вопросам, от политики до того, какой чай она предпочитает. Ему не терпится узнать ее как можно лучше.

Официант, разлив шампанское, удаляется, Кевин произносит: «За тебя», они чокаются, и он осушает бокал одним жадным глотком. Когда заказ сделан, Роуз наклоняется вперед, подпирает маленький точеный подбородок маленькими точеными кулачками, широко расставив локти на столе, и спрашивает:

— Вы, наверное, хотели поговорить об Эйдин? О ее успеваемости?

Она произносит это с таким серьезным видом, что у Кевина перехватывает дыхание от унижения. Выходит, он неправильно истолковал ее сообщения, принял обычное дружелюбие за флирт. Еще несколько мучительных секунд Роуз Берд смотрит на него с каменным лицом, а затем запрокидывает голову и заливается демоническим хохотом, таким громким и раскатистым, какого он никак от нее не ожидал. Наконец она вытирает глаза салфеткой, понемногу успокаивается и ободряюще похлопывает его по руке.

— Твое лицо! — говорит она. — Умереть можно!

Кевин, оставшись без своего фальшивого прикрытия, чувствует себя голым, испуганным и возбужденным, и он не в силах больше ждать. Все его желания написаны у него на лбу, и шутка Роуз, хотя и не

слишком добрая, придает ему уверенности и рассеивает страх быть отвергнутым. Он тянется к Роуз и берет ее за подбородок. Роуз уже не смеется, но на губах у нее появляется почти вызывающая улыбка. Она едва заметно склоняет голову влево, и Кевин делает то, что хотел сделать с самого начала вместо рукопожатия. Их поцелуй — среди бела дня, в ресторане, где больше никто не лижется у всех на виду, — длится несколько долгих, страстных секунд. Потом они отрываются друг от друга и смотрят глаза в глаза, словно не веря себе.

— Это неправильно, — неожиданно для себя произносит он. — Я женат.

— Ш-ш-ш, — отвечает она. — Я в курсе.

20

Сырное суфле уже сделалось золотистым и начинает подниматься. Бутылку шабли Милли поставила охлаждаться в морозилку. Сильвия, потратившая целый день на уборку второго этажа (с ума сойти, до чего целеустремленная женщина!), любезно приняла второе приглашение на ужин в дом Гогарти.

До приезда Сильвии Милли нечасто ела то, что можно назвать настоящей едой. Могла очистить банан и съесть стоя возле обогревателя, который она в самые холодные утра тяжело волочит за собой из комнаты в комнату за шнур, как упрямую собаку за поводок. Или прямо над кухонным столом, чтобы лишний раз не пачкать тарелку, торопливо сжевать тост с маслом — если в доме есть масло, или сделать чашку кукурузных хлопьев — если есть молоко. Вот и весь ужин. Как ни нахваливал Питер все годы ее воскресное жаркое, картофельные запеканки и свиные отбивные, после его смерти Милли совсем забросила кухню, резко потеряв интерес к готовке, особенно для себя одной. В свои восемьдесят три года она замечает за собой некоторые мазохистские наклонности, но не до такой же степени, чтобы добровольно напоминать себе о собственном одиночестве, тем более что оно и само о себе напомнит.

Но вот в ее жизни появилась Сильвия, и Милли вновь обрела вкус к кулинарии. Она влюбляется в эту

женщину все сильнее с каждым днем — нет, с каждым часом, она просто очарована разными забавными причудами своей компаньонки. Привычкой беспрестанно мазать губы вазелином, вечно борясь с каким-то воображаемым шелушением. Желтыми пакетиками сахарозаменителя, из которых она сыплет в чай и кофе порошок, похожий на мышьяк. Бесконечными удивленными восклицаниями по поводу ирландского обычая держать масло на тарелке в буфете. Неуемным любопытством, беззастенчивыми расспросами обо всем подряд, от машинок для стрижки волос в носу до слесарных работ и ирландского законодательства. Тем, что она не может налить в кастрюлю молока, не понюхав его вначале с крайне подозрительным видом. Тем, как смешит ее всякий раз реклама с дублинским акцентом. А главное — ее наивной, деловитой, убежденной, неожиданной и совершенно не ирландской манерой все на свете делать возможным и достижимым. Как будто планы и мечты имеют полное право на жизнь и должны сбываться, а проблемы существуют не для того, чтобы ныть или замечать их под ковер, а для того, чтобы их решать — деловито, эффективно, при помощи твердого, практического здравого смысла.

Вот и сейчас Сильвия разводит в тазу смесь сахара, отбеливателя и прохладной воды, чтобы оживить поникшие пионы в банке, которые сама и подарила Милли несколько дней назад.

Прихватив горячие формочки кухонными полотенцами, Милли ставит их на кухонный стол.

— Садитесь и ешьте, пока эта зараза не опала.

— Это мое первое в жизни суфле, — говорит Сильвия, помогая Милли устроиться на стуле, и садится сама.

Они берутся за ложки, но тут раздается звонок, и Сильвия подносит к уху телефон.

— Ой, извините. Нужно ответить. — Она выходит в коридор. — Да, это я.

Милли нечасто случается сердиться на свою компаньонку, но сейчас она все же немного дуется. Это же суфле — всякий знает, какое оно капризное! Милли раздумывает, закатить скандал или не стоит (пожалуй, нет, Сильвия ведь всегда такая добрая, не хочется ее обижать), и тут слышит за дверью голос компаньонки:

— О боже!

Трудно сказать, что звучит в этом голосе — ужас или восторг, но нет сомнений, что Сильвия только что получила важное известие. Милли встает, морщится от скрежета стула по полу и тихонько крадется поближе к двери, прихватив для вида соль и перец.

— Это точно? — говорит Сильвия. — Боже мой. Ладно, сейчас, подождите секунду, я ручку возьму.

Милли успевает скользнуть обратно на свое место. Сильвия входит, жестами дает понять, что ей срочно нужно что-то записать. На лице у нее... что? Волнение? Радость? Страх? Она хватает протянутый карандаш, произносит одними губами: «Спасибо», — и высказывает обратно в коридор, прикрыв за собой дверь. Милли тут же вновь занимает свою позицию.

— Когда? — Сильвия говорит вполголоса, но Милли без труда разбирает ее слова. — А на что рассчитывать, так сказать, в плане цены?.. О боже, серьезно? Не знаю, что и сказать... Да, хорошо. Значит, я перезвоню, как только... Большое спасибо.

Когда Сильвия возвращается, Милли уже снова сидит за столом и как ни в чем не бывало дует на свой ужин.

— Что-нибудь случилось?

— Да так. Извините.

— Кажется, что-то серьезное?

Сильвия открывает рот, словно хочет что-то сказать. Милли уверена, что сейчас она все объяснит или хотя бы даст выход своим эмоциям, но Сильвия, очевидно, спохватывается и только качает головой.

— Да нет, все хорошо, — говорит она, и Милли понимает, что это неправда. — Прошу прощения. Давайте ужинать.

21

Яичница на завтрак недожаренная и все равно какая-то резиновая. Она настолько отвратительна, что Бриджид демонстративно выходит из очереди и официально объявляет голодовку (этот ультиматум будет негласно снят, когда к обеду на кухне начнут раскатывать тесто для пирогов с заварным кремом). Эйдин, сидя перед чашкой с мокнущими в ней хлопьями, тщательно подбирает слова для утреннего сообщения Шону, когда в столовую, как всегда с опозданием, врывается Елена-Антония, знойная глазастая красавица из Барселоны. Елена яркий персонаж — вечно матерится, распевает песни Нила Даймонда дивным контральто и издевается над своими «фригидными» ирландскими соседками.

— Опять дерьмо на завтрак? — спрашивает она.

— Как обычно. — отвечает Эйдин. — Бриджид объявила голодовку.

— Ты с ней дружишь?

Эйдин кивает.

— А что?

— Да так.

— Что ж ты спрашиваешь?

— Не знаю, ты в курсе или нет, но в прошлом году Бриджид дружила с одной девочкой, очень симпатичной, а кончилось тем, что та бросила школу. И все из-за Бриджид.

Эйдин обводит взглядом столовую и видит направляющуюся к ним Бриджид. Она плюхается на стул рядом с Эйдин, и Елена потихоньку отходит.

— Что, ему пишешь?

За последние четыре дня Эйдин получила от Шона Гилмора несколько сообщений, по большей части совсем простых и коротких, но решила для себя, что любовь не всегда находит поэтическое выражение. Не все же парни умеют на ходу клепать тексты для песен, как Чёткий, который сейчас укатил в турне по Восточной Азии и, кажется, совсем забыл своих преданных дублинских фанатов, даже ни разу не твитнул им ничего, с тех пор как уехал из Ирландии. Свинство, между прочим.

Первое сообщение Шона: «Ну как, послушала? Что скажешь?» — могло показаться совсем простым, но тот факт, что отправлено оно было рано утром, в 9:18, дал пищу для долгих и волнующих обсуждений с Бриджид, занявших два перекура (курила, впрочем, только Бриджид — Эйдин каждый раз скромно отказывается от предложенной сигареты). Такой ранний час говорит о нетерпении? Значит, его первые утренние мысли — о ней, так же, как и ее — о нем?

Как бы там ни было, ничто не предвещало сообщения, которое Эйдин получила сегодня.

«Вас вообще разрешается навещать, или всех посетителей мужского пола отстреливают на месте?»

Эйдин с Бриджид смотрят друг на друга и хором взвизгивают — таких звуков Эйдин не издавала еще ни разу в жизни. Она просто сражена — это одно из ее любимых слов. Сражена! Она смотрит на экран в полубоморочном изумлении и представляет, как Шон с ревом мчится по извилистой дороге к школе на мотоцикле (или он не водит мотоцикл?), швыряет горящий окурок через всю парковку (или он не курит?), а потом

обнимает ее за талию (она еще не придумала, что на ней будет надето, но уж точно не школьный джемпер) и увозит далеко-далеко, потому что больше не может жить без нее ни минуты.

Звенит последний звонок, и ученицы Миллберна с мокрыми волосами и раскрасневшимися лицами, с папками, учебниками и карандашами в руках тянутся через «атриум» навстречу долгому, скучному, бесконечному школьному дню. Мисс Бликленд, сжимая в руке коробочку с мятным драже и блокнот, куда, без сомнения, готова занести любой намек на нарушение школьных правил, хромая, заходит в столовую, чтобы поторопить опаздывающих грозным взглядом.

Эйдин торопливо выстукивает:

«Из мужчин пускают только родственников. Будешь моим потерянным в детстве кузеном?:-)»

— Супер, — одобряет Бриджид.

— Эйдин Гогарти, — произносит Бликленд, и голос у нее негодующе подрагивает. — Третий звонок уже прозвенел.

Бриджид отталкивает Эйдин от клавиатуры. Даже в дурацких очках и в пятнах жирного белого крема от прыщей вид у нее какой-то демонический.

«Могу выйти с подругой сегодня в 16:00 и встретиться с тобой у реки напротив школы, мы всегда туда ходим».

Она вопросительно приподнимает бровь, глядя на Эйдин. Та какое-то время колеблется, а затем кивает в знак согласия. Бриджид нажимает «отправить».

— Эйдин Гогарти! Бриджид Кроу! Мне бы не хотелось лишать вас сегодня прогулки.

— Нет, мисс Бликленд, — отзывается Эйдин. Почти в ту же секунду слышится сигнал: новое письмо.

— Уже идем, — говорит Бриджид и шепотом добавляет: — Дырка вонючая.

Эйдин видит, что ответ уже пришел. Он краток: «ОК, тогда увидимся в 4».

***

С половины четвертого и до вечернего чая пятиклассницы и шестиклассницы из «Фэйр», которые хотят выйти из кампуса на прогулку, должны расписаться в огромном кожаном фолианте. Этот гротеск с двумя откидными деревянными створками вместо обложки, совсем как папин Оксфордский словарь английского языка, лежит возле логова мисс Бликленд, ее сторожевой башни с прозрачными стенами, где она неустанно изыскивает поводы, чтобы обрушить свою изощренную бесчеловечность на какую-нибудь невинную жертву. За эту свирепость Эйдин терпеть не может мисс Бликленд: за записями в этой книге она следит с такой же неотступной бдительностью, как и за каждой своей подопечной, за каждым их шагом «дома», от открытого окна в спальне до звука воды в туалете, и всегда знает, кто на месте, а кого нет, кто куда вышел и с кем, кто тоскует по дому и кого тошнит в кабине.

Подруги расписываются в книге, и Бриджид за спиной Бликленд показывает ей средний палец. Девочки объединяют свои капиталы (вместе набирается десять евро пятьдесят четыре цента), выходят за ворота и шагают по тропинке к магазинчику. Свобода! По крайней мере на полтора часа. В магазине Бриджид подмигивает старичку за кассой и берет десяток легких сигарет — как она часто утверждает, самой элитной марки в стране. Потом девочки переходят дорогу и направляются в запретную зону — на берег реки. «Река» — это сильно сказано, в этом месте она превращается в жалкий ручеек, но девочки как-то набрали

на заброшенную, почти заросшую тропинку над самой водой, скрытую густой, буйной листвой, а рядом обнаружился разрисованный граффити мостик, под которым можно посидеть в уединении и поболтать.

Как только они усаживаются, Бриджид говорит:

— Я тебе говорила, что встречаюсь с Коннором в «Пике» в субботу вечером? А фотографию его показывала? — Она прокручивает экран телефона. — Полный отпад.

В лексиконе Бриджид страшненькие мальчишки — это просто мальчишки, симпатичные же — или «отпад», или «кайф», или высший класс — «улет». Причем из ее слов складывается впечатление, что каждый «улет» в Дублине в возрасте до двадцати лет крайне озабочен тем, чтобы залезть в трусы Бриджид Кроу. Если верить самой Бриджид, парни со всего Нортсайда неотступно преследуют ее: лапают за задницу в автобусах, прижимаются к груди в переполненном вагоне, — и по тому, как она об этом рассказывает, Эйдин чувствует, что это ей нравится. Еще Бриджид любит похвастать своими пьянками, перечисляя алкогольные напитки в таких количествах, что это напоминает список праздничных покупок. По ее рассказам, в прошлую пятницу она за каких-то три часа выпила четыре коктейля с ликером, три пинты пива и еще что-то — «уже не помню, к тому времени была косая в хлам».

— Эйдин?

Это Шон. Непонятно, как он их так быстро нашел, но это он. На нем мягчайшая бежевая куртка под замшу и синяя рубашка с жестким воротничком поверх белой майки в рубчик. Он совсем не похож на ирландских парней. Эйдин сразу бросаются в глаза темные пряди жестких волос, падающих на плечи. Он смотрит ей прямо в лицо и улыбается неотразимой улыбкой. Полный отпад, кайф и улет.

— Привет... Ух ты, блин! — смеется он. — Закрой глаза на секунду.

Но Эйдин не закрывает. Она не отводит взгляда от Шона, а тот складывает ладони рупором у рта и кричит какому-то немолодому темноволосому мужчине на том берегу реки:

— Эй!

Они видят, как мужчина распахивает длинное темное пальто, открывая на редкость непривлекательное, рыхлое, нездорово бледное тело. Он совсем голый! Правда, эксгибиционист стоит далеко, в деталях его не разглядеть, как бы ему того ни хотелось, но Эйдин все-таки замечает темную щетку лобковых волос.

— Ой! — восклицает она с таким детским изумлением, что тут же готова провалиться сквозь землю.

Бриджид вопит:

— Медный гвоздик! — и они с Шоном покатываются со смеху.

Мужчина быстро застегивает пальто, взбирается на каменистый берег, спотыкаясь и путаясь ногами в траве, и бросается бежать, петляя между деревьями.

— И не появляйся здесь, пока не отрастишь пипсыку подлиннее! — кричит Бриджид, и Шон хочет чуть ли не до мокрых штанов. И зачем только она привела с собой Бриджид? Бриджид и за словом в карман не лезет, и бойкая, и опытная. А она, Эйдин, рядом с ней — безжизненная кукла, неодушевленный предмет.

— Теперь понятно, почему вы здесь тусуетесь, — говорит Шон.

Бриджид смеется, представляется наконец Шону и добавляет:

— Холодноватое сегодня для извращений.

Шон снова от души смеется. Если бы Эйдин сейчас прыгнула с берега в реку и закричала из воды: «Помогите!», они, пожалуй, и не заметили бы.

— Классная у тебя куртка, — говорит Бриджид.

Эйдин разглядывает ямочки на щеках подружки, глубокие и, как ей вдруг кажется, ужасно неприятные: как будто в ее плутоватое лицо глубоко вдавили два младенческих пупка.

— Ты в «Брюсселе» никогда не бывал? — спрашивает Бриджид. — Мне что-то кажется, я тебя там видела.

— Нет, — отвечает Шон. — У меня нет поддельных документов.

— Ой, так я могу тебя провести. Я там одного бармена знаю, Джонатана. Он мне всегда бесплатно дает выпить. В последний раз налил две пинты.

— Круто, — говорит Шон.

— И в эти выходные пойду. Провести тебя?

Какая же Эйдин дурочка. Ну конечно, ему больше нравится Бриджид. Она крутая. Она может достать поддельное удостоверение личности. Она пьет в пабах. Она умеет делать минет.

Шон пристально смотрит на Эйдин.

— А ты пойдешь?

Она могла бы написать целый сонет об одних его глазах — зеленых, печальных.

— Я вообще-то не хожу в пабы, — говорит она.

— А куда ходишь? — улыбается он. — Кроме концертов Чёткого.

— Может, сядем? — предлагает Бриджид.

Шон подходит к Эйдин так близко, что их колени соприкасаются. Ей хочется, чтобы он и остался стоять вот так навсегда.

— Так что ты скажешь о той музыке? Слишком громкая, да? — Вид у него удрученный. — Слишком быстрая? Слишком резкая?

— Может быть, немного через край.

Шон улыбается.

— Немного через край — это нормально. Это не мешает. А хоть что-нибудь тебе понравилось? Честно.

— Тексты кое-где понравились, например, Реррег, — говорит Эйдин. — Довольно поэтично.

— Не думаю, что кто-нибудь когда-нибудь говорил такое о «The Butthole Surfers». — Он смотрит на нее с любопытством. — А как насчет Ramones? Понравилось тебе?

— Ой, они потрясающие, я обожаю Ramones, — вмешивается Бриджид, мастерски выпуская струйку дыма правым уголком своего неугомонного рта. — А почему ты в школу не ходишь? — спрашивает она, отбрасывая окурочек и тут же зажигая новую сигарету. Рисуеться.

— Да мы последнее время переезжали с места на место. Я типа сдаю экзамены на аттестат.

— Везуха некоторым! Тебя что, мама учит?

— Нет. Тетя. Она как бы контролирует.

— А мама твоя где?

— Она умерла.

— Ой, ужас какой, — говорит Бриджид. — Она что, болела?

— Бриджид! — одергивает ее Эйдин.

— Спросить, что ли, нельзя? — Бриджид пожимает плечами. — Подумаешь.

— Да нет, ничего, — говорит Шон. Он слегка отодвигается, и их колени больше не касаются друг друга. — Нет, она умерла от передозировки.

— Бля... — говорит Бриджид.

— Можешь не рассказывать ничего, если... ну, если не хочешь, — говорит Эйдин.

— Да ничего, — снова говорит он. — Меня про это уже давно никто не спрашивал.

— А сколько ей лет было? — не унимается Бриджид.

— Тридцать шесть.

— Ой, блин...

— Да.

Эйдин с Бриджид переглядываются.

— Вы с ней вдвоем жили? — спрашивает Бриджид.

Шон прикрывает глаза и кивает.

Эйдин втайне считает, что неплохо владеет речью, однако сейчас в голову не приходит ни единого подходящего слова. Таких слов просто нет. Набравшись смелости, она протягивает руку и гладит Шона по плечу. Неловко, немного с опаской. Но Шон берет ее за руку. Бриджид по-прежнему сидит рядом, начинает болтать о каких-то тусовках девичьих подростковых банд в городе, о том, что кто-то якобы обещал принести отличный гашиш, но для них ее словно бы не существует.

22

Растираясь полотенцем в отеле, Кевин разглядывает гладкую ванну в форме гроба и мысленно погружает туда Роуз Берд. Вот она, лежит вся в пене, на ней бикини с тропическим узором, а грудь целомудренно прикрыта двумя морскими раковинами. Откуда взялся тропический узор? Кевин понятия не имеет. Этот мотив повторяется каждый раз. Как в фантазиях Грейс, которыми она когда-то любила делиться к их общему веселью, неизменно фигурировал неуклюжий посыльный с деревенским выговором, в шерстяной шапке.

Итак, Роуз развязывает тесемки миниатюрного верха купальника, и он, несмотря на тяжелые раковины, не падает со стуком на дно, а просто уплывает. Кевину тоже хочется уплыть... Роуз начинает намыливать себе грудь, одновременно поглаживая дразнящими круговыми движениями мягкие широкие бедра, все быстрее и быстрее. Она стонет — и тут раздается жалобное бление его мобильного, лежащего на плиточном полу (сам положил его поближе, на случай, если позвонит его пока еще гипотетическая любовница или, не дай бог, жена). На экране мигает надпись: «Мама». И еще раз. И еще.

Кевин уже в третий раз сбрасывает сегодня ее звонки. Может быть, хоть теперь она наконец оставит сообщение, хотя обычно эта полоумная старуха голосовой почте не доверяет. А если и соизволит что-то сказать,

так только добавит ему головной боли. «Кевин, я потеряла очки для чтения, и разум тоже потеряла, ой, и еще пульт от телевизора, ой, а где же ключи от моей машины? Мне нужно съездить в косметический салон и довести там всех до белого каления». Или: «Кевин, может, ты все-таки купишь мне молока? И я подозреваю, что садовник опять утащил у меня ящик с фруктами, а то на деревьях, смотрю, как-то пустовато».

Кевин одевается, вытягивается во весь рост на идеально застеленной кровати с великолепным видом из окна и смотрит, как дублинцы идут через Лиффи по мосту Полпенни — завидно энергичной походкой людей, имеющих цель в жизни. А у него, спрашивается, какая цель? Трахнуть секретаршу из школы своей дочери в отеле, где останавливаются богатые иностранцы?

Роуз опаздывает уже почти на час. Кевин включает телевизор, пробегает по всем каналам (везде сплошное дерьмо) и выдувает большими глотками две бутылки пива из мини-бара, без конца проверяя сообщения в телефоне. Набирает текст, удаляет, снова набирает и, наконец, отправляет: «На месте». Достаточно сдержанно, как ему кажется. Мол, я уже здесь, а ты когда подойдешь? Ответа нет. Он пытается вычислить, опаздывает ли она или просто его прокинула, обдумывает следующий шаг, мысль о новом сообщении отбрасывает: все, что приходит в голову, выйдет либо самокастрацией (есть такое слово?), либо домогательством. Неужели он не видит, что происходит? Ему дают шанс вернуться, не ставить семью на грань разрушения, выпнуть свою эгоистичную задницу из этого пафосного отеля, который, в придачу ко всему прочему дерьму, которое он уже успел наворотить, будет стоять ему новой задолженности по кредитной карте, притом тайной от жены и детей.

И тут раздается стук в дверь.

Кевин с некоторым удовлетворением отмечает, что удары становятся все громче и чаще: Роуз Берд уже не терпит. Он подходит к двери, смотрит в глазок и видит прямо перед собой ее искаженное лицо. Искажённое, но тем не менее очаровательное. «О господи...» — думает он.

Кевин на волосок приоткрывает дверь.

— Чем могу вам помочь?

— Привет! Извини! — хихикает Роуз и приближает к нему лицо. — Ой, а ты давно ждешь?

— Уже собирался уходить.

— Никуда ты не собирался.

Она просовывает ногу в щель, распахивает дверь и, слегка толкнув Кевина локтем, проходит в номер — нетвердой походкой, с остекленевшими глазами, с большой холщовой сумкой, из которой торчит какая-то бутылка. Она уже не в состоянии держать равновесие, поворачивается, едва не падает лицом вперед, обдав Кевина облаком пивного перегара, однако все же удерживается на ногах.

Кевин и трезвую-то Роуз Берд почти не знает, что уж говорить о пьяной в дым.

— Симпатичный номер, — говорит она. Прежде чем он успевает ответить, ее губы касаются его губ. Поцелуй удивительно мягкий по сравнению с тем, чего можно было ждать после ее пьяного появления в дверях, и эта неторопливая мягкость несколько успокаивает его задетое самолюбие: она словно старается показать, что у нее в рукаве есть и другие карты, получше. Кевин расслабляется и целует ее в ответ. Он целуется в номере отеля с другой женщиной, не с женой, и это кажется совершенно естественным и в то же время невообразимым. Вскоре он уже освобождает ее блузку из тисков узких, слишком узких джинсов,

и его ладони медленно ползут вверх по бархатистой коже ее спины.

Через несколько мгновений Роуз отстраняется и переводит дыхание. Кевин открывает глаза, и она одаживает его какой-то самодовольной улыбкой, а затем рыгает, нисколько не смущаясь, и скрещивает ноги.

— В туалет хочу, умираю.

Она идет к туалету и оставляет дверь открытой — до Кевина доносится журчание тугой струйки мочи. Сексуально.

— Ты только погляди на эту ванну! Охренеть! — кричит она. — А джакузи тут есть? — Кевин слышит шум воды — она что, краны открыла?

Ему бы сейчас схватить свой бумажник и выйти за дверь, оставив здесь эту пьяную женщину, которая ведет себя как девчонка, — пусть вырубится и проспится одна на туго застеленной кровати. Уехать домой, пока еще не случилось ничего непоправимого, списать этот постыдный эпизод на причуды среднего возраста, а потом вспоминать как переломный момент, когда он вовремя успел спасти свой брак.

Роуз шлепает босыми ногами по полу, непослушными пальцами расстегивая пуговицы блузки. В вырезе дразняще мелькает полоска коралловых кружев. Ох и слабак же он все-таки.

— Слушай, — говорит Кевин, — ты как себя чувствуешь?

— О-бал-бал-бал-денно. — Она скидывает коричневые замшевые ботинки, украшенные сложной фурнитурой. Один из них больно попадает Кевину по ноге.

— Ой, погоди! Я же шампанское принесла! — восклицает она. — Где моя сумка?

— Роуз. — Кевин говорит твердым отцовским тоном — в былые времена он приберегал его для тех

случаев, когда дети ударялись в истерику и орали чуть ли не до пены изо рта (причина неизменно оказывалась в том, что они слишком устали или проголодались). — Послушай, может быть, лучше отложить до другого раза. Ты немного под градусом.

— Вот еще! — кричит она, орошая все вокруг брызгами слюны.

— Не хотелось бы, чтобы ты завтра проснулась и даже не вспомнила, каким я был диким мачо.

— Люблю мачо.

Он едва не кривится от боли, так тяжело ему от этого отказываться.

— И хотя ты мне кажешься очень... — Кевин смущенно замолкает. Две недели он обменивался с этой женщиной сальными шуточками по телефону, но здесь, лицом к лицу, у него не хватает храбрости называть вещи своими именами. — Ты мне кажешься очень привлекательной... — Сглатывает и мысленно повторяет: кошелек, дверь, домой. — Я думаю о тебе. Часто. — Он встает. — И тем не менее я считаю, что на этом сегодняшний вечер лучше закончить.

— Хрен тебе. — Роуз шагает к нему. Его короткая речь, кажется, произвела противоположный эффект и только раззадорила ее. Слабак и негодяй! Несмотря на внутренний протест, он не в силах сопротивляться тому, что происходит. События, кажется, развиваются сами собой. Ослепительная красotka толкает его на аккуратно застеленную кровать королевского размера — совершенно не по-супружески, совершенно по-голливудски, — и вот уже сидит на нем верхом. После нескольких попыток ей удается стянуть блузку, в стиле стрип-шоу раскрутить ее на пальце и наконец запустить через всю комнату, так что она едва не сбивает торшер. Оба хохочут.

— Ты уверена, что...

— Т-с-с, — говорит она и хочет приложить палец к его губам, но промахивается и попадает в левую ноздрю. — Хватит трепаться.

Роуз Берд жестом велит Кевину положить голову на подушку и начинает расстегивать на нем ремень... ремень...

— Спокойно, — говорит она. — Да расслабься ты.

И он расслабляется. Лежит спокойно. Она начинает стягивать с него брюки, но это дается ей нелегко, и ему приходится извиваться, чтобы помочь ей. Лежит ничком без штанов и обмирает от блаженства, пока Роуз стягивает с него трусы.

Роуз уже готовится взять его в свои горячие, влажные, пьяные руки. Наклоняется так, что ее прекрасное лицо висит прямо над его промежностью, и он чувствует, что вот-вот выдаст залп. Пытается успокоиться, закрывает глаза, прогоняет от себя все мысли...

И вдруг она отшатывается с приглушенным: «Ой!» С неподдельным криком ужаса, как будто увидела клубок червей, ползущих на свет из вонючей мусорной кучи.

— Что? — поднимает он голову. — Что такое?

— О боже ты мой!

Роуз резко выпрямляется и садится на корточки.

Одолеваемый целым роем жутких предположений, из которых самое страшное: «Сейчас эту женщину вырвет прямо на мой член?», Кевин садится.

— Тебя что, тошнит?

— Ой, блинский блин! — Роуз пристально смотрит ему в пах и безудержно хохочет. — Боже ты мой! Ты в курсе, что у тебя там волосы седые?

Она запрокидывает голову назад в приступах совершенно девчоночьего смеха, каждый звук которого будет теперь безжалостно преследовать Кевина до конца его дней. Он молча хватается простыню

и стыдливо прикрывает свои старческие причиндалы.

— Нет-нет, ну что ты, — бормочет Роуз и срывает с него простыню. — Извини... Нет, ты ложись, ложись. Это даже мило. Я ничего не имею против. — Она пытается снова усесться на нем верхом.

Кевин не в силах смотреть ей в глаза, и вообще у него нет сил ни на что, кроме мыслей о том, как он смешон. Он отводит взгляд. Цифровые часы на прикроватной тумбочке показывают 21:48. Время еще есть, времени навалом — еще часа два до того, как няня Кирана начнет донимать его звонками. Взгляд падает на узкую полоску малинового бюстгальтера, который Роуз сорвала с себя несколько минут назад в приступе неукротимого желания. Проектор прикроватной лампы выхватывает бирку магазина.

Того же магазина, где его дочь покупает себе эти штуки. И жена тоже.

Кевин пытается припомнить подробности недавнего фиаско, постигшего Эйдин и Грейс в походе за покупками. Грейс нечаянно оконфузила Эйдин в примерочной, какая-то вышла история с продавщицей. Он помнит только одно, что Грейс вернулась домой расстроенная, что праздник шопинга оказался испорчен.

— Твою мать, — бормочет он и выбирается из-под свернувшейся теплым клубочком под простыней Роуз Берд. — Мне нужно идти.

23

Хотя корпус «Фэйр» просто кишит тайнами и секретами, администрация такого положения дел решительно не одобряет, а потому подозрительность и старомодно-враждебное отношение к понятию неприкосновенности частной жизни ощущается здесь во всем, до последней мелочи. Например, девушкам не разрешается запираать комоды и шкафчики на замок, несмотря на то что некоторым шестиклассницам уже исполнилось восемнадцать, то есть они могут зайти (и заходят) в любой паб и набраться там на совершенно законных основаниях. Если кому-то захочется позвонить домой и поплакаться на свою горькую долю, как привыкла делать Эйдин по воскресеньям, где-нибудь через час после прощания с родителями, братьями и сестрой возле машины (еженедельный скорбный сиротский ритуал), то звонить придется в присутствии целой толпы других таких же страдалец, ждущих своей очереди и подслушивающих между делом. Вот и сейчас: Эйдин сидит в туалете на втором этаже в два часа ночи, и все лампы над головой горят — якобы на случай, если кому-то понадобится забежать в кабинку или попить воды, но на самом деле Эйдин знает: просто для того, чтобы свет был везде.

Но боже правый, что за тайные полчаса она только что провела! По ее виду никто не скажет, какое важное событие с ней произошло. На ее теле не осталось никаких следов первого головокружительного опыта

романтических ласк, если не считать раскрасневшегося лица, которое даже слегка покалывает от жара. Но вот в сердце — о, это совсем другое дело!

Эйдин сидит, поджав ноги, на унитазе в третьей из пяти кабинок и разглядывает дешевенькую полупрозрачную бумагу, которой им тут полагается вытирать задницы. В последний раз мысленно повторяет свою легенду и, набравшись решимости, нажимает на рычаг смыва. Почти немедленно она слышит то, чего и ожидала: шаги. Реакция как у собаки Павлова на звонок, как у футбольных фанатов, у которых моментально пересыхает во рту при звуке хлопка и медленного шипения пузырьков в только что открытой банке пива. Эйдин открывает дверь кабинки, и, конечно же, перед ней стоит Бликленд, правда, в несколько неожиданном виде: в плюшевом, аквамаринового цвета халате, туго перетянута таким же поясом. Она стоит в позе хоккеиста, по-мужски расставив ноги, ступни словно вросли в выцветшую от хлорки плитку, а на сморщенной серой физиономии застыло мрачное, недовольное выражение.

— Где ты была?

Несмотря на то что ситуация грозит ей серьезными неприятностями, Эйдин не может воспринимать Бликленд серьезно: ее взгляд падает на желтые мохнатые тапочки в виде утят с пушистыми клювиками и черно-белыми пластиковыми глазками, косо глядящими в пол. Она с трудом сдерживает рвущийся наружу булькающий смех.

— Прошу прощения?.. — говорит Эйдин, широко распахивая глаза, и морщит нос, словно хочет сказать: «Ничего не понимаю!»

— Мы тебя искали! — шипит старая мегера. — Где ты была?

— Я не знала...

Эйдин даже не договаривает эту недоуменную фразу до конца, словно все это и впрямь для нее неожиданность, словно она не слышала, как Бликленд волочит свою дурацкую деревянную ногу по всему второму этажу, открывая и закрывая двери во все спальни — ни дать ни взять солдат, зачищающий вражеские казармы.

— Я здесь сидела, в туалете. — Эйдин покашливает и, опустив глаза, выдает убийственный козырь: — У меня месячные.

Бликленд краснеет. Эйдин, как и другие девушки в «Фэйр», отлично знает, что любое упоминание о женской физиологии, пусть и косвенное, гарантированно повергнет в шок эту сморщенную семидесятилетнюю каргу — ей, похоже, за всю жизнь не представилось случая заметить, что у нее самой тоже есть женские органы.

— Я смотрела в этой кабинке, — говорит Бликленд, и в восходящих и нисходящих интонациях ее голоса ясно слышится крайнее недовольство. Но Эйдин вздыхает с облегчением: значит, Бликленд и правда думала, что она пропала. В этот момент в дверь влетает медсестра Флинн и несется мимо аккуратного ряда одинаковых раковин, где шесть девушек каждое утро одновременно умываются, чистят зубы и полощут рты, прямо к кабинкам. Она не может даже скрыть злобную ухмылку на бледном, похожем на блин лице. Уайт с Бликленд — будто сестры-близнецы, Труляля и Траляля. В скучные вечера на самоподготовке, когда уроки уже сделаны и журнал о поп-музыке потихоньку пролистан от корки до корки, Уайт иногда служит Эйдин музой.

Медсестричка-садистка из Брея

Была резкая, как диарея.

Раз бы в жизни она

*Поспала не одна —
Может, стала б немного добрее.*

— Вот ты где! — Верная помощница Бликленд, одетая, как и следовало ожидать, в пижаму унисекс цвета половой тряпки, шурит на Эйдин свои лягушачьи глаза. — Где ты была? Мы уже хотели полицию вызывать.

— Я ее уже нашла, медсестра Флинн. Спасибо. Можете идти спать.

— Но где ты...

— Мне очень жаль, что я вас разбудила, — ледяным тоном говорит Бликленд. — Спокойной ночи.

Неужели они и правда вызвали бы копов? Эйдин потихоньку переводит дух — опасность, кажется, отступила, и можно вновь оживить в памяти то, что случилось всего двадцать минут назад, но уже обрело для нее статус исключительного, легендарного события: когда Шон сказал: «Ты очень красивая». Эйдин понимает, что ее вполне могут и исключить, особенно после недавнего инцидента с водкой и пивом, и все же чувствует, что губы вот-вот сами собой расплывутся в широкую, самодовольную улыбку.

— Извините, — говорит она. — Мне было очень плохо, но я не хотела вас будить.

— И напрасно.

— У меня не было таблеток, и я хотела поискать...

— Каких еще таблеток?

— Анадин.

— В жилой корпус никаких таблеток проносить не разрешается!

— Но у меня правда было очень сильное кровотечение и ужасные спазмы... Вот я и пошла...

— Сию же минуту иди спать, — рывкает Бликленд, недоверчиво глядя на нее: очевидно, история Эйдин все же не убедила ее до конца.

— Извините, — повторяет Эйдин кротким голоском и виновато пожимает плечами.

Прежде чем уйти, шаркая ногами и придерживая рукой живот для пушей достоверности, Эйдин получает от Бликленд еще один грозный взгляд и наставление:

— В следующий раз, когда почувствуешь себя плохо, приходи ко мне. Ученицы не должны заниматься самолечением. И бродить по коридорам после отбоя.

Что же разбудило Бликленд? Она наверняка не слышала, что они делали с Шоном в кладовке, иначе на голову Эйдин уже вылилось бы столько дерьма, что и представить страшно. Должно быть, Бликленд проснулась от собственного храпа, пошла проверять спальни и заметила пустую кровать. Эйдин мысленно ругает себя за глупость. От волнения и спешки она забыла подложить подушку под одеяло.

Эйдин снова ложится в постель и, прокрутив в голове всевозможные сценарии развития событий, решает, что последствий можно не опасаться.

Неужели жизнь может так измениться за несколько мгновений? Теперь она не просто девушка, а девушка, которая уже обжималась с парнем — между прочим, такое могут сказать о себе только две-три ее соседки по спальне. Выходит, у нее теперь есть парень?

После долгого флирта по переписке, продолжавшегося целыми днями и постепенно набиравшего обороты, Шон с Эйдин перешли наконец к обсуждению деталей: время (полночь), что делать, если их застанут вместе в корпусе (говорить, что он ее кузен), что делать, если его застанут на территории кампуса (притвориться сумасшедшим и бежать). Как всегда, в переписке Эйдин чувствовала себя свободнее, умнее и веселее, чем в личном общении. В письмах она умела остроумно шутить, что ей всегда с трудом давалось

в разговорах. Над письмами у нее было время подумать, и она становилась самой собой.

Они составили план, получивший название «операция “Полночь”», тщательно продумали его во всех подробностях, вплоть до того, как подать сигнал: кинуть камешком в окно. Правда, они не учли, что камешков на территории кампуса днем с огнем не найдешь, и Шону пришлось бросать тяжелый серебряный брелок с надписью «Billabong». Увы и ах — уже и полночь прошла, а звона в стекло все не было. Эйдин лежала неподвижно и напряженно вслушивалась, но вокруг было тихо. Когда она уже задремала, уронив голову на влажную от слюны наволочку, ее разбудил отдаленный дребезжащий звук — но слишком отдаленный. Все еще в полусне Эйдин сообразила, что Шон попал в другое окно, у кровати ее соседки, Кэролайн. Кэролайн была девица нервная, склонная к астматическим приступам и ипохондрии, особенно в те дни, когда в расписании стояла физкультура. Зато спала она крепче всех в комнате 2А, так что можно было не волноваться.

С бешено колотящимся сердцем (Шон ведь наверняка возлагает на эту ночную встречу какие-то новые ожидания) Эйдин встала на кровати во весь рост и выглянула в окно. Смущенно помахала Шону Гилмору — он топтался внизу в своих говнодавах и в кожаной куртке, дрожал всем телом и дышал на руки, чтобы согреться. Эйдин жестом показала ему, чтобы шел к двойным дверям, и бесшумно проскользнула вниз по коридорам и двум лестницам в одной белой футболке и пижамных штанах. Она долго думала, надевать ли бюстгальтер. Он ей, конечно, не нужен — собственно говоря, никогда не был нужен, но вдруг Шон решит, что без него она выглядит как шлюха? Но с другой стороны — не странно ли, что девушка

спит в лифчике? Да и догадается ли Шон вообще, есть он на ней или нет? В конце концов решила все-таки надеть: уж лучше пусть Шон считает ее странной, чем распутной.

Эйдин прокралась в кабинет Бликленд, чувствуя, как страх щекочет в животе, будто струйка газа, и сняла с крючка ключ от входной двери. На брелоке был выгравирован девиз: «Честь, лидерство, отличная учеба». Видела бы ее сейчас Бриджид! Самый улетный парень из всех, каких она только встречала в жизни (не считая Чёткого), приехал через весь город среди ночи, чтобы увидеть ее!

— Привет, — сказал он.

Это был незабываемый момент. Никакие хайку, лирики, верлибры, новеллы, сообщения и твиты, какие только могла сочинить Эйдин Гогарти, ни за что не передали бы его великолепия с такой силой, как это единственное слово и сам факт, что этот парень стоит перед ней — с распушенными, как у маньяка, волосами, в выцветшей хипстерской футболке с надписью «Black Betty» под кожаной курткой, с бледным шрамом над густой бровью, похожим на белого червячка, с какими ее брат ходит на рыбалку. Уже одного этого хватило бы, но ее ждало еще кое-что.

— Давай в следующий раз вытащим тебя через окно, как Рапунцель.

Он уже думает про следующий раз! И тогда она храбро взяла его ледяную руку в свою. Шон поднес ее пальцы к губам и галантно поцеловал. Неужели это происходит с Эйдин Гогарти наяву, прямо здесь, у входа в жилой корпус школы Миллберн? А потом Шон стал целовать ее в губы. До сих пор туда еще никто не проникал, если не считать рыхлого недоверчивого дантиста, который, кажется, вечно подозревал ее в том, что она не пользуется зубной нитью. Сначала

острый язык Шона угрем скользнул ей в рот и заметался туда-сюда, словно заблудился. Это было несколько не похоже на те сотни поцелуев, которые Эйдин видела на экране — там все начиналось с легких прикосновений и только потом переходило во что-то более глубокое. А язык Шона все пытался пробиться дальше, он был какой-то торопливый, и Эйдин стояла, неловко разинув рот и не зная, как отвечать. Она чувствовала себя глупой и неопытной, боялась попасть куда-нибудь не туда, и поначалу так и вышло: ее язык ткнулся в уголок его губ, а потом — мокрый, неуклюжий — в ложбинку под носом.

— Здесь нельзя. — проговорила она и провела Шона через комнату отдыха, стесняясь этой детской обстановки, особенно унижительного списка правил поведения в корпусе, написанного на доске. Они вошли в большую кладовку, где мисс Пэкер, приветливая школьная уборщица, которая всегда встречала Эйдин улыбкой и говорила: «Храни тебя Бог», держала свои швабры, метлы и тряпки. Проход между полками был достаточно широкий, чтобы сесть рядом на полу, спиной к стене — не слишком удобно, но сойдет.

Они снова начали целоваться. Теперь язык Шона стал поспокойнее: он уже неспешно бродил во рту Эйдин, исследовал его. Это было в точности так, как Эйдин себе представляла, и в то же время совсем не так. Она стала целовать его в ответ, все увереннее и увереннее. Вскоре они уже с трудом переводили дыхание. Эйдин мужественно пыталась осмыслить происходящее и отогнать от себя видение, раз за разом навязчиво всплывавшее в мозгу: как в кладовку вламывается Бликленд, да хотя бы и добродушная толстуха Пэкер. Она стала тревожно припоминать, куда же дела ключ — оставила в двери или в карман сунула? Решив не давать себе много времени на раздумья

(она до смерти боялась, что Шон не проявит интереса или, того хуже, разочаруется), она прервала поцелуй и положила руки Шона себе на грудь поверх рубашки. Подумала: «Как два пакета со льдом», — и хихикнула. Шон тут же убрал руки.

— Извини, — сказала Эйдин.

— Это ты меня извини.

Они сели. Эйдин вдруг пришла в голову дикая мысль — сунуть руку ему между ног. Любопытно, на что это похоже на ощупь — на мягкую сосиску? Или на тонкую палочку, вроде тех, что всегда валяются вдоль берега во время отлива, тех, что бросают собакам, чтобы приносили по команде? В темноте ей был виден только силуэт Шона. Она почувствовала, как его рука мягко коснулась ее волос.

— Я сегодня видел твою бабулю. Мы принесли ей обед.

— «Бабулю», — передразнила Эйдин, чувствуя, как идет кругом голова. — У тебя американский акцент.

— Бедная Милли Гогарти. Знаешь, мне ее жалко — все время одна в этом доме.

— Я знаю, мне тоже. Но она способна кого угодно довести до бешенства.

— Она мне чем-то маму напоминает. Как в тот раз, помнишь, какую она пургу несла? Вот и мама была такая же.

— Ты, наверное, по ней скучаешь.

Шон не ответил, и Эйдин добавила:

— Бабушка, конечно, двинутая на всю голову, но зато добрая. Однажды мне позарез нужны были деньги, чтобы купить билеты на концерт Чёткого...

— Опять ты про этого долбодятла!

— А вот такие словечки у тебя без акцента выходят.

— Я тебе запрещаю произносить его имя в моем присутствии.

Боже, она уже без ума от него.

Вот тогда он и сказал, что она красивая.

— Но ты же меня даже не видишь.

— Вижу у себя в голове, — ответил он, и они рассмеялись.

Шон провел ладонью по ее обнаженной руке. Она вздрогнула. И тут они услышали, как наверху хлопнула дверь. Эйдин мгновенно отпрянула от Шона и вскочила на ноги.

— Тебе нужно уходить.

Она схватила его за руку, и они на цыпочках прокрались от кладовки до входной двери, где коридор просматривался насквозь, и потому они были особенно уязвимы. Господи, она и правда оставила ключи в замке! Эйдин торопливо отперла дверь и вытолкнула Шона из корпуса. Теперь даже вспоминать смешно. Прежде чем уйти, он, словно не в силах удержаться, поцеловал ее еще один раз, последний, но она отпихнула его и вытолкала за дверь. Потом сбегала в кабинет Бликленд, вернула ключи на место, едва нашарив дрожащими руками крючок, и, прежде чем подняться по лестнице, вернулась и проводила глазами Шона, уже перемахнувшего широкий унылый газон и убегающего в безлунную ночь.

24

Лишь случайно, заехав заменить перегоревшую лампочку в своей машине, Кевин выясняет, что в тот день, когда ободрали «Рено», за рулем была вовсе не Сильвия, а его мать. Забирая деньги, механик замечает:

— Нехорошо так говорить, но я уже начинаю ценить ее как постоянного клиента.

Кевин с улыбкой благодарит механика, но внутренне кипит от злости. Мало того что мама представляет собой угрозу на дороге, так еще и обзавелась сообщницей, которая помогает ей выкручиваться, — той самой, что должна была обеспечивать ее безопасность, а не врать без стыда и совести прямо ему в лицо. Он выезжает из гаража, останавливается у обочины и ищет в телефоне номер Сильвии.

Услышав ее «алло!», он холодно объявляет:

— Мы больше не нуждаемся в ваших услугах.

— Что?

— Вы уволены.

— Я не понимаю...

— С сегодняшнего дня.

— Но должно же быть что-то... из-за чего конкретно вы...

— Да. Вы солгали мне. Вы сказали, что были за рулем в тот день, когда она разбила машину, но ведь это не так?

— Ах, это. — Она, кажется, ничуть не смущена. — Извините. Я виновата, да, но она очень уж переживала из-за вашей реакции. Она была просто в ужасе. Думала, что вы заберете у нее ключи от машины.

— Прощайте, Сильвия.

— Но постойте, — говорит она, и Кевин ждет. Ждет искреннего раскаяния и униженных просьб о прощении, на которые он, разумеется, не поддастся. — А как же оплата? На этой неделе вы мне должны еще за три смены.

Он вешает трубку и сворачивает к супермаркету. Грейс сегодня придет домой рано, поэтому ужин он запланировал не совсем обычный. Ему срочно нужно пригасить гложущее чувство вины. Искупить свой грех. Кевин выбирает в овощном ряду связку тощих морковочек, полный решимости никогда больше не иметь никаких дел с Роуз Берд, и тут кто-то со всего размаху врывается в его тележку.

Это мама.

— А я приглашена? — спрашивает она, с любопытством глядя на его пакеты с фаршем.

— На ужин с детьми под хоккейный матч? Тебе вряд ли будет интересно, мама.

— А ты что такой сердитый? Может, мне удастся заманить тебя на чай? Сильвия сегодня выходная.

— Нет, но мне нужно с тобой поговорить.

— Да?

— Не здесь.

— А здесь чем плохо?

— Не хочу начинать серьезный разговор посреди супермаркета.

— А я и не знала, что у тебя ко мне серьезный разговор.

— Вот что, давай встретимся у кофейного киоска через десять минут, хорошо?

Ждать ее приходится минут двадцать. Должно быть, сует украдкой абрикосы в сумку или выносит мозг бедному мяснику, жалуясь на ужасное мясо. Наконец мама подходит, и Кевин говорит:

— Я сказал Сильвии, что она может быть свободна.

Они сидят на высоких стульях без спинок за крошечным барным столиком с двумя бумажными стаканчиками горького кофе, а у ног громоздится куча пластиковых пакетов с покупками.

— Я был вынужден ее уволить, мама. Не смотри на меня так.

— Это еще почему?..

— У меня не было выбора.

— Но вчера она была у меня.

— Да, и, к сожалению, это был ее последний день.

— Ничего не понимаю! Я позвоню ей, как только приду домой.

— Дай мне... Сядь, мама. Дай мне объяснить.

— Она придет завтра, как договаривались.

— Нет. Она больше не придет.

— Ты не имеешь права!

— Я думал, ты не хочешь, чтобы к тебе ходила сиделка?

— Откуда тебе знать, чего я хочу?

— Послушай, сядь, ладно? Успокойся. Господи, как хорошо, что я не стал говорить об этом рядом с ана-насами.

Мать не смеется его шутке.

— Ты от меня кое-что утаила.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ты опять разбила машину, так ведь?

Она пожимает плечами, и этот жест выводит его из себя.

— Ты о чем? Это когда слегка стукнулась тут, на парковке? Ну, Кевин, ей-богу, это же...

— Это третья авария за полгода. Это просто небезопасно.

— Но Сильвия-то здесь при чем?

— Сильвия меня обманула. Она должна была рассказывать мне обо всем, что происходит...

— Шпионить за мной!

Кевин вздыхает.

— Нет, конечно. Я — контактное лицо, и она должна ставить меня в известность о подобных инцидентах.

Милли фыркает.

— Инцидентах!

— Я прекрасно понимаю, что для тебя ответственность — пустой звук, но факт тот, что не сказать мне правду было совершенно безответственно с ее стороны. Это недопустимо. Я не могу ей доверять.

— Зато я ей доверяю, а это главное. И в любом случае это я виновата. Это я попросила ее не говорить... не хотела тебя беспокоить. Вся эта история не стоит выведенного яйца. Она остается на работе.

— Нет.

— Да.

Он качает головой.

— Послушай, мне жаль, но все решено. Как бы там ни было — уже все решено.

***

Дома его ждет новая драма, на этот раз более обиденная, хотя и связанная со смертью. Рыбки Кирана, Пика и Чу, оказываются дохлыми: обе плавают в аквариуме кверху брюшками. Учитывая плачевное состояние самого аквариума, где и гротики, и всякая игрушечная фауна, и ржавый затонувший корабль с сокровищами покрылись угольно-черным слоем

зловещего ворсистого налета, Кевин не особенно удивлен.

Прокрутив в голове разные варианты подготовительных фраз, в конце концов решает действовать напрямую и зовет:

— Киран, иди сюда, сынок!

Киран, самый послушный из его детей, вприпрыжку влетает в комнату в красных спортивных брючках и футболке с надписью «Йа иду искать» — эта грамматическая ошибка каждый раз заново раздражает его отца. Эти футболки вообще кто-нибудь проверяет перед отправкой из Китая? Или нарочно так пишут, оригинальности ради? Еще круче — современный мир, кажется, из кожи лезет, чтобы показать ему, Кевину, как он отстал от жизни.

— Я должен тебе кое-что сказать. — Как и все дети Гогарти, но не их родители (у них в семье давно прижилась шутка о тайном романе Грейс с молочником), Киран — голубоглазый, с длинными телячьими ресницами.

— Пика и Чу умерли.

Киран начинает плакать сразу же, так быстро, что это кажется неправдоподобным — как будто Кевин нажал кнопку с надписью «горе». Узкие плечики понижают, слезы текут по лицу ручьем.

— Мне очень жаль, — говорит Кевин. Он крепко обнимает своего мальчика, и, к его удивлению, у него самого в горле застревает твердый комок. Он сглатывает. Его все это тоже выбило из колеи.

Кевин уже поклялся самому себе никогда больше не звонить и не писать Роуз Берд, и с тех пор не писал. Нет, он не такой, это все чепуха, и с этим покончено. Да и было-то всего несколько несчастных поцелуев (пусть и весьма эротичных, полных страсти и предвкушения). И все же — этих поцелуев не должно было быть,

и есть еще более серьезные границы, которые нельзя переступать — и он не переступит. (Тем не менее через два часа он будет чувствовать себя раздавленным и выпотрошенным, когда получит от нее сообщение: «Может, встретимся? Я буду милой, обещаю», и заставит себя молча удалить его — и еще одно, и еще.)

Кевин гладит Кирана по спине и бормочет слова утешения. Как сын женщины, которая никогда не относилась серьезно к его душевным страданиям (скажет расстроенному сыну: «Все пройдет!», похлопает по попе — и гуляй), Кевин старается помнить, что в таких делах нельзя торопиться.

— Знаешь, — говорит он, — мне кажется, Пика и Чу прожили довольно счастливую жизнь, насколько я могу судить. Веселились до упада, я бы сказал, хотя умом и не отличались. Помнишь, они все время плавали кругами — только поплавают и тут же забывают, и уже опять один другому кричит: «Слышь, чувак, у меня идея! Давай поплаваем кругами!»

— Папа! — укоризненно говорит Киран, улыбаясь сквозь слезы.

— Дурилки, что с них взять! Нет, но главное — они всегда были вместе. Это же хорошо, когда у тебя есть друг. А потом приходил ты и делал их мир еще лучше — им ведь для этого много не надо, достаточно бросить горсть вонючего корма в аквариум. Они жили счастливо, — говорит Кевин и, не подумав, ляпает: — И умерли в один день.

Он тут же морщится, но сын словно бы не замечает его оплошности.

Киран отрывает голову от груди Кевина и спрашивает:

— Ты правда так думаешь?

— Правда.

— Они уже никогда не оживут.

— Нет, — говорит Кевин и, помолчав, добавляет: — Но они будут вместе на небесах.

Ему немножко неловко: он ведь сам уже много лет не верит ни в рай, ни в религию, ни в Бога, ни во что такое, но родительский долг вынуждает его рассказывать все эти небылицы.

— Привет, мама, — говорит Киран.

Кевин не слышал, как она вошла, но вот она, его жена — идет к ним, даже не сняв пальто.

— Что случилось? — спрашивает она, подходя к Кирану.

Кевин показывает глазами на аквариум, где плавают две рыбы тушки.

— О нет. Как жаль. Бедняжка.

Киран забирается матери на руки, и она медленно качает его. Кевин находит эту картину чрезвычайно трогательной. Он испытывает сильное искушение выложить ей все, ведь он всегда ей обо всем рассказывал, только благодаря этому события становились по-настоящему реальными. Если бы он только мог рассказать Грейс о Роуз!

Киран садится.

— Можно мы их в саду похороним?

— Думаю, лучше похоронить их в море, — говорит Кевин. — Вернем их домой. Может, ты хочешь, чтобы мама сказала несколько прощальных слов?

— Нет, лучше ты, — говорит Киран.

— Правильно, — отзывается Грейс, но Кевин замечает, что по ее лицу скользнула мимолетная тень.

— Нет, — возражает Кевин, исходя нежностью к жене, его ни о чем не подозревающей жертве. — Мама все время произносит речи. Никто лучше ее не скажет, ты уж мне поверь.

Гогарти уже потеряли счет гуппи, которых смыли в унитаз за все эти годы. И, хотя этот ритуал кажется

несколько циничным, детей он неизменно трогает до слез. Стоящий сейчас над унитазом Киран — не исключение. Однако жизнерадостная, как и у остальных детей Гогарти, детская натура берет свое, и к вечеру он уже вовсю играет на ноутбуке, не проявляя никаких признаков меланхолии.

— Есть новости из «Старджар»? — спрашивает Грейс, когда они уже ложатся спать.

Рассказывая о своем эпически пролюбленном собеседовании, Кевин предпочел утаить часть информации. Выпустил некоторые ключевые детали, в том числе то, как зачем-то попросил еще одно печенье перед уходом — этот неловкий момент до сих пор преследует его.

— Пока ничего.

— Что ж, если они тебя не возьмут, значит, они идиоты, — говорит Грейс и гасит свет. Кевин, отгородившись от нее спиной, будто стеной, прокручивает экран своего телефона. Грейс прижимается к нему сзади, нащупывает под одеялом его бедро и проводит по нему пальцами. Кевин замирает и... не отвечает. Не может ответить. Не может. Это ужасно.

Наконец, платонически сжав его плечо, она сдается и отодвигается на свою сторону кровати.

25

Батареи центрального отопления в Маргите, включенные недавно за бешеные деньги, чтобы произвести впечатление на Сильвию и К°, гудят вовсю, однако в доме все равно зверски холодно. Милли включает духовку на максимум и оставляет открытой — пусть хоть одна комната прогреется к запланированному в последний момент приходу Сильвии.

Позвонив в дверь, чего обычно никогда не делает, Сильвия молча отдает Милли ключ.

— Это я во всем виновата, — говорит она.

— Вот уж нет. Не вы, а я.

— Я должна была сказать Кевину правду.

— Нет. Это же я вас умоляла не говорить.

— Как он вообще узнал? Я думала, нам нечего опасаться.

— Брат матери его друга работает в гараже, — вздыхает Милли. — Дублин город маленький.

Сильвия говорит:

— Я просто хотела попрощаться и поблагодарить. Я буду очень скучать по работе с вами. Никогда в жизни у меня не было такого классного босса.

— Это не Кевину решать. Я все улажу. Проходите, садитесь.

К ужасу Милли, глаза Сильвии наполняются слезами. Милли никогда не видела, чтобы ее компаньонка поддавалась отрицательным эмоциям. До сих ее

настроение варьировалось в рамках приподнятого, от восторженного ликования до тихой благодарности.

— Что он сказал? Что-то ужасное?

— Нет-нет, все нормально. Дело не в этом. — Из горла американки вырывается такой звук, будто ее что-то душит.

— Сил?..

Милли замечает огромный браслет с бирюзой на тонком запястье Сильвии. Эти цыганские украшения будят ее любопытство, особенно двойное кольцо, мостиком соединяющее средний палец с указательным — кажется, будто пальцы сросшиеся.

— Я вам говорила, что меня мама когда-то так называла? — спрашивает Сильвия.

— Ты плачешь?

— Нет. — Она сидит совершенно неподвижно. — Да.

Милли вздыхает и спрашивает:

— Это все из-за той проблемы со здоровьем?

— Что?

— Я нечаянно подслушала... ты больна? Сил? Скажи мне.

Сильвия отрицательно качает головой.

Милли выдыхает.

— Слава богу. А я уж решила... было очень похоже, что ты разговариваешь с врачом, тогда вечером, когда мы ужинали.

— Извините. Это... совершенно непрофессионально. — Сильвия вытирает полные грусти глаза тыльной стороной ладони, сверкнув маленькой серой та-туировкой в виде сердечка, которую сделала когда-то в Сан-Хуане, или Сан-Квентине, или еще в каком-то «Сан». Утирает лицо широкими, как крылья, рукавами хлопковой туники. — Со мной все в порядке. Все хорошо.

— Может, я смогу помочь?

На миг Сильвия смотрит Милли в глаза и сразу же отворачивается.

— Вряд ли.

— Ты можешь мне рассказать, в чем дело?

Сильвия устремляет взгляд в потолок, стискивает кулаки — и вдруг вскидывает их вверх и стонет, словно от боли:

— А-а-а!

— Да что произошло? Ты меня пугаешь.

Сильвия роняет голову на руки.

— Помните тот звонок, который вы случайно услышали? Речь шла не обо мне.

— Извини?..

— Это не я больна. Это Шон.

— Иисус, Мария и Иосиф, — ошеломленно ахает Милли, совершенно не ожидавшая такой новости. — Неужели ты о своем племяннике? А на вид такого здорового парня еще поискать. Как же так?

— Я знаю, знаю. В это трудно поверить, но это правда. — Сильвия вытирает лицо, но слезы все текут и текут.

— Чем же он болен?

— У него редкое аутоиммунное заболевание. Это тянется уже много лет, и до сих пор он неплохо себя чувствовал, потому что обычно болезнь дремлет, но здесь у него уже несколько раз случались обострения.

— Как называется болезнь?

— У него не в порядке печень. Больные клетки пожирают здоровые. Ирландские врачи ничего в этом не понимают. — Она осекается. — Простите, не обижайтесь. Понимаете, я не то хотела сказать, но... Здесь все по-другому. Вот, например, на прошлой неделе ему нужно было сделать анализ крови, а тут как раз этот

праздник, официальный выходной, и до вторника ни одного лаборанта было не найти.

— Некоторые больницы у нас действительно ужас. Где он лечится, в какой больнице? В Бомонте?

Сильвия машет рукой:

— Он уже во всех побывал.

— Бедная ты девочка, — говорит Милли. — Что же ты мне раньше не сказала?

Сильвия достает из сумки маленькую пачку салфеток и сморкается.

— Не хотела вас обременять своими заботами.

Милли, вообще имеющей привычку искать выход из любой беды, с неожиданной для нее силой овладевает стремление немедленно разрешить эту ситуацию. Она качает головой и гладит Сильвию по руке, рассеянно думая: так, кажется, принято утешать? Она уже и не помнит, когда в последний раз кто-то нуждался в ее утешении.

— И ничего нельзя сделать? Должен же быть какой-то выход.

— В том-то и дело. Выход есть, — говорит Сильвия. — Тот телефонный звонок... Говорят, есть какой-то новый метод, экспериментальный. Стволовые клетки.

— Ну вот, уже что-то!

— Да, но это... это невозможно! — Сильвия вскидывает руки вверх. — Это даже не здесь, это в Нью-Йорке... Ладно, хватит, прекращаю ныть. Сейчас приготовлю нам чай.

— Да погоди ты со своим чаем. Почему невозможно-то? Если есть лечение?

— Ему... нам... нужно ехать в Нью-Йорк, — говорит Сильвия. — Там есть одна больница, называется

Колумбийский пресвитерианский госпиталь. Они специализируются на таких болезнях.

— Так это же хорошо, да?

— Было бы хорошо, если бы мы могли себе это позволить. Положим, операцию — а это самое неподъемное — обещают сделать бесплатно, потому что это какая-то суперсовременная штука — он будет у них вроде подопытного кролика... Но все равно — остаются еще билеты на самолет, и отель, и питание, и всякое такое. Это стоит не одну тысячу. Уже которую неделю я ломаю голову, как нам туда попасть. Но это безнадежно.

***

Когда Сильвия уходит, Милли поднимает алюминиевую дверь гаража, тут же торопливо закрывает ее за собой и оказывается в темноте. Пар от ее дыхания плывет по всему тесному помещению, пока она ищет какой-нибудь инструмент, чтобы разобрать наконец с проблемой ледяного дома: мысль о том, чтобы вызвать мастера, для нее сродни смертному греху, по крайней мере до того, как она сама не попробует починить батареи.

Раз уж она все равно здесь, Милли решает присесть на низкий табурет и курнуть ради такого случая. Вкус у сигареты химический, противный, но она вдыхает через силу, потом делает еще одну затяжку, и еще, и наконец начинает расслабляться, мысленно возвращаясь к тому приятному моменту, когда она вручила — или, скорее, всучила — Сильвии чек. Облегчение и благодарность помощницы были так разительны, что Милли сама едва не расплакалась. 30 000 евро — все ее сбережения на черный день. Вот этот черный день и пришел вместе с Сильвией.

Американка отказывалась изо всех сил, тем самым только укрепляя Милли в убеждении, что они с Шоном этого заслуживают. Она сделала то, что нужно было сделать. В конце концов Сильвия согласилась принять чек, но только в долг. Даже долговую расписку написала прямо тут, за кухонным столом, и они с Милли поставили под ней свои подписи.

Милли смотрит в окошко гаража, курит и думает о Шоне, который скоро проснется в больнице здоровым парнем, а потом о соседке, взбалмошной анорексичке Морин Макмахон, которая через пару часов должна пройти мимо Маргита, катя коляску с малышом. Как, черт возьми, она вообще умудрилась забеременеть, когда у нее вместо ног две хоккейные клюшки, а на завтрак горсточка изюма (Милли это известно из надежных источников), остается загадкой. И все же они с дочкой — отрадное ежедневное дуновение молодой жизни на этой стариковской улице, сплошь заселенной высохшими фруктами и овощами. Через два дома живут сестры О'Лири, Финола и Мэри, — два сушеных баклажана. Нозль Краунинг, жутковатого вида холостяк-юрисконсульт, живущий в одном из новых одноэтажных домов, — сухогубый, с вечно текущим носом — дряблая грязная картофелина. А кто же она сама, Милли Гогарти? Она задумывается.

— Фига я, — объявляет она пустому гаражу. — Сморщенная, но мякоть еще не вся усохла.

Вернувшись в дом, она сразу же чувствует запах дыма. Сначала озадаченно нюхает свои прокуренные пальцы, а потом начинает по очереди открывать и закрывать двери — в гостиной, в столовой, — пока не доходит до кухни.

Там ее встречает густая пелена дыма, сквозь которую уже ничего невозможно разглядеть. Духовка

представляет собой настоящий ад: над ней пышет пламя высотой фута в два, не меньше, из разинутой пасти валит дым — очень много дыма, и нестерпимо воняет горелым жиром. Ни один датчик не сработал, а между тем кухня горит — это совершенно очевидно.

Милли вскрикивает, пятится назад, захлопывает дверь и на секунду застывает, парализованная ужасом. На помощь звать некогда. Если огонь сейчас же не потушить, он охватит всю кухню, а то и весь дом. Милли бежит к сушилке, хватает стопку полотенец, бросается обратно на кухню и пытается сбить пламя. Но от полотенец никакого толка: все равно что плеснуть в костер чайную ложку воды... Воды! Она бежит к раковине, увертываясь от языков огня и уже начиная кашлять.

Лихорадочно спеша, Милли мочит под краном оставшиеся полотенца. Начинает хлопать ими по духовке, по шкафам вокруг, до которых уже добрался огонь, и слышит шипение. Гаснет, кажется, гаснет! Милли подбирается ближе к духовке, и правый рукав ее полиэстерового халата мгновенно загорается. Милли так поглощена борьбой с огнем, что даже не замечает этого, пока горящая ткань не обжигает кожу.

26

Эйдин проматывает последний сингл Чёткого «Baby Baby Baby Baby Baby» и выбирает вместо него The Cramps — из песен, недавно присланных Шоном. Большую часть его любимых мелодий — резких, динамичных, яростных — ее ухо не воспринимает, но в тексты она вслушивается внимательно. Тщательно накрасив ресницы тушью Бриджид, она укладывает вещи в одолженную ей спортивную сумку. Немного очков заработаешь в глазах Шона с той сумкой, которую подарила ей мама — блестящей, в золотых цепочках, прошитой ромбиками, здоровенной, как пицца. Мама, конечно, хотела как лучше, но это далеко от стиля Эйдин, как Земля от Луны.

Для всех остальных обитательниц «Фэйр» это время — пятница, четыре ноль-ноль — кульминационная точка всей недели, миг упоительной свободы от унылых школьных будней. Две соседки Эйдин по комнате, Абигейл и Фэй, те, что все время спорят, обсуждая пышность гривы или длину хвоста какой-нибудь кобылы, ушли последними: дожидались поезда в Килдэр, где будут чистить бока своим ирландским кобам или скакать через рвы и барьеры на выставочных пони. Эти их мелкие споры на самом деле довольно забавные, и, хотя Бриджид находит их тупыми, Эйдин все больше нравятся эти девушки.

Неожиданно дверь спальни распаивается и врезается в стену из шлакоблока, выкрашенную в мятный цвет.

— Урод долбанный!

Это Бриджид. Вся в слезах, она подходит к Эйдин. На ней темно-бордовые мартенсы, недавно купленные в городе, и темные непрозрачные колготки, толстые, как гостиничная скатерть. Эйдин знает, что Бриджид подвержена перепадам настроения — она способна в один миг ни с того ни с сего прийти в ярость или, наоборот, в прекрасное расположение духа, — но чтобы она плакала вот так по-девчачьи, с таким неприкрытым выражением обиды и боли на лице — это что-то новое.

— Что случилось?

Бриджид швыряет рюкзак к себе на кровать — они с Эйдин теперь спят рядом. Эйдин, по собственному опыту знающая, как легко кого-то обидеть, деликатно уговорила прежнюю соседку поменяться местами. Бриджид достает из кармана джинсов недокуренную сигарету, мятую и вонючую.

— Я уже собралась уходить, представляешь? Вещи уложила. И тут эта сука...

— Бликленд?

Бриджид кивает, засовывает окурок в рот и дрожащими от волнения пальцами шарит в карманах в поисках зажигалки. Тянется к здоровенной оконной ручке.

— Ты с ума сошла?

— Мне пофиг, — отвечает Бриджид, но все-таки подходит к двери и подпирает ее переполненной бельевой корзиной.

— Тебя исключат!

— А мне того и надо.

— Seriously?

Бриджид прикуривает и выпускает в холодный воздух цепочку идеально круглых колечек, хотя почти весь дым тут же летит обратно в комнату.

— Короче, я уже расписываюсь в книге, а она тычет пальцем и говорит — стоп. Я такая: «Какого

хрена?» И оказывается... ты не поверишь! — Рукавом джинсовой рубашки Бриджид кое-как вытирает вновь подступившие злые слезы. — Короче, мой папашка позвонил им и сказал, что не берет меня домой. Что я наказана.

— Что?

— Что слышала. Я говорю: «Да нет, в эти выходные уже можно. Три недели уже прошло». Я же собиралась сегодня встретиться с Брайаном в «Тини-Трикл». Мне нужно домой!

Эйдин пока еще не знакома с Брайаном, новым парнем Бриджид, девятнадцатилетним разносчиком пиццы и по совместительству торговцем наркотиками. Но Бриджид ей уже все уши прожужжала о том, как ей весело с ним, когда оба под кайфом: хохочешь над всякой фигней чуть ли не до мокрых трусов, а потом, через три минуты, уже хоть убей не вспомнишь, что там было такого смешного. Эйдин все это кажется довольно глупым.

— Убери ты эту штуку. — Эйдин видит, как длинный столбик пепла на кончике сигареты опасно нависает над подоконником.

— В общем, мой папашка, урод долбанный, сказал в школе, что меня не будут забирать домой до самой Пасхи!

Пепел падает и разлетается во все стороны. Эйдин подходит, сдувает его с подоконника и думает о своем отце, который часто ее бесит, но никогда не бывает жестоким.

— Но почему?

— Наверное, чтобы никто не мешал таскать домой фотомоделей и трахаться сколько влезет.

Отец Бриджид, фотограф (Эйдин видела его на фотографии: брюнет с точеным лицом в кепке, лихо надвинутой на прищуренные глаза), и ее мать развелись,

когда она была еще маленькой, и отец получил полную опеку над дочерью, как ни сомнителен он в роли опекуна.

— И у него даже не хватило смелости самому сказать мне, я должна узнавать от этой вонючей садистки!

— А позвонить ему нельзя?

— Он уже летит в Лос-Анджелес на какую-то большую тусовку. И его все равно не уговоришь. Его вообще бесполезно уговаривать.

Эйдин не может придумать, что тут сказать утешительного.

Взгляд Бриджид падает на сумку Эйдин.

— Ты сегодня с ним встречаешься?

Понимая, что ее радость еще больше расстроит Бриджид, Эйдин кивает без улыбки.

— Иди тогда. А то на автобус опоздаешь.

***

Город гудит. На фоне темнеющего неба и грозных дождевых туч светятся окна и витрины магазинов. Эйдин останавливается, вслушиваясь в ритмичный стук каблучков по старинным тротуарам, в раскаты смеха, обрывки разговоров, рев автобусов, скрежет тормозов, крики уличных торговцев фруктами, игрушками, поддельными дизайнерскими сумочками и зарядными устройствами для айфонов. Она достает из карманов вязанные перчатки, толстые, шикарные, рокерские — подарок Джерарда на Рождество, — и бредет мимо пабов, где окна уже запотели от собравшейся к середине дня толпы и празднование окончания рабочей недели набирает обороты. Когда одна из этих дверей распаивается, до ушей Эйдин долетает обрывок из песни любимой маминой группы The Waterboys. «Я много лет бродил по свету, а ты из дома не выходил...»

Дублинский разгул идет полным ходом. Добро пожаловать, дамы и господа!

Теперь на Эйдин надвигается большая компания, празднующая девичник. Будущую невесту в белом свитере с выложенной стразами надписью «Эта телка уже нагулялась» колотят по голове здоровенным перламутрово-розовым надутым пенисом. Ее подружки, шумная компания британок лет двадцати с небольшим, с выбеленными волосами, уже пьяные в стельку, идут веселой гурьбой сквозь толпу прохожих, насмешливо, с фальшиво-аристократическим акцентом окликая одиноких мужчин: «Прошу прощения, сэр! Не будете ли вы так любезны снять штаны, сэр?»

Эйдин выходит на Графтон-стрит. Пульс города — жители пригородов стекаются в центр, работающие в центре разъезжаются по домам — заразительно откликается внутри. Всякий раз, оказываясь в городе, Эйдин сбрасывает с себя миллбернскую вялость и ускоряет шаг. Раньше они с мамой приезжали сюда по субботам, вдвоем, — ходили в кино, а потом ели гамбургеры с картошкой. Здесь все так непохоже на Долки, где совершенно негде побыть одной: даже самый дальний утес, самая затерянная тропинка в адских бебнях — не гарантия от вторжения. Как-то раз в уединенном уголке среди сосен в Диллон-парке она наткнулась на местного почтальона: тот обедал на природе, любясь дикой красотой скалистого острова Долки. «Привет, Эйдин, — сказал он, с удивлением заметив, что она стоит рядом и таращится на него. — Чипсы будешь?»

Так она доходит до Бьюли. В половине четвертого с беззаботным, как она надеется, выражением лица останавливается возле кафе, всякий раз, как открывается большая стеклянная дверь, вдыхая густой запах арабики. Смотрит, как люди подходят, встречаются,

здороваются, заходят внутрь. Пытается придать себе скучающий вид.

В 16:40 Эйдин позволяет себе украдкой бросить взгляд в сторону Стивенс-Грин, а потом в противоположную, на Тринити. Вокруг, как всегда, сумасшедшая толпа, и Эйдин задумывается: может, лучше войти и занять столик? Но по плану, еще раз подтвержденному утром, они должны были встретиться именно здесь.

В 16:48 Эйдин старается отвлечься, разглядывая стоящую неподалеку парочку. Они молоды — может быть, лет по восемнадцать, и парень, как только подходит, сразу начинает целоваться со своей девушкой. Они целуются долго — прямо среди бела дня. Парень протягивает девушке маленький пакетик из магазина, а та заглядывает внутрь и визжит.

В 16:59 Эйдин пишет Шону сообщение: «Так ты идешь?»

В 17:55 она уходит от кафе, уныло вливается в толпу и идет на станцию, где покупает билет на электричку и пакет чипсов, а затем возвращается к киоску и берет десяток сигарет и коробок спичек. Она сама не знает зачем. Гори оно все огнем. Она выкуривает две сигареты в ожидании и наконец садится в поезд, идущий в Долки.

27

Кевин заботливо усаживает мать с забинтованной правой рукой, висящей на тонкой перевязи, на пассажирское сиденье своего неприлично огромного минивэна — еще одно вопиющее доказательство виновности Гогарти в глобальном перенаселении, как мама уже не раз с самодовольным злорадством ему пеняла. Но не сегодня. Сегодня, пока мать и сын едут по мокрым дорогам северного Дублина к дому престарелых «Россдейл», она яростно молчит.

— Это только до тех пор, пока не заживет ожог, — на все лады повторял Кевин, пока шла подготовка и сбор вещей. Менялись только словесные формулировки: «восстановительный период», «всего пара недель», «временная мера». Накануне вечером они вдвоем провели несколько долгих мучительных часов в самом мрачном отделении неотложной помощи, какое он видел в своей жизни, забитой красными лицами алкоголиками, избитыми, окровавленными, не держащимися на ногах, бессвязно бормочущими угрозы воображаемым врагам. Одна-единственная женщина средних лет, маленькая и худая, с опухшим левым глазом цвета мутного заката, плакала, закрыв лицо руками.

Дежурный врач разъяснила, что миссис Гогарти необходима ежедневная перевязка, покой и уход.

Кевина глубоко потряс вид матери, сидящей на ковре в своей выгоревшей дочерна кухне, поддерживающей

обожженную руку и кашляющей, раскачиваясь из стороны в сторону. В этот раз она была настолько близка к смерти, насколько он вообще мог это допустить в своем воображении. В ужасе, ни о чем не думая, он бережно обнял свою бедную маму, чтобы не потревожить ожог, поднес к ее губам стакан с водой и отвел в машину.

— Ты скоро вернешься в Маргит, — говорит он ей теперь, поворачивая рычажок, который теоретически должен привести в действие дворники. И они начинают двигаться, но слишком хаотично и медленно для такого сильного дождя, и дорогу все равно видно плохо. — Снова будешь шпионить за соседями и терять ключи.

Молчание.

— Мы, случайно, не забыли твою сумку с туалетными принадлежностями?

Молчание.

— А очки?

Кевин видит в окно бывшего одноклассника, Томми О'Дуайера — тот дует на кофе в картонном стаканчике, стоя на тротуаре возле дешевой кофейни и болтая по мобильному. Кевин машет ему рукой и возвращается к своей беде.

— В «Россдейле» о тебе будут хорошо заботиться, — продолжает он. И это правда. Насколько ему известно, в «Россдейле» работают опытные ответственные профессионалы, и это вполне респектабельное заведение (если забыть злополучную историю, которую перепечатали все таблоиды несколько лет назад: о том, как беременную помощницу медсестры и похотливого диабетика с волосатыми ушами застали совокупляющимися на передней скамье устроенной при доме престарелых импровизированной часовни).

Ее рану будут обрабатывать, будут давать обезболивающие, готовить еду. И, честно говоря, это не худший способ дать ей привыкнуть к тем, что может когда-нибудь стать суровой необходимостью.

— Почему я не могу просто пожить с вами? Тебе даже не нужно со мной сидеть.

После пожара глаза матери, кажется, совсем провалились в бездонные темные впадины ее некогда аристократического лица. Теперь они похожи на два гладких темных камешка, беспомощно тонущих в зыбучих песках.

— Пусть бы дети бегали туда-сюда, это же прекрасно. Мне всего-то и нужно, что стакан воды и корочку хлеба, и я буду счастлива.

Корочку хлеба!

Кевин вздыхает.

— Не все так просто.

— Это ты все усложняешь.

— Пусть так, мама, но ожог у тебя серьезный — вторая степень. Что, если ты проголодаешься, а дома никого не будет? А если тебе понадобится в туалет? А мыться как будешь?

В соседнем ряду громко пыхтит городской автобус с рекламой во весь бок: отец, мать и веснушчатые сын с дочерью смотрят благоговейно вытаращенными глазами на кекс с шоколадной глазурью. Кевин прибавляет скорости: хочет обогнать автобус, но впереди поворот и дорогу не видно. Кевин убирает ногу с педали и смотрит, как счастливое семейство, навечно застывшее в своем радостном ожидании, самодовольно катит дальше.

На душе у Кевина тяжело. Но он не может иначе, не может! Мать кажется ему сейчас особенно хрупкой, беззащитной и, он знает, одинокой. В то же время она воровка (возможно, поджигательница?), вечно

недовольная мизантропка, склонная чудовищно все преувеличивать и способная довести любого сына до красочных фантазий о матереубийстве. Кевин вздыхает. Справа от них простирается океан. Сейчас время отлива, и широкий пляж манит к себе. Повсюду валяются желтые кудрявые водоросли — словно море проглотило их, а потом, подумав, выблевало обратно. Слева мимо Кевина и Милли проносятся здания, когда-то считавшиеся элитной недвижимостью на берегу океана: какой-то чудной паб, парикмахерская, куда мама часто ходила, пока не устроила там безобразный скандал из-за лишних трех фунтов в счете — за бальзам-кондиционер, который ей осмелились нанести без ее согласия. Кевин мог бы отмечать памятные места унижений, бурных сцен и спасательных операций по всему южному берегу, от маяка на Восточном пирсе до Брей-Хеда.

Он останавливает машину перед довольно большим, невзрачного вида особняком с пандусом для колясок, тянущимся от двойных дверей до тротуара. Оба Гогарти — один с вежливой улыбкой, другая с хмурой миной — входят в «Россдейл» в сопровождении круглолицей девушки лет двадцати с небольшим в плюшевом спортивном костюме. Пахнет здесь вовсе не противно, как можно было ожидать, а воскресным ужином — кажется, тушеной телятиной и картофелем с чесноком, хотя мама просто из упрямства ни за что это не признает.

Гостиная выглядит вполне пристойно, хотя и слегка обшарпанно. Странноватая мебель и прочая обстановка наверняка по большей части закуплена несколько десятилетий назад, но за ней, как видно, неплохо ухаживали, хоть и по старинке: красное дерево блестит и едва уловимо пахнет церковным лаком под сосну, на обивке нет заметных прорех, на

ковре не видно пятен рвоты или каких-нибудь других выделений. Своеобразный набор сидячей мебели — диван в обивке английского ситца, несколько мягких кресел-качалок — выстроен в самом центре комнаты, словно тут вот-вот начнется детская игра в «музыкальные стулья». На истончившейся подушке одной из качалок вышиты слова: «Такова жизнь». На викторианской полочке над пылающим газовым камином наклеены десятки рождественских открыток: младенец Иисус в яслях, ангельский хор в небе, колядовщики, несущие благую весть, — в общем, всякая религиозная муть, от которой, Кевин знает, мама на стенку готова лезть.

— Вы, должно быть, Гогарти?

Шейла Слэттери, директор «Россдейла», которой Кевин виртуально нализывал задницу последние двенадцать часов, с виду как раз из тех женщин, каких его мать всегда обожает: преувеличенно дружелюбная, одышливая — еще одна Веселая Джессика, только помоложе.

— Миссис Слэттери, — говорит Кевин, снимая кепку — наследство отца, который когда-то надевал ее во время официальных визитов. — Позвольте представить вам мою маму, миссис Гогарти. Мы очень благодарны за то, что вы оставили последнее место для нас, миссис Слэттери.

— Говори за себя, — обрывает мама.

Миссис Слэттери лучезарно улыбается им, словно и не заметила враждебности, и эта улыбка обнаруживает широкий промежуток между передними зубами, словно окошко в туалете, целомудренно прикрытое темной занавеской. Этот недостаток настолько очевиден и вопиющ, что Кевин подозревает: он один уже способен расположить маму к этой женщине.

— Что ж, отлично. С документами у вас все в порядке. Позвольте мне для начала показать вам вашу комнату, миссис Гогарти, хорошо?

Они поднимаются на лифте на третий этаж и идут дальше по опрятному коридору.

— Ну вот, — говорит миссис Слэттери. — Вот вы и на месте.

Кевин, миссис Слэттери и Милли стоят на пороге маленькой комнатки персикового цвета. Она разделена на две части тканевой занавеской, подвешенной на крючках к металлической стойке в форме полумесяца. Справа — пустая двуспальная больничная койка, скромный комодик, прикроватная тумбочка с лампой для чтения и Библия.

— Это мне ни к чему, — говорит мама и отпихивает книгу — возможно, толчок выходит сильнее, чем ей хотелось, а возможно, и нет, но Библия летит на кафельный пол.

— Мама!

Кевин поднимает книгу и кладет ее обратно на тумбочку.

— Не беспокойтесь, — говорит миссис Слэттери, хотя Кевин видит, что такая агрессия удивила ее и заставила взглянуть на его мать другими глазами, явно не восторженными: разочарование, видимо, неизбежное, но он надеялся, что это произойдет хотя бы после того, как он вернется в машину. Он ужасно боится, что администрация передумает. Скажут: «Мы ошиблись! Забирайте ее немедленно!»

— Я хотела бы вас кое с кем познакомить, — говорит миссис Слэттери и отдергивает занавеску. За ней, к изумлению Кевина и его матери, лежит маленькая, сморщенная, спящая, а может, уже впавшая в кому, почти совершенно лысая женщина, на вид лет под девяносто. Кто-то заботливо укрыл беднягу

выцветшим стеганым одеялом цвета слоновой кости. Под ним она напоминает Кевину детскую куклу из прошлых веков.

— Это миссис Джеймсон, — говорит миссис Слэттери. — Ваша новая соседка.

28

Всю следующую неделю, время от времени — обычно по утрам, — миссис Джеймсон устремляет свои пустые молочно-белые глаза, напоминающие недожаренные яичные белки, на уставившуюся на нее в нетерпеливом ожидании соседку.

— Доброе утро! — однажды жизнерадостно приветствует ее Милли. — Или правильнее сказать — добрый день? По-моему, вы спите с самого вторника. Я уже спрашивала кого-то из сиделок: моя соседка, случайно, не в спячку залегла, как медведица? Такого крепкого сна я еще ни у кого не видела. — Милли на секунду умолкает, чтобы перевести дыхание, и с любопытством вглядывается в лицо этой безжизненной фигуры. Как знать, забавляет ее этот разговор, или раздражает, или она просто как раз сейчас наполняет баллон своего катетера.

Если описывать обитателей «Россдейла» в терминах бизнеса, то миссис Джеймсон следует отнести к индивидуальным предпринимателям. Пока еще ни одному человеку на свете не пришло в голову хотя бы послать ей открытку. Телефон у нее никогда не звонит, посетители к ней не ходят. Она совершенно одинока. Конечно, сама Милли тоже не бог весть какой конгломерат. Фирма Гогарти не слишком балует ее вниманием и заботой. С Кевином Милли почти не разговаривает, что делает его торопливые нервные визиты (можно подумать, у него куча важных дел, ведь он сейчас без

работы) сущим мучением. Большую часть времени он или просит о чем-нибудь сиделок — раздвинуть штормы, вытереть прикроватный столик, — или болтает с молоденькими медсестрами (некоторые из них выглядят хуже — ну, по крайней мере, толще, чем сама Милли). Он развлекает их рассказами о своем давнем и недолгом опыте незадачливого волонтера, страдающего гемофобией, в местной больнице. Они смеются.

Вчера Кевин ворвался в комнату с непринужденным «Добрый день» и снисходительно поцеловал всклоченную голову матери, не обращая внимания на ее, как он считает, ребяческие капризы. Она хмыкнула (не смогла удержаться), скривила губы, сдвинула брови, уткнулась подбородком в персиковую стену и в такой позе упрямо пролежала до конца. Все это требовало огромной силы воли. Ей до смерти хотелось пожаловаться на заварной крем цвета ушной серы, холодный, как камень, рассказать, что ревень тут безвкусный, в комнатах тропики, врачи держатся надменно, медсестры разговаривают свысока, сиделки равнодушны, ночи тянутся бесконечно, таблетки застревают в горле, и в воздухе невыносимо остро ощущается близость смерти. Ничего этого она не сказала, только почувствовала, как подступил к горлу горячий комок, когда сын завершил свой визит еще одним театральным поцелуем.

— Очень рад был поболтать с тобой, — сказал он и подмигнул.

— На вашем месте, миссис Джеймсон, — продолжает Милли, — я бы первым делом проверила свою сумочку.

Миссис Джеймсон устремляет свои водянистые, обескураживающе пустые глаза на Милли — или просто в ее сторону.

— Я не хочу вас тревожить — вот Кевин, мой сын, он, вы знаете, вечно поднимает тревогу из-за пустяков. Переживает из-за своих коленей — он, видите ли, спортсмен. Прекрасный теннисист. Очень грациозен. Или — ах, у Джерарда экзамены! Это его старший. А вдруг провалится? Найдет ли он себе хорошую девушку?

Милли сердито всплескивает руками, чтобы придать выразительности своему монологу. Она разглядывает мягкие складки кожи своей соседки, ее обвисшую шею, сшитое вручную стеганое одеяло и решает, что в свое время, когда миссис Джеймсон еще не была прикована к постели, до постигшего ее недуга, это была женщина щедрая, с творческой жилкой и злым языком — одним словом, миляга.

— А я тут просыпаюсь и вижу, как эта проказница-медсестричка... ну, не в этом смысле проказница, — хихикает Милли. Она уже начинает ценить преимущества немой соседки. — Роемся в ваших вещах, прямо вот так, обеими руками — весьма ухоженными, надо сказать. — Милли изображает медсестру, запускающую руки в чужую сумку.

Миссис Джеймсон зевает.

— Это правда.

— Что, простите?

Миссис Джеймсон дважды издаст кудахчущий звук и улыбается.

— А я-то сомневалась, понимаете ли вы вообще, что я говорю, уже все уши вам прожужжала. Вы не представляете, чего я только не передумала, пока вы спали. Уже сочинила целую историю вашей жизни, хотите послушать?

— Это правда.

— Что, простите?

— Это правда.

Миссис Джеймсон крепко сжимает губы, похожие на кожицу лука, и проводит языком по верхним деснам, а затем ее глаза медленно закрываются — и тут как раз звонит телефон, лежащий у кровати Милли.

— Алло?

— Миссис Гогарти?

— Слушаю!

— Угадайте, кто это?

— Сил! Ты? — Милли прикрывает трубку рукой и объясняет соседке: — Это моя американская подруга. Я вам непременно как-нибудь расскажу.

— Миссис Гогарти? Вы слушаете?

— Да я просто дар речи потеряла! Как ты меня нашла? Это Кевин тебе сказал, что я здесь?

— Не могла же я забыть свою любимую ирландку, правда?

— Ох, а меня он вот сюда упрятал. Тебе уже рассказали?

— Я звонила вам домой, но телефон не отвечал. Тогда я позвонила домой Кевину, и трубку взяла его дочь. Она говорит, у вас был какой-то пожар?

— Ой, нам не стоит слишком долго разговаривать. Трансатлантический тариф все-таки. Просто хочу услышать, как ты там дышишь.

— Что?

— Вот так, великолепно.

— Так что случилось? — спрашивает Сильвия. — Был пожар?

— Ох, это было ужасно. Я чуть не погибла, ты не слышала? А потом Кевин пришел и увидел меня на кухне. Но это неважно. Скажи лучше, как поживает наш пациент? Когда операция?

— Уже сделали несколько дней назад.

— Быстро вы!

— И сейчас он выздоравливает. Пока что все идет нормально.

Милли тут же сообщает миссис Джеймсон:

— Операция прошла успешно!

— Врачи говорят, выздоровление будет долгим, дольше, чем мы думали. Но вы бы его видели — лежит, весь опутанный проводами, и ест желе. Он настоящий боец.

— Безумно рада это слышать, — со слезами говорит Милли. — Рада за вас обоих. Просто ужасно!

— И все это благодаря вам.

— Да ладно...

— Это такое облегчение, что и сказать нельзя. А вы-то как? Долго еще там пробудете?

— По секрету между нами тремя, считая миссис Джеймсон, сдается мне, я тут долго не протяну.

— Миссис Джеймсон?

— Я скучаю по нашим разговорам, Сил. Очень скучаю.

— И я тоже, — отвечает Сильвия. — Надеюсь, вы скоро вернетесь домой. Через пару недель, может быть? Как вы думаете?

— Да, а кухня-то — ты ее теперь не узнаешь. Черная, как ночь.

— О боже мой.

— Вот что я тебе скажу: бронируй-ка поскорее билет домой и помоги мне сбежать отсюда. Увези меня в свободную страну!

Сильвия фыркает и говорит:

— Было бы здорово, правда? Ох, черт, мне надо идти. Врачи зовут, хотят узнать, как идут дела.

— Позвонишь мне еще как-нибудь, когда у тебя будет время?

— Обязательно.

— Или дай мне номер, чтобы я могла с тобой связаться?

— Конечно. — Сильвия диктует длиннющий ряд цифр, и Милли записывает их на клочке бумаги.

— Когда ты вернешься в Дублин? — спрашивает Милли, но связь, видимо, прервалась, потому что телефон внезапно замолкает.

29

Кевин платит бешеные десять фунтов за то, чтобы его машину не угнали, пока он будет ужинать, и плетется в «Маллбери Гарден» — праздновать двадцатилетие со дня своей свадьбы. Когда у него была приличная работа и на внутреннем фронте дела еще не совсем разладились, они с Грейс строили планы — отметить эту знаменательную дату романтической поездкой. Провести длинные выходные на Корсике или роскошные две недели в Аргентине. Они будут брать уроки танго, заниматься любовью в гамаке, а потом отключаться в блаженной сиесте в номере бутик-отеля, и над головами у них будет крутиться, навевая прохладу, плетеный вентилятор.

Но теперь денег на такие излишества нет, и Грейс уже не тянет с ним спать, хоть в гамаке в Буэнос-Айресе (это возможно вообще?), хоть где-нибудь еще. Всякие разговоры о поездке их мечты давно прекратились. Какое-то время Грейс еще рисовала себе картину большого праздника дома — с фирменным коктейлем, с официальными приглашениями, а дети пусть отрепетируют смешную сценку, где будут символически поджаривать родителей на огне (Кевин считает такие инсценировки слащавой пошлостью, но детям нравится, и он держит свое мнение при себе). Потом размах сузился до тихой вечеринки в узком кругу — и хлопот меньше, и веселее, и дешевле. И в конце концов все свелось к ужину на двоих в Доннибруке.

Грейс опаздывает. Кевин потягивает джин-тоник и проверяет сообщения в телефоне. Вчера он удалил всю контактную информацию Роуз Берд — решение, которое уже невозможно отменить, и сознание его необратимости временами вызывает легкую боль, а временами, как сейчас, благодарное облегчение: его судьба решена.

Кевин видит, как его жена входит и называет свое имя администратору. Мужчина за соседним столиком поглядывает на нее, и Кевину это приятно. Он сглатывает, убирает мобильный в карман пиджака и начинает разглядывать других состоятельных посетителей — это все же повеселее, чем копаться в самом себе, хотя рефлексия все равно волей-неволей просачивается в мозг. Даже если вдруг подвернется подходящая работа — захочется ли ему ей заниматься? Все равно в последнее время, за что бы он ни взялся, выходит полное дерьмо. Мама не выносит «Россдейл» и без конца донимает его жалобами. Эйдин, если смотреть правде в глаза, по-прежнему считает своих родных стаяй гнусных ублюдков, достойных лишь презрения, — а уж на презрение она никогда не скупилась. А главное, о чем Кевин тревожится, пока Грейс идет к нему, лавируя между столиками, — чем стали для них эти двадцать лет, чем не стали, чем должны были стать? Очень не хочется задумываться о том, не путают ли они любовь с привязанностью, о том, что дети, которые когда-то были клеем для их семьи, теперь играют скорее роль противоядия, или (слишком циничная мысль, Кевин понимает это) о том, что их держит вместе только привычная лень, нежелание растаскивать по частям захламленный, сложно устроенный дом и делить жалкое бесполезное барахло, которое они накопили за эти годы. Ноутбуки, пилки для ногтей, чайники — все это не самый подходящий цемент для брака.

Но вот его жена, с которой они прожили два десятка лет, стоит перед ним — подавляя зевок, что в такой торжественный вечер отдает черным юмором, — и Кевин, нервничая и потея, снимает пиджак и поднимается из-за стола ей навстречу.

***

Когда приносят заказ, Грейс осматривает интерьер и говорит:

— Я хочу забронировать столик в том новом местечке у «Гришема» — органический паб, или как он там называется?

— М-м-м-да?

— Я думала, ты бывал там? Шеф-повар из Корка...

— Передай мне вино, пожалуйста.

Грейс наполняет бокал Кевина и сдвигает свой бесцветный картофельный гратен на край тарелки.

— Меня это бесит... — говорит она.

— А, ресторан? Да, мы там с Миком недавно ужинали.

— С Миком?

— Ну да, с Миком.

— Ты никогда не ходишь с Миком по ресторанам.

— Даже Мику иногда нужно есть что-то, кроме стаута.

— Дай мне отщипнуть у тебя кусочек.

— Я несъедобный, дорогая. — Он пытается улыбнуться, но вместо улыбки выходит какая-то гримаса, больше подходящая обдолбанному клоуну, чем благодушно настроенному мужу.

Грейс тянется через весь стол и тычет вилкой в его рыбу.

— Как дети сегодня?

— Я бы сказал, в боевом настроении.

— Нуала с Кираном? О, очень вкусно. — Грейс жует в своей обычной манере, которую Кевин находит несколько гротескной: как будто ворочает во рту гору тяжелого, мокрого песка. Какая-нибудь крупинка неизбежно застрянет в зубах, но она этого даже не заметит — так и будет ходить, пока не придет время чистить зубы перед сном. Иногда ему уже с трудом вспоминается, какой пугающе красивой она была когда-то.

— Переругались, это Киран начал.

— Да?

Кевин видит, что ей неприятна эта тема. Ей не хочется слышать ничего нелестного о своих отпрысках. Это всякий раз вызывает у Кевина острое желание изобразить перед ней все их фокусы в лицах. Наверное, так ему хочется дать понять жене, чем он занят дома целыми днями: трудится в поте лица, чтобы сохранить мир.

— Киран узнал про Гэвина и стал над ней издеваться. Настоящий чертенок. Но, что ни говори, милый чертенок.

Но Грейс уже не слушает: ее вилка застыла в воздухе, словно учительская указка, и непонимающее выражение на ее лице вызывает у Кевина тревогу.

— Что узнал? — переспрашивает она. — Что такое насчет Гэвина?

— Ерунда. Глупости. Ну, они вроде как теперь парочка, официально. Он подарил ей ожерелье, очень мило, на самом деле.

Он поднимает свой бокал.

— Разве я тебе не говорил?

— Нет, не говорил. А главное — она мне не говорила.

— Не сомневаюсь, еще расскажет.

Грейс снова начинает медленно жевать.

— Правда, я вчера так поздно пришла, что ей и некогда было рассказать. — Лицо Грейс делается задумчивым. — Первый настоящий парень! Он, по-моему, очень симпатичный, правда? Когда это произошло?

Кевин раздумывает — не солгать ли? Но он понимает, что это бессмысленно: Нуала не станет ему подыгрывать. Его дети, во всяком случае, трое из четырех — образец добродетели, они гораздо более щепетильны в таких вопросах, чем их отец.

— Не знаю. Примерно тогда же, когда Эйдин поступила в Миллберн.

Грейс кладет на тарелку сначала вилку, потом нож и роняет голову на руки.

— Дорогая, — говорит Кевин. — Пожалуйста, не расстраивайся. Она просто...

— Просто что?

— Она очень стеснительная и...

— Это не стеснительность, — шипит Грейс. — Я ее мать. Матери не стесняются.

— Думаю, тебе не стоит принимать это на свой счет.

— Как же еще мне это принимать?!

— Со временем она и тебе расскажет.

— Не говори со мной как с ребенком, Кевин. А главное, почему ты мне не рассказал?

— Ну а что тут особенного. Не знаю... Как-то в голову не пришло.

— Не пришло? Такая важная вежа...

— Давай без этой театральщины.

— Не учи меня!

— Я-то в чем виноват?

— Я и не говорю, что ты виноват.

— Но я чувствую себя виноватым.

— Кажется, мы отдалились друг от друга сильнее, чем я думала.

— Да, у нее парень! — Кевин выпаливает это громче, чем намеревался. Жена делает ему знак замолчать: яростно прижимает палец к губам и делает свирепое лицо. Ну, в этот раз он молчать не будет! Он чувствует, как правда неудержимо рвется наружу — выстрел грянул, кони бьют копытами, — козыри у него в руках, сейчас он может сделать ей больно. Этот порыв — излить наконец душу и попробовать докопаться до истины — так соблазнительно кружит голову, что Кевин не в силах удержаться.

— Ты еще многого не знаешь, — говорит он. — Ты ведь почти не бываешь дома.

— Неправда.

— Правда.

— Что ж, если и правда, так это потому, что у меня есть работа.

— Кроме работы, у тебя есть семья.

— А, ну конечно.

Грейс пронзает его кинжальным взглядом. Слышится негромкий сигнал пришедшего сообщения. Может быть, от Роуз?

Грейс поднимает бокал с вином, пристально вглядывается мужу в лицо, словно не узнает его, и говорит:

— А ты даже сам не замечаешь.

Кевин понимает, что у нее на уме что-то недоброе, и не надо бы доставлять ей этого маленького удовольствия. Но он ничего не может с собой поделать: ему всегда хочется знать ее мнение — вдумчивое, взвешенное, мудрое, оптимистичное, — практически по любому вопросу, особенно когда дело касается его самого. Сколько раз за эти годы ее коллеги, подчиненные, даже начальники приходили к ней в кабинет, закрывали за собой дверь и делились своими терзаниями, проблемами или сомнениями, и уходили ободренные?

— Чего не замечаю?

Она смотрит на него холодно.

— Что ты погряз в жалости к себе с того дня, как потерял работу, по самые уши. Что ты все, все на свете — детей, свою мать, меня — все видишь только через черные очки. Ты потерял себя. Только ныть и умеешь.

Ему хочется рывкнуть матом, хочется переспорить ее, осадить, сделать больно, сказать, чтобы сама не ныла. С ним все в порядке, ему просто нужно понимание, поддержка! Хочется заорать. Разбить что-нибудь. Треснуть кулаком по столу. Выпить виски. Уйти.

Грейс сидит с приоткрытым ртом. Зубы у нее красноватые от вина.

— Ну что ж, за наш семейный союз, — произносит Кевин со злой насмешкой, поднимая бокал. Снова раздается сигнал его телефона.

— Кевин, послушай, я просто хочу...

— Извини. — Он встает, бросает салфетку на стол. Больше всего на свете ему хочется уйти.

— Мы не закончили разговор.

— А это называется разговор? Больше похоже на нападение из засады.

— Сядь, пожалуйста. Давай поговорим. Прошу тебя.

— Не волнуйся. Дам тебе время собраться с силами.

Кевин гневно удаляется в направлении мужского туалета. Он в ярости от того, что его жена через столько лет все еще умеет так больно (потому что правдиво?) бить по его самым чувствительным местам. Он входит в громадную, сверкающую белизной комнату и не видит там ничего: ни сантехники, ни крана, ни раковины нормальной (только фарфоровый поддон), ни полотенце, ни сушилки для рук. Кевин не знает, что и думать. Там, где обычно находятся двери кабинок,

висит массивный лист матового стекла шириной с кухонный стол, без ручек. Кевин тычется в этот лист обеими руками в разных местах. Наконец с досадой поворачивается, чтобы уйти, задевает плечом стену, и гладкая невидимая дверь волшебным образом отодвигается с тихим шорохом, а за ней обнаруживается унитаз — слава богу, ничем от нормального унитаза не отличающийся.

Кевин плюхается на стульчак и тянется за телефоном, но тут вспоминает, что вынул его из заднего кармана брюк и положил в пиджак, который сейчас висит на спинке его стула, и, вполне возможно, телефон в эту самую минуту трезвонит, не умолкая, в шаге от его жены.

Кевин пулей выскакивает из этого дурацкого туалета, подавляя в себе тошнотворное чувство обреченности, нарастающий истерический страх. Адреналин взлетает так, что он, пожалуй, мог бы сейчас допрыгнуть до стола одним исполинским прыжком через весь зал. Грейс нигде не видно. Может, ушла? Это было бы неплохо, это было бы еще поправимо — можно будет все уладить, извиниться за эту нелепую ссору из-за первого ухажера дочери. А какой важной казалась эта тема всего две минуты назад! Но нет: Грейс сидит, склонившись над телефоном, там же, где он ее оставил.

— Ну и запрятали они толчки — сам Гудини не нашел бы.

Кевин усаживается на свое место, и его рука немедленно тянется к пиджаку в надежде ощутить его успокаивающую тяжесть. Но мобильного в пиджаке нет. Кевин сует пальцы в боковые карманы (оба пусты), затем переводит взгляд на Грейс, на ее лицо, такое удрученное, что оно стало похоже на кусок мятого льна, и понимает: у нее в руках его телефон.

Но там и смотреть-то нечего — никакого компромата. Он же давно стер все сообщения от Роуз. И контакт удалил. Но Грейс не поднимает на него глаз. Она проводит пальцем по экрану, и на нем появляется фото Джерарда и Кевина на кухне, проводит еще раз — снова фото Джерарда и Кевина на кухне, секундой позже. Она просматривает не сообщения, а фотографии...

Скриншоты!

Его жена читает ту давнюю переписку — сальный, полный загадочных недомолвок диалог, понятный только двоим — о том, что тогда так бурно расцвело, но так ни к чему и не привело и в любом случае уже закончилось.

— Грейс... — говорит Кевин.

Какое-то время она не смотрит на него, но потом поднимает глаза и пронзает его убийственным взглядом.

— Грейс.

Она встает и берет свою сумочку цвета металлик.

— Постой! — Кевин неуклюже поднимается. — Постой. Подожди. Я все объясню.

Она снимает свою шаль со спинки стула.

У них, как и любой семейной пары, случались конфликты — денежные неурядицы, разные подходы к воспитанию детей, жуткая история с раковой опухолью (она оказалась доброкачественной), споры о том, как распределить домашние дела, и сотни обыденных раздражающих бытовых мелочей, которые давно уже утряслись и даже превратились в предмет для шуток. Как-то раз в начале их совместной жизни в Лондоне они так переругались, что он, на ночь глядя, театрально выбрался из постели в трусах, натянул тренировочные штаны и ушел, хлопнув дверью. Потом они валялись от хохота, когда он вернулся и обнаружилось, что он выскочил на улицу в ее штанах.

Но никогда еще, вплоть до этого момента, до их двадцатилетней годовщины, сказанные ими друг другу слова не казались такими опасными или бесповоротными.

Она выходит из ресторана.

30

Даже благопристойное клетчатое платьице Дороти, одной из образцовых положительных героинь во всей литературе, на Нуале каким-то непостижимым образом выглядит сексуально. Час назад дома произошел скандал из-за рубиновых туфелек, которые Нуала намеревалась надеть для своего сценического дебюта — двухдюймовых шпилек на платформе, совершенно развратного вида, которые папа категорически запретил.

— Решительное и твердое «нет», — заявил он с глуповатым смешком. Все поглядели на него с невыразимым презрением.

Когда Гогарти в пятницу вечером входят в школьный актовый зал, где вот-вот начнется «Волшебник страны Оз», мама садится по одну сторону, папа — по другую, а Эйдин, таким образом, оказывается в центре рядом с бабушкой, которую на этот вечер забрали из «Россдейла». Эйдин это, если честно, немного тяготит. В более приватной обстановке мириться с бабушкиными странностями было бы легче. Все-таки старушка уже явно не в себе. Но сейчас Эйдин, во-первых, и без того убита горем, а во-вторых, сидит в актовом зале своей бывшей школы, и эти мерзкие девицы не обращают на нее никакого внимания — правду сказать, и раньше не обращали. Ей бы очень хотелось плевать на их мнение с высокого дерева, но

от правды никуда не деться: быть прикованной к восьмидесятилетней бабушке — не очень-то круто.

Но вот привычную жизнь Дороти уже опрокидывает вверх дном канзасский ураган, правда, изображенный довольно топорно: даже самый недалекий зритель заметил бы за кулисами длинные костлявые руки, которые из всех сил трясут лачугу дядюшки Генри и тетушки Эм. Умора! Эйдин со смехом показывает на эти руки бабушке.

Бабушка тоже смеется и шепчет:

— Я тебя обожаю.

Эйдин обнимает ее. Какие же хрупкие у бабушки плечи — одни косточки.

Когда они выходили из дома под обычное нытье и жалобы братьев и сестер (никто, кроме Нуалы, не жаждал приобщаться к культуре), папа взял Эйдин под руку.

— Можно тебя на секунду?.. Послушай, твоей бабушке сейчас приходится нелегко. Насколько я могу судить, она чувствует себя одинокой, брошенной, и у нее болит обожженная рука — веселого мало, сама понимаешь.

Пока он нес весь этот бред, Эйдин смотрела в окно на бабушку, а та, склонившись над усыпанной гравием дорожкой, тыкала во что-то острым концом зонтика-трости. Наконец отошла с удовлетворенным видом и встала чуть поодаль, лучезарно улыбаясь какому-то кусту или вообще непонятно чему. А может, всему вокруг? Может, они все просто не видят того, что видит бабушка?

— Я хочу быть уверен, что она не останется без внимания и заботы, — сказал папа. — Давай-ка будем к ней добрее.

— Это что, шутка? Я и без тебя все это знаю, папа. Да я одна только к ней и добра, от вас-то хрен дождешься.

— Выражайся прилично.

— Хрена с два.

На всех публичных мероприятиях Гогарти обычно занимают целый ряд, скамейку или лифт. Унизительно! Ну у кого еще родители так безудержно плодятся? Нет, конечно, такие семьи в Долки встречаются — вот, например, на их улице Броулины настрогали семерых, включая две пары близнецов, самому старшему не больше двенадцати — и все они вечно ходят грязными, в легких куртках в зимнюю погоду. Но все же размер ее семьи раздражает Эйдин: она знает, как папа гордится своим кланом, гордится, что у него есть столько людей, которых он любит и которые любят его. Эйдин задумывается: может, для того люди и заводят детей — чтобы с гарантией набрать критическую массу любви? Она замечает, с какой неприкрытой гордостью мама, сегодня необычно молчаливая, смотрит на Нуалу, как жадно ловит каждую ноту ее голоса, как со слезами на глазах комкает в руке платок. К тому времени, как начинают петь «Где-то над радугой», мама уже чуть ли не рыдает.

Сестра, надо признать, играет лучше, чем Эйдин ожидала. Даже очень неплохо, она определенно самая талантливая актриса на этой сцене и одна из немногих, кто поет в тон. Но сам спектакль — скущища смертная, к тому же американская сказка напоминает Эйдин о Шоне, и она вновь и вновь гадает — что же она сделала не так, почему он пропал без всяких объяснений?

Вначале Эйдин просто недоумевала. Может, он потерял телефон? Заблудился? Заболел? Раз за разом она отправляла ему сообщения: «Шон, ты где? Что-нибудь случилось?» Но все напрасно. Все выходные она провела в ожидании — и опять ничего. Необъяснимая,

мертвая тишина. Спустя неделю после их несостоявшейся встречи Эйдин пришла к выводу: Шон решил с ней порвать. Просто после первоначального ослепления наконец разглядел, что она некрасивая, тупая, скучная и вообще недостойна внимания: грудь плоская, ножищи огромные, колени торчат — словом, отстой. Парадоксально, но единственным источником утешения для нее стала музыка, которую он ей записал. Оказывается, Nirvana хорошо заходит под разбитое сердце.

После спектакля в школьный вестибюль гурьбой высыпают жевуны. Этюд в голубых тонах: голубые колготки, голубые тени для глаз, голубые шапочки, брюки, сарафаны, комбинезоны... После спектакля царит атмосфера оживления, и Эйдин чувствует себя еще более потерянной в толпе радостных или притворно радостных людей. Каждую минуту-две дверь служебного входа распаивается, очередной артист, смущенно моргая, выходит к зрителям, а родители стоят наготове с завернутыми в бумагу букетами и коробками шоколадных конфет.

Бабушка куда-то пропадает.

Когда выходит Нуала — разумеется, последней, разругавшаяся, с черными косами, — раздаются жидкие аплодисменты, и папа выкрикивает: «Гип-гип!...», и Киран подхватывает: «Ура!» Мама бежит к Нуале — словно в финале фильма, когда влюбленные воссоединяются после трогательной и смешной, но все же волнующей череды недоразумений.

— Чудесно, дорогая!

Эйдин отворачивается, начинает неторопливо обшаривать глазами вестибюль и вскоре замечает бабушку, стоящую в отдалении. Она прицепилась к парочке чьих-то немолодых родителей — оба простого вида, в очках и толстых куртках, и у обоих лица слегка

встревоженные: бабушка уже демонстрирует им свою перевязанную руку. Здоровой рукой она, будто невзначай, хватается за плечо стоящего рядом незнакомого жевуна и держится за него мертвой хваткой.

Все остальные Гогарти между тем выстроились цепочкой, и Нуала принимает комплименты от каждого члена семьи по очереди — прямо как на свадьбе. Дойдя до Эйдин, Нуала наклоняется к ней, так что грудь едва не вываливается из белой рубашки, и шепчет:

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Ты залетела?

— Что?

Эйдин пожимает плечами:

— Ничего.

— Только не здесь. — Нуала наклоняется еще ближе, и прядь ее шелковистых волос, невыносимо воняющих лаком, лезет Эйдин прямо в рот. — Приходи сегодня ко мне в комнату. Когда все уснут.

— Что?

— Это важно.

***

Уже в двенадцатом часу ночи минивэн Гогарти подъезжает к «Россдейлу», и папа глушит мотор. Над входной дверью горит единственная лампочка, освещающая латунный молоточек, придающий заведению обманчиво домашний вид. Улица на удивление тихая и темная — ни фонарей, ни машин, ни звуков. Эйдин думает: бабушка, должно быть, скучает по шуму прибоя.

— Ну вот, — говорит отец. — Приехали.

— Мне нужно заехать в Маргит, взять документы, — объявляет бабушка, шмыгнув носом.

Папа решительно выпрыгивает из машины и отодвигает заднюю дверь.

— Считаю до трех, — предупреждает он.

— Мне нужно пересмотреть свое завещание. Внести кое-какие поправки.

Кажется, она подмигивает Эйдин? В темноте трудно разглядеть, но вид у бабушки и впрямь какой-то плутоватый.

— Я тебе завтра утром позвоню, — обещает папа и протягивает руку, чтобы расстегнуть бабушкин ремень безопасности.

— Позвонишь? — она загоразживает пряжку рукой. — Мне никто ни разу не звонил за все время, что я тут.

— Это абсолютная неправда, — отвечает папа. Он прислоняет бабушкин зонт к машине и протягивает ей обе руки. Бабушка, не глядя на него, вздыхает и откидывается на спинку кресла с таким видом, словно отдыхает у камина.

— Вообще-то да, один звонок был. От Сильвии.

Эйдин вздрагивает.

— От кого? — В голосе отца слышится раздражение. — Ах, от этой...

— Сильвия звонила? — переспрашивает Эйдин.

— Из самой Америки!

— Великолепно, — говорит отец. — Позволь, я помогу тебе выйти из машины, мама. Ну же... дай мне здоровую руку.

Бабушка сердито фыркает:

— Я хочу домой.

— Как только окончательно выздоровеешь, — говорит папа.

— Так Сильвия в Америке? — спрашивает Эйдин как можно небрежнее.

— Операция прошла успешно!

— Какая операция?

— Мама, уже поздно, Кирану пора спать. Давай отложим до завтра? Дай мне, пожалуйста, здоровую руку!

Бабушкино лицо затуманивается.

— Погоди... Я разве не говорила? Выходит, нет.

— Ей пришлось делать операцию? — спрашивает Эйдин.

— Ну нет, — отвечает бабушка. — Это же Сильвия. Она здорова, как огурчик. Американка до мозга костей.

Папа вздыхает.

— Но ты же только что сказала, что ей делали операцию?

— Нет, не ей, а тому мальчику, которого она воспитывает, ее племяннику. Ты его не знаешь? Он из Флориды.

— О чем ты говоришь, мама?

— Шон, юный подопечный Сильвии, — разъясняет Милли обстоятельно, словно они все тут слабоумные, — страдает опасным заболеванием.

— Кто такой Шон? — интересуется Нуала.

Все это время, с той минуты, как разорвалась эта бомба, Эйдин почти не дышит. Она пытается переварить все эти путанные сведения, радуясь хотя бы тому, что в темноте не видно ее лица, а заодно тому, что Шон никогда не видел ее сестру.

— В сущности, — продолжает бабушка, — он был уже при смерти, если хотите знать. Он несколько раз заходил ко мне вместе с Сильвией, во всем мне помогал. И весьма кстати. — Она смотрит на папу в упор. — Всякие мелочи, с которыми все некому было разобраться. Он и лампу мне на кухне починил.

— Так ты говоришь, Шон... болен? — спрашивает Эйдин. — Мне так не показалось, бабушка.

— Так ты его знаешь? — спрашивает мама.

Эйдин буркает что-то невнятное, но утвердительное.

— Ох, я уже и не помню, что у него за болезнь такая, — говорит бабушка. Она снимает шляпу и с наслаждением скребет поросший редкими волосами затылок. — Какая-то страшная, смертельно опасная штукавина. Не рак, но... вроде как его дальний родственник! Чудное такое название. Вы когда-нибудь слышали что-нибудь подобное? В общем, они улетели в Америку. Оба. Да неужели я не рассказывала?

***

Дома, укрывшись в своей комнате, Эйдин старательно припоминает во всех подробностях разговор в машине. Шон болен, а значит... значит... о господи. Если он болен, то чем именно? А вдруг он умрет? Или больше не вернется в Ирландию? И почему он ей не сказал ни слова? Какая ужасная и одновременно прекрасная новость! Ее парень сейчас, может быть, на грани жизни и смерти, на больничной койке где-то в Штатах. Но зато теперь понятно, почему он так бесцеремонно расстался с ней. Должно быть, заболел как раз в тот день, когда она ждала у его «Бьюли», или еще раньше, и страдал молча, без жалоб — рыцарски, геройски...

Раздается два негромких удара в дверь, и Эйдин видит свежее, безупречно правильное лицо сестры.

— Что такое?

— Тс-с-с! Ты же должна была сама прийти.

Чума с тихим щелчком закрывает дверь, перешагивает через вороха разбросанных по полу трусов — так невыразимо грациозно, что Эйдин хочется дать ей пинка, — и со вздохом садится на кровать. Она

удивительно красивая: ясные светлые глаза, густые изогнутые брови, глянцевого румянца на щеках и все остальное.

— Мама с папой ужасно поссорились. Ужасно.

— Из-за чего?

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Я не все поняла. Было очень поздно. Я уже спала, но проснулась от криков.

— Когда это было?

— В их годовщину — значит, во вторник? Оба так кричали — прямо во все горло. Ты бы только слышала. А потом папочка...

Эйдин терпеть не может это ее вечное «мамочка, папочка». Этакая наигранная детскость, манипулятивное выпрашивание родительского внимания, проверенный способ сделать так, чтобы с ней еще больше носились, трепали по холке, как хорошенького пуделька. «Умничка, Нуала, послушный щенок, давай, неси палочку». Сама-то Эйдин уже подумывает, не пора ли перейти от «мамы» с «папой» к «Грейс» и «Кевину».

— Не реви только. Этого дерьма мне еще не хватало.

Нуала сжимает губы, но они все равно дрожат. В этой ее маленькой борьбе с собой Эйдин видит что-то похожее на мужество. И это трогает ее настолько, что она совершает невообразимое: кладет руку на спину сестры, и от этого беспрецедентного жеста Нуала мгновенно капитулирует. Она уже не такая красивая. Ноздри у нее раздуваются, слезы текут ручьями из покрасневших глаз, оставляя на точеном лице влажные светлые дорожки. Вместо того чтобы закрыть лицо руками, как это наверняка сделала бы сама Эйдин, потому что ненавидит показывать на людях какие бы то ни было эмоции, Нуала беспомощно

втягивает голову в плечи, оборачивается к сестре и валится ей на грудь.

Эйдин в первый миг неловко каменеет, но потом прижимает Нуалу к себе, как когда-то, без всякой неловкости и замешательства. Она искренне сострадает сестре.

— Ничего, обойдется, — говорит Эйдин.

— Нет, не обойдется.

— Все люди ссорятся. Тем более мужья с женами.

— Нет. Кажется, они разводятся.

— Глупости! Никто и не думает разводиться. С чего ты взяла? Это они так сказали? Прямо такими словами?

— Нет, но они теперь почти не разговаривают. А он в подвале спит.

— Да иди ты!

— Говорю тебе.

— Хрень какая-то.

— Ты же не знаешь, что тут творится. Говорю тебе — он дожидается, пока мы все не ляжем спать, а потом спускается туда. Я и постель его там в шкафу видела — большущий такой ком. Если мне не веришь, посмотри сама.

Они долго сидят молча, и наконец Нуала говорит:

— Так жалко, что ты не можешь все время тут жить.

31

Половина «Россдейла» даже не выходит в столовую на чай. Им приносят подносы прямо в спальню, а каких-то бедолаг и вовсе кормят через нос, через пупок, через ноготь большого пальца на ноге или бог знает через что еще, Милли Гогарти не в курсе. Большинство пациентов, или «клиентов», как их тут называют, из тех, что еще способны таскать ноги или кататься в кресле, после чая собирается в комнате отдыха перед телевизором, и оттуда то и дело доносятся жалобы, что ничего не слышно (еще бы: этот телевизор оглушит и тромбониста со стажем). Милли же по вечерам обычно болтает с миссис Джеймсон. Она уже, можно сказать, полюбила свою соседку, и отсутствие взаимности ее не смущает. Но иногда, вот как сегодня, мысль о том, что придется опять просидеть весь вечер в тишине, уже вызывает у нее глухое отчаяние.

Она поглядывает на стариков и старух — тех, что хоть и дряхлые, но еще в сознании, взглядом приглашая составить ей компанию, но, похоже, никто этого не замечает. Ну что ж. Милли, несколько обескураженная, уходит одна, прижимая здоровой рукой недавно приобретенную книжку в мягкой обложке — «Мастер желаний». Другая рука, которую здесь ежедневно бинтуют несколькими слоями стерильной марли, висит, как в гамаке, на темно-синей перевязи из плотной ткани. Она пополнила собой растущую коллекцию

нерабочих конечностей и больных мест: замороженное плечо, хромоте колено, пара отвратительного вида мозолей.

Устроившись в одном из самых неудобных кресел (а нечего было так долго раздумывать), Милли вновь погружается в перипетии невероятного романа между чувственным чикагским преподавателем кукольного театрального мастерства и знойной батрачкой из Южной Дакоты — и вдруг чувствует на себе чей-то взгляд. Это Анна — застенчивая, страдающая артритом старая дева. Все предыдущие попытки Милли завести с ней разговор неизменно оканчивались неудачей. Но сейчас Анна стоит в кругу золотистого света, падающего от лампы, и с откровенным любопытством разглядывает обложку ее книги. На обложке сладострастного вида молодой человек, голый по пояс, в потертых джинсах, стоит за спиной пышнотелой женщины в квадратных очках. Оба застыли в надрывно-эротических позах.

Милли едва не фыркает. Эти молодые воображают, будто секс — их изобретение. Уж ее-то никто не мог бы обвинить в ханжестве. Они с Питером однажды занимались этим делом в лесу среди бела дня, на клетчатом пледе. Среди бела дня! В лесу! И все же несколько досадно сознавать, что, как она ни старается, большую часть сексуальных эпизодов своей жизни ей не удастся припомнить сколько-нибудь живо и подробно: все это было у нее только с мужем и уже давным-давно.

— Не могли бы вы почитать немного вслух, Милли, если вы не против? — просит Анна. — Ужасно хочется послушать какую-нибудь историю.

Против? Она? Милли чувствует себя польщенной тем, что эта женщина, оказывается, знает ее имя! Она приглашает Анну сесть рядом, делая вид, будто сметает пыль с соседнего кресла, будто хозяйка,

принимающая гостью за ужином, и приступает к сцене, где отношения между диковинной парой из поместья «Буколика» еще только начинают развиваться.

Стоит Милли прочитать несколько абзацев, как вокруг собирается пусть небольшая, но весьма заинтересованная аудитория: один с виду еще довольно ясный разумом старик с белыми пучками волос, полумесяцами торчащими из ноздрей, и две безобидные болтушки, известные под общим именем Мэри С. (Мэри Салливан и Мэри Смит), которых редко можно увидеть поодиночке.

— «Роберта понимала, что она хочет Хэнка, — читает Милли. — Такого острого желания она не испытывала еще никогда. Тело ее трепетало, а сердце колотилось, когда она смотрела, как он вытирает свой блестящий от пота рельефный живот, остановившись передохнуть во время уборки сена, или возится с культиватором, или похлопывает по спине Расти, своего огромного мерина».

— Ага, так это мерин ей приглянулся? — вставляет Анна.

Милли вместе со всей небольшой компанией весело смеется над этой неожиданной шуткой — редким проблеском озорства в этом доме. Все устраиваются поуютнее в креслах, и улыбки постепенно гаснут, уступая место спокойному удовольствию, предвкушению нескучного вечера. Все слушают.

— Нельзя ли там потише? — кричит какая-то женщина из темноты. — Я телевизор смотрю!

Это Элизабет Колдинг. Она зачем-то уселась как можно дальше от телевизора — у противоположной стены, и ее грубая физиономия, вся в пятнах розацеа (алкашка, не иначе!), сердито поворачивается в сторону Милли и компании. Колдинг — полицейская на пенсии — не пользуется здесь популярностью. Лицо

у нее похоже на сырой стейк с белыми прожилками, и от нее всегда исходит странный запах рыбного соуса.

Милли, глядя на Анну, воинственно приподнимает бровь. С такой аудиторией она невольно чувствует себя отчасти революционеркой. Она продолжает читать, не снижая громкости:

— «Роберта протянула руку к рельефным кубикам на животе Хэнка. Он устремил на нее изумленный взгляд. Роберта ощутила под рукой густые мужские волосы. Ее великолепно ухоженные ногти скользнули к большой блестящей пряжке его ремня...»

— Да заткнетесь вы или нет?! Мне новости не слышно.

— А вам не приходила в голову мысль, — отвечает Милли царственным, подчеркнуто ледяным тоном, — пересесть поближе к телевизору?

— Здесь комната отдыха, а не библиотека, тупица!

— Сама она тупица, — говорит старик, к большому удовольствию Милли.

— «...И она нежно провела пальцами по темно-рыжей поросли...»

— Хулиганка! — возмущается Колдинг. — Прекрати сейчас же!

По комнате разносится хруст колена — раз, другой. Очевидно, это Колдинг извлекает свое долговязое костлявое тело из темных глубин замызанного дивана. Где-то в другом конце комнаты кто-то громко зевает. Милли воображает, что перед ней разыгрывается сцена из фильма, только действующие лица этой трагикомедии — скрюченные, беспамятные, сморщенные, по-стариковски упертые, склеротичные, с опухшими ногами, сердечными перебоями, плохим слухом, хрупкими костями, ноющими мышцами и затуманенным зрением.

Впрочем, Колдинг, с грозным видом надвигающаяся на их маленькую компанию, еще на удивление бодр для своих лет.

— Вот нахалка, — шепчет Анна.

— Эгоистка старая! — кричит Колдинг, потрясая пальцем в воздухе. — Я тебя сейчас сама заткну!

То, что происходит дальше, самой Милли представляется скорее заурядной семейной разборкой, хотя персонал «Россдейла» позже охарактеризует это как вопиющий акт насилия. Она хватает «Мастера желаний» здоровой рукой и запускает в Колдинг. Должно быть, годы пьянства притупили реакцию бывшей полицейской: она не успевает даже пригнуться. Роберта с Хэнком падают у ее ног и приземляются на плиточный пол порнографической обложкой вверх.

Повисшую в комнате напряженную тишину нарушает пожилой джентльмен, которого Милли про себя прозвала Дубиной Коналлом: как раз в этот момент он входит и спрашивает:

— А щипчиков для ногтей ни у кого нет?

Колдинг начинает орать какую-то чушь: «Дайте мне форму пациента 12А!» — и вдруг осекается. На щеках у нее расплываются ярко-красные пятна. Она показывает пальцем на книгу, распластанную на полу.

— Где ты это взяла?

— Внучка принесла.

— Врешь! Она пропала вчера из моей комнаты. Сестра!

Тут же отовсюду налетают местные кумушки, начинают неодобрительно хмуриться и расспрашивать. Милли выводят из комнаты, шепча ей что-то успокаивающее — как будто она слетела с катушек и ее нужно привести в чувство, — и оставляют ждать в кабинете миссис Слэттери, где позже та читает ей утомительную лекцию о надлежащем поведении и о нарушении

правил «Россдейла». Под конец миссис Слэттери сообщает Милли, что вечера в гостиной в компании других обитателей «Россдейла» — единственное развлечение, хоть как-то помогающее пережить черные дни, — для нее пока отменяются. Это несправедливое наказание — одновременно излишне жестокое и унижительно мелочное, и Милли, услышав об этом, вскакивает на ноги.

— Это возмутительно!

— Миссис Гогарти, сядьте, прошу вас. Все будет хорошо. Давай обсудим это спокойно.

— И сколько же мне торчать в этой комнате одной?

— Вы не одна. С вами Эмма Джеймсон...

— Вы шутите, да?

— Это временное ограничение, всего на несколько дней.

— Может, мне всего-то несколько дней и осталось.

— Вы чуть не ударили женщину книгой, — напоминает миссис Слэттери.

— В мягкой обложке.

— Уже поздно. Давайте поговорим об этом завтра, хорошо? К тому времени вы выспитесь, и все представит в другом свете, правда ведь? — Миссис Слэттери хлопает в ладоши. — Есть еще какие-нибудь вопросы перед тем, как вы пойдете отдыхать?

— Есть, — говорит Милли. — Когда я вернусь домой?

Миссис Слэттери — седовласая женщина еще вполне ясного ума, хотя ее дрожащие пальцы свидетельствуют о ранней болезни Паркинсона, женщина, которая, кажется, сама уже недалеко от того, чтобы поселиться здесь доживать свой век, вздыхает и смотрит на Милли словно бы оценивающе.

— Я буду с вами совершенно откровенна. Я восхищаюсь вашей энергией. Силой вашего духа. Правда.

По-моему, вы замечательный человек. Вы напоминаете мне мою тетю Маргарет, она тоже была... крепким орешком. Вы молодец, что не сдаетесь. И все же нужно смотреть правде в глаза. Нельзя прятать голову в песок, миссис Гогарти. Это ни от чего не спасает. А правда в том, что... с возрастом мы все сталкиваемся с некоторыми... физическими ограничениями, травмами, болезнями — что делать, такова реальность. Вот почему вы здесь — мы должны помочь вам снова встать на ноги.

32

Воскресным утром, в тот час, когда все его соотечественники или отправляются к мессе, или еще спят, Кевин стоит перед дверью чужого дома. На окнах кружевные занавески, внутрь никак не заглянуть. В его собственном доме, в десяти минутах ходьбы отсюда, сейчас, должно быть, сонное царство, хотя откуда ему знать наверняка — его же выставили оттуда, выгнали без всяких церемоний, без пощады и слез. Грейс просто велела ему проваливать. Она сказала, что не хотела торопиться и обдумывала решение несколько дней, надеялась, что сможет смириться с его предательством. Но на представлении «Волшебника из страны Оз», когда ее взгляд упал на него, сидящего рядом с детьми, она поняла, что ей больше всего хочется ударить его по роже. И с тех пор это желание не пропало. Все это было изложено ровным, спокойным, безучастным тоном — так обращаются к кассиру в банке, когда хотят снять мелкую сумму. Он же, напротив, был само обнаженное сердце. Мгновенно запаниковал. Пытался объяснить, успокоить, вымолить прощение.

— На самом деле ничего даже не было! Клянусь! — лепетал он. — Один-два поцелуя, и они даже не привели к... сношению. Я люблю тебя. Не делай этого.

Этот разговор — пугающе спокойный с одной стороны и запальчивый с другой — состоялся по инициативе Грейс в дальнем конце сада, чтобы не слышали

дети. Только услышав про «сношение», Грейс наконец проявила какие-то эмоции и пронзила мужа испепеляющим взглядом: кажется, именно это слово показалось ей особенно отвратительным. Ее всегда злило его пристрастие к замысловатым выражениям в серьезные моменты, дурацкая привычка выпендриваться именно тогда, когда лучше бы обойтись простыми словами. После этого Грейс уже не дала ему сказать ни слова — дошло до того, что даже заткнула уши, закрыла глаза и только повторяла: «Нет, нет, нет». Потом она стала излагать свои условия и практические соображения на ближайшее время — что-то о второй машине, о банковской карте, но Кевин услышал только одно: он не должен пока ни разговаривать, ни видеться с детьми. Ей нужно время подумать.

— Ты что, серьезно? А кто же будет ими заниматься?

— Я что-нибудь придумаю.

— Ты собираешься нанять кого-то возить их в школу и кормить? Это же смешно. Я могу спать внизу, пока все это не... пока мы со всем не разберемся. Им же нужно...

— Уходи. Я не могу тебя видеть.

Он понял, что вот-вот заплачет, чего с ним не бывало со дня свадьбы. Но тогда это были слезы радости. Когда они шли по проходу в церкви, уже муж и жена, и все гости еще стояли вокруг, она повернулась к нему и сказала:

— Дело сделано.

— Сделано.

— Значит, отступать поздно?

Он связал свою жизнь с этой женщиной.

Но в тот вечер в саду Грейс, вся дрожа в тонком кардигане, повернулась к нему спиной и зашагала к дому.

— Но, Грейс, ведь ты их наказываешь за то, что я...

— Нет, — ответила она, остановившись и обернувшись к нему. — Я наказываю тебя.

Позже, когда он вышел из дома, хрустя гравием на дорожке, с собранной на скорую руку сумкой, дети уже спали. Но, обернувшись, чтобы в последний раз взглянуть на свой дом, он заметил в окне спальни на втором этаже своего маленького любимца, Кирана. Кевин замер. Неужели сын как-то почувствовал, что отец отправляется в ссылку? Киран весело помахал ему рукой — значит, еще не подозревает о том, что произошло. Это было как удар под ложечку. Кевин заставил себя улыбнуться и, помахав в ответ, завел мотор и тронулся. Казалось, что, если вот так ехать и ехать, можно убежать от самого себя.

Толком не думая ни о чем, уже в пути он понял, что едет к дому своего детства. Там, по крайней мере, пусто, а ему нужно побыть одному. Решение отправить мать в «Россдейл» стоило ему немало крови, но, безусловно, было правильным. Там она в безопасности, там о ней заботятся. Подъехав к Маргиту (сплошь унылый, серый, мокрый камень), он увидел, что строительные работы у соседей идут полным ходом: возле огромной ямы стояли два фургона и грузовик-экскаватор, а это означало, что на покой рассчитывать не приходится. К тому же и кухню мама чуть не взорвала. Пригодно ли теперь это место для жилья? Ни чай заварить, ни пиццу разогреть, да и запас вина, скорее всего, на нуле. Нет, покоя здесь не будет. Так и не вставив ключ в замок входной двери, Кевин вернулся к своей машине.

Мик, всегда такой понимающий, в этот раз рассмеялся, скотина, когда Кевин позвонил и спросил, нельзя ли пока у него перекантоваться. Признался, что его выставили из дому, но всю грязь (во всяком случае, большую ее часть) предпочел не вываливать.

— Это была духовная измена, — объяснил Кевин и тут же поежился от стыда за эти выхолощенные слова. Однако он знал, что правда на стороне жены.

— О господи. — В голосе Мика слышалось отращение — непонятно только к кому, к Кевину или к Грейс. — Ну конечно, можешь пожить у меня, без проблем. Но только той квартиры в городе у меня больше нет.

— Как нет?

— Длинная история.

— А где же ты тогда?

Пауза.

— Ну, в общем, я опять переехал к маме.

Теперь настал черед Кевина разразиться хриплым смехом. Он хохотал до истерики, так, что чуть не лопнул. Наконец, придя в себя, сказал:

— И у тебя еще хватает совести на меня наезжать?

— Иди ты, — отозвался Мик. — Ну что, до встречи?

33

Стоя в дверях комнаты номер 302, Эйдин наблюдает за своей бабушкой: та садится на корточки перед открытым шкафчиком миссис Джеймсон и запихивает два яблока и бутылку воды в наволочку со штампом «Россдейл».

— Что это ты делаешь?

— Эйдин! Заходи, быстрее, и закрой за собой дверь.

Бабушка, похоже, прячет сумку под стопку кардиганов своей соседки по комнате.

— Это что, нож? — спрашивает Эйдин.

Милли опускает взгляд и видит, что из ее перевязи торчит кончик недавно украденного столового ножа.

— Вот молодчина, — говорит Милли. — А я-то его ищу-ищу. — Милли прячет ножик в наволочку. — Хочешь фруктов?

Она уводит девушку на свою половину комнаты и показывает на тарелку несъеденного тушеного чернослива, напоминающую чашку Петри, в которой мокнут крошечные мозги. Эйдин фыркает.

— Слушай, я ужасно рада, что ты пришла, — говорит бабушка. — Мне нужно попросить тебя об одном одолжении.

— Бабушка, помнишь, в пятницу вечером в машине ты говорила про Сильвию? После Нуалиного спектакля. Ты сказала, что Шон болен и что Сильвия увезла его в Америку. А ты знаешь куда?

— В Нью-Йорк. В специализированную больницу.

— Но куда именно? В какую больницу? Что тебе сказала Сильвия? Когда звонила?

— Хотела узнать, как я тут. Кажется, она по мне скучает. Мы, знаешь, очень с ней подружились.

— А о Шоне она что говорила?

— А ты разве знаешь Шона?

— Конечно, знаю! — раздраженно фыркает Эйдин. — Я же у тебя с ним познакомилась, ты что, не помнишь?

Бабушка говорит:

— А я и не догадывалась, что вы с ним подружились.

Эйдин опускает голову и в общих чертах рассказывает о своем внезапно прервавшемся, едва начавшись, романе.

— Не говори никому, обещаешь? Вряд ли маме с папой это понравится.

Бабушка что-то понимающе бормочет.

— Но теперь у него все хорошо, правда? Ты же говорила, что все вроде как успешно прошло?

— Да-да, — подтверждает бабушка. — Они вот-вот вернутся.

Эйдин с разочарованным вздохом опускается на кровать, хмурит брови и не знает, куда девать руки.

— Почему же он мне не сказал, что болен?

— Не знаю, Эйдин. Должно быть, не хотел тебя волновать. Может, просто позвонить Сильвии? Где-то тут у меня записан ее номер.

— Господи, бабушка, — говорит Эйдин, мгновенно светлея лицом. — Что же ты сразу не сказала?

Бабушка отчетливо помнит, что записала номер Сильвии, но, к сожалению, не столь отчетливо помнит, куда его положила. И тогда Эйдин, с бабушкиного разрешения, начинает обыск в комнате номер 302. Она

перебирает скудные бабушкины пожитки, перетряхивает постель и обнаруживает разные диковинные предметы, совершенно в бабушкином духе: засохшие кусочки хлеба, засаленную маску для сна. А самое странное — приподняв матрас, Эйдин замечает под ним сборник карт с маршрутами городских автобусов.

Тем временем бабушка отдергивает занавеску, разделяющую комнату на две половины, и начинает рассказывать жутковатому иссохшему телу на соседней кровати о том, что происходит.

— Мы тут уже с ног сбились — ищем номер Сильвии. Мой Питер всегда говорил, что я куда лучше умею терять вещи, чем находить. Эйдин непременно хочет его найти, потому что... Эйдин, можно я расскажу миссис Джеймсон всю эту историю, или лучше не надо?

Да, у бабушки точно не все шарики на месте.

Даже здесь от ее комода пахнет Маргитом — неповторимым запахом соленых водорослей и горящего угля. Он пропитал насквозь всю бабушкину одежду и все прочие вещи, способные удерживать запах, — как будто в ее доме не одно десятилетие плескались океанские волны. Вскоре Эйдин добирается до последнего неисследованного местечка: пластиковой корзинки для мусора, стоящей у двери. Рассматривает и ее неприглядное содержимое — ватную палочку, всю в ушной сере, коричневую сердцевинку яблока, — а затем удрученно опускает корзинку на пол.

— Ты его, наверное, выбросила.

— Она еще позвонит, не волнуйся. И я ей скажу, что ты хочешь поговорить с Шоном. Но, слушай, детка, пока ты не ушла: у тебя деньги есть?

Эйдин пожимает плечами, достает телефон и вытаскивает из чехла свернутую пятерку.

— Вот все, что у меня есть. Бери.

Лицо у бабушки делается такое, будто она вот-вот заплачет.

— Ты просто самый настоящий...

— Да ладно. Бабушка, пожалуйста, подумай еще — куда мог подеваться этот номер?

— Самый настоящий бриллиант. Ты это знаешь? Ты самая...

— А зачем тебе деньги?

Бабушка понижает голос до театрального шепота:

— Завтра мне снимут эту штуку. — Она шевелит рукой в повязке и морщится от боли. — Видела, я там кое-что приготовила?

— Это ты про нож?

— Именно. Вдруг мне придется отбиваться.

— Столовым ножом?

— Вот соберу все вещи и уйду отсюда. Они запретили мне ходить в комнату отдыха, я сижу здесь целыми днями, с меня хватит. А твой отец даже не говорит, когда собирается увезти меня домой. Мне, кажется, нужна для этого его подпись или бог знает что там еще, а я подозреваю, что он решил законопатить меня сюда насовсем.

— Ну нет, он этого не сделает.

— Не знаю, но на всякий случай об этом — ни одной живой душе. Ведь ты не проболтаешься?

— Я не стукачка. — Эйдин серьезно качает головой, но на самом деле она просто хочет успокоить бабушку, ведь безумный план побега, конечно, никогда не осуществится. — Знаешь, я тебе, наверное, смогу еще денег достать, но не раньше следующих выходных.

— «Принцип пирата», — бормочет бабушка. Она подходит к прикроватной тумбочке миссис Джеймсон, где громоздится стопка романов в мягкой обложке, берет один из них и листает страницы. На пол падает бумажный листок.

— Et voila!

— Ну, ты даешь!

Бабушка сияет.

— Похоже, я уже стала из ума выживать, а, Эйдин? Совсем забыла, что читала эту книгу вслух миссис Джеймсон — видишь ли, у меня такое впечатление, что она понимает больше, чем кажется. Как знать, правда? Это только врачи думают, что все знают.

Но Эйдин не слушает — она торопливо хватается листок. Десять цифр, выведенных дрожащей бабушкиной рукой. Эйдин достает телефон и тут же начинает набирать номер.

— Я наберу, а ты поговоришь, ладно? — спрашивает она, замирая от подступившего ужаса. И в то же время она уверена, что еще несколько секунд — и она получит объяснение, которое избавит ее от этой тоски, от этой мучительной неизвестности. Сейчас наступит ясность! Первые попытки оказываются неудачными: приходится вначале разбираться с международными кодами. Но вот, с третьего раза, после небольшой паузы, слышится длинный американский гудок. Сделав знак бабушке и затаив дыхание, Эйдин слушает — один гудок, другой, а затем щелчок. И следом:

— Набранный вами номер больше не обслуживается. Пожалуйста, проверьте номер и попробуйте позвонить позже.

— Странно, — говорит бабушка.

— Вот дерьмо, — говорит Эйдин.

34

Не успевает Кевин постучать, как дверь распаивается, и перед ним предстает мать Мика, Мейв, — в одной руке зажженная длинная дамская сигарета, в другой пульт от телевизора. Она цокает языком, хмурится и неодобрительно покачивает головой.

— Так-так-так.

— Привет, Мейв.

— Мик дома. — Мейв выпускает в его сторону столб дыма из полных губ и поворачивается спиной, оставив дверь полуоткрытой — ровно настолько, чтобы Кевин мог протиснуться. — Диван твой.

На этом диване Кевин и проводит следующие несколько дней. По вечерам они с Миком заказывают на дом жирный фастфуд, сидят у газового камина, пьют пиво из банок и болтают о всякой фигне. Мейв плавает взад-вперед по тесным, захламленным комнатам, словно облако тумана. Похоже, у нее нездоровая зависимость от онлайн-игры в червы — она вечно сидит с этими червами то за компьютером, то за телефоном, то в одном, то в другом углу своего бунгало. Кевин просыпается на обтянутом вельветином диване с болью в пояснице, с удовольствием, не спеша облегчает мочевой пузырь и тут же возвращается обратно на диван: щелкает пультом телевизора или клавиатурой ноутбука и откровенно отмахивается от любых мыслей или планов на будущее. Пытается позвонить

Джерарду, но сын, похоже, никогда не бывает дома. С ностальгией вспоминает о вечерах, предшествующих отъезду Джерарда, когда он проверял его готовность к экзаменам: Вторая мировая, Шон О'Кейси, значение туризма для экономики Ирландии. Остальным детям Кевин решил не звонить, уважая просьбу Грейс, но обнаруживает, что очень скучает по ним. Сайты с вакансиями больше не открывает. Начинает играть в червы онлайн.

Каждое утро, когда его друг отправляется на работу, Кевин чувствует себя ужасно подавленным — словно его подкинули в чужой, враждебный дом. Это напоминает тот случай, еще в школьные годы, когда ему нездоровилось, а у мамы были какие-то важные дела, и она оставила его на весь день у подруги. А потом он проснулся на диване в доме этой женщины и едва не сгорел со стыда, увидев, что во сне его вырвало и этой рвотой забрызгано все одеяло, до последней складки. Тогда он почти физически ощутил, как невыносимо хочется домой, к маме.

В этом доме Кевин без конца прислушивается к шагам Мейв, чтобы не сталкиваться с ней лицом к лицу наедине. Дом довольно маленький, и Кевин быстро научился определять ее местонахождение: по характерному скрипу, когда она, медленно передвигая ноги, курсирует из спальни в туалет и обратно, по раздражающей манере задерживать шторы после ужина, по шарканью ног на кухне, когда она заходит туда за бутербродами с беконом и чашкой чая.

На пятое утро, как только Мик уходит на работу, Кевин направляется к чайнику, полагая, что Мейв тоже ушла в свой салон. Она там что-то вроде легенды — красит и стрижет немолодых клиенток, обменивая свои услуги на ценную валюту в виде свежих сплетен. К своему удивлению, он обнаруживает, что в этот

раз она сидит на кухне за столом — без ноутбука, без виртуальных карт, лишь с пачкой сигарет, коробком спичек и грязной пепельницей, вонь которой чувствуется прямо от двери.

— О, а я думал, вы уже ушли, — говорит Кевин. — Чашечку чая?

— Видишь эту раковину? — говорит Мейв, тыча коротким пальцем в пятнах от никотина в стопку тарелок и чашек. — Жидкость для мытья посуды вот. Если ты рассчитываешь остаться здесь еще хоть на минуту, лучше перестань прикидываться дурачком.

— Да, конечно, извините. Я просто не...

— И за аренду свою долю изволь платить. Мик тебе этого не скажет, а я не из стеснительных. И не идиотка. Пока что, для начала, сто пятьдесят.

Кевин мысленно пересчитывает содержимое своего кошелька — что-то около двадцати трех фунтов.

— Я догадываюсь, что у тебя произошло дома, Кевин.

— Мне кажется, это совершенно не...

— Четверо детей, как-никак, — холодно говорит Мейв и зажигает новую сигарету. — Знаешь, отец Мика в свое время поступил точно так же.

— Это другое. — Кевину известна эта гнусная история — она всем известна, хотя сам Мик никогда не затрагивает эту тему.

— Сбежал к молоденькой, когда Мику было всего полтора года. А я тогда была беременна Дейрдрой. Они своего отца не видели вот уже... да, двенадцать лет. Ты ведь не хочешь того же?

— Конечно, не хочу. Она сама меня выставила.

— На твоем месте я бы начала искать себя, вместо того чтобы сидеть с кислой миной и расчесывать раны. — Она смотрит на него и почти улыбается. — А теперь и чаю выпить можно.

35

Идея Милли — рвануть из этого дурдома — в деталях пока не продумана, но мысль об этом приятно кружит голову, а разработка плана придает осмысленность унылым дням. Она постепенно собирает запасы: пузырек имодиума (на тот маловероятный случай, если чертов понос прихватит ее в пути), пара таблеток амбиена и еще четыре штуки каких-то — бледно-голубых, продолговатых, в момент безрассудной, отчаянной храбрости прихваченных из ящика с лекарствами, который частенько оставляли без присмотра. Эти, должно быть, от депрессии или от тревожности — в сущности, неважно. Способов несколько: а) наскрести денег на такси, б) выяснить, какие автобусные маршруты идут в нужном направлении (хотя это не слишком удобно: бежать лучше всего под покровом темноты, а ночных автобусов так мало), в) добираться автостопом (сомнительно, но не стоит с ходу отметать этот вариант) и, наконец, г) идти пешком — наименее приятный план из всех: до Маргита далековато, для такого похода нужен запас провизии и воды. А значит, и груз будет намного тяжелее.

— Я хочу кое в чем признаться, заранее, — говорит Милли, обращаясь к занавеске между двумя кроватями в комнате 302. — Вот не знаю, вы религиозны или нет? Из всего, что я ненавидела в церкви, а я там много

чего ненавидела, ничего не было страшнее исповеди. Бред, если вдуматься, правда ведь? Стоишь на коленях в черном ящике и выкладываешь все свои грехи человеку, который делает вид, будто сам ни разу в жизни не согрешил. Если бы еще это женщина была — ну, женщина-священник... — Она вздыхает. — В общем, так. Я сейчас на мели, и, думаю, вы бы меня сами выручили, если бы могли.

Однако, когда Милли отодвигает занавеску, она видит, что кровать миссис Джеймсон пуста. Впервые оставшись в одиночестве в комнате номер 302, Милли перебирает в уме невеселые варианты. Визит кого-то из родственников? Неслыханное дело. Проблема медицинского характера? Возможно. Милли слышит отдаленное шарканье ног за дверью и, уже ничего не опасаясь, подходит к казенному комоду соседки и шаривает в дальнем углу среднего ящика вышитый кошелек для монет, который обнаружила еще вчера, но на грабеж не решилась. Она выгребает из кошелька всю имеющуюся наличность: сорок пять евро. Этого должно хватить.

Милли нажимает кнопку вызова.

***

Прошло уже несколько дней после прихода Эйдин, выбившего ее из колеи, — дней, полных раздумий и бесконечного перекладывания в голове частей этой головоломки. Во-первых, Милли не могла понять, почему связаться с Сильвией оказалось такой невыполнимой задачей. Они с Эйдин набирали ее американский номер еще дважды, после чего обе Гогарти волей-неволей пришли к выводу, что возможных объяснений только два: либо Милли перепутала цифры, либо Сильвия дала неправильный номер.

Все это было очень и очень странно. Или крайне подозрительно. Или совершенно невинно и вполне объяснимо. Всякий раз, когда в памяти Милли всплывают какие-то настораживающие моменты — этот неожиданный поспешный отъезд или то, что Шон, если подумать, совсем не похож был на больного — напротив, очень даже крепкий парень, — она вспоминает и саму Сильвию: добрую, заботливую, щедрую, пусть и слегка загадочную, непроницаемую, но опять же — кто из нас не таков? Кого Милли знает по-настоящему и кто, кроме разве что Кевина да покойного Питера, знает ее?

Эйдин составила список всех больниц на Манхэттене — выяснилось, что на этом узеньком острове их более двадцати. И ни в одной из них сейчас нет пациента по имени Шон Гилмор. Но Милли же знает, как скупы американцы на информацию — ни одна больница не станет без нужды разглашать сведения о местонахождении или состоянии частного пациента. Вот в Ирландии смотря на кого попадешь — может быть, на какую-нибудь разговорчивую медсестру, которая знает кузена невестки вашего соседа, а Америка — совсем другое дело. Так что, возможно, рассказ Сильвии все-таки правдив.

Милли нажимает кнопку вызова второй, третий, четвертый раз. Да придет уже кто-нибудь или нет?

Когда Милли вновь одолевают сомнения и в животе скребется беспокойство, она успокаивает себя, вспоминая о своем главном козыре — долговой расписке, лежащей сейчас где-то в Маргите. Сколько раз судьба Милли или еще чья-то зависела от клочка бумаги? Даже если Сильвия подписала ее лишь для вида, во что Милли трудно поверить, — как бы то ни было, где-то у нее есть документ, который можно законно предъявить, если потребуется.

— Наконец-то, — говорит Милли входящей девушке, Марте. — Где моя соседка? С ней все хорошо?

Милли тут же угадывает ответ по лицу Марты, по тому, как сжимаются ее губы.

— Мне очень грустно вам это говорить, миссис Гогарти, но миссис Джеймсон ночью умерла, — отвечает девушка, христианским жестом кладя тонкую руку на плечо Милли. — Я знаю, вы были к ней привязаны. Бедняжка! Но Бог любит ее. Она теперь с Ним. Она ведь давно уже мучилась, сами знаете.

— О нет, — Милли вдруг ощущает такую усталость, будто уже несколько ночей не спала. Она смотрит на кровать миссис Джеймсон, на которой все еще видна вмятина в форме тела ее подруги. Уже и не понять, кто там лежал, а уже завтра в эту постель уложат другую несчастную. Эти утраты, думает она, и меня сведут в могилу. Следом приходит новая мысль: я только что ограбила покойницу.

Марта стоит рядом и гладит Милли по плечу, отчего Милли хочется дать ей леща.

— А вы знали ее, когда она еще была... лучше? — спрашивает Милли.

— О да, знала. Она долго здесь жила.

— Она ведь была милая? У меня такое чувство, что она была добрая женщина, заботливая такая.

— Вы серьезно? — смеется Марта. — Да она мнила себя царицей Савской, вечно жаловалась тут всем на «обслуживание», можно подумать — мы ее служанки. Она когда-то была очень богатой, по крайней мере, такие ходили слухи, привыкла жить в роскоши. Вот не хочется говорить плохо о покойнице, но, честное слово, миссис Джеймсон была невыносимой занудой.

***

Когда Марта заходит в комнату позже, Милли уже все решила.

— Пора идти ужинать, миссис Гогарти, — говорит девушка. — Вы готовы?

Милли готова. Завтра она еще поймет с этого заведения все, что можно, — завтрак, обед и чай, а потом вскочит в седло. Фигурально выражаясь.

36

За завтраком (дают кашу, напоминающую замешанный в чане сырой бетон, в котором плавают ягоды смородины, больше похожие на мышинный помет) Бриджид швыряет поднос на давно облюбованный подругами столик в самом дальнем углу. Подол ее грязно-коричневой форменной юбки задирается до середины голени, с него свисает вытянутая нитка.

— Дырка вонючая, — говорит она.

На подносе Бриджид, как всегда, гора еды: четыре ломтика жирной колбасы, два жареных яйца, миска сухих кукурузных хлопьев. Несмотря на свою худобу, поесть Бриджид любит и даже заключила тайный уговор с миссис Браун, добродушной кухаркой с лоснящимся лицом, чтобы та оставляла для нее и Эйдин второй десерт, когда в меню пирог с ревенем.

— Что случилось? — спрашивает Эйдин.

— Она за нами следит.

Бриджид в упор смотрит на сурово нахмуренную Бликленд и дерзко помахивает ей рукой, изображая подобострастную улыбку.

— Еще хуже сделаешь, — говорит Эйдин.

— А плевать.

— Что она тебе сказала?

— Снова обшарила мою кровать, нашла сиги. Сегодня собирается звонить папаше.

— О, ужас.

— Она никогда не упустит случая меня унижить.

— Идем, — говорит Эйдин. — У нас сейчас сдвоенное естествознание.

На биологии пятиклассницы сейчас препарируют червей и лягушек. Эйдин, которой совсем не улыбается копаться в лягушечьих трупах, предпочитает — как и в жизни — наблюдать и записывать. Зато Бриджид лихо орудует одноразовым скальпелем, вскрывая почему-то ярко-желтые внутренности сплюсненной, растопыренной во все стороны садовой лягушки, которая никому не причинила никакого вреда — если не считать резкого запаха формальдегида. Бриджид между тем говорит: хоть ей и запретили выходить из школы, она все равно сбежит тайком, чтобы встретиться со своим разносчиком пиццы после уроков, а Эйдин пусть ее прикроет.

— Так что ты скажешь, если эта ведьма придет меня искать? — спрашивает Бриджид.

— Что ты в сортире сидишь?

— Два часа!

Девочки смеются, но мысль о том, что ей придется противостоять грозной Бликленд, кажется Эйдин пугающей.

— Леди, если вам скучно, я буду рад дать вам дополнительные задания, — замечает мистер Рейли, сидящий за учительским столом у входа.

Девочки возвращаются к своему опыту. Эйдин смотрит на лягушку и думает о том, как это ужасно, когда тебя убьют и растянут твой труп на стеклянной пластине, чтобы в твоих внутренностях с отвращением ковырялись какие-то девчонки. Когда мистер Рейли выходит в коридор, Бриджид хватается пузырек с рыбьими глазами и сует его в сумку Эйдин.

— Что ты делаешь?

— Мне только что пришла в голову гениальная идея.

37

Если и можно сказать что-то хорошее о вынужденном пребывании в доме престарелых, так это то, что там обретаешь сомнительную добродетель терпения. Милли и другие обитатели «Россдейла» умеют ждать. Они ждут завтраков, обедов и ужинов, видом и вкусом всегда напоминающих вчерашние; ждут унижительной помощи, без которой им иногда никак не обойтись в туалете; ждут таблеток и воды; ждут хоть кого-то, с кем можно поговорить. Но сейчас Милли ждет в последний раз. Повязка снята, рюкзак, взятый напрокат у Эйдин, уложен. Осталось только дожждаться, когда погасят свет на третьем этаже, и в половине одиннадцатого он наконец гаснет. Когда все вокруг затихает, Милли снимает трубку прикроватного телефона.

— Я хотела бы заказать такси, — шепчет она.

— Не слышу, милочка.

Голос грубый — настоящий дублинец, все как она любит.

— Я хотела бы заказать такси на три часа ночи. Но нельзя ли, чтобы водитель дождался меня за углом? А в дверь чтобы не звонил. Ни в коем случае.

— Это что, розыгрыш какой-нибудь?

— Нет, не розыгрыш. У меня есть пятьдесят евро.

— Даже так? И куда же вам нужно?

— Домой. Но я не хочу, чтобы водитель звонил в дверь, он тут всех перебудит.

— Так, понял. По какому адресу подъехать?

— К «Россдейлу». Это...

— Я знаю, где это. А едете куда?

— Это я водителю скажу.

— Мне нужно отметить в заказе.

— Вот приедет, тогда скажу.

Мужчина вздыхает.

— Ладно, а зовут вас как?

— Имени не нужно.

— Ясно. То есть человек без имени едет в никуда в три часа ночи?

— Именно так.

— И номера телефона, как я понимаю, тоже нет?

— И к двери пускай не подъезжает, пожалуйста, не забудьте ему сказать.

— А вы, часом, не миссис Гогарти из Дун-Лаэра?

Милли бледнеет.

— Кто это?

— То-то я слышу, голос знакомый. Как поживаете, миссис Гогарти? Это я, Джон.

— Джон?

Но она тут же вспоминает: Джон — толстяк с черной бородой, который живет на одной улице с Веселой Джессикой и никогда не закатывает во двор свои мусорные баки.

— Привет, Джон.

— Похоже, вы там готовите какую-то секретную операцию, миссис Гогарти.

— Вовсе нет, — небрежно отвечает она.

— Очень уж осторожничаєте.

— Как там моя подруга Джессика?

— Насколько я знаю, отлично. Кажется, в будущем месяце собирается к своей племяннице в Бруклин.

— Вот как? — переспрашивает Милли и думает про себя: «Молодчина». Она скучает по ВД — столько

всего накопилось, о чем можно было бы поболтать, — но все не может заставить себя позвонить. — Вот и прекрасно.

— Ну что ж, до скорой встречи.

***

В ночную смену вместо нескольких медсестер на этаже дежурит только одна, и сегодня это Агата — довольно милая иммигрантка из Польши. Голова у нее наполовину выбрита, и одна-единственная серебряная сережка-гвоздик поблескивает, как сигнальный огонек, на кончике крупного носа. Впрочем, сейчас его не видно за развернутой польской газетой, которую Агата покупает на паях с дневной медсестрой из Варшавы.

— Еще не спите? — спрашивает Агата.

— Я сегодня что-то ужасно зябну, Агата. Вы не могли бы сделать мне грелку?

— Одеяла нет?

— Есть одеяло. Но мне кажется, я заболеваю чем-то ужасным.

— Такие грустные новости вчера, да? Вы грустная?

— Без сомнения.

— А-а. Хорошо. — Агата неохотно складывает газету с новостями о родине. — Сейчас вам принесу.

— Вот и умница, — говорит Милли. — Спасибо.

Она еле удерживается, чтобы не пуститься в пляс. Теперь, когда Агату удалось отвлечь, по коридору третьего этажа можно идти как по бульвару — вот только рюкзак Эйдин, набитый всякой всячиной, тяжело давит на поясницу. Милли преспокойно добирается до лестничной клетки. Теперь еще два пролета вниз, и дело в шляпе. Она спускается неслышно, как ниндзя, примерно на каждой третьей ступеньке

останавливается, прижимается к стене и чутко вслушивается, словно полицейский из какого-нибудь телесериала, отслеживающий преступника. Дойдя до первого этажа и собравшись с духом, выглядывает из-за угла и видит у главного входа здоровенного волосатого парня, которого до сих пор никогда не встречала. Но это ее не удивляет: она и раньше видела, что здесь дежурят охранники. Неожиданным оказывается другое: сверхсовременная панель безопасности, встроенная в стену у двери, и мигающая на ней красная лампочка. И как только она, женщина, казалось бы, довольно наблюдательная, до сих пор не замечала эту окаянную штуку? Понимая, что план нуждается в корректировке, Милли ныряет в первую попавшуюся спальню.

Она оказывается в темной одноместной комнатухе — меньше, чем у нее, но в остальном оборудованной по тому же стандарту. В одном углу беззвучно светится телевизор, отбрасывая вспышки света на обитательницу комнаты — храпящий ком под одеялами. Милли у двери переводит дыхание. Выходит, ее затея была нелепой и неосуществимой? Надо подумать. Код наверняка хранится на стойке регистрации — или в выдвижном ящике или, более вероятно, на стикере где-нибудь возле монитора. Поручение, данное Ага-те, не займет у той много времени, и Милли остается только порадоваться, что она позаботилась включить свет в туалете и закрыть дверь — на случай, если медсестра окажется слишком настойчивой. Но скорее всего, девушка просто оставит грелку на постели и пойдет читать свою газету.

Милли подходит поближе к бесформенной груде на кровати и изумленно выпучивает глаза: она узнает своего старого заклятого врага — Элизабет Колдинг. Во сне Колдинг кажется тихой и безобидной, даже несмотря

на тяжелый храп застарелой пьяницы. Одна нога у нее свесилась с кровати — она похожа на недоношенного младенца, закутанного в одеяло, а из-под одеяла торчат два безобразно распухших, будто тронутых гангреной, пальца. Над кованой железной кроватью (привезенной из дома — вернейший признак того, что Элизабет Колдинг находится тут в незавидном статусе пожизненного пациента) висят десятки украшений из витражного стекла в форме щенков, звездочек, единорогов, сердечек. Такие продаются в любом рукодельном магазине, и их можно запекать дома в духовке — некоторых бабушек увлекает такое занятие.

Смотри-ка ты!

Милли, растроганная, хоть ей сейчас и не до того, делает шаг к кровати старой пьянчуги, нечаянно задевает пару стеклянных ангелочков, и они звякают друг о друга. Желтый котенок рядом стучается о пряничный домик, а за ними, по принципу домино, начинают дребезжать и все остальные фигурки. Милли вскрикивает и старается удержать их руками. Элизабет Колдинг ерзает во сне, но не так уж сильно — можно не опасаться. Милли еще какое-то время выжидает, пока в комнате не становится тихо.

Визг раздается, как только она выходит из спальни и не успевает еще убрать руку с дверной ручки. Милли оборачивается и видит, что офицер Колдинг сидит на кровати, словно какое-то дикое привидение из викторианского романа: в лице ни кровинки, волосы торчат во все стороны, как ершики для прочистки труб, рот — огромная зияющая буква «О». В безумном, как у зомби, взгляде ее широко распахнутых глаз есть что-то такое, от чего у Милли мурашки бегут по коже. В смятении и ужасе она на какой-то миг ясно видит перед собой будущее этой женщины: безвыходное одиночество в этой тесной комнатке, где она будет

лежать, всеми забытая, на больничной койке, бормоча какой-нибудь бессвязный бред, давным-давно не нужная и не интересная никому, кроме тех, кто присматривает за ней за деньги.

— Сестра! — хрипло каркает Колдинг.

— Ш-ш-ш, — шипит Милли. — Завтра вы проснетесь и...

— Сестра!

— Я вам ничего плохого не сделаю...

— Сестра-а!!!

— Да, да, я взяла у вас книгу, признаюсь. Но ведь только на время. Я бы ее непременно вернула. Она сейчас в моей комнате, так что можете пойти...

— Сестра-а!!!

Милли выскакивает за дверь и снова оказывается в коридоре. Она лихорадочно ищет, где бы спрятаться. Справа сплошные двери; слева — стойка регистрации, и оттуда уже доносится скрип стула, значит, охранник сейчас выйдет прямо на нее — выяснять, отчего вопила безумная Джейн Эйр. У Милли такое чувство, будто она стоит раздетая до трусов: она полностью беззащитна, никакого физического барьера между ней и охранником, никакого укрытия. Сейчас он ее поймает и утащит вверх, в спальню, и опять она будет торчать там без всякого дела и ждать, пока ее не постигнет судьба Элизабет Колдинг или, еще того хуже, Эммы Джеймсон.

Единственный предмет, за которым можно попробовать спрятаться — гигантский полусохший папоротник. Наверняка прислал чей-то родственник из далекой страны, пытаясь откупиться от чувства вины, а какая-нибудь замотанная медсестра в конце концов задвинула подальше в угол. Выбирать Милли не из чего, и, хотя жакет на ней вовсе даже не зеленый, а темно-синий, она все же надеется хоть как-то замаскироваться.

Из своего укрытия она слышит, как охранник делает один, два, три деловитых шага в ее сторону, и видит сквозь сухие стебли, как он настороженно поводит ухом. Они оказываются на расстоянии не более фута друг от друга и оба долго молчат. И тут, по закону подлости, подтверждая одно из давних убеждений Милли, что на самом деле человек очень немногое способен контролировать, ее проклятый организм совершенно некстати, неотвратимо и бесцеремонно испускает мощную струю газа. Милли не успевает даже извиниться, как охранник уже стоит прямо перед ней, с изумлением разглядывая эту картину, какой она явно предстает в его глазах: слабоумная пациентка пукает в горшок с цветком.

— Так-так, — говорит он.

Милли замирает.

Охранник всматривается ей в лицо и спрашивает:

— Вам нужно в... в... дамскую комнату?

«Господи, да он, кажется, думает, что я обделалась!» Какая-то часть ее «я» стремится немедленно опровергнуть это оскорбительное предположение. Зато другая, более умная, та, что ответственна за выживание любой ценой, понимает, что главное сейчас — не провалить дело. Она уже через столько прошла (ну да, через два лестничных пролета и два коридора, но символически это для нее целая одиссея). В комнату номер 302 ее теперь можно водворить только силой.

Милли наконец выдыхает, складывает перед собой руки, словно в молитве, и самым беспомощным фальцетом, на какой только способна, произносит:

— Папа?..

Глядя на нее добрыми, глубоко запавшими глазами, немолодой охранник откликается:

— Что такое, моя хорошая?

Милли старается сжаться всем телом, чтобы казаться совсем крошечной и напуганной. Потом, вспоминая этот день, она сочтет это лучшим номером своей программы. Она поднимает лицо, глядя на охранника снизу вверх, как подобает маленькой застенчивой девочке, и спрашивает:

— Ты пришел из-за пони?

— Пони?

— В конюшне?

— То есть?..

Милли старается как можно убедительнее изобразить безумную улыбку.

— Давайте-ка вернемся в вашу комнату. О, да на вас пальто?

— Сестра-а! — раздается визг из комнаты Элизабет. Эх, надо было придушить эту старую кошелку, пока была возможность. Раздается шум тревоги (может быть, это Агата на третьем этаже) — хлопает дверь, наверху слышатся шаги.

— Выходите-ка оттуда, а я позову медсестру — пусть проводит вас обратно в комнату.

Он хочет взять Милли за руку, чтобы помочь ей. Милли в порыве отчаянного вдохновения еще глубже погружается в свою роль: ошетиливается и сбрасывает с себя его руку с тонким болезненным вскриком, словно ее обожгли огнем (что-что, а это она может достоверно изобразить на основе собственного опыта). Охранник пятится назад, бормочет что-то похожее на «Агата!» и отступает к стойке регистрации, откуда он может вызвать медсестру за какие-нибудь десять секунд.

Милли начинает кашлять — сначала тихонько, но охранник, словно не слыша, тянется к телефону внутренней связи. И тогда она выдавливает из себя настоящий кашель курильщика с многолетним

стажем — такой, что, кажется, все внутренности вот-вот вывалятся через рот на пол, прямо им обоим под ноги.

— Воды... — Она показывает на горло. — Мне бы только стакан воды.

Кажется, он раздумывает над ее просьбой. В другое время Милли, конечно, не отказалась бы мило поболтать с этим добросердечным и весьма привлекательным джентльменом. Но — «помни о цели, Амелия», сказал бы Питер.

— Да, конечно, — кивает охранник. — Нет ничего проще. Сейчас получите свой стакан воды, и все будет замечательно, правда?

Осторожно, с подчеркнутой любезностью он вновь галантно протягивает ей руку, которую Милли, уже вошедшая в новую роль, принимает как настоящая леди — так, словно он собирается вести ее в роскошный бальный зал на тур вальса.

В сопровождении охранника, не забывая периодически покашливать, Милли Гогарти входит в ту самую гостиную, где они с Кевином несколько недель назад ждали миссис Слэттери.

— Я сейчас. Сидите тут, никуда не уходите.

Милли ухмыляется охраннику с видом полоумной и слушает, как он, шаркая ногами, плетется на кухню. Милли опрометью бросается к стойке регистрации, где перед ней предстает беспорядочная куча бумаг и папок с файлами, дымящаяся кружка кофе, телефон, крошечный телевизор и компьютер. Все поверхности оклеены желтыми стикерами, словно наклепленной вразнобой кафельной плиткой, но нигде не видно ничего похожего на код. Милли заглядывает в открытые ящики, шкафчики, даже под стол заползает, думая, не приклеил ли кто-нибудь код там — но нет.

Она уже слышит шаги на кухне. Охранник вот-вот вернется. Взгляд Милли вновь падает на его кофе, и ее осеняет идея — опасная, безумная... или гениальная? Она роется в рюкзаке Эйдин и находит украденные таблетки. Открыв пузырек амбиена, Милли бросает в чашку одну таблетку и смотрит, как она пузырится, плавая в мутной жидкости. Шаги приближаются. Она добавляет еще две таблетки и помешивает эти быстро растворяющиеся, красновато-оранжевые волшебные бобы шариковой ручкой.

***

Любопытно, рассеянно думает Милли, выпадет ли ей еще когда-нибудь случай применить на деле свои новые знания: три таблетки амбиена примерно за двенадцать минут превращают одного болвана в бесформенную кучу, пускающую слюни. Стоя за дверью гостиной, Милли слышала, как он вернулся к стойке регистрации, явно недоумевая, куда могла подеваться эта сумасшедшая, а затем в конце концов уселся в свое кресло. После чего ей пришлось пережить долгие минуты мучительной неизвестности, но наконец охранник все же допил остатки своего кофе вместе с добавками.

Теперь нужно спешить. Милли шагает прямо к двери мимо охранника — его голова с широким, как салатная тарелка, лбом безжизненно свесилась к плечу. Как будто в нем сразу десять банок пива сидит. Милли начинает по очереди вводить все простейшие комбинации цифр, какие только приходят ей на ум: «1234», «1111», «007». Но чертова лампочка все так же издевательски мигает.

Со всей быстротой, на какую только способны ее старческие ноги, Милли несется к задней двери,

ведущей в сад, или, как здесь говорят, «на территории». Давненько она уже не бегала. Легкие тут же начинают гореть, зато тело у нее, оказывается, как перышко. Будто она снова стала той девочкой, что когда-то носилась по мокрому прибрежному песку, швыряя в сестру скользкие, вонючие комки резиновых водорослей: с сестрой у них вечно шли ожесточенные бои. Но перед задней дверью Милли останавливается как вкопанная: ей насмешливо мигает точно такая же отвратительная лампочка.

Хуже того: тут же слышится стук в главную дверь. Такси! Разве она им не говорила — не стучать? Нацепив на нос очки, она вглядывается в кнопки. Снова раздается стук. Не разбудит ли он охранника? На столе начинает звонить телефон. И, когда Милли уже готова рвануть на себя эту чертову дверь, и будь что будет, она вдруг замечает внизу микроскопическую красную кнопку с подписью: «Откл.».

Милли нажимает на нее, и лампочка сразу же перестает мигать. Милли поворачивает ручку двери, та легко поддается. Холодный ночной воздух ударяет ей в лицо — ощущение такое, будто она с размаху врезалась в ледяную стену. Милли медленно идет по саду, огибая кусты — правда, по пути нечаянно наступает на клумбу. Она старается держаться поближе к стене, подальше от дороги и долго торчит у самого угла здания, боясь отойти, чтобы ее не увидели.

Но все же ей удалось выбраться наружу, и эта мысль придает ей сил. Она выходит в палисадник — и в последнюю секунду успевает увидеть, как ее такси выезжает на дорогу. Она скидывает руки, машет, но автомобиль стремительно исчезает из виду.

Становится очень холодно и тихо. Милли не знает, что делать дальше, но знает, что стоять на месте нельзя. Она сворачивает налево, пробирается через

сад соседнего дома, затем через следующий. И только дойдя до угла улицы — за четыре дома от «Россдей-ла» — чувствует, как адреналин начинает спадать.

В боку у нее колет, рюкзак, по ощущениям, весит фунтов полтора, машину она упустила, но не беда: главное, она на свободе.

***

Новый план, если его можно так назвать, начинает складываться у Милли в голове, когда она в третий раз натывается на один и тот же дом — номер 49 по Глен-Граунд. От других домов, стоящих бок о бок вдоль дороги, он отличается лишь красным мотоциклетным шлемом, брошенным в саду кем-то из жильцов. Теперь окончательно ясно, что она ходит кругами, что она заблудилась в этом путаном пригородном лабиринте одинаковых бежевых домов с выложенными галькой фасадами, неожиданных тупиков и безликих каменных стен, преграждающих путь чужакам вроде нее. С минуты ее побега мимо не проехало ни одной машины. Ни в одном окне не горит свет, все шторы и жалюзи, кажется, задернуты. Все сидят по домам, кроме Милли. И нужно смотреть правде в глаза: она уже совсем запыхалась, в боку колет все сильнее, и заскорузлый носок больно трет косточку на левой ноге (не говоря уже о шишке у большого пальца) — значит, мозоль лопнула, и значит, ее намерение идти пешком скоро станет совсем нереалистичным.

Милли очень слабо представляет себе, куда двигаться дальше. Ей нужно попасть домой. Что, если постучать в дверь этого дома со шлемом и разыграть роль безобидной заблудившейся дамы, которой нужна помощь? Рассказать какой-нибудь добродушной мамаше или папаше — заспанным, но не чуждым

любезности и состраданию, — что она возвращается домой из деревни (из Килдэра, например, — звучит довольно респектабельно), где была в гостях у брата — у него там своя гостиница... Нет, лучше уж пусть будет сестра: с братом они никогда не ладили, это может сказаться на достоверности ее игры. По дороге она, видимо, наехала на гвоздь, колесо спустило. Сказать, что машина ее стоит неподалеку (чуть дальше, отсюда не видно), и не могут ли они одолжить ей телефон, чтобы вызвать такси? И тогда папаша — он, по мнению Милли, скорее откроет дверь среди ночи — с очаровательной клочкастой растительностью на щеках, с мягким лицом, двойным подбородком и типичным для мужчины средних лет брюшком предложит отвезти ее домой, в Дун-Лаэр. По пути он может спросить, где же все-таки осталась ее машина, но она убедит его не беспокоиться — скажет, что утром вызовет буксир.

Милли разглядывает латунный молоточек — копию статуи Анны Ливии с ее безошибочно узнаваемым печальным лицом. На самой двери до сих пор висит искусственная рождественская гирлянда, а поскольку на дворе сейчас середина марта, это, по мнению Милли, указывает на некоторое пренебрежение к установленным правилам — благоприятный для нее знак.

С одной стороны, она понимает, что план довольно сомнительный — опасный, непродуманный, безрассудный, нелепый и, скорее всего, обречен на неудачу. С другой стороны — а что ей еще остается? Не исключено, что охранник в «Россдейле» проснулся, когда колотили в дверь. Агата, может быть, уже обнаружила, что ее нет на месте. Возможно, вызвали полицию. Милли не без гордости представляет, какая там, должно быть, поднялась суматоха. Но этот сценарий, если он действительно разыгрывается сейчас,

сулит ей новые проблемы: еще, чего доброго, позвонят Кевину, перехватят ее в Маргите и силой водворят обратно.

Милли тянется к молоточку и тут слышит далекий, приглушенный, но явственный звук автомобильного мотора. Полиция? Милли инстинктивно прячется за живой изгородью. Да сколько же ей еще сегодня по этим чертовым кустам лазить? Машина, судя по звуку, выезжает с соседней улицы, и Милли задумывается, как быть — выйти и попросить подвезти или все же постучаться в дом? Взвешивая в голове оба варианта, она замечает среди корявых корней старую, рваную обертку от шоколада, а на ветвях — детскую туфельку-пинетку, висящую на ленточке. Туфелька оторочена вытертым бежевым мехом и такая крошечная, что и младенцу не всякому налезет — разве что месячному какому-нибудь. Милли, не удержавшись, вызывает в воображении лицо своей давно умершей малышки. Морин, большую часть своей коротенькой жизни проведшая в пеленках, до туфелек так и не доросла — как и до очков, щипчиков для бровей, водительских прав и замужества. А сколько туфель было у нее самой, у Милли — не сосчитать! Горло у нее сжимается, что-то тяжело и резко сдавливает ей грудь. Столько лет она гнала от себя подобные мысли, и вот они, тут как тут — все такие же горькие, полные острой боли, словно только что пробитое пулей тело, все еще бьющееся, истекающее кровью.

Милли берет туфельку, переворачивает ее вверх подошвой и видит штампик: «0–3 мес.». Морин была красивым ребенком — все так говорили, но, конечно, чаще всех и с особой гордостью это говорил Питер. Они с Питером и Кевином выходили погулять у бухты после чая, Милли толкала перед собой коляску — здоровенную металлическую штуковину с огромными,

словно у королевской кареты, колесами, — и Кевин по-хозяйски клал на нее свою ручонку. Малышка всегда лежала спокойно во время этих прогулок, но больше всего ей нравилось у мамы на руках. О, гнев этого крошечного существа, если только Милли не брала ее на руки, был сокрушительным! Сокрушительным и диким — как у плохого актера, который ни в чем не знает меры и всегда переигрывает, не разбирая, требует ли сцена драматического накала или тонкой психологической игры. Их с Питером это сместило, и они называли ее «Маленькая мисс». Они только о ней и говорили. А потом не говорили о ней никогда.

Тем зимним утром Милли, как всегда, согрела молоко на плите и, подойдя к кровати, даже не успев прикоснуться к малышке, почувствовала пышущий от нее жар. Морин вся горела. Милли закричала, позвала Питера и взяла дочь на руки: ее ручки и ножки безжизненно обвисли, но хуже всего были глаза, этот отсутствующий взгляд в никуда. У Милли возникла нелепая мысль распеленать Морин, чтобы она остыла, но это, конечно, не помогло. Через два дня ее крошка испустила в больнице свой последний болезненный вздох, больше похожий на предсмертный хрип.

После этого мысли Милли ходили по одному бесконечному мучительному кругу. А если бы она подошла к кровати сразу, без бутылочки, а если бы они приехали в больницу чуть раньше, а если бы Питер ехал побыстрее, а если бы Милли кормила малышку грудью? И другие, еще более болезненные вопросы: чувствовала ли Морин, что ее любят, или покинула этот мир, так и не узнав об этом? Теперь, держа в руках туфельку, Милли пытается представить: что было надето на этих чудных кругленьких ножках, неправдоподобно нежных, словно два гладких обмылочка,

когда Морин зарыли в землю? Теперь уже никогда не узнать. Она не могла на это смотреть, не могла.

Машина, которую она только что услышала, уже сворачивает на Глен-Граунд. Милли выпускает туфельку из рук и смотрит, как грязная ленточка снова оплетается вокруг ветки. Нет, это не полиция — это серый «Моррис Майнор», такой же, на каком Питер ездил когда-то. Может быть, это знак? Милли выходит на тротуар и машет рукой.

Машина тут же резко тормозит, словно только ее и ждала, водитель в полумраке тянется к пассажирской дверце, открывает ее и распахивает одним движением, как будто боится, что Милли убежит.

— Знаете, не стоило бы вам путешествовать авто-стопом.

Она всматривается в лицо водителя — это мужчина за шестьдесят, глаза у него все в красных прожилках — не то от усталости, не то от пьянства. Он похлопывает рукой по пассажирскому сиденью.

— Шучу, шучу. Садитесь, конечно, не стойте на холоде.

Глаза у него как-то странно бегают с приборной панели на пассажирское сиденье и обратно — эта манера кажется Милли подозрительной, и она медлит.

— Мало ли темных личностей по улицам шатается. Но со мной вы в безопасности. С большой буквы «Б». Куда едем?

Милли взвешивает все за (дорога пустая, до Маргита можно добраться минут за двенадцать) и против (похититель, извращенец, серийный убийца?).

— В Дун-Лазр.

38

Пока еще не раздался вой сирены «скорой помощи» и этот день для Эйдин не изменился чудовищно и непоправимо, разговоры в северо-восточном углу хоккейного поля, где курильщицы неизменно собираются по утрам на переменах, идут в основном о приближающихся пробных экзаменах. Шестиклассницы, которым скоро предстоит сдавать настоящие, коллективно писаются от страха. За эти пятнадцать минут свободы некоторые из них успевают выкурить по три сигареты, нервно прикуривая одну за другой, и, кажется, не без удовольствия жалуются на головоломные задания: сочинения о коварстве Яго, о рыбных промыслах в Скандинавии, о пятидесяти спряжениях глаголов в *plu perfect*. Эйдин, Бриджид и другие пятиклассницы с почтительным и сочувствующим видом толпятся вокруг старших, сопереживают их горестям и тревогам и восхищаются их крутостью. О себе они не беспокоятся: у них есть еще роскошный запас времени. В шестнадцать лет год кажется огромным сроком. Впереди весна и лето — кофе, танцы, магазины, пиво, мальчики, путешествия. Море возможностей.

Эйдин молча топчется с краю, не вливаясь в эту взвинченную толпу. Протягивает Бриджид жевательную резинку и только потом берет сама. Бриджид всегда первая, Эйдин — вторая. В какой-то момент

ей незаметно, молчаливо отвели место фрейлины. Она что-то вроде повивальной бабки при Бриджид — богине, рождающей на свет все их приключения и выходы, сплетни и истории, которые так интересно рассказывать. Эйдин благодарна, даже польщена тем, что ее выбрали на эту роль, хоть ее и ранит временами та непринужденная легкость, с которой Бриджид всегда захватывает первенство в их дружбе, ее спокойная уверенность в своем праве распоряжаться. Взять хоть эту историю с рыбьими глазами. Как ни бунтовала Эйдин внутренне против своей роли в этой дурацкой затее — стащить у Бликленд коробочку мятных таблеток, — а все-таки стащила ведь. Верный щенок принес поноску к ногам хозяйки. Эйдин хмуро размышляет об этом, когда машина «скорой помощи», без мигалки, но с воющей сиреной, проносится мимо их площадки, через парковку, через двор и резко останавливается перед главным зданием школы.

— Что за хрень? — удивляется кто-то.

— Может, мисс Мерфи наконец ласты склеила. — Это Бриджид. Все смеются. — Дин-дон, колдунья мертва!

— Ну ты жжешь! — говорит какая-то подлиза. Впрочем, замечает про себя Эйдин, Бриджид тоже жаждет одобрения, только лучше — мастерски, можно сказать, — это скрывает.

С дальней площадки, специально выбранной, чтобы в случае чего их не успели накрыть, девушки молча смотрят, как из машины выскакивают двое мужчин — по одному с каждой стороны. Проходит несколько мгновений, и эти двое выбегают из дверей школы и бросаются к корпусу «Фэйр». Теперь еще и третий выпрыгивает из фургона сзади, и это уже начинает напоминать Эйдин какой-то цирковой номер. Сколько же их еще там?

На горизонте появляется Фиона Фэллон — та самая девушка, которая до сих пор еще ни разу не выходила на хоккейное поле без клюшки, наколенников, капы, маски вратаря и намерения сыграть в хоккей. А тут она вдруг ковыляет к ним своей неуклюжей походкой — последствия ужасной травмы бедра, полученной в раннем детстве. Эта беда несколько отдаляет ее от остальных, и Эйдин ей всегда сочувствует. Фиона отчаянно машет руками — значит, точно что-то случилось. Вновь завязавшиеся было разговоры стихают: все ждут, какие новости она принесет.

Когда Фиона наконец подходит ближе, Эйдин видит, что все лицо у нее блестит от пота. Она сгибается пополам, тяжело дыша.

— Что случилось? — спрашивает кто-то из девушек.

— Бликленд, — выдыхает Фиона.

— Что? Что с ней?

— Она без сознания. Ее сейчас повезут в больницу.

В ушах у Эйдин раздается звон. Все слова (много слов: девушки возбужденно тараторят все разом, как обычно бывает после таких происшествий, которые словно мгновенно сближают всех), восклицания, матерные ругательства и тупо повторяющиеся вопросы — все это для Эйдин сливается в какой-то неразборчивый гул. Оглушительный звон перекрывает все. Она не слышит никого, но когда наконец решается снова поднять глаза и вернуться в реальность, то видит, что Бриджид Кроу смотрит прямо на нее и что на лице подруги яснее ясного читается панический страх.

Пока все затаптывают окурки и бегут к школе, возбужденно галдя, Бриджид смотрит на Эйдин, словно безмолвно приказывает: «Стой». Поле пустеет, и девочки долго молча смотрят друг на друга, пока наконец Бриджид не произносит:

— Кто же знал, что от этого может быть так плохо?

— Боже мой, Бриджид!

— Неужели она правда их наглоталась? Она что, не видела, что они больше ее конфеток? И вообще... мокрые?

— Боже мой...

— Да еще и воняют так мерзко! Нет, серьезно? — У Бриджид вырывается недобрый смешок. — Вот так взяла, засунула в рот рыбий глаз и давай сосать?

— Может, она просто заболела? — предполагает Эйдин. — Может, у нее инсульт и это тут вообще ни при чем?

— Не будь душой. Еще как при чем.

Сначала Шон, потом папа ушел из дому, а теперь еще и это...

— Да расслабься ты. В лаборатории были все, так что их мог взять кто угодно. А в кабинете Бликленд нас никто не видел. Никто не видел! Никто ничего не докажет. Просто надо держать язык за зубами.

Эйдин мысленно пытается разобраться, что привело их к этому моменту — а точнее, к тому моменту вчера вечером, когда ее подруга пинцетом вытащила из вонючей банки три скользких мертвых рыбьих глаза и подложила в коробочку с мятным драже Бликленд. Вспоминает, как размышляла о том, кто же тот несчастный, которому целыми днями приходится на каком-то рыбном заводе выковыривать эти глаза из орбит, перерезать нервы, отрывать...

— А если она умрет? — шепчет Эйдин.

— От рыбьего глаза-то?

— Боже мой...

— Да кончай ты талдычить одно и то же! Не умрет она. Ничего с ней не будет.

— Лучше бы я никогда сюда не приезжала, — говорит Эйдин.

— Ты подумай головой. Она, может, даже и не заметила, что что-то не то съела. Просто стало плохо, и ее увезли больницу. Может, никто и не вспомнит ни про какие мятные конфетки.

— Так нужно им сказать.

— Ты что, с ума сошла?

— А вдруг она...

— Я лично никому ни слова не скажу, — обжигает ее взглядом Бриджид. — И ты тоже.

— Но нельзя же просто молчать.

— Расслабься. Никто не видел, что это ты.

У Эйдин все тело холодеет.

— Никто не видел, что это я?

— Ну, мы. Ты же понимаешь, о чем я.

Эйдин охватывает такое отвращение к ним обоим, что она не может даже смотреть на свою подругу. Бывшую подругу. А кроме того, она все-таки не решается объявить вслух о том, что собирается сделать. Бриджид попытается ее удержать. И тогда она просто уходит. Чем дальше остается позади хоккейное поле, тем быстрее она шагает, а потом уже бежит со всех ног к «Фэйр», и напрасно Бриджид кричит ей вслед.

39

Кевин получает не сильный, но малоприятный шлепок газетой по плечу.

— Эй, спящая красавица!

Странное сочетание слова «красавица» с клоунским лицом Мейв, маячащим перед ним — пластиковые очки, искажающие и увеличивающие глаза, потрескавшиеся губы курильщицы, обведенные персиковым карандашом, — мгновенно выдергивает Кевина из эротического сна, в который так хочется вернуться, но он уже рассеялся. Мейв в халате в цветочек, без лифчика, способна убить утреннюю эрекцию одним ударом.

— У тебя телефон надрывается.

Кевин садится, чешет в затылке и задумывается, не подцепил ли он вшей в жилище парикмахерши. Было бы смешно. У него вообще все чешется. Он чувствует себя не в своей тарелке в этой захламленной, грязной, чужой лачуге, где вынужден зависеть от ехидной мамы своего старого школьного приятеля. Она и утренний туалет она ему вечно норовит подгадить. Вчера в куске мыла обнаружили три глубоко вдавленных длинных крашенных волоса. А как-то утром он зашел после нее в туалет и увидел, что она не спустила воду. Кошмар. В этом изгнании Кевин все сильнее чувствует, что теряет ориентиры: ему не хватает детей как ежедневных точек отсчета. Он то и дело ловит себя на беспокойстве по самым нелепым поводам: не

забывают ли они пользоваться зубной нитью? Записала ли Грейс Кирана на хоккейный турнир? Удосужился ли хоть кто-то из Гогарти съесть хоть какие-то овощи за эту неделю?

Мейв хмыкает.

— Тебе надо бы в душ, радость моя.

— Вот спасибо.

— Я это к тому, что... — Мейв со вздохом показывает рукой на пирамиду из пустых банок, которую они с Миком вчера соорудили на кофейном столике. Под конец Мик уже без остановки нес какую-то бредятину о новом кондоминиуме в Коста-Рике, куда он хочет вложить деньги. Да, в общем-то, весь их разговор был сплошной бредятиной. — Не потащишься же ты в школу с таким запахом.

— В школу?

Мейв сует ему в руки мобильный: два пропущенных звонка из «Россдейла», три — из Миллбернской школы.

— Миллбернская женская школа. Доброе утро.

— Роуз, это я.

— Кевин. — Голос у нее падает. — Боже мой.

Никаких сомнений быть не может: он слышит в этом голосе еле различимую страдальческую нотку. Пусть он негодай, пусть кто угодно, но это слегка ласкает его самолюбие: все-таки Роуз Берд скучает по нему. Вот эта потрясающая красotka вдвое моложе его, которую он бросил на гостиничной кровати, голую и изнемогающую, изнемогающую, изнемогающую от желания...

— Слушай, Роуз, мне очень жаль, но я думал, ты все поняла.

— Что?

— Если бы не обстоятельства... — мягко говорит он. — Но я должен это прекратить.

— О боже ты мой. Ты вообще нормальный?

Кевин чувствует укол в сердце и сердито краснеет. Но вопрос законный — он и сам то и дело гонит его от себя всю неделю.

— Разве не ты названивала все утро?

— Нет, не я! Ты хоть в курсе, что здесь творится? Ты с кем-нибудь здесь говорил?

— О чем?

— Об Эдит.

Мейв вразвалку входит в комнату — как всегда, словно не замечая, что он занят разговором.

— Кевин, — говорит она, — ты не мог бы купить хлеба и масла?

Он отмахивается от нее, указывая на телефон.

— И еще куриные окорочка и пакет риса.

Кевин говорит в телефон:

— Подожди минутку, ладно? — И затем хозяйке дома:

— Да, конечно, все, что угодно. Дайте мне одну минуту.

Мейв с видом мученицы начинает собирать пивные банки, и пирамида с грохотом падает.

— Куплю я, куплю, — раздраженно говорит Кевин. — Но можно мне пока... — Он показывает глазами на телефон. — Разговор конфиденциальный.

— Ну да, не обращай на меня внимания. Я просто выйду из своей гостиной, да?

Кевин с трудом сдерживается, чтобы не показать ей сразу два средних пальца.

— Алло?.. — говорит Роуз.

Кевин извиняется:

— Прости. Так ты говоришь...

— Эдит увезли в больницу.

— Кто такая Эдит?

— Эдит Бликленд. Заведующая «Фэйр».

- Что? А что случилось?
- Ее отравили.
- Это очень и очень странно.
- Кевин, — говорит Роуз, — говорят, что это сделала Эйдин.

***

Он пытается как-то уложить это в голове... Нет. В голове это не укладывается. Не могла его дочь (все-таки невинная девочка, пусть вспыльчивая, но ведь зла она никому никогда не желала?) уложить Эдит Бликленд на больничную койку, да так, что она теперь борется за свою жизнь — господи ты боже мой! — после промывания желудка. Ей вставили в рот трубку, через которую вводили и выводили теплую жидкость.

Кевин трижды набирает номер Грейс, и трижды его звонки сбрасываются. «Ну и пошла ты на ...!» — кричит он в телефон. Он стоит в гостиной, а Мейв — на кухне, между ними закрытая дверь, но он прямо-таки кожей чувствует, как она бросает играть, курить, дышать и вслушивается, стараясь понять, что происходит. «И ты пошла туда же!» — хочется ему крикнуть. Пренебрегая наказом Грейс держаться подальше от детей, он вылетает из дома, а Мейв с глупым видом тащится за ним до самой машины со своим списком покупок.

Кевин сам не помнит, как добирается до школы. Он вновь начинает замечать что-то вокруг себя, уже миновав массивные железные ворота и на полной скорости подлетая к главному зданию. Подгоняемый тревогой, какой не испытывал уже много лет (его похотливая возня и почти состоявшийся роман с Роуз уже кажутся чем-то далеким, тусклым и мимолетным — никакого сравнения, небо и земля), Кевин шагает по школе,

словно великан из сказки — не разбирая дороги, готовый сокрушить все на своем пути. В здании мертвая тишина: девочки, должно быть, на уроках. А его-то девочка где, тоже на уроке? С того момента, как ему сообщили дурные вести, он очень слабо представляет, где Эйдин сейчас находится физически. Он все никак не может переварить услышанное.

Кевин стучится в дверь кабинета своей бывшей (потенциальной) любовницы, и она приветствует его таким официальным тоном, что он безошибочно догадывается: сейчас войдет и директриса. Мисс Мерфи — сутулая, морщинистая, с фигурой баклажана — выходит из-за спины Роуз и смотрит на него так сердито, словно это он заварил всю эту кашу. Что ж, Эйдин произвел на свет именно он, так что, наверное, да, он и виноват. И, наверное, если бы он не таскался за распутной пьянчужкой, если бы остался хорошим человеком — возможно, его бы здесь сейчас не было. Но где же его дочь? Может, ее заперли в какой-нибудь жуткой тесной комнатухе, как обыкновенную преступницу? И где его жена?

Мисс Мерфи, к ее чести, не смакует отвратительные подробности. Она просит Роуз закрыть дверь, когда та будет выходить, приглашает Кевина сесть, а затем излагает ужасные утренние события. Бликленд давала первоклассницам ежедневные инструкции, стоя у дверей с блокнотом в руке и глядя сверху вниз (как она всегда глядит) на своих подопечных. И вдруг на полуслове зашаталась, выронила блокнот, даже не заметив этого, и согнулась пополам. Попыталась выпрямиться и застонала. А потом схватилась за живот, ее начало рвать, и она упала. Девочки подняли крик. У кого-то хватило сообразительности сбегать за взрослыми, и тогда вызвали скорую.

— Но она... ей лучше? — Кевин произносит это с жалобной надеждой, словно ребенок, у которого на глазах машина переехала его кошку, и он спрашивает: «А киса поправится?»

— Она в больнице Сент-Винсента. Ей сделали промывание желудка.

Кевину почему-то представляется, как врач налегает на рукоятку насоса, вроде тех, какими надувают баскетбольные мячи, встав обеими ногами на основание, и качает — вверх-вниз, вверх-вниз.

— Это нужно было сделать как можно скорее, пока яд не растворился в желудке.

Яд! Кевин вздрагивает.

— Я не...

— Видите ли, противоядия от формальдегида не существует, поэтому выбора у них не было. Это было необходимо. К счастью, токсичное вещество успешно вымыли из организма.

Все это время, с первого разговора с Роуз по телефону, Кевин чувствовал, как что-то угрожающе сжимает ему грудь. Теперь наконец тело немного обмякает, напряжение спадает, мышцы шеи и рук расслабляются. Успешно — прекрасное слово, теперь это его любимое слово! И только тут до него доходит — формальдегид? Как в руки шестнадцатилетней девочки мог попасть формальдегид? Нет, этого не может быть. Это ошибка.

— Где моя дочь?

— Но возникло осложнение.

— С Эйдин?

— Нет, мистер Гогарти, не с Эйдин. С мисс Бликленд. — По тому, как мастерски умеет эта женщина выразить безмерное отвращение к собеседнику одним только едким тоном и пронзительным взглядом, Кевин видит, почему она так эффективна в роли директора: она внушает ужас. — Не исключена вероятность, что

во время промывания какие-то частицы попали в легкие. Это называется аспирационной пневмонией. Это тоже поддается лечению, но на данный момент еще ничего не известно.

— Что это значит?

Мисс Мерфи смотрит сурово.

— Это значит, что на данный момент ничего не известно.

Кевин опускает голову.

— Но как это могло случиться? Не понимаю. Как Эйдин... откуда вы знаете, что это сделала Эйдин? Она совсем не склонна к жестокости. Она...

— Мистер Гогарти, насколько нам удалось выяснить, несколько дней назад ваша дочь вместе с еще одной ученицей украли несколько рыбьих глаз в химической лаборатории и взяли у мисс Бликленд ее контейнер с мятным драже — да, я знаю, в это трудно поверить. Я здесь уже двадцать семь лет, и это...

Кевин чувствует чудовищную слабость.

— Мисс Бликленд приняла глаза за мятное драже и проглотила их, — продолжает мисс Мерфи. — Как явно и было задумано. Пожалуйста, держите себя в руках, мистер Гогарти.

— Я не понимаю. Откуда вы знаете, что это она?

— Она сама призналась медсестре Флинн. Она думала, что это поможет врачам.

— О господи. Я должен видеть Эйдин.

40

Тем временем Милли стоит в саду за домом в Дун-Лазре и смотрит на окна. Месяц назад сын вытащил ее из закопченной кухни с обожженной рукой, кое-как замотанной кухонным полотенцем (рана уже зажила, хоть от нее и остался довольно большой шрам, около дюйма шириной — полоска бледно-розовой, все еще зудящей кожи вокруг ее птичьего запястья, будто браслет спортивных часов). Запасного ключа у нее нет, и Милли понимает: придется ей штурмовать Маргит таким же нетрадиционным способом: лезть через окно бывшей спальни Кевина. .

Милли пробует ногой на прочность старый ящик — вроде бы не проваливается. Она приставляет его вплотную к задней стене, взбирается на него и с некоторым усилием упирается большим пальцем правой ноги в довольно широкую щель между крошащимися кирпичами. Да, запустила она дом, ничего не скажешь.

Только с третьей попытки ей удастся довольно неуклюже поднять вторую ногу, дотянуться до оконной рамы и раздвинуть ее. С ее-то везучестью ей ничего не стоит сейчас свалиться навзничь и расколоть череп — потом ее найдут тут с сотрясением мозга и амнезией, увезут обратно в «Россдейл», и тогда она будет обречена вечно ходить по этому кругу ада. Милли хватается за раму и пытается

забраться в комнату, но срывается и плашмя брякается на ковер.

Снизу, с пола, она разглядывает стены детской комнаты Кевина, оклеенные обоями с завернувшимися уголками — небесно-голубая туаль, а по ней все тот же, хоть и выцветший, рисунок: мальчики катаются на санках по сугробам и машут друг другу руками. На потолке все углы затянуты густой, причудливого рисунка паутиной. Милли закрывает глаза, чтобы немного передохнуть, и через некоторое время просыпается, вся дрожа. Неужели здесь всегда было так холодно?

В доме тихо. В гостиной Милли включает лампу и рыщет в поисках пульта — это инстинктивное, привычное занятие, как ничто другое, помогает ей почувствовать себя дома. Пульт обнаруживается под тощей диванной подушкой, но, когда Милли пытается включить телевизор, она вдруг понимает, что включать нечего.

Телевизор исчез.

Первая мысль Милли — что его увезли в ремонт. Но нет. Кевин же уже починил его. Остается единственный неизбежный вывод: телевизор украли.

Следовательно, в ее доме побывали грабители.

Милли окидывает любимую запущенную комнату, знакомую ей, как никому другому, свежим подозрительным взглядом. Кто-то здесь определенно побывал: все не так, как должно быть. CD-плеера, который сын подарил ей давным-давно — замысловатого, глянцево блестящего устройства, — нет на его обычном месте на книжной полке: от него остался лишь на удивление толстый слой пыли в форме прямоугольника. Секретер открыт, выдвижной столик завален беспорядочными ворохами бумаг и брошюр, семейных фотографий, квитанций, рождественских открыток, списков...

Какие-то бумаги свалились со стола и рассыпались по псевдоперсидскому ковру.

С нарастающим беспокойством Милли опускается рядом на четвереньки: она понимает, что секретер — то самое место, где, вероятнее всего, и должна лежать расписка Сильвии. Но под руку попадают совсем другие документы. Вот завешание Питера — давным-давно не актуальное, но каждые несколько лет она его перечитывает как своего рода доказательство его былой любви к ней, его безмолвной преданности. Чем дольше Милли ищет и не может найти этот листок, тем сильнее тускнеет память о том, как они его подписывали, и под конец она уже начинает сомневаться: «А не придумала ли я это?» Но нет: перед тем, как Сильвия с ней попрощалась здесь, у камина, они с ней совершенно точно стояли на кухне.

По пути Милли едва не спотыкается о стопку писем у входной двери. Она-то совсем забыла о непросмотренной почте. Интересного мало: несколько счетов и два конверта из Банка Ирландии. Она вскрывает первый и обнаруживает, что кредит на ее текущем счету превышен на 200 евро. Но этого не может быть. У нее должно оставаться еще никак не меньше двенадцати тысяч! Милли вскрывает второй конверт — ежемесячный банковский отчет, — и загадка разъясняется: семнадцать снятий средств на суммы от сорока до двухсот евро за последние два месяца, иногда по два раза в день, в разных пунктах выдачи наличных, в Дун-Лаэре и за его пределами. Последний раз в аэропорту Дублина.

У Милли вырывается крик.

Она видит перед собой Сильвию Феннинг, стоящую в гостиной — ее густую гриву волос, ее крепкие ногти, барабанившие по столу. Видит, как

Сильвия — ах ты, коварная предательница! — ласково склоняется над ней с одеялом в руках, как заботливо (теперь очевидно, что заботливость эта притворная, даже издевательская), щелкая во рту своей вонючей сладкой виноградной жвачкой, спрашивает, не нужно ли Милли снять наличные в банке — она, Сильвия все равно едет в магазин, ей это никакого труда не составит.

Она стала жертвой тщательно продуманного коварного мошенничества. Тут не только семнадцать случаев несанкционированного снятия наличных, но и гигантская сумма, взятая займы якобы для умирающего ребенка! Кевин, очевидно, был прав с самого начала: Милли уже не в состоянии сама о себе заботиться. Она недееспособна. И просто дура. Старая недееспособная дура, оставшаяся без гроша в кармане.

Сразу дюжина эпизодов с участием ее «подруги» всплывает в сознании Милли, и каждый проходит через этот новый гнусный фильтр, сквозь который становятся видны все темные мотивы ее помощницы, все ее преступные замыслы, отравляющие теперь все теплые воспоминания с самых первых дней. Неудивительно, например, что Сильвия так охотно согласилась прикрыть Милли после аварии у супермаркета, пыталась взять вину на себя и обещала не рассказывать Кевину о машине...

Машина!

Милли открывает входную дверь — ничего, никаких следов взлома. Ну конечно. Сильвия Феннинг входила сюда свободно, по-хозяйски — в любой день и час, когда ей вздумается, взяв ключ из тайника под четвертой плиткой. Она же не дура. Кто тут дура, так это Милли. Она кое-как приподнимает дверь гаража и, пригнувшись, заглядывает внутрь — нет, машина на месте.

Ну конечно: если Сильвия сбежала в Америку, зачем ей машина. И все-таки... Гадкая, мерзкая девчонка! И какая же простофиля Милли Гогарти! Она-то принимала за чистую монету всю эту заботливость, американские угощения и дешевую лесть, пока эта женщина рысью бегала по дому, приносила чай, стирала Милли больные ноги и таскала ей маленькие букетики и пирожные — вероятно, купленные на ее же собственные деньги, — и всегда была готова взвалить на себя дополнительную работу. Как в тот раз, когда взялась наводить порядок в кухонных шкафах. Должно быть, разнюхивала, что где лежит, надеялась отыскать побольше сокровищ.

Милли вдруг обмирает.

Она бросается обратно к столу — теперь уже до боли очевидно, что там все перерыто, видимо Сильвия искала ту самую расписку. В одном из многочисленных уголков секретера находит магнитофонную кассету — «50 классических произведений для релаксации». Сейчас ей не до релаксации: дрожащими руками она открывает футляр. Вот он, ключ от сейфа Питера — медный, крошечный, будто от кукольного домика, — на том самом месте, где она хранила его много лет. Милли сжимает кулак и вскидывает его с торжествующим: «Да!»

По крайней мере, Сильвия все-таки не сумела наложить свои грязные лапы на самую важную для нее вещь.

Милли идет с ключом в комнату Питера: она чувствует, что ей совершенно необходимо подержать кольцо в руках. Учитывая ее нынешнее финансовое положение, его, вероятно, придется вскоре везти в город, к оценщику, хотя сама мысль о том, чтобы заложить кольцо покойного мужа, подаренное ей

в самом начале их совместной жизни, вызывает у нее боль.

Через несколько мгновений, стоя перед шкафом Питера и глядя на пустое место рядом с ее туфлями, она понимает, почему Сильвия не взяла ключ. Он был ей не нужен: она удрала вместе с сейфом.

41

— Эйдин?

Кевин деликатно стучит в дверь. На словах это означало бы: «Давай поговорим по-хорошему, детка». Таков его план: нежно, с любовью, как полагается нежному и любящему отцу, уговорить Эйдин выйти из кладовки уборщицы. Другие уже пытались и потерпели неудачу, в том числе директриса, теперь молча стоящая рядом. После утреннего фиаско — отравленная воспитательница на больничной койке, истерическая исповедь подростка, а следом вот эта молчаливая самоизоляция — ее терпение, похоже, уже на пределе. Абсурдность ситуации усугубляет присутствие Роуз Берд, невероятно соблазнительной походкой процокавшей через весь кампус в своих всегдашних кожаных лодочках и пушистом белом свитере из ангорской шерсти. Кевину, несмотря на то что подобное безрасудство только что разрушило его брак, нестерпимо хочется погладить этот свитер.

Его продуманный ход встречен полным молчанием. Как бы ему хотелось сейчас выломать к чертям эту дверь, выволочь свою неуправляемую, своенравную, преступную дочь из кладовки, увезти домой, в Долки, и засадить под домашний арест до конца жизни! Но Кевин Гогарти намерен решить вопрос спокойно и по-взрослому. Он будет опираться на свою душевную связь с дочерью. Он и только он сумеет выманить

ее из этого закутка со швабрами, ведрами и дезинфицирующими средствами — не кнутом, так пряником.

Кевин откашливается и стучит снова, так же сдержанно, но по-прежнему безрезультатно. Понизив голос, он обращается к директрисе:

— Возможно, будет лучше, если я поговорю с Эйдин наедине?

Кевин сам ощущает некоторую иронию в своих словах, учитывая, что именно его эпический педагогический провал и привел к нынешнему затруднительному положению. Окинув его сердитым взглядом, пожилая матрона поворачивается спиной и удаляется, шаркая ногами. Ее удобные, практичные туфли при каждом шаге перешептываются, будто заложники, зовущие на помощь сдавленными голосами.

— Мистер Гогарти, — говорит она перед тем, как выйти в коридор, — вы, конечно, понимаете, что это переходит всякие границы.

— Совершенно верно. — Он кивает и улыбается с беззаботным видом, словно они только что познакомились на коктейльной вечеринке и теперь расстаются друзьями.

— Я дам вам еще немного времени, но потом буду вынуждена принять более решительные меры.

— Ясно. Спасибо.

Директриса уходит, а на ее помощницу, присутствие которой только добавляет неприятного волнения в крови, словно он только что хлопнул пару бокалов шампанского натошак, Кевин не решается даже взглянуть.

— Мисс Берд, — зовет ее Мерфи.

Кевин не готов отпустить Роуз, пока она не скажет хоть что-нибудь, хотя он и сам не знает толком, каких именно слов ждет. Нужно как-то дать ей понять, что ничего страшного не произошло (хоть это и неправда),

что в будущем между ними возможны вполне цивилизованные отношения, пусть и без особых сантиментов.

— Мисс Берд? — говорит он.

Роуз поворачивается к нему. Выражение ее лица бесценно: в нем, пожалуй, можно разглядеть и неутоленную страсть, но видна и печаль, и дружеская солидарность, и по меньшей мере симпатия, и глаза шуряются по-доброму.

— Не вздумай вякнуть о нас ни одной живой душе, — шепчет она. — Иначе я тебя закопаю, Богом клянусь.

Кевин отшатывается.

Теперь-то он видит, что и прищур был скорее злобным, и неутоленная страсть больше похожа на ненависть. Позже он будет вспоминать этот момент и заново изумляться — и ее словам, и тому, какое время она для этого выбрала. А еще позже — тому, как плохо он сам, оказывается, разбирается в людях.

Роуз уходит, и стремительное цоканье ее каблучков кажется комичным на фоне тяжелых шагов начальницы. Ну и парочка! Кевин отворачивается от этих ужасных женщин, возвращаясь мыслями к своей девочке, и колотит в дверь уже настойчивее: шесть раз подряд, и с такой силой, что сам чувствует, как дверь ходит ходуном.

— Эйдин, — шипит он. — Открой дверь сейчас же. Сейчас же! Это переходит всякие... Господи, это... это очень большая ошибка, Эйдин!

Он пытается представить, что она там делает. Если плачет, то тихонько. Если шевелится, то украдкой. Может, протирает тряпкой полки с припасами или просто насмехается над ними, наслаждаясь вниманием? Видит Бог, в последнее время, после той домашней заварушки и переезда к Мейв и Мику, он и впрямь ее вниманием не баловал.

— Ты делаешь себе намного хуже с каждой минутой, пока сидишь там. Если не выйдешь сейчас, то увязнешь еще глубже, а ты и так уже влипла по самые уши. Давай, рассказывай, что случилось. Сейчас же!

На протяжении всего этого бесполезного монолога, пока Кевин чувствует, что расстановка сил в этой борьбе ощутимым образом меняется, его дочь молчит. Господи, уж кому-кому, а ему-то не привыкать вести переговоры с эмоционально неустойчивыми людьми. С тех пор, как он покончил со статейками для глянца и с ролью льстеца, угождающего прихлебателям знаменитостей, чтобы подобраться поближе к их клиентам, это стало делом его жизни. Вот эта никем не воспетая родительская круговерть: выслушивать, отвлекать, развлекать, смешить, рассказывать сказки, поддерживать, мягко направлять, чувствовать боль своих детей и при этом учить их делать правильный выбор — как в моральном, так и в практическом отношении, — и, скрестив пальцы, надеяться, что они не вырастут оболтусами.

— Слушай, я уверен, что ты ничего такого не хотела, я же знаю, что ты не хотела никому причинить зла. Я хочу сказать — одно дело, когда вы ссоритесь с сестрой, это нормально, но тут уже...

В кармане звонит телефон. Кевин достает его, и на экране светится: «Жена». Ага, теперь она на связи? Теперь ей стало интересно? А когда он бомбардировал ее звонками... он-то был здесь, в гуще событий, а она — где-то там! И он нажимает «отклонить».

— Я догадываюсь — это была идея твоей подруги? Как ее зовут? Это она подсунула... — У него язык не поворачивается это выговорить. — Или ты? Слушай, если ты не расскажешь, мне придется спросить ее. Позвонить ее родителям.

Кевин вздыхает.

— Ты правильно сделала, когда рассказала о том, что... съела мисс Бликленд. Но ты должна рассказать мне обо всем, что произошло, Эйдин. Должна выйти и иметь смелость отвечать за свои поступки. И, знаешь что — мы с тобой вместе будем отвечать.

Он смотрит на часы и думает — не вернулась ли еще директриса на свой командный пункт и не приведет ли с минуты на минуту слесаря, чтобы решить эту не поддающуюся решению проблему?

— Но вот чего ты все равно не сможешь сделать, так это просидеть там всю жизнь. Во-первых, рано или поздно захочется в туалет, верно? И есть когданибудь захочется. И пить. И спать. И ногти стричь тоже нужно, иначе дойдешь до такого состояния, как та странная женщина из Книги рекордов Гиннесса, помнишь? Албанка, кажется, с такими гнутыми ногтями, самыми длинными в мире — два метра, кажется. Жуткие когти! Ты же понимаешь, что она с ними ничего делать не может? Даже руку никому не пожмешь, если не хочешь искромсать человека на ленточки. Даже сообщение не может никому послать по телефону! Ужас! В общем, все, что она может — это сидеть за кухонным столом и позировать, когда фотографы приезжают каждый год, чтобы сделать снимок для Книги рекордов Гиннесса. Ты что, хочешь быть как эта женщина?

Он стучит в дверь.

— Ну ладно. Хорошо.

«Думай!» — приказывает он себе. Он хочет достучаться до ее неприступной души — неужели это невыполнимая задача? Кевин мысленно роется в своем прошлом в поисках какой-то точки пересечения, какого-то общего знаменателя, который помог бы перекинуть мостик между ним и дочерью. Он вспоминает собственные подростковые выходки: запрещенный по возрасту алкоголь, сигареты, тайные уходы из

дома, тайные проникновения куда не следует, тайные проникновения подружек в его дом и обратно, езда без прав. Ничего из этого сейчас не подходит. Он пытается вспомнить какой-нибудь момент отчаяния в своей жизни. Вспоминается одно из его комических выступлений в Лондоне, тогда он откалывал шутки про мужиков в пабе, а потом, спрыгнув с табурета, изобразил старика, приходящего домой из магазина, шарящего руками в карманах брюк. Изобразив на лице ужас, он выдал: «Яички? Разве я покупал яички?»

Ну да, не лучший его номер, но воцарилась уж чересчур гробовая тишина. Он помнит, как в ужасе смотрел в темный зал. Ослепленный прожектором, Кевин видел только силуэты людей, полный темных фигур зал. Ему хотелось только одного: как можно быстрее сбежать со сцены, и он стоял, пытаясь понять, где выход — справа или слева, но в этот момент откуда-то из задних рядов послышался знакомый смех. Смеялась Грейс. Она была в зале. И яички ее не смутили.

— Я здесь, Эйдин. Давай просто обсудим все?

Эйдин фыркает.

— То есть мы не можем даже поговорить? Разве мы с тобой больше не друзья?

— Друзья! Ты что-то не захотел со мной разговаривать, когда засунул меня в эту адскую дыру.

Кевин слышит какое-то шевеление — кажется, она усаживается поудобнее.

— Я ненавижу эту школу, — с чувством говорит Эйдин. — Я никогда не хотела сюда ехать. А ты слушать ничего не хотел. Когда мы с Нуалой ссоримся, ты всегда ее одну защищаешь, каждый раз, хотя ничегошеньки не знаешь и не понимаешь. Ты даже не слушаешь.

Нуала? Она-то тут при чем? Что за глупости?

— Ты никогда не слушаешь.

— Неправда.

Или правда?

— Ну ладно, может быть, отчасти правда. Я... — Он долго молчит и наконец говорит: — Да, может быть, ты и права. Мне очень жаль. И послушай — я знаю, тебя наверняка тревожит то, что происходит между мной и мамой. Но это все временно. Тебе не о чем беспокоиться.

Кевин слышит тихое сопение, а затем прерывистый вздох, похожий на всхлип.

— Ох, Эйдин...

Из-за двери доносится что-то вроде сдавленного рыдания.

— Я не знала, что так выйдет, папа! Это была просто шутка, дурацкая шутка. Я вообще не хотела этого делать. Я только вытащила мятные конфетки у нее из сумки. Я даже не подсовывала туда... мне и в голову не приходило, что ей станет плохо.

— Ты не хотела причинить ей вреда, — говорит Кевин с огромным облегчением.

— Она выздоровеет?

Кевин вздыхает.

— Не знаю. Надеюсь, что да.

Звонит телефон. Снова «Жена» на экране.

Ему столько всего нужно сказать Грейс. «Эйдин соучаствовала в отравлении воспитательницы корпуса». «Я скучаю по тебе». «Я теперь живу в одном доме с прокуренной старой клячей, и она, как ни странно, в своем роде не так уж плоха, только вот ходит за мной по пятам по всему дому и бомбардирует речугами в твою защиту (ее послушать, так ты настоящее сокровище)». «Эйдин сделала ужасную глупость, но не со зла». «Как бы мне хотелось, чтобы ты была

рядом». «Мне нужна твоя помощь». «Ты настоящее сокровище».

Кевин говорит в закрытую дверь:

— Подожди секунду, Эйдин.

Нажимает кнопку и шепчет:

— Алло?

Кевину кажется — если дочь поймет, что звонит ее мать, это подорвет ее доверие, словно он нарушает какой-то негласный договор.

— Алло? Я тебя не слышу. Кевин?

Он идет к двери, в другой конец комнаты, мимо стола для пинг-понга и доски с расставленными нардами: партия, очевидно, прервана на середине, и теперь никто не узнает, каким должен был быть следующий ход.

— Я в школе, — тихо говорит Кевин.

— Что?

Он выходит в коридор и повторяет:

— Я в школе.

— В какой еще школе? У меня только что закончилось трехчасовое совещание, а от тебя пять пропущенных звонков!

— Я в школе, — повторяет он в третий раз. — В Миллберне. Чрезвычайное происшествие с воспитательницей «Фэйр»...

— Так, погоди-ка.

Он слышит приглушенный разговор на том конце линии и догадывается, что Грейс, видимо, торчит в каком-нибудь мертвяще-унылом конференц-зале корпоративного отеля с кучей назойливых придурков.

— Уже иду, — говорит Грейс, и Кевин слышит неразборчивое бормотание. Потом жена говорит в телефон: — Черт, меня уже зовут. Надо идти. Давай я тебе через час перезвоню? С Эйдин же все в порядке, правда?

Слов у Кевина нет, зато чувств много. Он вешает трубку, сует мобильный в задний карман, бредет, повесив голову, обратно в комнату отдыха и обнаруживает, что то, чего он так отчаянно добивался, свершилось: дверь кладовки открыта. Но, подойдя к маленькой комнатке, он видит, что его дочери там нет.

42

Автобус до Уэстморленд-стрит, электричка от станции Пирс-стрит, затем долгий путь пешком до Долки — и вот наконец Эйдин дома. Тихие пустые комнаты кажутся чужими. Чего бы только она не отдала сейчас, чтобы вернуться в самое заурядное утро из недавнего прошлого! Щелкнуть Чуму по макушке, крикнуть, ни к кому не обращаясь: «Я пошла!», хлопнуть дверью и шагать в школу с бутербродом в руке.

Дома Эйдин первым делом гуглит «Дублин больницы» и находит ближайшую к Миллберну. Стараясь говорить как можно более официальным тоном, звонит в приемную:

— Можно узнать о состоянии больной? Мисс Бликленд.

— Какая палата?

— Э-э-э... Неотложной помощи?

Ждать приходится бесконечно долго, и Эйдин чувствует, как уходят драгоценные минуты — а ей ведь нужно еще продумать план действий, собрать вещи...

Наконец трубку берет другая женщина.

— Говорит Николя. Чем я могу вам помочь?

— Я хотела узнать, как там мисс Бликленд? Ее привезли сегодня утром.

— С кем я разговариваю?

— Это ее племянница, Жюстин.

— Жюстин?..

— ...Бликленд.

— Так, понимаю. Мы не передаем сведения о пациентах по телефону, мисс Бликленд.

Мисс Бликленд! Эйдин морщится.

— Если вы зайдете к нам в приемную, то...

— Но я не могу! Я живу далеко. Пожалуйста, это очень важно. Я просто хочу убедиться, что с ней все в порядке. Пожалуйста, скажите мне!

Пауза, а затем:

— Так вы говорите, она ваша тетя?

— Да.

— Могу я узнать имя пациентки?

Сколько же раз в долгих послеполуденных разговорах под сигаретный дым на берегу реки, в ночных перешептываниях на соседних койках, в оживленных беседах в столовой за обедом и за чаем Эйдин, Бриджид и другие девушки из «Фэйр» перебивали — можно сказать, наждаком терли — кости воспитательнице «Фэйр», сыпали остроумными прозвищами, ядовитыми лимериками (Эйдин) и безжалостно передразнивали ее хроющую походку (Бриджид). Но ни Эйдин, ни, к примеру, ее бывшей подружке ни разу не пришлось в голову поинтересоваться, как же зовут эту женщину, да и вообще хоть что-то узнать о ее жизни, увидеть в ней живого человека — человека, который из-за Эйдин теперь находится в тяжелом состоянии. Или уже умер.

— Я не знаю! — брякает она. — Энн?..

— Кто вы?

— Я зову ее тетя Бликленд. Пожалуйста, я очень беспокоюсь.

— Извините, но я не могу...

— Она умрет? — с мучительной болью вырывается у Эйдин.

— Я не имею права...

— Б...!

Эйдин швыряет трубку и сползает на пол, не в силах справиться с нахлынувшей бурей чувств, с тем неоспоримым фактом, что все — все! — непоправимо рухнуло, и это ее собственных рук дело.

— Пожалуйста, пусть только она не умрет! — снова и снова умоляюще твердит она вслух.

Когда дыхание становится ровнее, Эйдин встает с пола и вытирает лицо рукавом. Нужно спешить. Куда? Она понятия не имеет. Куда-нибудь подальше. Эйдин спускается в подвал. Даже не оглядевшись вокруг, не притаился ли там какой-нибудь сумасшедший, она отыскивает мамин оливковый чемодан на колесах и катит по лестнице вверх — чемодан стучается о каждую ступеньку, из него сыплется какая-то труха и поднимаются в воздух облачка пыли. Нуала с Кираном могут скоро вернуться из школы, а то и мама... мама будет в ярости. Нет, хуже — она будет разочарована, ей будет стыдно за нее, Эйдин. А бедный папа, наверное, до сих пор еще бродит по Миллберну и ищет ее.

Эйдин осматривает все комнаты в поисках самых нужных вещей, которые могут пригодиться в бегах: телефон, зарядное устройство, наушники, чипсы. И, конечно же, позарез нужны деньги — единственное, чего ей не хватает. Она перерывает весь стол в кабинете отца, но находит лишь горстку монет, которых не хватит даже на автобус.

Бабушка — это был бы вариант, но ведь бабушка сама недавно просила у нее взаймы. Но она в «Росдейле». А значит, в ее доме никого нет. Можно пока поехать в Маргит, хотя бы ненадолго — посидеть там, собраться с мыслями, даже переночевать можно, хотя это, конечно, жутковатая перспектива.

Эйдин сует монеты в карман и, просматривая последний ящик, натывается на папку с паспортами: шесть тонких лиловых книжечек. Вот и ее собственный, с мрачным лицом на фото, напоминающим тот день, когда они ходили фотографироваться в ателье, и она упрямо хмурилась и каменно молчала — в общем, целый геморрой.

Эйдин запихивает паспорт в чемодан. А может, поехать в Америку и разыскать Шона? Эта фантазия тут же захватывает ее. Она уже не раз представляла, как сидит у постели Шона и держит его за руку. Можно уехать во Флориду, учиться в Штатах, ходить в школу драмы, расположенную в кирпичном здании, где все то и дело поют ни с того ни с сего, где какойнибудь учитель оценит ее стихи, где будут необъятно широкие коридоры и тысячи шкафчиков на стенах, а великолепные и ужасные чирлидерши с помпонами, стоящие в дверях, будут расступаться, пропуская их с Шоном — двух счастливых влюбленных.

Разумеется, все мечты разбиваются о тот факт, что у нее нет ни гроша в кармане, и к тому же она несовершеннолетняя. Даже если бы она и отважилась на такой дерзкий шаг, папа тут же приехал бы за ней и утащил домой.

В самом низу стопки лежит паспорт отца. На фото он выглядит намного моложе, чем сейчас, черты лица резче, левый уголок рта слегка приподнят, что придает ему какое-то глуповато-застенчивое выражение.

Тут же в голове выкристаллизовывается новая мысль. Без паспорта папа за ней далеко не уедет.

Хватит ли у нее смелости?

Мысленно напомнив себе, что красть чужие паспорта нехорошо и даже преступно, Эйдин решает просто перепрятать его куда-нибудь подальше, чтобы выиграть время, на всякий случай. В конце концов,

она может в любой момент вернуть его на место, и вообще... Эйдин тянется к набитым битком книжным полкам и втискивает папин паспорт между тезаурусом Роже (по-прежнему любимым) и сильно потрепанным томиком «Дублинцев», а затем, чтобы не попасться никому на глаза, пробирается окольными путями до самого Дун-Лазра.

43

С тех пор, как Милли в последний раз сидела в этой обшарпанной комнате для допросов в подвале полицейского участка Дун-Лазра, сержант О'Коннор успел отрастить на лице щетину, колючую, как шерстяное одеяло — такую же, как у каждого второго молодого парня в Дублине. В комнате все те же дешевые стулья, тот же выщербленный стол из ДСП. Но в этот раз Милли сама настояла, чтобы беседа проходила здесь, в уединенном месте: на случай, если Кевин подъедет и увидит свою безумную мать в окно — сценарий не самый вероятный, но возможный. Кевин вынесет ей весь мозг, если узнает, что она ушла из «Россдейла», и окончательно запишет ее в идиотки, когда услышит, как ее провели — да не какие-нибудь подростки-наркоманы, не шайка хитроумных цыган, а коварная американка с гладко зачесанными в хвост волосами и с ключом от ее дома.

Пожалуй, не стоит особенно удивляться, что на нее пал выбор мошенницы: лет ей уже побольше, чем большинству дублинцев, живет одна, не считая редких гостей. Почти все ее сверстники давно в могиле — теперь вот к этому мрачному списку добавилось имя миссис Джеймсон. Дело не в том, что Милли так уж одиноко — скорее пусто, как после засухи. И не в том беда, что в Маргите всегда так тихо, а в том, что там почти нет признаков жизни, не считая приливов

и отливов, на которые можно смотреть из окна. Как-то само собой вспоминается, как ее Питер входил в дверь и бросал шляпу на столе в прихожей, как Кевин отжимался в саду и считал вслух, как подружки сходились к ней со всей улицы с лимонными пирожными и джином на еженедельную партию в бридж. Сильвия вновь оживила Маргит, почти как в те времена, принесла с собой новые надежды — как будто в жизни еще может случиться что-то хорошее.

Но Милли даже не замечала, что все это делает ее уязвимой, что ее потребность в человеческом общении так явно бросается в глаза. Она сама во всем виновата — она дорого заплатила за свою наивность и глупость, за свои постыдные желания, за смешной эгоизм, за преследующее ее чувство, что если она сейчас не придумает новый забавный трюк, то вечеринке конец. Даже тем, как ловко она спрятала ключ от сейфа, сама похвасталась, никто за язык не тянул.

Когда Милли позвонила в полицию, сотрудница сказала ей, что нужно прийти в участок и собственноручно подписать заявление. Ключей от машины Милли не нашла, пришлось позаимствовать соседский велосипед (свет на нижнем этаже соседского дома горел во всех окнах — верный знак, что Фицджеральдов в городе нет, так что никто не пострадает). В широкополой шляпе, в бирюзовом шелковом шарфе, который, по ее убеждению, сделал ее менее узнаваемой, Милли с трудом удерживала равновесие на двух колесах. Она очень хорошо понимала, что на любом повороте свирепый порыв ветра может смести ее с дороги и впечатать в древнюю стену, отделяющую дорогу от пляжа, что она может сломать колено, растянуть мышцу или наскочить на камень и кувыркнуться вверх ногами, демонстрируя на весь город

свои застиранные трусы. Эта воображаемая картина побуждала ее быть как можно внимательнее, и она крутила педали, пока с облегчением не увидела на горизонте полицейский участок.

Человек более благоразумный счел бы эту поездку слишком рискованной: Милли ведь всего несколько часов назад сбежала из «Россдейла», и теперь у нее очень мало времени, чтобы составить план действий, пока сын не узнал о ее побеге (неостановимое течение времени, вечный враг, преследует ее неотступно). Но если она хочет разыскать Сильвию без ведома Кевина — а ее намерения именно таковы, — сержант О'Коннор, пожалуй, ее единственная надежда.

О'Коннор подходит вразвалку, не торопясь, с дымящимся картонным стаканчиком кофе в руке. Предлагает кофе Милли, но она отрицательно качает головой: у нее нет времени на пустяки. Тогда сержант придвигает стул к столу и сам отпивает из стаканчика. Милли почему-то кажется, что он сдерживает улыбку.

— Рассказывайте, что вас привело ко мне сегодня, миссис Гогарти?

— Совершенно чудовищные обстоятельства, каких я не помню за все годы, прожитые в Дублине, вот что меня привело.

— О боже. Печально это слышать. Так, может быть, расскажете, что случилось?

Он сцепляет пальцы в замок и усаживается поудобнее — насколько можно вообще усесться удобно на складном металлическом стуле.

— Даете ли вы мне слово, что все сказанное здесь останется между нами?

— Конечно, если желаете, но...

— Я не хочу, чтобы об этом еще кто-то знал. У моего сына свои мотивы, — поясняет она. — Давайте так и договоримся.

— Ясно. — О'Коннор достает из искусно замаскированного потайного кармана небольшой черный блокнотик и нажимает кнопку шариковой ручки.

Милли пытается собраться с мыслями, чтобы изложить события четко и последовательно. Если хочешь перехитрить мошенницу, нужно, черт возьми, и самой шевелить мозгами.

— Хотела бы я взглянуть на протокол с того дня, когда меня... — Щеки у Милли мгновенно становятся горячими. — Когда меня арестовали.

Милли до сих пор еще ни разу не упоминала вслух о своей краже, не говоря уже о том, чтобы признать вину. Ну вот, теперь сказала. Не умерла же?

— Положим, вас не арестовывали.

— Да, верно, мы... заключили сделку... и по ее условиям ко мне домой несколько раз в неделю должна была приходить помощница, — ну так вот, она оказалась настоящей негодяйкой.

— Помощница? — сержант слегка склоняет голову набок.

— И где только он ее откопал, ума не приложу.

— Он?

— Мой сын. Под каким-нибудь камнем, должно быть. Под склизким камнем. — Она горько усмехается. — Наверное, с компьютера, через какой-нибудь сервис? Не помню, чтобы меня кто-нибудь посвящал в подробности. Просто однажды он привел ее в дом. И вот почему я здесь. Я, конечно, заполню все эти бумажки об ограблении, но главное — мне нужна контактная информация Сильвии.

— Ограбление?

— Я думаю, она открыла дверь моим запасным ключом.

— Кто?

— Сильвия Феннинг, та женщина, которую Кевин нанял мне в помощь. Разве вам не знакомо это имя?

— И вы сказали миссис Кэнтвелл по телефону, что она американская гражданка?

Милли кивает. О'Коннор записывает что-то в блокноте.

— Подождите, миссис Гогарти. Давайте с самого начала, чтобы я все понял. Вы говорите, что, когда вы были здесь в последний раз, мы заключили какую-то сделку...

— Да, еще в декабре, разве не помните?

— Помню, да, но вы говорите, что в обмен на отказ от предъявления обвинений вы согласились на...

— И еще мне пришлось отложить поездку в Нью-Йорк. С Веселой Джессикой.

— Веселой?..

— Но, как оказалось, моя помощница вовсе не собиралась мне помогать. Она меня ограбила. Правда, не сразу. Сначала она меня и кормила и поила. А потом ограбила.

— Что значит — поила?

— Ну, пино гриджио, конечно, не угощала, — говорит Милли с досадливым смешком и мысленно спрашивает себя, не слишком ли туповат этот полицейский. — Я имею в виду — метафорически.

— Ах, вот как. Давайте тогда... какой график работы был у этой женщины? Она приходила к вам в дом каждый день?

— Почти. Убирала, готовила. Кстати, карбонару делала совершенно великолепно. Сливов, правда, многовато. И горошек еще! В Риме никто под страхом смерти не добавит в карбонару горошек!

— Я-то лично не против горошка, — улыбается сержант. — Так значит, подозреваемая была к вам очень добра и внимательна, да?

Несмотря на поднимающуюся в груди волну решимости, Милли на миг теряется: ей все еще кажется предательством навешивать такой ярлык на подругу.

— Да, подозреваемая...

— Что именно она у вас украла?

— Да легче сказать, что не украла! — говорит Милли сквозь слезы. — Она сняла все деньги с моих счетов в Банке Ирландии, до последнего гроша.

— О какой сумме идет речь?

— Тысячи! Двенадцать тысяч? Четырнадцать?.. Все подчистую!

О'Коннор присвистывает.

— Как ей это удалось? У нее был доступ к вашей банковской карте?

— Ну да... то есть сначала-то нет. В ее обязанности входило ездить со мной по всяким домашним делам. И вот в один прекрасный день мы вдвоем ехали в моем «Рено». Я никак не могла найти место для парковки — вы же сами знаете, как отвратительно у нас обстоит дело с парковками. Если бы у меня было время, я бы, пожалуй, и на это тоже официальную жалобу подала.

— Значит, вы искали место для парковки?

— И мы катались кругами целую вечность. В конце концов я остановилась прямо перед банком, и она сказала, что сбегает туда сама, а мне лучше остаться в машине, чтобы штраф не схлопотать. Я подумала — вот хорошо-то, и дала ей мою карточку.

— И пин-код назвали?

Милли неловко поеживается, и он говорит:

— Не вас первую так обманули, миссис Гогарти. Это очень распространенное преступление. Такие люди опытные профессионалы — они отлично умеют найти подход к любому простаку.

— Она мне была почти как дочь!

Из другого потайного кармана О'Коннор достает комок салфеток и подает Милли. Что он следом вытянет, интересно — бесконечную связку разноцветных платков из глотки? Но все-таки он душка, тем более для копа — более приятного полицейского и желать нельзя.

— Вы не помните, в тот день она отдала вам квитанцию?

— Вот именно! Да. Ни копейки лишней не сняла, все точно как я просила.

— Хм. И после этого вы стали ей доверять?

— Насколько я помню, сержант О'Коннор, после этого я больше никогда не проверяла квитанции... ну да, знаю, знаю.

— Да нет, что вы. Хорошо. А теперь не могли бы вы рассказать об ограблении дома? Когда это произошло?

— Не знаю. Я обнаружила это только сегодня утром. Я жила в «Россдейле» из-за пожара — вы знали, что в моем доме произошел пожар?

— Слышал об этом, да.

— Вы бы видели мою кухню! Черная, как вапша фуражка. И руку мне обожгло. — Она начинает расстегивать манжету.

— Я верю и так, — останавливает ее сержант. — Что именно пропало? Ноутбуки? Телефоны? Что-нибудь в этом роде?

— Все. Вся электроника. Даже плойку нигде не могу найти.

— Ясно. — Он откашливается и отодвигается от стола. — А еще что-нибудь? Кредитные карты? Наличные в доме?

Милли рассматривает крошечное пятнышко грязи на полу и, поникнув головой, говорит:

— Я дала ей денег в долг.

— Когда это было?

— В последний раз, когда мы с ней виделись.

И она рассказывает сержанту про Шона и вымышленную операцию.

О'Коннор внимательно слушает, и его лицо делается почти умильным, рот глуповато округляется.

— Это ужасное преступление, миссис Гогарти, — мягко говорит сержант. — Сколько денег вы ей одолжили?

— Тридцать тысяч евро.

— Бог ты мой. — О'Коннор глядит на нее с искренней жалостью. — И, вы говорите, она уехала из страны?

— Да. Вскоре после этого она звонила мне из Нью-Йорка.

— А откуда вы знаете, что не из Ирландии?

— Ниоткуда. Но она сказала, что звонит из Америки. И потом, она часто говорила, что хочет туда вернуться, но не хватает денег.

Сержант барабанит пальцами по столу.

— Послушайте, мне очень жаль, что с вами такое произошло, и мы этим займемся. Нужно, чтобы вы написали официальное заявление обо всем, что мне здесь рассказали. И мы составим опись всех пропавших вещей. Вот с этого и начнем. — Он встает. — Но, честно говоря, миссис Гогарти, если она уехала из страны, вряд ли мы много сможем сделать.

— Подождите! — Милли вскакивает на ноги. — Я должна увидеть этот протокол. Пожалуйста.

О'Коннор, стоящий уже недалеко от выхода, с тоской смотрит на дверь.

— Пожалуйста, — повторяет Милли.

— Позвольте мне спросить у вас кое-что, миссис Гогарти. Что вы намерены делать с этой информацией?

Она знает, по крайней мере в общих чертах, что будет делать. Она заставит Сильвию посмотреть ей в глаза. И вернет то, что принадлежит ей.

— Пожалуйста, это очень важно. Она украла единственное, на что мне не наплевать, а это очень ценная вещь. Кольцо. Подарок мужа.

— Присядьте на минутку. — Сержант подходит к столу, похлопывает ее по руке и говорит: — Я должен вам кое-что сказать, миссис Гогарти, и я хотел бы, чтобы вы взяли себя в руки, можете?

Она кивает.

— Нет никакого протокола.

— Что значит нет?

О'Коннор вздыхает.

— Вот так. Не знаю, сами вы что-то не так запомнили, или вас дезинформировали. Но никакого соглашения мы ни с кем не заключали. Так просто не делается. В подобных вопросах — по поводу поездок за границу и найма помощниц по дому — у нас нет никаких полномочий. Такого в принципе быть не могло.

— Не было никакого документа? Насчет суда?

— Не было, — подтверждает О'Коннор. — Никакого соглашения.

Милли таращится на него, начиная понимать, что же в действительности произошло.

— Полагаю, это ваш сын вам так объяснил?

***

Под морозящим дождем Милли катит обратно в свой разграбленный дом. Беспокойно, неутоненно бродит по своим обшарпанным комнатам. Снова ее обманули, и кто — родной сын, черт возьми! Это он во всем виноват. Это он, пусть и невольно, привел преступницу в Маргит. А теперь она не может даже отыскать следы

этой женщины, потому что весь этот план был враньем с самого начала. Она, Милли, останется нищей. Ей придется воровать в магазинах, чтобы выжить, таскать бутылки с молоком с соседского крыльца (образно выражаясь, хотя она до сих пор тоскует по тем дням, когда молоко приносили прямо к двери), запихивать в рукав банки с джемом. Если подумать, ничем не хуже было бы сейчас выйти на улицу, проголосовать водителю, вернуться в «Россдейл» и сдаться.

Милли наливает виски — любимое средство Питера для снятия стресса — и выпивает одним глотком, но это ее не успокаивает. Может, ванну? А потом еще глоточек. Милли раздевается и с декадентским шиком берет стакан с собой. Через несколько минут она уже лежит в теплой воде и, немного успокоенная, размышляет об Америке. Сильвия наверняка в Америке.

Когда ванна наполняется почти до краев, Милли выключает воду и вдруг слышит скрип — отдаленный, но явственный. Она садится и хватается за края ванны: из задней части дома доносятся шаги, и они приближаются к ней. Кто-то проник в Маргит. Какая-нибудь цыганка или наркоман, а может быть, Сильвия вернулась, чтобы вынести оставшееся добро. Шаги останавливаются, кажется, у самой двери. Милли осторожно вылезает из ванны: упасть сейчас было бы совершенно некстати. Она снимает с вешалки жесткое полотенце и заматывается в него. Выхода, кроме двери, нет: в единственное окошечко даже кошка с трудом пролезет, да и вообще — для пожилой женщины она сегодня уже достаточно налазилась по окнам. В одной руке она сжимает древний ершик для унитаза, в другой — баллончик с лаком для волос. Вид у нее, должно быть, жутковатый — на голове розовая шапочка для душа, узкое зеленое полотенце едва прикрывает интимные места.

Милли на цыпочках крадется к двери. Она представляет себе массивного, дородного мужчину в черной балаклаве или тощего прыщавого наркомана. Ручка двери медленно поворачивается, и Милли вскрикивает.

— Бабушка?..

— Эйдин?

— Это я.

Милли роняет свое оружие, дверь распаивается, и перед ней предстает ее внучка — почему-то с чемоданом.

— Что ты здесь делаешь? Почему ты не в Миллберне?

— А ты почему не в «Россдейле»?

Милли, прищурившись, смотрит на девушку, затем, в полнейшем недоумении, на чемодан, и тут... В памяти у нее всплывает картина — восхитительно яркая картина!

Эйдин говорит:

— Случилось кое-что ужасное.

— Багажная бирка! — кричит Милли, выскакивая мимо внучки в коридор.

В детстве Кевину и самому пару раз случалось убежать из дому — недалеко и ненадолго, так что поначалу исчезновение Эйдин его не особенно тревожит. Из кладовки она могла пройти либо мимо него (а он ее не видел), либо прямо к выходу. Поэтому он довольно спокойным шагом обходит «Фэйр» по периметру под грозовым небом, зовет дочь и обшаривает взглядом огромную лужайку, столы для пикника, двор и хоккейную площадку, где стоят две девушки и явно курят. Хотя бы к этому Эйдин не тянет, думает он.

Он трижды безрезультатно звонит ей, Заглядывает в ее спальню, в этот час совершенно пустую, а потом и во все остальные, с первого по шестой класс. Потом в столовую. В фойе школы. В спортивный зал. В закуток у шкафчиков. В туалет, где какая-то малышка с аккуратными, по-армейски тугими косичками вскидывает на него возмущенный взгляд.

— Только для девочек! — буркает она.

«И всю жизнь так», — думает Кевин.

Его беспокойство начинает нарастать. Не то чтобы он боялся, что не найдет ее — найдет, конечно, но хорошо бы поскорее. Меньше всего им обоим нужно, чтобы в школе узнали об этом фокусе с исчезновением. Эйдин и так по уши в проблемах, и на этот раз ему вряд ли удастся умаслить школьное начальство.

Кевин уже заканчивает обход коридоров Миллберна, когда на экране телефона вспыхивает надпись:

«Россдейл». Что там опять? Мама сделала непристойное предложение какому-нибудь пожилому джентльмену в темном углу? Или приперла к стенке старушку в инвалидной коляске и замучила бесконечным монологом о том, как несправедливо и неправильно брать плату за парковку в деревне? Кевин привычно и торопливо переадресует звонок на голосовую почту.

Откуда ни возьмись навстречу ему выскакивает мисс Мерфи, но он не пугается: в своих бифокальных очках, похожих на два куска пуленепробиваемого стекла, она наверняка ничего не видит дальше своего носа. Кевин без труда выскальзывает за школьную дверь. Эта игра в прятки, которую затеяла Эйдин, ему определенно не по душе, и она становится все менее увлекательной с каждым новым участком, который он прочесывает. Кевин останавливается, стараясь отключиться от шума и других отвлекающих факторов, но в голову не приходит ни одной идеи, куда могла подеваться его дочь. С нарастающим беспокойством он отправляется на поиски по второму кругу, начиная со спальни.

Дочкина кровать предсказуемо оказывается небранной — на ней, единственной из восьми, пуховое одеяло скомкано и сползает со стандартного школьного матраса почти до пола. Простыня, сбившаяся со всех углов, выглядит так, будто Эйдин тут не спит, а занимается вольной борьбой. Кевин открывает ее тумбочку: дезодорант, большущая палетка теней с оттенками «металлик», пробник туалетной воды. Неожиданно стереотипный девчоночий набор для такой девушки, как Эйдин. Кевин натягивает простыню на кровать, а затем в отчаянии бьет кулаком по плоской подушке, но кулак натывается на что-то твердое, на какой-то прямоугольный предмет под наволочкой.

Это оказывается спиральный блокнот, весь испещренный пометками «ЛИЧНО» и «СЕКРЕТНО». Кевина слегка утешает то, что дочери, по крайней мере, есть куда слить все, что творится у нее в голове. Он сует блокнот обратно в наволочку, но несколько выданных страниц падают на кровать. Кевин решает, что это знак.

*У меня идеальная мать,
Но лица ее не прочесть.
Если нужен совет,
Никогда ее нет,
Так чего же от жизни мне ждать.*

Кевин пытается вникнуть в смысл стихов и ничего не понимает. Вроде как типичные наигранные подростковые страдания, но он с невольной грустью ощущает, как по-взрослому цинично звучат эти слова, как веет от них какой-то неотвратимой катастрофой. И тоской.

Эйдин тоскует?
Он берет второй листок.

*Построила б я лодку
Простую, для себя,
Спустила бы на воду
И отплыла в моря.
Сестрица бы стояла
Одна у бережка,
А я б взялась за весла
И крикнула ПОКА!*

У Кевина слегка кружится голова: его дочь, его странноватая, умная, упрямая Эйдин пишет, или, по крайней мере, пытается писать, и у нее получается.

Она жаждет истины, как в свое время жаждал он. В приливе чувств он не сразу замечает какое-то шевеление в комнате. Перед ним стоит девушка в мятой школьной форме. Ее темные волнистые волосы с ядовито-розовыми, как тянучка, прядями обрамляют острое лицо, сплошь усыпанное веснушками.

Девушка словно не замечает Кевина, хотя подходит совсем близко, к соседней кровати. Кевин сует листы с шокирующими откровениями обратно в блокнот и убирает.

Он притворно покашливает.

— Я ищу Эйдин Гогарти. Ты ее не видела, случайно?

Девушка встряхивает крашеными прядями и выдвигает ящик под кроватью.

— Ты ее подруга?

Молчание. Наконец она говорит:

— Вроде того, — и начинает скидывать кучу блузок друг на друга с каким-то тоскливым безразличием. — А вы ее отец?

— Да, и мне очень нужно ее найти. Иначе ей мало не покажется, она и так уже влипла.

Девушка пожимает плечами.

— А тебе разве не нужно сейчас быть на уроках?

Девушка не отвечает, и Кевин отворачивается. Надо бы вернуться к поискам, но он в полном тупике: он ведь и так уже обошел все доступные для учениц закоулки Миллбернской школы.

Несмотря на ледяное молчание юной леди, воспитание требует попрощаться с ней. Она пристально разглядывает себя в зеркало, привинченное к дверце тумбочки с внутренней стороны, и мажет под глазами какой-то липкой гадостью телесного цвета из тюбика. Кевин замечает в верхнем углу зеркала наклейку: радужные мыльные пузыри складываются в буквы «БРИДЖ».

— Бриджид Кроу?

Она недоуменно кивает и бросает в сумку несколько баночек с компактной пудрой и блеском для губ.

— Ага... — говорит Кевин, взглядываясь в ее лицо пристальнее: теперь ему кажется, что веснушки придают этому лицу вызывающий вид. — Ты и сама влипла.

Бриджид презрительно фыркает.

На экране телефона всплывает сообщение от Мика, и Кевин механически читает:

«Мама клянется, что видела сегодня утром, как твоя мама проехала на велосипеде мимо дома! Совсем свихнулась».

Тут же приходит второе сообщение:

«В смысле моя мама свихнулась. Вечером по пивку?»

Кевин убирает телефон в карман.

— Ты, кажется, куда-то собираешься?

— Да, в новую собачью дыру.

Хоть она и старается говорить пренебрежительно, но голос у нее вздрагивает, и Кевин начинает понимать, что привлекло его дочь в этой девушке. Что там у нее за история? Ее имя довольно часто звучало в доме, когда Эйдин в первый раз приехала на выходные, но теперь Кевин не может припомнить ни одной детали, кроме того, что у отца какая-то гламурная профессия.

— Тебя что, исключили?

— Нет.

Значит, раздражает Кевин, и его дочери это, вероятно, не грозит. Пока.

— Но ты куда-то уезжаешь?

— Они позвонили моему отцу. Он говорит, что эта школа дерьмо — строгости не хватает. Ему-то откуда знать.

— Ну, видишь ли, мы знаем больше, чем вам кажется. Если мы выходим из себя, для этого обычно есть причина.

— Он здесь даже не был ни разу.

— В школе?

— Ни разу.

— Даже в первый день?

— Ни в первый, ни в последний. — Она застегивает сумку и идет к двери.

— Ну что ж, — говорит Кевин, ощущая невольное сочувствие к Бриджид Кроу, несмотря на все дурное влияние, которое она оказала на его собственную дочь. — В общем... Раз так, желаю тебе удачи.

Она шагает к выходу и у самой двери оборачивается.

— Поищите у реки.

— Что?

— Это через дорогу, под мостом. Мы туда ходим иногда после уроков.

45

Они гонят по автостраде, и, особенно после того как бабушка едва не сшибла зеркало обгоняющему их такси, Эйдин то и дело вспоминает растущее папино убеждение, что у Милли Гогарти пора бы отобрать ключи от машины. Одной рукой Эйдин держится за ручку дверцы, а другой стирает из телефона все новые и новые свидетельства нарастающей паники родителей, безуспешно пытающихся ее найти. Вот только что от папы:

«СЕЙЧАС ЖЕ ПОЗВОНИ МНЕ ГДЕ ТЫ»

Капслок не так смущает Эйдин, как вопиющее отсутствие пунктуации. Папа не из тех, кто способен просто забить на грамматику — он помнит о ней в любых обстоятельствах. А это значит, что сейчас обстоятельства абсолютно из ряда вон выходящие.

В Маргите Эйдин не сразу сдалась под напором бабушкиных доводов. Мама с папой — так начала бабушка — совсем не дают Эйдин принимать самостоятельные решения. Верно? Еще бы. Они вообще обращаются с ней как с маленькой, правда? А ведь ей уже шестнадцать. В свое время бабушка знала девушек, которые в этом возрасте уже чуть ли не замуж выходили. Такая назойливая опека совершенно неприемлема — уж она-то, бабушка, понимает это как никто. С ней ведь точно так же обходятся: то лгут ей о несуществующей сделке с полицией, то засовывают

в этот дом ужасов, где «клиенты» один за другим дуба дают, а кто еще живой, тот или бред несет беспрестанно, или собирает какие-нибудь дурацкие безделушки. Так может, Эйдин пора уже иметь собственное мнение в каких-то вопросах? Ума у нее для этого более чем достаточно, в этом бабушка уверена.

Все это звучало как-то неубедительно. Потом бабушка сказала, что есть шанс найти Шона, хотя, добавила она, он мог быть и в курсе мошенничества.

— Не думаю, — возразила Эйдин. — Не может такого быть. Но все равно, он же не хочет меня видеть.

— Откуда ты знаешь?

В конце концов бабушка подняла на нее глаза раненого оленя и проговорила нарочито слабым голосом, что и возымело действие:

— Думаю, одна я не справлюсь.

В комнате стало тихо: Эйдин, сраженная бабушкиной беспомощностью, уже начала представлять, как бежит из Дублина, где проблемы наступают на нее со всех сторон, на время, конечно, садится в самолет и летит в Америку. Она никогда не была в Америке.

— Мы ведь улетим самое большее на несколько дней, — продолжала бабушка, — только чтобы сходить в полицию, понимаешь, а твоим маме и папе я потом скажу, что это была моя идея.

— Но мы же даже не знаем, где они. Это просто смешно! До сих пор мы считали, что они в Нью-Йорке.

— Да что им там делать? Это была очередная ложь — просто потому, что все самые крупные больницы в Нью-Йорке. — Бабушка встала посреди гостиной и потрясла в воздухе коричневой багажной биркой, которую стащила у Сильвии несколько недель назад. — Домой она уехала, Эйдин, я даже не сомневаюсь. Сидит сейчас, наверное, в ресторане «Мишлен», три звезды, и уписывает свой ужин в... — Она

щурится, пытаясь получше разглядеть бирку. — Что тут написано?

— Клируотер.

— Вот в Клируотере она сейчас и есть. Привет и наилучшие пожелания!

— Ну, не знаю, — сказала Эйдин. — Это как-то чересчур. Это безумие. И у меня и так уже полно неприятностей.

— Вот именно! — Бабушка похлопала ее по рукам, словно считая, что разговор окончен. — Как раз у всех будет время остыть. И, в конце концов, что тебе терять?

***

Первая задача заключалась в том, чтобы отыскать ключи от бабушкиной машины, которые Эйдин обнаружила на том самом крючке, на котором им и полагалось висеть. Таким образом, Эйдин уже доказала свою незаменимость. Потом началась суматоха со сбором вещей и выковыриванием жалких остатков бабушкиных наличных из треснувших мисок, карманов штанов с начесом, кошельков, две двадцатки нашлись даже в морозильной камере. В общей сложности они насчитали около трехсот евро — плюс кредитка, которую бабушка когда-то взяла, чтобы купить в кредит пылесос.

Но сейчас, пока они едут в аэропорт, чтобы самовольно отправиться в заграничное путешествие, у Эйдин еще есть время подумать. В конце концов, одно несомненно: после такого на нее наверняка обрушится невообразимая лавина дерьма, даже если бабушка и правда согласится ее прикрыть.

«ГДЕ ТЫ ПОЗВОНИ»

Звонок от мамы, за ним второй, третий, и еще, и еще... Эйдин колеблется: если она сейчас откажется

от этой авантюры, это ей все же как-то зачтется. Она бросает взгляд на папину маму: та крепко сжимает руль и глядит на дорогу. Сама Эйдин вот-вот описается от страха, а у бабушки вид совершенно бесстрашный.

Они бросают «Рено» на долгосрочной стоянке. Сколько же он теперь там простоит? Проходя через автоматические двери, бабушка выбрасывает корешок парковочного талона в корзину. Эйдин не может понять (а спрашивать не решается), что это может значить.

— Быстрее всего здесь можно проскочить на инвалидном кресле, — объявляет бабушка таким тоном, будто ей не привыкать проделывать подобный трюк.

Раздобыв кресло, Эйдин катит бабушку мимо гигантской очереди прямо к билетной кассе. Бабушка рассчитывает потратить на билеты неиспользованный кредит за свою отмененную поездку, но процедура оказывается слишком сложной, а времени у них нет. Делать нечего — она извлекает из глубин своего декольте кредитку, и красноватая кожа у нее на груди собирается в складки, словно кузнечные мехи. Им везет: они успевают купить (по астрономической цене) билеты на ближайший рейс — последний рейс во Флориду, на который уже вот-вот начнется посадка.

Эйдин везет бабушку мимо гигантских толп шумно ссорящихся, уже до смерти утомленных путешествиями семейств. С посадочными талонами в руках они становятся в VIP-очередь на досмотр, и служащий аэропорта обыскивает бабушку, а та, наслаждаясь таким вниманием, безостановочно сыплет комментариями, словно не замечая очевидного дискомфорта своего неулыбчивого совратителя. Нечего и говорить, что Эйдин при виде всего этого мучительно краснеет от неловкости.

Она уже и забыла, как часто за бабушку приходится краснеть.

И все же это... почти весело. Проходить через терминал, проверять и перепроверять на мониторах время посадки и номер выхода — не изменились ли (бабушка, с важным видом восседающая в кресле, ничего не понимает в правилах работы аэропорта), держать в руках посадочные талоны (бабушка наверняка посеяла бы их где-нибудь между справочным окошком и женским туалетом) вместе с бумажником, где лежит весь их пугающе скудный запас наличных. Даже подростку понятно, что трехсот фунтов хватит ненадолго.

И все-таки... На ходу бабушка то и дело машет рукой каким-нибудь ребятишкам, и на любой бегущей дорожке люди чудесным образом расступаются перед ними. У бабушки свой способ взаимодействия с миром, пусть даже он явно готов списать ее в утиль, и Эйдин уже начинает этим восхищаться. «Фантастика», — думает она.

«ПОЖАЛУЙСТА ПОЗВОНИ КАК ТОЛЬКО ПОЛУЧИШЬ Я ВОЛНУЮСЬ»

Они уже входят в огромную, недавно заново отделанную зону дьюти-фри, где их попутчики под бабушкино громогласное неодобрение в каком-то безумном раже хватают все подряд: ароматизированные лосьоны для тела, хрустальные вазы, огромные упаковки шоколадных конфет, чехлы для сотовых телефонов, все в зигзагообразных полосках, кошельки с овечками, фарфор, сплошь расписанный трилистниками. Бабушка на все это только фыркает и показывает на холодильные витрины рыбного магазина.

— Во Флориде такого не найдешь, — говорит она, выбирая вакуумную упаковку с копченым лососем.

— Во Флориде нет рыбы?

Стоя за спинкой бабушкиного кресла, можно закрывать глаза сколько хочешь.

— Ирландской нет, птенчик.

— Бабушка, — говорит Эйдин, — где же мы будем это есть? Может, там и кухни не будет?

Эйдин видит бабушкино лицо, и ей тут же хочется забрать свои слова обратно. Она вовсе не хочет ее обижать, просто ей пока трудно представить себе их ближайшее будущее. Мотель? Высотное здание? Палатка на пляже? Для Эйдин Флорида — пестрая мешанина фантазий, порожденных бесконечными голливудскими фильмами и интернетом. С таким же успехом это может быть Лос-Анджелес, Сан-Диего или Атланта. Фастфуд, обросшие щетиной серферы в гидрокостюмах, открывающих грудь ровно настолько, насколько нужно, Диснейленд, оплывшие мужики с золотыми цепями и непременно ящиком пива поблизости, оплывшие тетки в теннисных козырьках, с поясными сумочками неоновых расцветок. Что они с бабушкой будут делать после посадки? Угонят инвалидное кресло и будут изображать детективов в Клируотере? Забронируют номер и будут питаться копченой рыбой, пока не исчерпают свои жалкие денежные резервы?

— Ладно, бери, — говорит Эйдин. — Съедем в гостинице, да?

— Ах ты моя зайка.

— А как насчет сосисок? Можно еще вот эти взять.

— Не беспокойся, я уже взяла.

— Ты положила сосиски в ручную кладь?

— Нет! Кто же кладет сосиски в сумочку, что ты, дружок.

— Я знаю, бабушка. Но в багаж их тоже нельзя класть. Во-первых, это просто неприлично. Нельзя же...

— Если честно, меня больше беспокоит ветчина.

— Может, ты и яйца взяла, бабушка? Зажарим яичницу перед выходом на посадку.

Бабушка смотрит на нее, вывернув шею, и улыбается.

— Ну прямо вылитый отец.

В неласковом свете казенных ламп бабушкины глаза светятся теплотой, но они совсем провалились в бездонные глазницы, которые Эйдин всегда казались самой характерной чертой бабушкиного лица. Какая же она уже старая.

Сумасбродную старую даму

Укротить все желали упрямо...

— Эйдин, послушай меня... Ты слушаешь?

— Скоро объявят посадку, лучше не задерживаться.

— Сейчас пойдем. Но послушай: пока что нельзя разговаривать ни с мамой, ни с папой, Нужно протянуть время. Вот устроимся там, тогда и сообщим им, что с нами все в порядке. Хорошо? Сейчас важно не навести их на след, понимаешь? Так что никаких сообщений, никаких звонков. Иначе твой отец из штанов выпрыгнет. Первым же самолетом рванет во Флориду, и тогда наша песенка спета, как говорится.

— Не рванет.

— Рванет, дружок. Ты же его знаешь. Мигом примчится и вернет нас домой, можешь не сомневаться.

— Не примчится, — говорит Эйдин. — Не сможет.

— Еще как сможет.

— Я сделала кое-что ужасное.

— Что, рыбьих глаз ему в кофе подсыпала?

Эйдин смотрит на бабушку. Ей хочется откусить ей голову. Выцарапать глаза.

— Это не смешно.

— Ну прости, детка. Ты права. Прости. Меня занесло.

— Это вообще ни разу не смешно!

Бабушка виновато опускает голову, Эйдин занимает свое место за спинкой кресла, и они молча катят к стойке. Тут же она обнаруживает, что долго сердиться на бабушку почему-то не получается. Да, ее бестактная шутка ударила по больному, но ведь Эйдин и сама хороша, так что, можно считать, получила по заслугам. В конце концов, она ведь и правда уложила женщину в больницу ни за что ни про что. Наделала дел.

— С ней все будет в порядке, — говорит бабушка, отсчитывая кучу мелких монет. — Она поправляется, ты же помнишь? Состояние стабильное. — Там, в Маргите, Эйдин согласилась лететь в Америку только после того, как бабушка, выдав себя по телефону за директора Миллбернской школы, выяснила, что Бликленд уже лучше. — Стабильное — это же хорошо.

— Тебе так прямо и сказали?

— В точности.

Они расплачиваются за рыбу и идут к своему выходу. Уже перед самой посадкой Эйдин понижает голос, хотя рядом никого нет, да никому и не интересны их разговоры, наклоняется к бабушке и шепчет ей на ухо о том, куда спрятала отцовский паспорт.

46

Отрезок реки, где она протекает через Миллберн, с дороги не виден. Кевин сворачивает в заросшую сорняками рощицу, из-под лохматых кустов тут и там выглядывает то упаковка от презерватива, то раздавленная пивная банка. Кевин доходит до конца длинной, скрытой от глаз тропинки и вскоре обнаруживает, очевидно, то самое излюбленное место девочек. Они оставили после себя целую кучу явных улик: окурки, пустой спичечный коробок, смятые банки из-под газировки. Кевин без особого воодушевления окликает Эйдин, но уже понимает, что ее здесь нет: это место кажется давно заброшенным. Он плюхается на землю и прислоняется спиной к большому камню. Там, в «Фэйр», Роуз Берд грозила его закопать — выпад не только злобный, но и нелепый. Он только что потерял дочь — буквально и жену — фигурально выражаясь. Его профессия скоро будет никому не нужна. Его вклад в семейный бюджет сейчас равен нулю. А писательская карьера, о которой он некогда мечтал? Когда он последний раз писал что-то, помимо описаний диет знаменитостей или содержимого сумочки от кутюр какой-нибудь инженеру?

Куда его еще глубже закапывать?

Телефон звонит. Снова, уже в который раз за сегодняшний день, Кевин сбрасывает звонок из «Россдейла». С одной стороны, он пытается уверить себя, что

Эйдин жива и здорова. Просто убежала куда-нибудь поплакать или отправилась домой. Но другая, более глубинная часть его «я», та, что владеет любым родителем с младенческого возраста его детей, обмирает от ужаса и вызывает в воображении самые дикие картины: Эйдин ранена, без сознания, ее похитили, изнасиловали, она умирает, она уже умерла.

Перед ним густая гряда леса, серебристая березовая рощица и дикие заросли кустов. На другом берегу появляется какой-то мужчина. Сначала Кевину кажется, что это просто пьяный: он ковыляет, путаясь в своем плаще и шатаясь — растрепанный, жалкий. Но полоска бледной кожи между подолом плаща и ботинками — а потом удается разглядеть и ремень — говорит Кевину все, что нужно знать. Он вскакивает, выпятив грудь и задыхаясь от злости.

— Эй! — орет он.

Этот крик производит эффект почти комический. Мужчина весь съеживается, словно от удара, а затем разворачивается и удирает — так быстро и ловко, что Кевин не успевает израсходовать свой запас адреналина, и он пропадает даром. Страх вновь поднимает голову, а вместе с ним и все воображаемые несчастья, и его собственные демоны-близнецы — раскаяние и чувство поражения. Не в силах справиться с этим, Кевин запрокидывает лицо к небу и кричит от бессильной тоски.

Милли разглядывает ламинированную карточку с хитроумными схемами действий в случае аварийной посадки. Целая семья в спасательных жилетах с довольно веселыми лицами съезжает в океан по гигантскому желтому надувному матрасу, так и слышишь их восторженные возгласы «у-и-и!». Милли сует карточку обратно в кармашек на спинке сиденья, вслушивается в поток объявлений, звучащих откуда-то сверху, и узнает, что отключение или повреждение датчиков дыма в этом самолете запрещается федеральным законом. Это напоминает ей о пачке сигарет, лежащей в сумочке. Она нашла их еще в Маргите — роскошную, еще даже не распечатанную, бордовую с золотом пачку. Эта находка кажется ей знаком: очевидно, мироздание хочет дать ей некоторое послабление. «Делай что хочешь, — как бы говорит оно, — и решения не спрашивай». Неужели это действительно было всего несколько часов назад? Удивительно, как это один день может оказаться таким насыщенным, а другой — таким пустым.

Сразу после взлета их здорово трясет, и при каждом толчке турбулентности Милли борется с приступами синдрома Туретта — ей хочется без конца повторять вслух: «Твою мать, твою мать, твою мать!» Внучке она этого страха, конечно, старается не показывать, но Эйдин все равно ни черта вокруг не

замечает. Блаженно неуязвимая для осознания собственной смертности, она сидит в своих фиолетовых наушниках и смотрит какую-то кровавую белиберду с бесконечными взрывами, летящими по воздуху трупами и стрельбой, с планетами и городами, разрушающимися за доли секунды. Милли тихонько берет свою сумочку и вскоре уже, щелкнув замком на хлипкой дверце в туалете, закуривает сигарету. Ах! Она с наслаждением чувствует, как легкие наполняются дымом. Просто упивается этим ощущением. Придя в себя, она видит, что тесная комнатка полна дыма. Но тревожного сигнала пока не слышно, и никакой сотрудник ФБР в туалет не ломится. И датчика, кстати, нигде не видно. Все это чепуха, как она и подозревала. Кому может помешать маленькая старушка с сигаретой.

Несмотря на всю ее бравату в аэропорту, стоило ей мельком заглянуть в кабину, похожую на космическую станцию, как она поняла: за долгие годы, что прошли с того дня, как она в последний раз ступила на борт самолета, она стала бояться летать. Пусть статистическая вероятность авиакатастрофы примерно равна вероятности того, что во время невинного заплыва на рассвете тебе откусит ногу гигантская белая акула, — все равно Милли не может не думать о том, не рухнет ли этот самолет в один прекрасный момент... а семь часов — огромный срок в ожидании такого бедствия, целая зияющая пропасть, ежесекундно грозящая гибелью. Как и большинство ее попутчиков, Милли понятия не имеет, что за сила держит эту стальную громадину в воздухе. Она просто села в эту штуку — сознательно не желая ни о чем думать, или по глупости, или в надежде на лучшее. Постойте-ка, думает она, кажется, тут все дело в том, как воздух скользит под крыльями... или над крыльями?

Услышав стук, Милли вначале не отзывается. Стук становится настойчивее, и тогда она кричит:

— Придется подождать! Расстройство желудка!

У кого не пропадет охота сюда соваться после таких пикантных подробностей? Докурив, Милли бросает окурки в лужицу дезинфицирующей жидкости в унитазе и смотрит, как он крутится и исчезает в водовороте. Затем тщательно моет руки, чего вообще-то обычно не делает: современное помешательство на гигиене и бактериях, как и другие современные помешательства, кажется ей абсурдным.

Когда Милли Гогарти выходит из туалета, следом выплывает довольно заметное облачко дыма. Прямо перед ней стоит встревоженная стюардесса с тугим узлом на затылке. Темные волосы по краям обрамляют неестественно рыжую сердцевину — будто ядро кометы. Милли кивает стюардессе и идет мимо.

— Эй, погодите-ка. Что вы там делали? — Стюардесса (на ее табличке написано «Карен») принохивается. Ну и лицо у нее! — Вы сейчас...

С ума сойти!

— Вы курили?

Что-то в голосе Карен напоминает Милли Сильвию Феннинг. Дело не только в том, что эта женщина тоже американка: странная, не ирландская манера выделять интонацией совсем не те слова режет ее дублинский слух. Милли обмирает. Что сказать? Но тут же соображает: лучше совсем ничего не говорить. Притвориться немой. Правда, она тут же с тревогой думает: а как же изобразить немоту? Вот глухоту было бы легче, если бы только она знала пальцевую азбуку.

— Мэм? — Карен удерживает Милли за руку. — Вы сейчас курили там?

Напротив открывается дверь другого туалета, и из него выходит молодой парень в одних носках (это

в общественном-то месте!). Из-под грязной серой футболки свисает неприглядный, словно бы полупрозрачный живот. Парень принюхивается, поглядывает на них с некоторым любопытством и уходит, пробормотав: «Во дают!»

Милли прикладывает к губам скрещенные пальцы. Карен, не обращая на это внимания, входит в туалет и видит висящие в воздухе клубы дыма.

— Ну, елки... — вырывается у нее. — Не двигайтесь.

При виде такой реакции Милли чувствует, как в сердце вползает настоящий ужас. В воображении тут же возникают пренеприятные картины: ее вытаскивают из самолета, волокут по трапу. На нее надевают наручники, ее арестовывают, допрашивают, обыскивают, штрафуют, сажают в тюрьму, депортируют... Начав представлять себе все это, Милли уже не может остановиться. Вряд ли она еще когда-нибудь решится отправиться в такую поездку. Еще один пункт в ее постоянно пополняемом списке «не»: никогда не ездить за границу, никогда не вступать ни в какую команду, никогда не браться нянчить младенцев, никогда не делить ни с кем постель. А с ней ведь еще Эйдин. Ее тоже депортируют? Эта мысль кажется невыносимой. Сейчас, когда они уже в пути!

Карен обшаривает глазами крошечную кухоньку у них за спиной, и ее взгляд останавливается на красном телефоне, висящем на стене.

— Бабушка?

В довершение всего в проходе появляется Эйдин. Наушники висят у нее на шее, как близнецы-детеныши какого-нибудь млекопитающего, и из них доносится мелодия поп-песни.

— Это моя бабушка, — говорит Эйдин. — Что-нибудь случилось?

— Ваша бабушка?

Эйдин вопросительно смотрит на Милли.

— Она долго не возвращалась, я уже начала беспокоиться.

— Она может говорить?

— Да, конечно, может! Бабушка?..

Милли пытается внушить ей: «Будем делать вид, что я немая», но Эйдин только смотрит озадаченно.

— В общем, я только что застала ее за курением в туалете. По сути, это нарушение сразу трех законов. — Лицо у Карен краснеет. — Стойте здесь, — приказывает она и снова делает шаг к телефону.

Когда появилась Эйдин, Милли почувствовала неожиданное облегчение: все-таки поддержка. Но куда там — достаточно взглянуть на нее. Плечи еще совсем детские (и Милли с болью понимает: она только что взвалила на эти плечи еще одну тяжелую ношу). На тонком запястье широкая полоска плетеных браслетиков из резинок. Футболка с надписью: «Ламы не любят драмы» и нарисованной ламой. Все это яснее ясного говорит о том, что перед ними всего лишь легкомысленный подросток.

— Подождите, не надо! — кричит Эйдин. — Вы не понимаете. Моя бабушка... — Эйдин оглядывается на Милли. — Скажи что-нибудь!

Милли в ответ делает единственное, что приходит ей в голову, а именно — подмигивает. Это едва заметный и, однако, рискованный жест. Но, к счастью, взгляд Карен все еще прикован к ее внучке.

— Моя бабушка, она... — говорит Эйдин, корчит бессмысленную рожу, закатывает глаза и крутит пальцем у виска: жест, на всех языках обозначающий слабоеумие. — Она не в себе.

— Вы хотите сказать, что у нее болезнь Альцгеймера или что-то в этом роде?

— Да.

«Недурно», — думает Милли, однако врет Эйдин не очень убедительно. В глаза почти не смотрит, и щеки у нее так и пылают — этот огненно-красный ирландский румянец невозможно скрыть.

— На нее иногда находит, она убегает и выкидывает такие штуки. Она, должно быть, забыла, где находится. — Эйдин ласково кладет руки Милли на плечи. — Это я, бабушка. Ты же меня помнишь, да? Я Эйдин, дочь Кевина. Ты летишь в самолете, а в самолете нельзя курить — помнишь, мы с тобой об этом говорили?

Милли смотрит на Эйдин.

— Боже мой... — говорит Карен. Милли так тронута игрой Эйдин, что будто бы и правда онемела. — И вы ее опекаете?

Эйдин кивает.

— Иногда она даже не помнит, кто я такая, а ведь я ей самый близкий человек.

И то и другое, думает Милли, в каком-то смысле чистая правда.

— Сколько же вам лет?

— Восемнадцать. — Эйдин снова краснеет. — Мне очень жаль, что так получилось. Идем, бабушка, давай вернемся на свои места.

Милли опускает голову, словно запуганная собачонка или одна из тех бедолаг в «Россдейле».

— Погодите минутку. — Карен понижает голос. — Мне нужны все ваши данные. Я обязана об этом сообщить.

— Ой, нет! — восклицает Эйдин. — Не надо, пожалуйста. Это была ошибка. Моя ошибка. Я задремала. Это больше не повторится. Обещаю вам. Клянусь, я буду пить кофе до конца полета. Ни на минуту глаз с нее не спущу. А сигареты мы у нее заберем — отдай мне их, бабушка.

— Ох, милая моя. — Карен печально качает головой. Узел волос тоже качается, будто гладкий неподвижный камень. — Я знаю, что это больше не повторится. Но у меня нет выбора. Я должна сообщить об этом: у нас есть четкие инструкции на этот счет. Да вы не пугайтесь так. Я расскажу капитану все как было. Капитан Тайлер все понимает.

— Но что тогда с нами будет?

— Я не... по правде говоря, я в первый раз с таким сталкиваюсь. Но могу вас заверить, что он замечательный парень, и я ему все объясню. Возможно, с ней захотят поговорить, когда вас высадят в Орландо.

— Что?.. Нет! — говорит Эйдин. — Боже мой. Пожалуйста, не надо.

— Но поскольку она человек пожилой и, так сказать, не совсем здоровый...

— Нет! Вы не можете так поступить! Тогда все пропало! — восклицает Эйдин. — Пожалуйста, пожалуйста! Это была ошибка. Эта поездка..., Бабушка всю жизнь хотела побывать в Америке, это была ее мечта, но ей пришлось слишком долго ждать, и вот теперь она уже в таком состоянии... у нее началась болезнь Альцгеймера, и это было ужасно. — Милли с изумлением видит у нее на глазах слезы, так похожие на настоящие. — В общем, мы решили все-таки подарить ей эту поездку, ее последнюю поездку в Америку. Она так мечтала.

Милли подхватывает ее игру.

— Мы едем в Америку?

***

Не проходит и двадцати минут, как Милли уже жадно глотает двойной скотч и безуспешно пытается заставить Эйдин взглянуть в ее сторону. Внучка не

разговаривает с ней с тех пор, как Карен отпустила обеих Гогарти — после прочувствованной речи, начавшейся с признания, что ее тесть тоже страдает болезнью Альцгеймера, и закончившейся словами: «Кажется, я поступаю вопреки своим убеждениям». Она чуть было не задушила Эйдин с Милли в долгих объятиях, перегородив проход двум пассажирам и второй стюардессе. Это был волнующий момент. Милли была так тронута и благодарна, так прониклась состраданием и великодушием американки, что едва удержалась от мгновенного порыва — признаться Карен в их обмане.

Эйдин устроила грандиозный спектакль, даже слегка переигрывала: заботливо протянула руку своей бедной, старой, выжившей из ума бабуле и повела ее по проходу к сиденьям. Но как только Милли щелкнула ремнем безопасности и прошептала: «Это было шоу века, птенчик», — птенчик обжег ее свирепым взглядом.

— Не говори мне ни слова, — прошипела она. — Ни слова. — После чего закрыла глаза и отвернулась.

Внезапно самолет начинает потряхивать — сначала легонько, а потом по-настоящему, словно включился отбойный молоток. Если выглянуть в окно, кажется, что они со всех сторон окружены белым туманом сбившихся в кучу облаков. Бутылочка виски, пластиковый стаканчик Милли, банка воды и чашка Эйдин дрожат и подпрыгивают на откидных столиках. Самолет вновь страшно ныряет вниз, в животе у Милли что-то падает вместе с ним, и тут же раздается общее «ах!». Где-то заходится в плаче ребенок. Милли чувствует, как чьи-то горячие пальцы сжимают ее руку, и встречает испуганный взгляд внучки. Милли еще никогда не видела ее такой встревоженной. Неужели они решились на свой дерзкий побег в Америку

только для того, чтобы погибнуть в ледяном Атлантическом океане? Удастся ли им спастись на этих желтых плотках?

Турбулентность усиливается. На ногу Милли падает мобильный телефон, чья-то книжка в мягкой обложке вылетает в проход. На всех телеэкранах по всему огромному салону изображение одновременно дергается и замирает: на одном экране Том Хэнкс, на другом размытые садовые цветы. Некоторые хладнокровные пассажиры продолжают читать, но почти все прочие, как и Гогарти, кажется, даже дышать перестают. Раздается низкий голос пилота, и он звучит до странности интимно, словно у него тут любовь со всеми сразу, словно этим хриплым бормотанием он пытается успокоить своих близких друзей — пассажиров.

Милли крепко сжимает в руке внучкины пальцы, а другую ладонь кладет сверху. Они похожи на спортсменов, собирающихся с духом перед первым свистком, и ни одна не хочет разжать руку. Проходит несколько минут, и самолет выравнивается. Тучи пропадают из виду, телевизоры снова начинают работать.

48

Впервые ступив на американскую землю, Эйдин с трудом отгоняет от себя воображаемую картину — как их допрашивают в недрах международного аэропорта Орlando. Причиной катастрофы может стать хоть бабушкин перекур на борту, хоть папа, выследивший их, хоть те самые контрабандные сосиски. Однако они беспрепятственно проходят по запутанному лабиринту огромных помещений с работающими во всю мощь кондиционерами. Тут все гигантское. Бегущие дорожки, коридоры-лабиринты, указатели, сами американцы. Америка, по крайней мере в первые несколько минут, совершенно ошеломляет Эйдин. Молча, как овцы за стадом, они идут за толпой людей, которые, судя по всему, знают дорогу.

Наконец они вливаются в пугающе огромную очередь растерянных иностранцев. Сотрудники таможни в аккуратной форме, с черными пистолетами на поясе, громко поясняют, как пройти в огороженный лабиринт. Когда подходит их очередь, сидящий в кабине сотрудник сличает их лица с фотографиями и пропускает оба паспорта через автомат, который издает серию сигналов. На мгновение Эйдин не сомневается, что они влипли: в помещении охраны уже сработала сигнализация, сейчас бабушку арестуют за похищение, и она, Эйдин, окажется в полной заднице.

— Вы приехали по делу или на отдых?

Бабушка улыбается и кладет локоть на стойку, кокетливо подпирая подбородок кулаком.

— Сложный вопрос.

Офицер вглядывается в ее лицо пристальнее.

— Что?

— На отдых и по делу немножко. *Soupeçon* — на кончике ножа.

— Прошу прощения?

— Никаких дел, — поспешно вставляет Эйдин. — Моя бабушка просто... — Она подыскивает нужное слово. Бесаячая. Безмозглая. Провокаторша. — Просто шутит. Она имеет в виду казино.

— В Диснейуорлде? — переспрашивает мужчина. — В Диснейуорлде нет казино.

— В Клируотере, — уточняет Эйдин.

— Так вы собираетесь ехать отсюда до самого Клируотера?

— А что, это далеко? — спрашивает Эйдин.

— Да нет, не очень. Но лучше бы вам было лететь через Тампу. Тампа совсем рядом с Клируотером. А отсюда часа полтора езды. — Он смотрит на бабушку и добавляет: — А может, и два с половиной. У вас есть водительские права?

— Мы прилетели не в тот город?

Эйдин сердито косится на бабушку.

— Да ладно, — говорит Милли. — Разберемся.

Полицейский кивает.

— А в Клируотере вы остановились в отеле? Или в арендованной квартире?

— Простите? — переспрашивает Эйдин.

— Вы не указали адрес в иммиграционной форме. — Он тычет пальцем в пустое место в нижней части формы, которую Эйдин заполняла в самолете. — А без адреса нельзя.

— Извините, но у нас нет адреса, — говорит Эйдин, и в голосе у нее звучит паника.

— Без адреса нельзя. Пожалуйста, отойдите в сторону...

— Не глупи, зайка. Как это нет? — Бабушка уже копается в своей сумке с диковинами. С таким видом, будто сидит у камина у себя в Маргите, начинает выуживать оттуда разные вещи и выкладывать на стол: грязную салфетку — не то в крови, не то в кетчупе, мяч для гольфа, пузырек с огромными буквами «диарея» на наклейке.

— О господи, — вырывается у Эйдин. Это уже выше ее сил.

— Сюда нельзя складывать вещи, мэм.

— Бинго!

Бабушка с победным видом потрясает багажной биркой Сильвии и тут же передает ее Эйдин, чтобы та списала адрес: Флорида, Клируотер, Виктори Тауэрс, 2895, квартира 208.

— Вот куда мы едем, — говорит бабушка, лукаво улыбаясь Эйдин. — Хотим повидаться с нашей старой подругой, Сильвией Феннинг.

***

Получив официальный доступ в страну и свободу, пусть временную, от всех домашних проблем, о которых Эйдин изо всех сил, с переменным успехом, старается не думать, они с бабушкой вновь вливаются в движущийся поток. Перед ними распахиваются массивные матовые раздвижные двери и открывается шумный, суматошный зал прибытия. Впереди стоят целые толпы мужчин с распечатанными или нарисованными от руки плакатами на совершенно незнакомых Эйдин языках.

Эйдин с бабушкой здесь, кажется, единственные, кто не в шортах. Прямо перед ними какая-то большая шумная семья в одинаковых футболках с надписью стразами «С возвращением, Таня!!!» отчаянно машет руками, бурно приветствуя довольную и смущенную Таню — хрупкую блондинку, тоже в шортах, которая со смехом тычет пальцем в самую маленькую из встречающих. Эта малышка сидит у одной из женщин на руках, и на ее распашонке вышито стразами точно такое же приветствие. Вся компания сбивается в кучу вокруг Тани, и вскоре ее уже не видно — можно разглядеть только ее ярко-фиолетовые вьетнамки.

Сквозь стену из сплошных окон и прозрачных вращающихся дверей, ведущих на улицу, льет свет ослепительное южное солнце. Эйдин вспоминает о доме и впервые за несколько дней улыбается совершенно фантастическому, отчаянному безрассудству их поступка. Она в другой стране — без разрешения мамы с папой. Без самих мамы с папой.

Бабушка останавливается.

— Как ты думаешь, где тут можно взять напрокат машину?

— Вряд ли нам стоит брать машину. Слишком далеко ехать.

— Там что написано — прокат? — спрашивает бабушка, щурясь на знак с надписью «такси».

— Мы заблудимся. Заедем куда-нибудь в Юту. Мы же совсем не знаем дороги.

После адской дороги в аэропорт мысль о том, чтобы ехать с бабушкой по флоридскому десятиполосному шоссе, да еще с непривычным правосторонним движением, вселяет в сердце Эйдин настоящий ужас.

— Ты никогда здесь не ездила, бабушка.

— Но какая разница?

Бабушка еще долго тараторит, упрямо отстаивая свою правоту: она уже шестьдесят лет за рулем, она водит как бог, Питер всегда говорил, что она виртуоз параллельной парковки. Наконец Эйдин сдается:

— Ну ладно, ладно.

Эйдин требует у бабушки кредитку для торгового автомата, — им не обойтись без работающего телефона — но когда они находят стойку автопроката, выясняется, что даже на самую дешевую машину уйдут почти все оставшиеся наличные.

— Мы должны действовать разумно, — говорит Эйдин, и они покидают аэропорт в поисках остановки автобуса.

49

Если бы дочь исчезла впервые, Кевину не пришлось бы вдобавок ко всему бороться с привычным раздражением, пробивающимся сквозь настоящий страх. Но он, как говорят янки, не новичок в этом родео. Уже было дело, когда Эйдин, смертельно оскорбившись во время какой-то домашней ссоры, запихала в коробку из-под обуви несколько мандаринов, блокнот и кроссовки и до самого вечера пряталась в церковной исповедальне. По накалу страстей эта драма получила высший балл, поскольку то была премьера. За ней последовали новые представления. Некоторое время спустя посреди относительно мирного семейного ужина она завелась из-за какой-то одной ей ведомой несправедливости. Только что сидела за столом, ела ньокки — а через минуту семейство Гогарти уже ошеломленно смотрело в окно, как их дочь и сестра, не снисходя до объяснений, размашисто шагает в сторону шоссе. По возвращении она сказала, что ей просто хотелось побыть одной, подумать, и она сидела на камнях в Баллок-Харборе.

Ну и ладно.

Пока что ему кажется, что звонить в полицию — это все-таки чересчур. Она наверняка где-то здесь, в Долки. Он едет в Баллок-Харбор, объезжает городок, проезжает мимо местного бара Финнегана, пары магазинчиков и кафе. С нарастающей паникой несется

в супермаркет, мечется, как угорелый, между полками с овощами, молочными продуктами и замороженными полуфабрикатами, стараясь не попасться на глаза слишком разговорчивому соседу. Ему уже плевать на все предыдущие ссоры — он готов ехать в самый дальний уголок страны, сделать все что угодно, лишь бы снова увидеть милую рожицу дочери, найти ее. Он обшаривает все тупики и переулки Долки, проезжает вдоль шоссе и заглядывает даже в бывшую школу Эйдин, хотя это уже с отчаяния: либо она гораздо хитрее, чем он думает, либо школа — последнее место на земле, где она станет искать убежища. Вот Нуалу он мельком замечает в актовом зале: она как раз стоит на сцене, самым буквальным образом находясь в центре всеобщего внимания.

Наконец становится окончательно ясно, что разговора с женой, которого он так боялся, все-таки не избежать. Кевин уже предчувствует, что опять окажется виноватым, что это чудовищное, безжалостное бремя взрослой жизни и взрослой ответственности всей тяжестью ляжет на него. Он останавливается на проселочной дороге: конечно, авария из-за разговора по мобильному на ходу могла бы поэтически завершить этот дерьмовейший из дней, но ему все же хочется избежать такого финала.

Грейс берет трубку после первого же звонка, и Кевин, только что готовившийся сообщить новость ровным, спокойным тоном, с ходу выпаливает:

— Эйдин пропала! Я не могу ее найти!

— Так. Так. Давай разберемся.

В критических обстоятельствах Грейс неизменно мобилизуется. Стресс ее словно бы даже успокаивает. И как же ему было не выбрать ее — женщину, органически неспособную допустить, что в их жизни может случиться что-то ужасное, женщину, почти

неуязвимую для тревоги. Для самого Кевина привычная зона комфорта — да что там, основной фон его существования, по крайней мере в последние дни — сплошной стресс.

— Где ты уже искал? — спрашивает Грейс.

— Везде.

— В школьной спальне ее нет?

— Она сбежала из школы. Я уже в Долки.

— Что?

— Она убежала после того, как заперлась в этой сраной кладовке. Как раз когда мы с тобой закончили разговор. Возвращаюсь, а дверь открыта.

После напряженной, тревожной паузы жена произносит раздражающе размеренным тоном:

— Ты ее упустил.

У Кевина становится горячо под мышками.

— Я не понимаю, чего ты хочешь, Грейс. Чтобы я буквально собственным телом подпирал дверь, которую она целый час не открывала? Или, может быть, ты хочешь сказать, что мне не надо было тебе звонить о таком серьезном происшествии? Я же не Эйдин, японский бог! Я не могу уследить, когда ей придет в голову выскочить из комнаты.

— Вот именно.

— И что ты хочешь этим сказать?

— О, ничего, Кевин, абсолютно ничего!

— То есть это я виноват.

— Я этого не сказала.

— Ты всегда так говоришь.

— Я только говорю, что когда я на работе, а ты остаешься с детьми, то ты за них в ответе. А выводы делай сам.

— Ах вот как, Грейс? Вот, значит, как? Я в ответе за детей? Вообще-то, если ты забыла, ты отстранила меня от всех отцовских обязанностей! Ты сама сказала, чтобы я не имел никаких дел с детьми.

— И почему же я так сказала?

— Да б... — Кевину все-таки удастся проглотить остальные ругательства. — Это тут ни при чем. — Лицо у него горит. — Ты все мешаешь в кучу. Сейчас речь не о моей измене.

— Ну да, сейчас речь о том, что ты потерял нашу дочь.

— Ханжа ты самодовольная! Тебе легко говорить, да? Ты ни за что не отвечаешь, потому что тебя дома хрен застанешь. — Эти последние слова он выговаривает медленно, с громадным чувством облегчения от того, что наконец высказал ей это.

— Я не бываю дома... — мрачно произносит Грейс, — Потому что я обеспечиваю семью. Я ее кормлю, помнишь? Ты остался без работы, помнишь? Я одна бьюсь, чтобы мы могли сводить концы с концами, помнишь?

— Кажется, ты уже исчерпала суточный лимит штампов.

— Это не я завела шашни с какой-то двадцатилетней шлюшкой, которая работает в школе моей дочери. Ты как, успел повидать сегодня в Миллберне свою подружку? Вот почему ты упустил Эйдин — тебе было не до того...

— Ничего не было!

— Но не потому, что ты не пытался.

— Ну, знаешь... Ладно, забудь об этом, и вообще... — Решится ли он наконец? Да, решится. — И вообще иди на...

Он обрывает звонок и швыряет телефон на соседнее сиденье. Плечи, лицо, даже пальцы у него сводит от напряжения. Он тяжело дышит. До сих пор он никогда еще не разговаривал с женой в такой ярости. Ему хочется восстановить в памяти этот разговор, разобраться во всем, но он уже не может вспомнить, с чего

началась ссора, помнит только ярость, а под ней, в самой сердцевине — панический страх. Телефон звонит, и он с громадным, почти головокружительным облегчением видит, что это Грейс.

— Звони в полицию, — говорит она.

— Что?

— Звони в полицию.

— Вот ты и звони. — Он сам потрясен тем, как грубо это звучит. — А я найду свою дочь.

Кевин резко обрывает разговор — во второй раз за сегодняшний день, заводит двигатель и мчится обратно к дому. Он почти не сбрасывает скорость на поворотах, колеса визжат. Когда приходится останавливаться на красный свет, он нетерпеливо колотит кулаком по рулю. Наконец — наконец! — все еще внутренне кипя и дрожа всем телом, он подъезжает к дому и тут видит двоих, мужчину и женщину, стоящих под проливным дождем на крыльце. На какое-то мгновение Кевин ощущает острое, не контролируемое разумом желание развернуться и уехать в другую жизнь — куда-нибудь в Коннемару, сажать картошку и читать Йейтса.

Услышав подъезжающую машину, оба поворачиваются в его сторону. Не машут руками, не улыбаются. Вид у них суровый и мрачный: женщина всей своей позой выражает тревогу и нетерпение, мужчина в пальто преувеличенно, до смешного ссутулился. Какие новости сейчас услышит Кевин? Что произошло с его жизнью?

Он останавливает машину, по собственному определению, как псих: нервным рывком, словно первый день за рулем и только учится переключать скорости. Начинает выходить, не успев заглушить мотор, и только потом нагибается за ключом зажигания.

— Здравствуйте. — Он подбегает к этим двоим и никак не может выдавить из себя свою неизменную

обезоруживающую ухмылку. И вдруг останавливается, сообразив, что эти люди — не из Миллбернской школы.

— Мистер Гогарти, — говорит женщина. Ему знакомо это лицо, эти коротко, аккуратно подстриженные волосы, эти редкие брови. Ему смутно представляется, что эта женщина занимает где-то начальственный пост.

И тут он вспоминает.

— Ситуация очень серьезная. Можно войти?

В голове у Кевина происходит короткое замыкание. Он не может переключиться: все его мысли крутятся вокруг Эйдин.

— Мы весь день пытались до вас дозвониться.

— Прошу прощения?

— Сегодня утром вашей мамы не оказалось в ее комнате, — говорит директор «Россдейла». — Мы полагаем, что она могла сбежать. Что с вами, мистер Гогарти?

50

О том, что они подъезжают к Клируотеру, Милли узнает от Джеральдины Адамс, разговорчивой соседки, древней старушки с лицом восточной султанши и завораживающим тягучим выговором. Джеральдина как раз подходит к концу (по крайней мере, Милли надеется, что к концу) запутанной истории про соседского кота, который повадился делать свои дела у нее в саду, что каким-то образом сказывается на сердечной болезни ее правнука. Господи, думает Милли, неужели и я стану такой? Двадцать минут подряд рассуждать о кошачьих фекалиях?

Во «Флоридском экспрессе» двух мест рядом не нашлось (зато Милли удалось получить весьма нелишнюю скидку для пожилых пассажиров), и впервые с тех пор, как две Гогарти начали осуществлять свой безумный план, им пришлось разлучиться. Милли, правда, пыталась убедить двух студентов в худи с эмблемами университета Флориды поменяться местами, заявив, что ее внучке еще рано сидеть одной. Эйдин смерила ее взглядом, кипящим гремучей смесью подростковой застенчивости и возмущения, отрезала, что с ней ничего не случится, и исчезла в задней части автобуса — ни Милли, ни студенты не успели больше ни слова сказать.

Милли смотрит, как проносится за окном американский ночной пейзаж: склады, рекламные щиты,

магазины, пустыри, бензоколонки, пальмы, бесконечные дороги. Мысли ее безмятежно текут своим путем, в голове всплывают самые разные обрывочные сюжеты, но тут до нее доходит, что соседка, Джеральдина, что-то опять рассказывает.

— ...она приносит мне эти великолепные розовые помидоры. — Помолчав, она добавляет: — А вот ее муж — это просто ужас что такое.

— Да? Как трагично...

Джеральдина серьезно качает головой.

— Вы правильно поняли. Именно трагично. Хотя с ним самим никаких трагедий не происходит. Сейчас он наверняка сидит на диване с пивом и орет перед телевизором.

— На диване?

— Дело обстоит примерно так: Леонард либо спит, либо пьян. Всего два состояния. Третьего не дано. Не понимаю, как она его терпит. Я уже чего только не придумывала. И молилась.

— Да, похоже, он у вас...

— Каждый вечер он вваливается в дверь, уже набив брюхо бигмаками и картошкой фри, и даже не подумает что-нибудь принести домой, поделиться со мной и Брендой — куда там! Этот человек не привык делиться. Совсем не думает о ближних. А о дальних тем более. Вы можете себе представить — мне ведь приходится платить за квартиру!

— Неужели? А он не...

— Но вот что я вам скажу: я все-таки последней посмеюсь над этим дураком. У него есть одна идея. Он вбил в свою пустую голову, что будто бы у меня куча денег и они все ему достанутся после моей смерти. Иногда проговаривается, когда под градусом. Так я и оставила деньги Леонарду Лоулеру! Он что, за идиотку меня считает?

— А у вас, значит, нет никакой кучи денег?

Джеральдина хихикает, словно над очевидной нелепостью.

— Скажем так — я все свои вещи, абсолютно все, покупаю в магазинах «все по доллару».

Милли не до конца уверена, что правильно понимает это выражение, но суть ухватывает. Она сама большая поклонница магазинов «все за один евро».

— Единственное, что приходит в голову — давным-давно у меня было немного акций «Джонсон и Джонсон». Я ведь там работала. Не так уж много и было, и я их все равно уже продала. Съездила на эти деньги в несколько чудесных круизов. Но Леонард этого не знает. И нет такого закона, по которому я обязана ему докладывать.

— Конечно, нет, — говорит Милли. И тут у нее в голове начинает пробиваться крошечный росток идеи насчет того, сколько может стоить покойник, но ее прерывает пробирающаяся по проходу Эйдин — волосы у нее как грязная спутанная пряжа. Милли гордо представляет внучку новоявленной подруге, и в этот момент в динамиках звучит хриплый голос водителя автобуса, всего одно слово:

— Клируотер.

51

Свой первый час в мотеле «Отверженные» Эйдин проводит, скармливая долларовые бумажки торговому автомату у бассейна, изучая и с удовольствием поглощая его великолепную коллекцию вредностей с самыми экзотическими названиями. Америка — страна разнообразия, страна безграничных возможностей. Америка великолепна! Эйдин нажимает F-2 и смотрит, как автомат выбрасывает ей что-то загадочное в ярком фантике.

Другие постояльцы, возможно, сочли бы, что их пятидесятитрехдолларовый номер с видом во двор оставляет желать лучшего: хрипящий кондиционер, растрескавшаяся плитка под ногами, замусоленные занавески. Однако Милли просияла и сказала: «Замечательно». Через полчаса бедная бабушка уже храпела на огромной кровати, которую Эйдин, к своему неудовольствию, должна будет с ней делить. Бабушка такая энергичная, что Эйдин то и дело забывает, сколько ей уже стукнуло.

Эйдин воспользовалась редким моментом тишины, чтобы пересчитать их тающую наличность. Двести долларов, плюс-минус. Разглядывая бабушку, Эйдин пыталась представить себе, какой красавицей она была когда-то: длинные ресницы, четко вылепленные скулы, волосы до попы. Но все заслоняет бабушкино морщинистое лицо, похожее на потрескавшуюся

землю, и коротко остриженные, давно потерявшие цвет волосы.

Старость — штука дерьмовая.

Эйдин накинула засаленное одеяло бабушке на плечи, подоткнула со всех сторон, как ребенку, и оставила ее отдыхать. Купальник она с собой взять не догадалась — и вообще набрала по большей части совершенно ненужных вещей, — но решает все же побродить по безлюдной территории вокруг бассейна. Не заметив ни пловцов, ни купальщиков, раскладывает белый пластиковый шезлонг, достает из кармана телефон, на случай, если Шон Гилмор изменил свое отношение к ней. (Да, у нее мания, она и не отрицает.) Но нет, конечно, нет. И все же возможная географическая близость к нему — каких-нибудь несколько километров! — необычайно волнует Эйдин. Ее охватывает неумное беспокойство и нетерпение, как будто она только что осушила несколько банок энергетика и вот-вот у всех на виду выкинет что-нибудь ужасное и дерзкое.

В такси по пути сюда от автобусной станции Эйдин с бабушкой шепотом препирались из-за того, сколько оставить чаевых. Бабушка предлагала монету в один евро («Ни за что», — прошипела Эйдин и выложила две долларовые купюры). Затем Эйдин уже во второй раз стала убеждать бабушку, что пора отправить сообщение маме с папой — они ведь уже на месте, но та лишь отмахнулась, и они так ничего и не решили.

Бабушке легко. Не она же то и дело видит, как всплывают на экране имена родителей, а теперь еще и Джерарда, хотя голосовых сообщений они больше не оставляют. Те, что пришли раньше, Эйдин не может заставить себя прослушать, но и удалить тоже не может. Она по натуре документалист. Не в ее характере уничтожать улики.

Бассейн окружен металлическим сетчатым забором, за которым потенциальным загорающим открывается вид на почти пустую парковку, залитую светом ярких уличных фонарей. Пейзаж довершают огромный мусорный бак и бирюзовый компьютер из прошлого десятилетия — похоже, кто-то нанес ему смертельные удары в припадке ненависти к высоким технологиям. Эйдин вся эта картина кажется очень крутой — прямо как в сотнях просмотренных фильмов или как в тех стихах, которые она читала, писала или собиралась написать. Она уже почти ждет, что сейчас из какого-нибудь пикапа выскочит с сигаретой во рту сексуальный, никем не понятый герой лет двадцати с чем-нибудь, в вытертых джинсах, постучит в дверь мотеля, и его впустит девушка с притворно скучающим лицом — девушка, похожая на нее, Эйдин.

*Где-то есть городишко заброшенный,
Где и судьбы людей перекошены,
И кровати в мотеле.
Денег нет на отели.
Шон, ты лучше найдись по-хорошему!*

Так странно — просто фантастично — думать о том, что все ее родные где-то за океаном, а она сидит у полукруглого бассейна и наслаждается восхитительно теплым флоридским вечером. Вот о чем нужно будет написать лимерик: о независимости и о батончиках из торгового автомата. Экран телефона снова мигает. «Папа». «Папа». «Папа». С каждым звонком Эйдин все явственнее представляется, как он расхаживает по кухне взад-вперед, ероша руками волосы. Он же имеет право знать, что она жива, правда? Какой от этого может быть вред? И она нажимает «принять».

— Эйдин!

Его голос звучит так жалобно, что Эйдин еле сдерживается, чтобы не отозваться. Но стискивает зубы: папа тоже умеет уговаривать, не хуже бабушки. Эйдин остается только надеяться, что звука ее дыхания будет достаточно, чтобы его успокоить. И она дышит. Папа повторяет ее имя вновь и вновь, со смесью ужаса и сладкого облегчения, которые, по правде говоря, передаются и ей.

— Это ты? Эйдин? Где ты? Эйдин?

Молчать невыносимо, но она не произносит ни слова.

— Скажи хоть, что ты жива и здорова.

Голос у него срывается, и Эйдин больше не может этого терпеть.

— Я жива и здорова.

— Ох, слава богу! Слава богу! Где ты?

Ей все же удается удержать в себе рвущийся наружу отклик, правда, главным образом потому, что сначала нужно проглотить огромный ком, застрявший в горле: столько искреннего чувства звучит в каждом папином слове. Случалось ли когда-нибудь раньше, чтобы он так переживал за нее, так радовался и волновался, всего лишь услышав ее голос?

Пожалуй, надо почаще убегать из дому.

— Детка? Все хорошо. Мы на тебя не сердимся. Мы просто очень волнуемся.

Губы у Эйдин как-то сами собой разжимаются, и из них вырывается тихий, но явственный всхлип.

— Она жива? — спрашивает Эйдин сквозь слезы.

— Кто?

Она вытирает щеки.

— Бабушка? — спрашивает Кевин.

— Мисс Бликленд.

— А-а! Да, с ней все хорошо, она здорова, ее выписали из больницы. Она уже в Миллберне. А ты... Ты где? Я приеду за тобой.

Эйдин переваривает эту новость. Она не убила Бликленд. Бликленд выписали из больницы. Бликленд жива и даже уже вернулась на работу.

— Я приеду за тобой, — повторяет отец.

Она собирается с духом — это дается ей нелегко, совсем нелегко — и обрывает звонок, но вначале добавляет:

— У меня все в порядке, папа, все прекрасно. Я просто переночую сегодня у подруги.

— Какой подруги?

— Из школы. Она приходящая ученица. Скоро вернусь домой, обещаю.

Закончив разговор, она на всякий случай отключает телефон. Откуда ни возьмись в небе появляется птица (пеликан? журавль?), и, наблюдая за ее изящным, стремительным полетом, Эйдин замечает в бассейне плавающую кашку — или, может быть, обломок пальмовой ветки. И это, и весть о выздоровлении Бликленд, и сама непостижимая ситуация, в которой она оказалась, вызывает у нее смех. В какой-то момент смех переходит в плач — целебный, конечно, но все равно ей ужасно неловко. Вдруг кто-нибудь увидит, что она сидит тут и ревет, как дурочка.

Ну и пусть, сказала бы бабушка.

52

Восемь дней прошло с тех пор, как Кевин поселился у Мика и Мейв, и все эти восемь дней он не видел свою жену. Когда Грейс входит в дом и бросает сумки на ковер — привычка, которая раньше раздражала его до чертиков, казалась сознательным нежеланием соблюдать установленные им мягкие правила, — теперь он видит, что это значит на самом деле. Она весь день работала, устала, вот и бросает сумки. Как же искажилось его восприятие после потери работы: все нужно обязательно истолковать в свою пользу, подчеркнуть свою правоту, которую он вечно пытается доказать — а кому, если разобраться, и зачем? Что за извращенная потребность постоянно вести счет?

— Я только что говорил с Эйдин, — выпаливает он. — Жива-здоровая.

— Ох, слава богу. Слава богу. Где она?

— Говорит, ночует у подруги из школы, одной из приходящих учениц.

— Думаешь, она врет?

— Нет, но у нее был такой голос... не знаю даже, как описать, все сразу: стыд, тревога, раскаяние.

— А остальные спят? — спрашивает Грейс.

Кевин кивает.

— А в полиции что говорят?

— Да почти ничего. Больше задавали вопросы: убежала ли Эйдин из дому раньше, надолго ли. Сказали обзвонить ее подруг.

— А сделать-то они что-то могут?

Кевин встает и осторожно подходит к жене.

— Помнишь, что было в тот раз? Когда она пряталась в исповедальне с мешком конфет. Ей нужно остыть. Я только что говорил с ней, и у нее действительно все хорошо, ей ничего не угрожает. Голос у нее нормальный.

Грейс задумывается.

— Приятного мало, конечно, — говорит Кевин. — Но завтра она вернется. Я уверен.

Грейс, его нестигаемая Грейс, начинает плакать, и видеть ее, всегда такую сильную, в этом состоянии невыносимо. Ему отчаянно хочется утешить ее, но он знает, что потерял право на это.

Она по-настоящему красивая. Хотя ее аристократическая бледность сейчас бледнее, чем надо бы, и на этом фоне слишком резко выделяются темные тени на нежной коже под глазами, красота ее несомненна. Это факт, не требующий проверки. Кевин шагает к ней и решительно обнимает. Плевать на все. Он притягивает к себе жену, боясь, что она не позволит ему эту жалкую попытку утешения, но она позволяет. На Кевина снисходит покой, мощное ощущение восстановления гармонии мира. Грейс не отталкивает его — вначале просто стоит безучастно, словно мирный демонстрант, без сопротивления подчиняющийся полицейскому аресту, но потом наконец откликается. Она прижимается к нему все крепче, пока они не оказываются друг у друга в объятиях. Нос, уткнувшийся ему в шею, обжигает холодом, будто кусок льда, но сама Грейс под пальто, там, где его руки обнимают ее, божественно теплая. Все мысли куда-то исчезают. Для него — невротика, безработного, только что брошенного отца четверых

детей, подверженного стрессам — это миг блаженного успокоения, пусть и мимолетный.

— Я облажался, — говорит Кевин. — Облажался по полной.

Тело Грейс напрягается.

— Да.

— Я что, с ума сошел?

Она угрюмо хмыкает.

— Тебе виднее.

— Так и было. Я сошел с ума. Я виноват. Прости меня.

Он говорит ей, как ему ее не хватало, даже до всей этой истории — что истинная правда, — хотя они и живут под одной крышей. Она разжимает объятия.

— Я знаю, работа, — говорит он. — Нет, это все не о том.

Он нежно трогает губами одну ее щеку, другую, и, к его великому счастью, она не противится, во всяком случае, не бьет его с размаху по физиономии. Может, еще не все потеряно? Они целуются. Он чувствует, что она слегка расслабляется. Он покрывает поцелуями ее лицо, а потом спускается по шее все ниже и ниже. Это их проверенная и надежная схема действий — возможно, избитая, зачастую еще и сокращенная, зато привычная и знакомая. Но не теперь. Теперь все невероятно, восхитительно ново. Яркий всплеск любовной химии, словно и не было этих двадцати лет совместной жизни. Кевину хочется забыть обо всем прямо здесь, на семейном диване, но он сдерживается. Ему же нужно еще кое о чем ей рассказать. Он готов рассмеяться: такой неожиданный подарок — тлеющая страсть вспыхнула вновь, но даже в пустом доме, черт возьми, все равно не дети, так мать, одним словом, семья — все равно сумеют все испортить.

— У нас еще одна проблема.

Грейс снова напрягается и выпускает его из объятий.

— О боже. Мне лучше сесть, да?

— Да. И выпить, пожалуй, не помешает.

Грейс направляется прямо к столу, где стоит полупустая бутылка красного, и наливает два бокала.

— Ну ладно, так какие еще новости меня ждут?

Кевин тяжело вздыхает.

— Мама пропала.

— О господи. — Грейс качает головой и делает большой глоток. — Как это? Она что, ушла из дома престарелых?

— В каком-то смысле.

— В каком?

Кевин плюхается на тот самый диван, который еще минуту назад фигурировал в его эротических фантазиях. Беккет томно мурлычет, словно гордясь, что его рыжей шерстью покрыты все три подушки.

— Не знаю даже, с чего начать. Наверное, с того, что она сбежала из «Россдейла» ночью.

— Этой ночью?

Кевин кивает.

— И, скорее всего, ловила машину на дороге.

— Что?

— Или тебе будет интереснее послушать, как она подмешала транки охраннику в капучино?

— Ты шутишь.

— Приукрашиваю. Это был эспрессо.

— Но как, черт возьми...

— Судя по всему, она разработала сложный план, куда входила кража постельного белья из прачечной — у них там пропало несколько полотенец... да, и в придачу похищение сорока пяти евро у соседки по

комнате. — Он делает паузу для театрального эффекта. — Мертвой соседки.

Грейс взвизгивает от смеха.

— Прекрати! Это ужас какой-то. Прекрати!

— Они считают...

— Так ты говорил с...

— С Шейлой Слэттери — помнишь, директор «Росстейла»? Она примчалась сюда вместе со своим приятелем Квазимодо.

Грейс снова заливается хохотом.

— Кончай!

Кевин довольно улыбается и тоже смеется.

— Миссис Слэттери и этот неандерталец стояли у нас на пороге и тихо психовали, хотя из всех сил старались не показывать вида. Видимо, опасаются, что мы их засудим. Оказывается, накануне мама обошла половину комнат, со многими соседями торжественно попрощалась и потихоньку показывала им разные штуки из своего рюкзака, которые намеревалась использовать — я цитирую — «в бегах».

Грейс уже в истерике.

— Что, например? — с трудом выговаривает она. — Что у нее было в рюкзаке?

— Итак, по порядку. — Кевин рад. Наконец-то у них все как раньше. Кевин, маленькая лабораторная мышка, вышел в большой мир, собрал крошки историй и интересных наблюдений о разных людях и местах, где побывал, принес в свое маленькое гнездышко и теперь развлекает ими Грейс. — Банка пива, рулон туалетной бумаги. — Он уже сам ржет как ненормальный. — Да, и еще пузырек имодиума — как знать, вдруг в побеге внезапно проберет дрисня.

Грейс стонет от смеха.

Кевин наконец успокаивается.

— Но, конечно, никто не обратил на это внимания. Все решили, что она просто заговаривается.

— Ну, ей-богу... я просто не...

— Я знаю.

— Рассказывай, рассказывай.

— Где-то перед рассветом — не знаю точно, в каком порядке все это происходило, — она мило общалась с охранником при входе и подмешала ему в кофе снотворное. Как в кино. Спряталась в чужой комнате, запугав до полусмерти какую-то старушку-пенсионерку. Вроде как они еще раньше с ней поцапались по какому-то поводу. Я и знать не знал. Маме после этого даже запретили выходить в комнату отдыха.

— Ой, не могу...

— Но это я виноват. — Он отводит глаза. — Мне столько раз звонили из «Россдейла», а я даже не потрудился...

— Ты не виноват.

Но это неправда.

— Да ладно, — отмахивается он от ее великодушия, хотя оно все же слегка приглушает грызущее недовольство собой. — Да, я ведь, кажется, еще самое главное не рассказал? Лучше не спрашивай, но она там пряталась за каким-то деревом или растением, а когда охранник ее заметил, стала втирать ему про отцовскую конюшню.

— Какую конюшню?

— Вот и я о том же.

Грейс все еще вытирает слезы.

— Боже ты мой. Дайте мне еще вина.

Грейс наполняет оба бокала до краев.

— И после всех этих цирковых номеров она каким-то образом выскользнула через черный ход.

Грейс усмехается:

— У них что, нет системы безопасности?

— Есть какой-то кодовый замок на двери, но, похоже, паршивенький. Они там теперь ведут расследование.

— С ума сойти. Так где она сейчас? Дома? Ты был в Маргите?

— Ну конечно. Никаких следов. Но ее машины тоже нет, стало быть, уехала куда-то.

Кевин смотрит на Грейс, а та вдруг замолкает, обхватив голову руками.

Наконец она говорит:

— Но как такое может быть? Как они могли исчезнуть обе одновременно? Совершенно невероятно.

В комнате становится ужасно тихо. Беккет просыпается, потягивается, вылизывается и укладывается на другой бок. Кевин смотрит, как секундная стрелка бежит по циферблату настенных часов: три, шесть, девять...

— Кевин?

— М-м-м?..

— Ты же не думаешь, что они...

До сих пор ему и в голову не приходило — ни на секунду, даже отдаленной мысли не мелькало, что Милли с Эйдин могут быть вместе, что эти две истории как-то связаны. Это было бы слишком дико, слишком похоже на заранее обдуманый план. Мама не посмела бы сбежать с его дочерью — она же понимает, что Кевин с Грейс будут вне себя от ярости. Даже для нее это слишком.

Однако в тот же миг, как это предположение срывается с уст его жены, Кевин понимает со всей непреложностью, как очевидную истину — вроде того, что все мы рождаемся, стареем, умираем, — что Эйдин соврала ему и что они с Милли действительно в сговоре. Конечно, так и есть. Он тупо смотрит на Грейс, пока эта идея обживает в его замороченных

мозгах и опрокидывает все гипотезы этого проклятого дня.

Теперь у него в голове три мысли. Первая: черт побери, он все-таки оторвет Милли Гогарти башку. Запрёт ее на темном чердаке и будет носить ей туда корки черствого хлеба, воду и жидкий чай без сахара. Безответственность! Обман! Эгоизм! Вторая: ну, по крайней мере, Эйдин не одна, а с бабушкой. Третья: о черт, она с бабушкой...

53

Надо сказать — да она и сказала уже три раза за последние сорок минут, — Милли этой ночью плохо спала из-за кошмарного матраса в мотеле: стоило ей шевельнуться, как древние пружины ножами впились в тело. Не говоря уже о соседке по кровати, с которой они сражались за единственное одеяло от заката до рассвета, перетягивали его туда-сюда — ни дать ни взять сцена из комедии. Но уже утро, половина десятого, и обе Гогарти шагают под нереально ярким солнцем к квартире Сильвии Феннинг. В душе Милли преисполнена оптимизма — наверное, во Флориде все так радуются каждое утро, как только выйдут на улицу. Доведется ли и ей когда-нибудь пожить в таком месте, где нет ни сырости, ни серости, ни дождей?

Вчера все складывалось далеко не столь солнечно. В полицейском управлении Клируотера возникли серьезные осложнения. Милли в мельчайших подробностях рассказывала обо всех злодеяниях Сильвии странной женщине-полицейской — фигуристой, гламурной, со зверски выщипанными бровями и пышными накладными ресницами — и уже дошла до истории о сейфе и кольце с обрамленным бриллиантами изумрудом, в мешочке, вышитом Веселой Джессикой, когда та прервала ее.

— Постойте. Так это все произошло в Ирландии?

Не прошло и пяти минут, как обе уже, начиная отчаиваться, стояли на улице. Полиция

Клируотера — объяснили им — не расследует преступления за пределами своей юрисдикции, и уж тем более совершенные в других странах, за исключением крайне редких случаев экстрадиции. Милли, чувствуя, что двери правосудия вот-вот захлопнутся у нее перед носом, победным жестом предъявила багажную бирку. Вот ее контактная информация! Разве вы не можете устроить проверку Сильвии Феннинг? Скажем, заехать к ней домой? Наверняка за ней есть темные делишки и в здешней юрисдикции. Но полицейская уже потеряла к ним интерес.

Когда они вернулись в «Отверженные», Эйдин добыла из автомата две бутылки спортивного напитка и шоколадный батончик, и, усевшись на липкое покрывало, они принялись обдумывать, что делать дальше. Было уже поздно, обоим хотелось спать из-за смены часовых поясов. В итоге они пришли к выводу, что остается только самим отыскать Сильвию и поговорить с ней. Милли много всякого нафантазировала на эту тему, но теперь, когда фантазии превратились в реальность, ей стало немного страшно. Ведь это уже вовсе не та Сильвия, а самая настоящая преступница. Эйдин, со своей стороны, полностью поддерживала бабушкины поиски, но перспектива возможной встречи с Шоном Гилмором вызывала у нее противоречивые чувства. Да, он сделал ей больно, однако Эйдин почти не сомневалась, что Шон ничего не знал о темных делах своей опекуни. Ей казалось, что она все же немного его узнала, и не находила в нем жестокости. Просто он не такой.

В тесном номере было не протолкнуться от вещей Гогарти — пухлые чемоданы, карты, глянцевые брошюры с рекламой экскурсий с дельфинами и походов на яхтах. А может, предложила Милли, просто отдохнуть несколько дней и вернуться домой, или поехать

на автобусе в Майами, славный город ее любимых мифических «Золотых девочек». Или попробовать сыграть в мини-гольф в Сент-Пите?

Эйдин вышла в ванную почистить зубы, а вернувшись, выключила лампу у кровати и, забравшись под покрывало, сказала:

— Мы сюда не в гольф играть приехали.

***

Трехколесный велосипед перед дверью квартиры 208, Виктори-Тауэрс — огромный трехэтажный комплекс у забитой машинами автострады — не слишком обнадежил. Если Феннинги здесь когда-то и жили, думает Милли, то уже давно съехали. Так и вышло: новые жильцы отправляют их на первый этаж, к управдому.

Гас Спаркс (судя по табличке рядом с сетчатой дверью) встречает обеих Гогарти в консервативном наряде, будто в гольф собрался играть: отглаженные бежевые брюки, свежевystиранная белоснежная футболка-поло, две из трех пуговиц на ней застегнуты. На ногах у него кожаные сандалии, и ногти на ногах аккуратно подстрижены. Вот в «Россдейле» Милли просто тошно было смотреть на ноги некоторых стариков — шишковатые, все в пятнах, цветом и текстурой напоминающих вываренную на пару цветную капусту, или, хуже того, каких-то диких багрово-черных оттенков, а ногти грязно-желтые, словно от никотина.

— Привет, — говорит Спаркс.

Милли откашливается, но тут внезапно на нее нападает неудержимый приступ чихания.

— Боже ты мой, — говорит Спаркс, а затем вежливо прибавляет «будьте здоровы» — четыре раза подряд.

— Прошу прощения, — говорит Милли, выуживает из сумки длинный кусок мятой туалетной бумаги,

похожий на ленту серпантина, и прикладывает к своим старческим слезящимся глазам. — Ужасно! Это все американские кондиционеры.

— Что ж, — говорит он, — от имени всей Америки приношу извинения.

Спаркс улыбается. У него доброе лицо, узкое, на удивление никаких брылей, и при этом открытое, как бескрайняя равнина, а еще в нем чувствуется что-то ранимое и одинокое — словно он много страдал, но зла ни на кого не держит.

— Откуда вы, леди?

Несмотря на возраст — а он по меньшей мере года на три-четыре старше Милли, — глаза у Спаркса ясные, блестящие, зеленые. Милли вытирает нос, надеясь, что на нем не осталось ничего постороннего, и представляет их с Эйдин как туристов из Ирландии.

— Мы подумали, что вы сможете что-нибудь рассказать о нашей знакомой — она когда-то жила здесь.

— Буду рад помочь. — И, будто опасаясь их разочаровать, Спаркс добавляет: — Если сумею, конечно. Заходите, что же вы? Заходите.

Он придерживает перед обеими Гогарти дверь, тут же подходит к настенному кондиционеру и выключает его. Когда гудение затихает, все трое остаются стоять в неловком молчании.

Жилище Гаса Спаркса представляет собой аккуратную, скромную студию, обставленную по-холостяцки: два казенных кресла с деревянными спинками, неуклюжий журнальный столик в колониальном стиле, заваленный высоченными стопками книг (на первый взгляд, в основном биографиями президентов и военных деятелей), маленький телевизор, включенный негромко, словно не столько ради местных новостей, которые как раз сейчас в эфире, сколько просто для компании. Милли и сама так делает — впрочем, она

тут же вспоминает, что Сильвия Феннинг лишила ее и этого маленького удовольствия.

В дальнем конце комнаты стоит двуспальная кровать без спинок и подголовника, но уже аккуратнейшим образом заправленная. Милли вспоминает своего Питера: тот ни разу в жизни не заправлял постель. А у Спаркса простыни и покрывало туго натянуты на матрас, словно в ожидании утреннего обхода в казарме. Из открытой кухни, похожей на корабельный камбуз, доносится яростное шипение работающей кофе-машины.

— Вот, присаживайтесь. Прошу. — Гас смахивает с диванчика сложенную газету. — Я как раз кофе варил. Принести вам чашечку?

— О нет, не стоит беспокойства, правда? — Милли оглядывается на Эйдин, но внучкино лицо не выражает никаких чувств.

— Какое же это беспокойство. По сравнению с забытыми раковинами у жильцов это одно удовольствие.

Милли чувствует, что краснеет, и гадает про себя, так ли это заметно со стороны, как бывало, например, во время самых ужасных приливов в те годы, когда у нее началась менопауза. Тогда все тело вдруг, ни с того ни с сего, просто воспламенялось изнутри, хоть окно открывай, хоть кофту снимай — ничего не помогало. Со временем она поняла, что этому огню нужно просто дать перегореть.

— Хвастаться нескромно, но я делаю вполне приличный кофе.

— Что ж, тогда это было бы прекрасно, правда, птенчик? Тебе пора бы попробовать кофе.

— Я уже пробовала. — От этих слов так и искрит враждебностью. — Я не маленькая.

Гас приходит на помощь.

— Сколько же тебе лет?

— Шестнадцать.
— Она у меня замечательная, — говорит Милли.
— Разумеется, — отвечает Гас. — И я вижу, что ей
очень повезло в жизни.

И это, вне всяких сомнений, в адрес Милли Гогарти.

***

За кофе Гас рассказывает, что он профессиональный военный и всю жизнь провел в разъездах — Германия, Нью-Джерси, Окинава, Кэмп-Пендлтон, — прежде чем осесть здесь, можно сказать, в родных местах. Ни о жене, ни о детях не упоминает, только о брате: брат у него бывший полицейский, «живет по соседству, в Сент-Пите». Вся эта биография занимает времени не больше, чем требуется Милли и Эйдин, чтобы добавить в кофе молоко и сахар и перемешать. Говорит Гас рублеными фразами, четко, словно по списку, хотя слегка смущаясь. При этом в его сжатой речи ощущается обаяние скромности. Закончив, он вопросительно переводит взгляд своих мягких глаз на Милли Гогарти. Ну, ей-то краткость органически не свойственна, тем более когда дело доходит до истории, да к тому же ее собственной!

Милли начинает издалека: с того дня, когда двадцатилетней девушкой встретила на автобусной остановке своего Питера, и как они разговорились в автобусе, да так, что Питер пропустил свою остановку. О, как они смеялись потом! Оказалось, что он вдовец, и на втором свидании он показал ей карточку своего сына, милого, пухлого, глазастого мальчугана, оставшегося без матери. Когда Питер и Милли поженились, они купили дом в Дун-Лазре, думая, что у них будут еще дети. Чуть поколебавшись (призрак давней боли при воспоминании об умершем ребенке все еще дает себя

знать), Милли все же рассказывает Гасу Спарксу, совершенно постороннему человеку, о том, о чем раньше не рассказывала никому: о малышке Морин. Она сама не знает почему — просто интуитивно чувствует, что он добрый человек.

— Это было жуткое время, — говорит Милли. — Жутчайшее.

— Ой, бабушка, а я даже и не знала, — говорит Эйдин. — Какой ужас.

— Да, ужас, — говорит Милли, обращаясь к Гасу. — Но я, кажется, уже до смерти вам надоела своей болтовней.

— Нет, — говорит Спаркс. — Нисколько. Сидите и рассказывайте хоть весь день.

Милли подносит ко рту большую кружку с кофе, чтобы скрыть румянец, который, как она чувствует, снова заливает ей лицо.

— Мы хотели у вас кое-что спросить, — говорит Эйдин. — Может, скажем уже, зачем пришли, бабушка?

— Ах да, — говорит Гас. — Здесь живет кто-то из ваших знакомых?

— Раньше жила. Женщина по имени Сильвия Феннинг, — говорит Милли и внимательно смотрит на него, стараясь угадать, говорит ему о чем-нибудь это имя или нет.

— Хм. — Он прикрывает глаза. — Нет. Не припоминаю. А фотографии у вас нет?

— Нет, — отвечает Милли.

— Но вы думаете, что она жила здесь?

— Да, но не знаем точно когда, — говорит Милли, в очередной раз понимая, что почти ничего не знает о женщине, с которой провела столько времени вместе. Нужно было больше слушать. И вообще стоит быть повнимательнее. — Она говорила, что вначале какое-то время путешествовала — до того,

как приехала в Дублин. Может быть, месяцев шесть назад? Десять? Или год?

— Договоры об аренде хранятся в довольно строгом порядке. — Он смущенно улыбается и вдруг останавливается. — Так она ваша подруга?

— Не совсем, — говорит Эйдин и, после утвердительного кивка Милли, рассказывает Гасу сокращенную версию их истории, вплоть до злосчастного похода в полицию.

Гас внимательно слушает, время от времени двигая массивной челюстью. Когда Эйдин заканчивает рассказ, он ставит кофейную чашку на темную подставку с якорем и надписью «Морская пехота США».

— Давайте-ка я пороюсь в этих договорах. Еще кофе, леди?

Обе качают головами. Если честно, Милли просто напугана таким размером кофейной кружки — безумие какое-то! — но вслух ей об этом говорить не хочется. Когда Гас поворачивается к своему столу, они с Эйдин обмениваются взглядами, полными сдерживаемого волнения. Гас достает из кармана рубашки и разворачивает какой-то маленький прямоугольный металлический предмет, который оказывается очками для чтения. Медленно перебирает бесчисленные папки.

— Странно. Никаких Феннинггов.

— Б...! — говорит Эйдин.

— Эйдин! — восклицает бабушка.

— Извини, бабушка. — И Эйдин добавляет, обращаясь к Гасу: — Извините. В Ирландии все так говорят.

— Ну что ж, если это культурная особенность... — Гас подмигивает Эйдин. — Может быть, она указала девичью фамилию или вымышленное имя?

— С ней еще был племянник, — говорит Эйдин. — Чуть постарше меня. Он... ой, подождите! У меня же есть его фото! Ага... Сейчас, сейчас.

Она листает картинки на экране, и вот он, Шон: стоит на берегу реки и смотрит на нее, прищурившись — ну полный отпад! — а рядом валяется пустая жестянка.

Гас берет у нее телефон и всматривается в фотографию.

— О, вот его я знаю.

— Знаете? — переспрашивает Милли, привстав.

— Почти забыл. Он здесь жил, но давненько уже. Ну-ка, ну-ка... Да. Тихий такой парнишка. Видел его в прачечной. Это было... пожалуй, с год назад.

Эйдин спрашивает:

— А Шон... этот парень... никогда не говорил ничего такого, что помогло бы догадаться, например, откуда они... или...

— Не помню, честно говоря. Парень он был вежливый, вот это я помню. Некоторые люди имеют привычку выбрасывать чужую одежду на пол, если ее долго не переключивают в сушилку. Тут это целая проблема. А он никогда так не делал. Просто уходил и ждал, пока машина не освободится. Хороший парнишка. Миссис Гогарти?

— Милли.

— Милли, — повторяет Гас чуть дрогнувшим голосом. — Это еще не все. Помните, я вам говорил, что мой брат — полицейский в отставке? Знаете, у них есть доступ к самой разной информации. Может быть, он сумеет вам помочь. — Гас застенчиво отводит взгляд. — Нам.

54

Кевин листает старую-престарую адресную книгу матери, лежавшую, сколько он себя помнит, на шатком телефонном столике у нее кухне. Фраческа О'Брайен, Нетти Джонс, Гретель Шии. Бог ты мой, никого уже нет в живых. До сих пор он не особо задумывался над тем, что смерть окружает ее со всех сторон: на скольких же похоронах она побывала — она, которая, как всем известно, не любитель церковных обрядов — все эти тоскливые гимны и скорбная необратимость смерти.

Он переворачивает последнюю страницу и видит имя Джессики Уолш. Джессика, дай ей Бог здоровья, жива. Он немедленно набирает номер и торопливо задает дежурные вопросы о родне.

— Вы с мамой давно в последний раз говорили?

— Давно, Кевин. Пожалуй, несколько недель назад. Я сама собиралась тебе позвонить, я ведь слышала... думала о ней. Мы с ней немного... наверное, можно считать — поссорились. После того как ей пришлось перенести нашу поездку, а это ведь уже давненько было, она перестала отвечать на мои звонки. Просто замолчала, и все. Я решила, что она на меня за что-то обиделась.

— А она вам не говорила, почему отменила поездку?

— Сказала, что это связано с ее здоровьем и что...

— Но вы ведь знаете, что это неправда? Вы слышали о...

— Слышала. Двоюродный брат младшего Доннелли, Харви, живет по соседству, иногда делает мне кое-что по дому, так что я знаю, что Милли попала в неприятную историю в магазине. Конечно, если вы хотите знать мое мнение, Кевин, ей просто одиноко и хочется немножко внимания — вы же знаете, какая она, ваша мама. Вот что я об этом думаю. Жаль только, что она мне ничего не рассказала.

— Наверное, ей было немного стыдно.

— Да, но мы же с ней подруги еще со школы.

— Я знаю, Джессика. Это... Но вы что, с тех самых пор ее не видели и не слышали?

— Нет. Я звонила на Рождество — знаете, я же всегда приношу ей фруктовый кекс, — но она не взяла трубку. Я оставила его у двери — в ответ тишина. Потом кто-то мне сказал, что у нее на кухне случился пожар и она лечится в «Россдейле».

— Да, это правда.

— Я ей и туда открытку послала, а от нее опять ничего. С ней все в порядке, Кевин?

— Не знаю. То есть наверняка да, но от нее уже несколько дней ни слуху ни духу. Она среди ночи сбегала из «Россдейла».

— Не может быть!

— И я подозреваю, что Эйдин тоже с ней.

— Ваша Эйдин? Да нет, не может быть! Зачем это ей?

— Не знаю. Не знаю. Как вы думаете... у вас нет никаких догадок, куда бы могла отправиться мама, если бы уехала из города?

Наступает пауза: Джессика, по-видимому, обдумывает различные варианты.

— Мне тут сообщение пришло, — говорит Кевин. — Если вам что-нибудь придет в голову...

Кевин потом не может даже вспомнить, чем закончился их разговор, поскольку сообщение, пришедшее на его телефон, оказывается уведомлением, что у него превышен лимит мобильного трафика. На счету головокруглительная сумма — 753 евро. Сейчас совсем неподходящее время для бюрократических косяков и новых долгов на счету. Вся эта хрень — еще одно суровое испытание для его душевного здоровья, за которое он и так уже сильно опасается. Однако такие вещи всегда нужно выяснять сразу. Проклиная новые технологии и тоскуя по старым добрым доцифровым временам, когда жизнь была гораздо проще, Кевин звонит в мобильную компанию.

— Ого, — говорит молодой парень на другом конце линии, не переставая стучать по клавиатуре. — Похоже, вы что-то качали, будто завтра мобильный интернет отменят.

— Ничего я не качал.

— Так, дайте-ка взглянуть... Я тут вижу семь часов, начиная с... так, погодите, промотаю... э-э-э... с двух часов семи минут прошлой ночью.

— Это невозможно! — выпаливает Кевин. — Очевидно, произошла какая-то ошибка. Или меня взломали. Да, наверняка это хакеры.

— Хотите начать расследование?

— А не могли бы вы просто проверить еще раз?

— Погодите. А еще какие-нибудь номера привязаны к этой учетной записи?

Ну да, привязаны. Целых четыре. Грейс. Джерард. Нуала. Эйдин.

— Твою ж мать...

— Прошу прощения, сэр?

— Моя жена, сын и дочери.

— А вы у них не спрашивали? Похоже, кто-то... так, сейчас посмотрю, с какого номера был перерасход... ага, вот он... последние цифры — 098.

Аллилуйя! Кевин немедленно забывает о своей нелюбви к цифровым технологиям. Он их обожает! Именно цифровые технологии помогут ему отыскать пропавшую дочь.

— Но почему так дорого?

— Погодите. Поставлю вас пока на ожидание.

Прямо в ухо Кевину гремит регтайм, но он не слушает — ему не до того.

— Сэр? Вы слушаете?

— Куда ж я денусь.

— Это по международному тарифу. Вот почему так дорого.

— Она звонит кому-то в другую страну?

— Абонент с номером на 098?

— Да, абонент с номером на 098! — Японский бог! Неужели у всех, кто моложе двадцати пяти, поголовная нехватка серого вещества в мозгу?

— Нет, номер 098 использует мобильные данные за границей.

— За границей? — переспрашивает Кевин. — Что это значит? Она не в Ирландии?

— Я даже не знаю, о ком речь.

— О моей дочери!

— Может быть, она потеряла телефон, или его украли? Я не знаю — могу только сказать, что этот номер, заканчивающийся на 098, пользуется мобильными данными за пределами Ирландии.

— О господи... — Настроение у Кевина резко портится. Добро пожаловать в привычную атмосферу паники и стресса. — А где происходит эта передача данных в роуминге? Вы можете мне сказать?

— Это я могу... так, сейчас посмотрим... Роумингом пользуются в Клируотере.

— Что? Это где? В Англии?

— Нет, во Флориде. Клируотер, Флорида. В Америке.

55

В «Отверженных» есть кухонная плита, точнее, плитка с одной конфоркой, но Эйдин не может сообразить, как она включается — а жаль, потому что суп в магазине «все за доллар» стоит всего один доллар, как и маленькая кастрюлька, в которой его можно разогреть. Эта страна не перестает удивлять Эйдин. Ну как кастрюля может стоить столько же, сколько банка супа?

Бабушка приболела, и Эйдин, как умеет, играет при ней роль сиделки: подает салфетки и стаканы с водой из-под крана. В возрасте Эйдин такое, может, и не опасно, но бабушка, кажется, слегла всерьез и после беспокойной ночи просыпается, вся дрожа. Эйдин в тревоге: какая температура считается повышенной, да и как ее измерить? У них же нет градусника. По примеру своих родителей она прикладывает ладонь тыльной стороной к маленькому бабушкиному лбу. От бабушки пышет жаром, и Эйдин пугается. Никакого опыта у нее в этом деле нет, и все же она больше не сомневается: да, высокая температура.

Эйдин не имеет ни малейшего понятия, что это может быть: серьезная болезнь, с которой кладут в больницу, или обычная простуда, или что-то еще. Она берет телефон и уже готова позвонить папе: а вдруг бабушка умирает? Она же старая и болеет. Больные старики часто умирают. Что, если бабушка протянет

ноги прямо здесь, в мотеле? Кому тогда звонить, что у нее в номере труп? Не может же она сказать папе: «Я во Флориде с бабушкой, но она умерла». Наверняка ведь можно что-то сделать, а она сидит здесь, в мотеле, как несмышленный младенец, и толку от нее никакого.

— Бабушка?

— М-м-м?

Нет, не умерла. Эйдин снова откладывает телефон. Может, она зря так волнуется. Может, никакая скорая помощь не нужна. А если она позвонит домой, то вся их затея сорвется, и для бабушки это будет страшный удар. Эйдин вводит симптомы (чихание, кашель, высокая температура) в свой телефон и, порывшись в ссылки, убеждается, что болезнь не летальная, а значит, она должна справиться сама. Да и бабушка — взрослый человек все-таки (пусть и не самый типичный взрослый) — только отмахивается от ее тревог. Бурчит, что все будет в порядке, пусть только Эйдин разыщет пару таблеток парацетамола, они где-то на дне ее сумки с туалетными принадлежностями.

Мама с папой уже давно действовали бы: пошли бы и купили какое-нибудь питье, лекарство. Позаботились бы о больной. Хм, но она-то, кажется, не подписывалась на уход за больной или умирающей бабушкой! И все же Эйдин сует в носок две двадцатидолларовые бумажки, натягивает кроссовки и, как ни отвращает ее перспектива бродить по улицам совершенно незнакомого города, отправляется в аптеку.

Ее одинокий путь проходит вдоль запруженной машинами автострады без всякого намека на тротуар, где ей приходится осторожно пробираться сквозь колючую, похожую на солому траву, буйно разросшуюся вокруг. Других пешеходов не видно (здесь вообще

кто-нибудь ходит пешком?), за исключением изредка попадающихся бродяг — кто в клетчатой рубашке, завязанной узлом на талии, кто вообще без рубашки, с дочерна загорелой на солнце грудью. Один такой как раз сейчас шагает ей навстречу — грязная кепка с надписью «Марлинс», осоловелое лицо, стеклянные голубые глаза (это в десять утра-то!). На плече он тащит коробку с пивом, будто магнитофон из какого-нибудь старого фильма. Обдолбанный? Бездомный? Псих? Эйдин опасливо старается обойти его подальше, но так, чтобы он не заметил ее беспокойства. Поравнявшись с ней, он смотрит ей в лицо и кивает. Эйдин коротко кивает в ответ и благополучно идет дальше своей дорогой.

По дороге движется бесконечный и шумный поток машин — многие еле тащатся, как в комической замедленной съемке, у каждого квартала торчат светофоры. Так непохоже на Дублин, где водители летают со скоростью пули и вихрем проносятся через перекрестки, едва притормаживая у редких знаков «уступи дорогу». Эйдин идет мимо выкрашенного в коричневый цвет склада с вывеской «Тир “Меткий стрелок”», мимо здания с надписью «Кемпинг» (что бы это ни значило), мимо обшитой вагонкой пятидесятнической церкви, мимо магазина электротоваров и трех подряд рекламных щитов, призывающих подавать иски о возмещении вреда здоровью. На одном из них реклама адвоката, прошедшего обучение в Гарварде: «Вред здоровью — польза кошельку».

Аптека оказывается огромной и сверкающей, как супермаркет в Дублине. Эйдин долго, растерянно бродит по рядам вдоль бесконечных полок под ярким светом флуоресцентных ламп. Ее внимание привлекает большой отдел с товарами для секса: презервативы и лубриканты — само собой, но в придачу еще

вибраторы в форме бобов и яиц, некое загадочное «кольцо наслаждения», средства для повышения мужской потенции, женские гигиенические салфетки... Засмотревшись, она даже не замечает, как к ней подходит назойливый консультант и спрашивает, не нужна ли ей помощь. Эйдин мучительно краснеет, хотя парень далеко не красавец. Он озадаченно смотрит на нее, когда она, заикаясь, спрашивает «Люкозейд».

— Это что, лекарство?

— Нет, просто такой напиток, довольно противный. Его больным дают.

— Больным чем? Расстройством желудка? Или простудой?

Эйдин перечисляет симптомы, и консультант рекомендует ей «Викс» и «Терафлю».

Она заходит в долларовый магазин и возвращается в «Отверженных», в этот раз даже не наткнувшись ни на одного подозрительного прохожего, хотя теперь ее уже как-то меньше пугают такие встречи, и дает лекарство бабушке, которая оказывается на удивление послушной пациенткой. Таблетки, которые она выпила еще раньше, видимо, помогли: лоб у нее уже не горит. Эйдин с облегчением падает на кровать. Кажется, все обойдется. Она начинает рассказывать бабушке об аптеке, где так много товаров и так мало покупателей, но бабушка засыпает, успев сказать:

— Я сейчас засну...

Люди даже не замечают, какой смешной бывает ее бабушка.

Расхрабрившись, Эйдин решает прогуляться еще разок, на этот раз в другом направлении — в ближайший ресторанчик. Здесь она долго сидит над порцией оладьев, поданных с неприличным количеством масла и гигантским кувшином клейкого сиропа. Кофе

ей доливают бесплатно столько раз, что она сбивается со счета. Она добавляет это к своему растущему списку восхитительных американских странностей и записывает в дневник все подробности своих приключений, какие только может припомнить, включая вибраторы в форме яйца. Гасу Спарксу, который явно запал на бабушку, посвящает целых полстраницы. Эйдин никогда не думала, что в таком возрасте люди еще влюбляются. Оказывается, у бабушки еще есть шанс! Естественно, она тут же начинает думать о Шоне и набрасывает в блокноте воображаемый эпизод о мальчике и девочке, которых случайно заперли на всю ночь в кладовке в школе-интернате. Она пытается отогнать мысли о том, что будет, когда — если — она вернется в Миллберн.

*Одна девушка с рыбьим умишком
Пошутила безбашенно слишком
С чьим-то мятным драже —
И жалеет уже,
Но похоже, что ей теперь крышка.*

К обеду в организме Эйдин уже сидит тонна кофеина, рука ноет от долгого письма, а мозг — от раздумий. Она застенчиво кивает официантке и заказывает куриный суп на вынос. Официантка Уиллоу — мать-одиночка из Форт-Лодердейла (здесь как-то совершенно не принято держать свою личную жизнь в тайне). Черные корни ее волос резко контрастируют с платиновой короткой стрижкой пикси. Эйдин безумно нравится такой стиль — оригинальный, но не кричащий о своей оригинальности. Все утро Уиллоу спует по вытертому подошвами проходу между кабинками, в одной руке кофейник с кофе без кофеина, в другой — с нормальным, все посетители ей знакомы, и всех она зовет

по именам, а то и по прозвищам. Она приносит Эйдин счет вместе с супом, улыбается и говорит:

— Хорошего дня.

Эйдин всегда терпеть не могла это ходячее выражение, принятое в голливудской поп-культуре: оно казалось ей типично американским лицемерием. Но совсем другое дело — когда тебе желают этого от души. Сама себе удивляясь, Эйдин отвечает:

— И вам.

***

Когда Эйдин поворачивает ключ в двери, Гас Спаркс — все в тех же сандалиях и в свежей отглаженной рубашке — восседает в единственном кресле в номере мотеля, одним своим присутствием придавая этому номеру какое-то неизъяснимое достоинство. Эйдин здоровается с ним и кивает бабушке, сидящей на постели, а затем дерзко приподнимает бровь, словно хочет спросить: «А это еще что за новости?»

— А вот и ты, — говорит бабушка, громко сморкаясь. Эйдин мысленно отмечает: надо бы посоветовать ей в будущем не трубить так в присутствии Гаса. — Я уж думала, ты заблудилась.

— Вот еще, — отвечает Эйдин и начинает накрывать на тумбочке стол для скромного обеда: бумажная салфетка, пластиковая ложка, дымящийся бульон.

— Ты заботливая внучка, — говорит Гас.

— Она у нас вообще миляга.

Эйдин, стараясь не показать, что ей приятно, спрашивает:

— Тебе уже лучше?

— Пока еще не на сто процентов, птенчик, но жить буду. Мне ведь все-таки не восемьдесят девять лет.

— Нет. Всего лишь восемьдесят три.

Бабушка похлопывает ладонью по кровати.

— Присядь ко мне. У Гаса есть для нас новости, но я не дала ему произнести ни слова, пока ты не пришла. Правда же, Гас?

Она подкладывает две плоские подушки себе под спину, устраивается на них у изголовья кровати и осторожно пробует ложку бульона.

— Я, правда, еще не до конца уверен, — говорит Гас, — но, кажется, у нас есть кое-что.

— Вы наш герой, — говорит бабушка.

— О нет, я не хочу присваивать себе чужие лавры. Это все Боб.

— Боб всего лишь винтик! А если бы мы не встретили вас, то вернулись бы домой ни с чем.

Гас протягивает Милли папку, и пальцы у него дрожат — Эйдин не замечала этого за ним в тот день, когда они его встретили. Она смотрит на вторую руку и видит, что и та дрожит тоже. Что это — какая-то ужасная стариковская болезнь, вроде эпилепсии или диабета? Или это бабушка на него так действует?

— Вначале мы просмотрели договоры всех женщин-арендаторов за последние два года. Боб написал номера их машин и проверил на компьютере, а потом мы оставили только женщин в возрасте от двадцати пяти до сорока пяти лет. — Гас выдерживает паузу, улыбаясь бабушке. — Хотите хорошую новость?

Бабушка отодвигает суп.

— А что, еще и плохая есть?

— Нет. Сам не понимаю, почему я так сказал.

— Может, просто волнуетесь, как и мы? — говорит бабушка.

— Всяко лучше, чем прочищать унитазы у недовольных жильцов, — усмехается он. — Итак, хорошая новость: под эти параметры подошли всего три

женщины. — Гас встает. — Хотите взглянуть, нет ли среди них той, кого вы ищете?

Эйдин перестает дышать. Бабушка тянется к папке, и из рукава у нее вылетают две скомканные салфетки.

— Мне нужны очки.

— Можно посмотреть? — спрашивает Эйдин.

— Как чудесно быть такой молодой! — говорит бабушка.

Эйдин выхватывает папку из бабушкиных рук и замирает: с первой же фотографии на нее смотрит сердитая, хмурая женщина средних лет. Эйдин видела Сильвию всего несколько раз, и всегда она была дружелюбной, жизнерадостной и симпатичной. Однако сомнений быть не может: перед ней Сильвия Феннинг.

— Боже мой!

— Она? — спрашивает Гас.

— Согласно этому документу, ее имя — и фамилия по мужу — Сильвия Уэст, — говорит Гас. — А Феннинг — девичья фамилия.

— Ага, — говорит бабушка. — Эйдин, да найдешь ты эти очки или нет? Мне надо посмотреть.

— Может, мои подойдут? — спрашивает Гас. — Вот, попробуйте.

В его маленьких очках в проволочной оправе лицо у бабушки делается вдумчивым и серьезным, да она еще и нарочно напускает на себя глубокомысленный вид и только затем прищуривается на портрет Сильвии Феннинг. Долго вглядывается в него.

— Вот это да, — говорит она наконец, не замечая, что у нее течет из носа.

— Это она, — говорит Эйдин.

— Точно она, — соглашается бабушка.

— Вот коза! — говорит Эйдин.

— Если вы уверены, — говорит Гас, — Боб может навести о ней справки: выяснить, платит ли она налоги, нет ли на ней просроченных кредитов или штрафов за неправильную парковку. Если повезет, можно будет выяснить ее нынешний адрес.

— Забавно, но очки подошли. Значит, мы с вами видим одинаково, а, Гас?

56

Кевин расхаживает взад-вперед по кухне, щуря глаза и выстраивая в уме сложные схемы — время прибытия, города, цены. Менеджер по продажам авиабилетов поясняет: первый рейс во Флориду, на какой есть место, — послезавтра в обед. Дело предстоит не легкое, но Кевин радуется тому, как сплотилась его семья. Грейс отправляется в ближайший банкомат, чтобы снять евро: доллары есть только в некоторых банках в центре города, сейчас на это нет времени. Придется отдавать грабительский процент в обменнике. Джерард по собственной инициативе предложил ненадолго приехать домой и присмотреть за младшими. Это было волшебно. Нуала вот-вот вернется с занятий в дискуссионном клубе, а Киран назначен ответственным за паспорт. Милый Киран — он еще в том возрасте, когда поручения доставляют радость.

Тут возникает некоторое затруднение. Рейс прибывает в Майами, в нескольких часах езды от Клируотера. Придется долго ехать ночью по жутковатым магистралям и дорогам юга Америки. В других обстоятельствах он не отказался бы прокатиться в Майами всей семьей. Латиноамериканская музыка, веселая толпа, мохито у бассейна, пока дети плещутся под ярким солнцем, групповые уроки тенниса с профессионалом, завтрак «шведский стол» и лодка напрокат. Но сейчас, конечно, не до того. Агент объясняет, что

если у Кевина есть возможность подождать еще один день — то есть получается уже два, — то можно лететь через Атланту, а там пересесть на рейс в Тампу — это уже совсем рядом с Клируотером. Кевин, продолжая висеть на телефоне, гуглит и выясняет, что Клируотер широко известен как логово сайентологов. В самом центре города располагается их роскошная резиденция — «суперздание» длиной в целый квартал. Может быть, маму соблазнили предложением пройти «личностные тесты» и обрести «духовное пробуждение». Только представить себе — сайентологи против Милли Гогарти! Удачи вам, ребята.

Сколько ни ломает Кевин голову, он не может понять, как и зачем его мать и дочь занесло именно во Флориду. Если мама что-то терпеть не может, так это жару и стариков. И все-таки она, по всей видимости, именно там, поэтому, несмотря на огорчительную задержку, он подсчитывает непомерные расходы на бронирование билета в последнюю минуту и дает номер кредитной карты — еще одно зерно тревоги о финансовых делах, посеянное в его и без того измученном мозгу. С тех пор, как выяснилось, где они, он снова и снова пытался дозвониться до Эйдин, но всякий раз ему отвечала лишь безумно раздражающая длинная трель американского гудка. Ну да ладно. С ощущением беспомощности покончено. Он летит за ними.

В разгар всей этой суматохи Нуала возвращается домой в самом мрачном расположении духа. Руководительница клуба отозвалась о ней нелестно — она, мол, переигрывает, слишком давит на эмоции, и это выглядит фальшиво. Узнав от Кирана, что отец летит в Америку, она топает стройной ножкой и тут же наседает на него:

— Но ты же пропустишь мои дебаты! — Нуала в ярости — сейчас она и впрямь давит на

эмоции. — «Трудное время — возможность узнать себя». Ты должен прийти послушать!

Кевин делает ей знак замолчать и показывает пальцем на телефон.

Нуала, не обращая на это внимания, выбирает из своего арсенала сильнодействующее оружие: громкий, пронзительный вой, способный просверлить уши и мозг насквозь.

— Так нече-е-естно!

— Тихо! — шипит Кевин.

Нуала умолкает и сердито смотрит на него, пока он, поблагодарив, не вешает трубку с чувством некоторого облегчения: план выкристаллизовывается.

— Папа! — требовательным тоном произносит Нуала. — Разве нельзя полететь на следующей неделе?

— Это не обсуждается.

— Эта Эйдин вечно все портит!

— Послушай меня. — Он придвигает лицо к ее лицу, так близко, что чувствует запах соли и уксуса у нее изо рта, и тут же приказывает себе успокоиться. Нуала, в сущности, не виновата, она просто попала под горячую руку. Он говорит уже тише: — Извини. И мне жаль, что я не смогу прийти на дебаты, но мама придет обязательно. Эйдин — твоя сестра, и она в беде. Сейчас это главное. Это, а не твои дела. Понимаешь?

Нуала вся покраснелась, на лице у нее вызов. Она явно не желает внимать отцовскому предупреждению. Так они оба стоят, глядя друг на друга враждебно, и тяжело дышат, словно двое боксеров после жестокой схватки в предпоследнем раунде. Неизвестно, сколько бы это продолжалось, но их прерывает Киран — запыхавшийся, он появляется в дверях и выпаливает:

— Я не могу найти твой паспорт. Все уже обыскал.

Новое дело! Следующие двадцать минут уходят на тщетный обыск кабинета. Все паспорта Гогарти лежат в папке с пометкой «паспорта» — все, кроме двух: Эйдин и его, Кевина. Умом он это понимает, глазами видит, и все же вновь и вновь открывает папку и перебирает стопку тоненьких книжечек. Сколько раз? Пять? Десять? Джерард без особого энтузиазма ищет в других комнатах. На самом деле все понимают: паспорта лежали в столе, больше им быть негде, а значит, это опять дело рук Эйдин.

Если бы не его эволюция, Кевин, пожалуй, хлопнул бы сейчас рюмашку: просто чтобы расслабиться, пригасить эту жгучую досаду и тревогу, хоть ненадолго избавиться от чувства, что ему все и всегда вставляют палки в колеса. Кевину кажется, что в свои пятьдесят он не только зачастую сам не знает, чего хочет, но и в тех редких случаях, когда знает — как сегодня, например, когда цель совершенно ясна и, казалось бы, достижима, — все равно, черт побери, ни хрена не может сделать. От него ничего не зависит.

Но сегодня он не намерен сдаваться из-за такой ерунды. Сегодня он не сойдет с пути самосовершенствования. Вместо переживаний и мрачных мыслей он направит свою энергию на практическое решение проблем. Сидя в гостиной, Кевин закрывает глаза и тщательно обдумывает возможные варианты. Можно и дальше планомерно прочесывать дом. Можно подать заявление на экстренную замену паспорта, но это займет минимум два-три дня. Он что-то такое слышал о какой-то курьерской службе, о заоблачных переплатах за срочность. Ему представляется курьер-мотоциклист в шлеме, вылетающий из дверей посольства с пакетом под мышкой. Но этот план не поможет ему попасть в Америку раньше следующей недели. Можно снова и снова звонить Эйдин, пока она не даст

слабину, уговорить ее дать трубку бабушке, а там уже под угрозой смерти потребовать, чтобы они немедленно, следующим же самолетом тащили свои задницы домой, в Ирландию.

— Кевин? — Грейс подходит к нему и кладет руку на плечо — так осторожно, словно у него на поясе бомба и нужно отговорить его от взрыва. — Я полечу.

Ему самому даже в голову не пришел такой вариант. И что это значит? Значит, он совсем перестал соображать. Или, точнее, ему пора открыть глаза. Вот она, мать его детей, его жена, его любовь, все еще красивая, которая до сих пор почему-то с ним, и вот она подставляет плечо, чтобы взять на себя его бремя.

Уже с облегчением оборачиваясь к Грейс, Кевин понимает, что не все так просто. Через два дня у нее важные дела на севере — конференция, подготовка к которой идет уже несколько месяцев, и именно Грейс должна ее возглавить.

— А как же Белфаст?

— Придется отказаться.

— Тебя могут уволить.

— Не уволят, — отвечает она. — И ты что-нибудь найдешь, уже скоро.

— Я стараюсь.

— Я знаю.

— А если не смогу?

— Чего не сможешь?

— Найти работу.

— Не глупи.

— Грейс...

— Да?

Кевин знает, что выглядит немного жалко, поскольку то, что он собирается сказать, немного пугает его самого, но озабоченность на лице жены ободряет его.

— Думаю снова попробовать начать писать. В смысле, по-настоящему.

Он видит, что она удивлена.

— Правда?

— Ну, как сказала бы Мейв, пора бы уже вытащить палец из одного места.

Грейс обдумывает услышанное.

— Жена талдычит тебе об этом все двадцать лет, а Мейв Руни наконец убедила тебя, всего за одну неделю?

Кевин смеется.

— Что я могу сказать? Она кладезь мудрости.

— Думаю, это прекрасная идея.

— Да?

— Да. И чем раньше ты приступишь, тем лучше. — Она делает неопределенный жест, обозначая дом и детей: — И мы ведь продолжим с этим тоже?

— С этим я плохо справляюсь.

— Вовсе нет. Ты просто вбил это себе в голову.

— Все-таки это я должен лететь в Штаты, — говорит Кевин. То, что Грейс предложила взять это на себя, уже много значит.

— Но ты не можешь. Значит, ничего не поделаешь.

— Это же моя мать.

— А я вовсе не за ней лечу. Ее я брошу там, во Флориде. — Грейс лукаво улыбается.

Из кабинета доносится крик Кирана.

— Нашел! — вопит он. — Я его нашел!

Он влетает в гостиную и с победным видом останавливается в дверях, размахивая паспортом с гербом ЕС.

— Б... — говорит Кевин.

— Папа! — Изумленное восхищение, написанное на лице Кирана, бесценно. — Ты сказал «б...»!

— Ужасно грубо с моей стороны. — Кевин подходит к сыну. — Точно мой?

Фотография в паспорте сделана несколько лет назад. Волосы немного погуще, морщин поменьше, глаза определенно блестят живее. Но это он. Он проверяет срок действия — это его беспокоило — и обнаруживает, что у него еще не один год в запасе. Зря волновался. Вечно он зря волнуется.

— Молодец, Киран! Где он был? — спрашивает Грейс.

— Между двумя книгами, они высывались из книжной полки.

— Замечательный ты у меня человечиче, — говорит Кевин и целует сына, жену и, отыскав Нуалу, громко и бесцеремонно целует ее в щеку.

57

Мексиканский залив пахнет совсем не так, как Ирландское море: здесь не чувствуется такого сильного, резкого запаха водорослей. И воздух не такой соленый, а словно разбавленный. Сам пляж тоже другой, огромный, роскошный — необъятная равнина неправдоподобно идеального песка. Ничего похожего на дикие зубчатые утесы и покрытые мхом скалы, на крутые обрывы, под которыми ютятся маленькие пляжики, обычно с грубым песком, мокрые и безлюдные.

Чуть раньше, когда обе Гогарти сидели в шезлонгах у бассейна в «Отверженных», прожаривая свою бледную ирландскую кожу, появился Гас с корзинкой в руке и предложил им поужинать на закате, если Милли, конечно, хорошо себя чувствует. И вот он помогает ей спуститься на пляж, а Эйдин идет сзади. Самые негибкие, на удивление загорелые, натертые маслом любители солнца торопятся урвать последний кусочек дня: бегают трусцой вдоль берега или любуются закатом. Многие притащили с собой всевозможное снаряжение: зонтики, мини-холодильники на колесиках, пляжные кресла, складные стулья, детские коляски, а кто-то даже гигантского красного надувного лобстера в смешных темных очках. Дальше, у бетонного пирса, Эйдин намеренно отходит в сторону, делая вид, будто засмотрелась на рыбаков,

сидящих на перевернутых ведрах. Гас тем временем ведет Милли к столику для пикника, врытому в песок.

Милли скидывает туфли, и Гас недоуменно таращит на нее глаза.

Она смеется.

— Хочешь сказать, что у меня носки разные, или что их штопать пора?

— И то и другое, — отвечает он. — Ты потрясающая.

— Вовсе нет, — отвечает Милли, внутренне ликуя.

Подумать только, там, в четырехстах тысячах миль, за этой водой — ее любимый город! Анна и миссис Колдинг, и все остальные в «Россдейле», должно быть, уже давно спят, а она здесь, на берегу Флориды. Она представляет себе Кирана, Нуалу и Джерарда. Вспоминает, как Кевин, когда ему было примерно столько лет, сколько Джерарду, подбегал к дверям с криком: «Мама, ты дома?» А потом вбегал в дом и развлекал ее городскими слухами или рассказами о своих приключениях. Хорошее было время.

Но и сейчас неплохо.

Гас откручивает крышку термоса с собственноручно приготовленным рагу из говядины и раскладывает еду по пенопластовым тарелкам. Солнце уже погружается в море, окрашивая небо в яркие закатные цвета. Ей хочется запечатлеть в памяти все до мельчайших подробностей, нужно обязательно рассказать Кевину и Грейс, как здесь чудесно.

— Потрясающе, правда? — говорит Гас. — Вот почему я вернулся сюда. Когда-то я занимался серфингом. Научился, когда жил в Пендлтоне. Это в Калифорнии.

— А сейчас?

Он смеется.

— Сейчас только смотрю.

— А не бывает обидно?

— На самом деле нет. Смотря как себя настроишь.

Интересный мужчина — такого она еще не встречала. И дело не только в хороших манерах и заботливости. Он как будто очень сильный и в то же время хрупкий.

— Расскажи мне о своем доме, — говорит Гас. — Опиши его.

Он не сводит глаз с горизонта, словно хочет, чтобы она говорила свободно, не чувствуя на себе его ждущего взгляда.

— Я живу у самого моря.

— Везет тебе.

Не подумав, она говорит:

— Ты должен приехать ко мне в гости.

Какая навязчивость с ее стороны! Что бы подумал о ней сейчас ее Питер?

— Я бы с удовольствием.

Она испечет ему шоколадный торт с ломтиками миндаля и нальет чаю, а потом можно будет посидеть вдвоем у окна.

— А вы с внучкой никак не можете остаться здесь подольше — устроить себе небольшие каникулы? Вы столько всего еще не видели. Можно взять напрокат катер, съездить на рыбалку.

В отличие от обоих своих внуков, Милли Гогарти терпеть не может червяков, острые крючки и долгое молчание, к которым, судя по всему, сводятся поездки на рыбалку — вот скука-то смертная, — но приглашение ей льстит. Она задумывается — не похожа ли она на сумасшедшую? Сейчас она определенно чувствует себя сумасшедшей. Думала ли она когда-нибудь, если забыть о свидании вслепую с Капитаном, старым холостяком с крючковатым носом и неприятным запахом изо рта, — свидании, которое устроили для

нее партнерши по игре в бридж, — что у нее еще есть надежда на романтические чувства?

— Можешь пока не отвечать. Просто подумай. — Гас вежливо покашливает. — И, кстати, в нашем деле наметился некоторый прогресс.

Милли зовет Эйдин, и обе напряженно смотрят на Гаса, который, сдерживая улыбку, говорит:

— Я пока не хочу вас слишком обнадеживать, может быть, этот след нас никуда не приведет, но мой брат выяснил адрес Сильвии.

Милли, конечно, взволнована, она просто вне себя от радости, но это не мешает ей то и дело мысленно возвращаться к их недавнему разговору с Гасом. Он хочет, чтобы она осталась здесь подольше, хочет приехать к ней в Ирландию.

— Как же он ее нашел? — спрашивает Эйдин.

— Просто ввел в систему ее имя, ну, то есть фамилию по мужу. В феврале прошлого года она меняла водительские права, а для этого нужно указать адрес. Но там ли она сейчас...

— Давайте поедem и зайдем к ней, — предлагает Милли.

— Пойдите, пойдите, — возражает Гас. — Сначала надо как следует все продумать. Предположим, вы приходите, стучите в дверь. Она открывает дверь...

— И захлопывает у нас перед носом, — продолжает Эйдин, и они смеются.

Все трое долго сидят молча. Волны набегают все ближе, полоска песка между кромкой воды и кучками людей темнеет от влаги. При первом дуновении вечернего бриза Гас Спаркс подходит к Милли, сидящей за столом, и без слов накидывает ей на плечи легкое одеяло.

— А что, если ее как-нибудь заманить в «Отверженные»? — предлагает Эйдин.

Гас качает головой.

— При всем уважении, это как-то сомнительно.

— Да, вы правы. Опять же, как мы ее туда выманим?

Милли пытается ухватить за хвост ускользающую мысль, которая посещала ее еще несколько дней назад. Она поднимает руку, чтобы остальные замолчали. Ей надо сосредоточиться. Это было в автобусе, «Флоридском экспрессе», когда она разговаривала с той женщиной, Джеральдиной. Старушка говорила про того жадного бездельника, который живет с ней и дочерью, что-то насчет денег и ее смерти. Милли проговаривает все это вслух, и понемногу у них начинается складываться план — восхитительный, ненадежный и рискованный — пожалуй, именно такой план больше всего подходит Милли Гогарти.

Все следующее утро троица проводит в приземистом коричневом форде Гаса, наблюдая за домом Сильвии — еще одним типично флоридским многоквартирным гигантом. Эйдин с бабушкой сидят бок о бок, вдавленные друг в друга, на заднем сиденье, бабушка тарыхтит без умолку, а Гас восхищается каждой дурацкой историей, каждой фразой, слетавшей с ее губ. И тут, прямо посреди бабушкиного рассказа о локтевом суставе, который у нее воспалился в 1984 году, дверь квартиры Сильвии открывается, и она появляется на пороге.

Собственной персоной.

Вот она, эта американка, перед ними. Они ошеломленно, затаив дыхание, смотрят, как злоумышленница в легкой белой тунике и сандалиях цвета металлик, с переплетенными ремешками на икрах, выходит на яркий солнечный свет. Эйдин, чувствуя, как быстро забилося сердце, всматривается, в надежде разглядеть в квартире Шона, но эта гадина сразу захлопывает за собой дверь. Сильвия нагибается к торчащему из-под коврика конверту «Федэкс», оставленному там ранним утром Гасом, сует его в сумку и, ни на секунду не отрываясь от телефона, спускается на два этажа вниз по лестнице — к очень дорогому, ослепительно сверкающему серебристому кабриолету «Мерседес» с закрытым верхом, купленному, без сомнения, за бабушкин счет...

— Черт, — выдыхает Эйдин. — Не прочитала.

— Ничего страшного, — отвечает бабушка. — Прочтет.

Письмо, которое Эйдин помогли составить Гас и «Гугл», распечатано на дорогой бумаге в копи-центре вчера вечером. Они много спорили о деталях, особенно о псевдониме для Гаса. В конце концов он остановился на имени своего покойного школьного тренера по футболу, всеми любимого при жизни за справедливость и чувство чести.

*Миссис Сильвии Феннинг
9857 Саут-Мейн-Стрит, кв. 509
Клируотер, Флорида 33764*

Уважаемая миссис Феннинг!

Моя фирма представляет интересы душеприказчика Амелии С. Гогарти, проживающей по адресу Маргит, Си-Роуд, Дун-Лазер, Дублин, Ирландия. Вы указаны в завещании как наследница покойной миссис Гогарти, согласно которому Вам причитается 350 000 евро.

Прошу Вас немедленно позвонить мне, чтобы обсудить процесс получения наследства.

Буду признателен за скорый ответ.

С уважением,

Джон У. Ховард

Адвокат по делам о наследстве

«Ховард Групп»

Тампа-Бэй, Флорида

727-850-3452

Они наблюдают, как Сильвия задним ходом выезжает со своего места и направляется к выезду.

— И что теперь? — спрашивает Эйдин.

— Придется подождать, — отвечает бабушка. — Посмотрим, клюнет она или нет.

Гас хмурится, что происходит с ним не часто, и Эйдин замечает у него на лбу длинные глубокие борозды.

— Теперь, когда мы ее нашли, — говорит он, — я прямо боюсь выпускать ее из виду.

Бабушка и Гас переглядываются — так мило, что даже противно, — и Гас слегка касается бабушкиного колена.

— Поехали за ней.

***

Сильвия Феннинг включает поворотник возле жилого комплекса «Бельведер», роскошного закрытого района на самой окраине Клируотера. Рядом с воротами полощется на ветру растяжка «Продаются элитные дома». Они видят, как Сильвия, махнув рукой толстому охраннику, сидящему в кирпичной будке, проезжает сквозь ворота и едет дальше. Гас оказался осторожным водителем, настолько осторожным, что дважды они чуть было не потеряли Сильвию, потому что он останавливался на желтый сигнал светофора. Дождавшись, когда машина Сильвии скроется из вида, он подъезжает к будке. Охранник не спеша, вразвалку подходит к машине с планшетом под мышкой, сует круглое, как луковка, лицо в окошко и общается, что сейчас некому показать им демонстрационный дом, но они могут заехать внутрь и осмотреть все снаружи.

Гас, Милли и Эйдин медленно едут по лабиринту улочек, вокруг которых стоят бежевые особняки в различных псевдоевропейских стилях — под средиземноморские, версальские, английские поместья.

Некоторые кажутся необитаемыми. Ландшафтный дизайн везде одинаковый — между громадными домами тянутся ряды симпатичных крошечных пальмочек. В воздухе стоит резкий запах удобрений и разогретой смолы. Они обнаруживают «Мерседес» Сильвии перед самым большим особняком по адресу Оушен-Лейн, 149 — хотя океана поблизости не наблюдается.

Дом поражает не только чудовищными размерами, но и уродством. Нижний этаж выложен мозаикой из бежевого, белого и черного кирпича; верхний выкрашен в какой-то грибной цвет. В одном только гараже можно было бы устроить целую дискотеку. Эйдин насчитывает восемнадцать окон, шесть колонн и две огромные, украшенные искусной резьбой деревянные двери с латунными ручками величиной с грейпфрут. Папа назвал бы этот стиль «нуво».

Гас присвистывает.

— Не знаю, к кому она приехала, но люди явно не бедные.

И тут, пока они сидят в «Форде», глядя на дом, телефон Эйдин пищит и появляется сообщение от папы.

«Еду в США. Оставайся на месте».

Она с ужасом зачитывает его вслух.

— Похоже, твой папа все-таки нашел свой паспорт, — говорит бабушка. — Не волнуйся так, ладно. Я позвоню ему, как только вернемся в «Отверженные». Обещаю. Уже пора.

Минут через двадцать им уже становится скучно, хочется есть, а Гас начинает немного нервничать — не заметит ли их Сильвия, если они будут тут долго стоять. Они уже обсуждают, чем бы пообедать, когда раздается рокот: одна из шести дверей пристроенного к дому гаража поднимается, и за ней обнаруживается средних размеров прокатный фургон для перевозки вещей. Из гаража появляется Сильвия Феннинг.

В руках у нее очень большая плоская коробка, судя по ее напряженной позе, очень тяжелая.

Гас говорит обеим Гогарти, чтобы они пригнулись, и, тоже съехав чуть пониже в кресле, пересказывает им, что видит, хотя видно ему не так уж много: Сильвия открывает замок фургона, дергает за стропу и поднимает дверь до самого верха.

— Что в грузовике? — шепчет бабушка.

— Похоже... Не уверен. Стопки больших плоских коробок. Некоторые завернуты в одеяла для мягкости... Не поднимайтесь, леди, она закрывает дверь.

***

На обратном пути охранник машет им рукой, чтобы проезжали, но Гас останавливается рядом с будкой.

— Красота, правда? — говорит охранник. — Знаете, можно приехать на экскурсию. Просто позвоните заранее.

— Отличная идея, — соглашается Гас. — Не знаете, а тот огромный продается? Оушен-Лейн, 149.

Охранник на секунду задумывается, а потом качает головой.

— Нет. Но уверен, на Оушен-Лейн есть другие дома на продажу. Хотите, я уточню?

— А, очень жаль. Я решил, они выезжают. Заметил грузовик.

— Грузовик? — охранник выглядит озадаченным, его потные брыли расплываются, как складки влажного теста. — Нет-нет, мистер Пейл никуда не переезжает. А, наверное, кто-нибудь помогает ему разобрать вещи. Он известный коллекционер картин. Или был.

— Был?

— Зря я так, конечно. Я в том смысле, что он не совсем здоров. Он уже очень пожилой, понимаете, немного не в себе.

Эту познавательную беседу — Сильвия, мерзавка, уже присмотрела следующую жертву — прерывает раздавшийся из недр машины звук. Они благодарят охранника, и, отъехав чуть подальше, Гас останавливается у обочины. Все трое издают радостные возгласы, хихикают, а потом шипят друг на друга, потому что этот звук — звонок нового одноразового телефона Гаса, номер которого знает только один человек на всем земном шаре.

59

В ногах супружеской кровати лежит сумка Кевина, набитая одеждой, которой должно хватить на три дня, и надежно застегнутая. То, что Грейс позволила ему остаться дома — большое облегчение, и он благодарен ей за то, что не придется просыпаться в облаке дыма сигарет Мейв, — но все равно ему не спится. Он пытается победить приступы бессонницы, просматривая в телефонном приложении объявления о вакансиях и отбрасывая самые неподходящие: инженер-программист, водитель грузовика, медсестра в наркологическом центре. Он как раз размышляет о том, какие обязанности приходится выполнять помощнику начальника отдела кредиторской задолженности, когда телефон у него в руке начинает вибрировать, а на экране всплывает имя дочери. Кевин пытается одновременно разбудить жену и ответить на звонок.

— Эйдин?

— Кевин, ты меня слышишь?

Молчание.

— Кевин?

Он выдавливая из себя потрясенное: «Мама?», и она снова, перебивая в своей обычной раздражающей манере, повторяет:

— Ты меня слышишь?

— Мама?

- Это я.
- А Эйдин с тобой?
- Да, она здесь, с ней все в порядке. Кевин, я хотела...
- Позови ее.
- Видишь ли, ее сейчас нет рядом.
- И где же она? — переспрашивает он с неприкрытым раздражением. — Где она сейчас?
- Только что вышла — купить шоколадный батончик. Я знаю, ты, наверное, очень...
- Шоколадный батончик?
- Ну, знаешь, тут, в мотеле, есть автомат.
- В каком мотеле?
- «Отверженные».
- Это что, шутка?
- Кевин, мне нужно тебе...
- Где ты?
- Я как раз и звоню, чтобы сказать. Мы с Эйдин живы и здоровы. Мы в полной безопасности, и ты не...
- В Клируотере? Вы с Эйдин еще в Клируотере, во Флориде?
- Откуда ты знаешь? Вообще-то мы сначала прилетели в Орландо, это примерно в двух часах езды на северо-восток...
- Ты нарочно издеваешься? Ты уехала за границу вместе с моей дочерью, ты ее похитила...
- Ой, только не...
- И ты думаешь, мне сейчас нужен урок географии? Надо бы позвонить в полицию, чтобы тебя арестовали.
- Грейс садится на постели:
- Что случилось? Это Эйдин?
- Кевин отвечает одними губами: «Мама, — и берет жену за руку. — Они все еще в Клируотере».

В телефон он говорит:

— Позови Эйдин к телефону.

— Я скажу, чтобы она тебе завтра позвонила.

— Я даже не знаю, с чего начать, — говорит он. — Сидите там, никуда не уезжайте. Я еду за вами. Завтра прилечу.

— Незачем тебе приезжать. У нас все в порядке. Мы даже весело проводим время. Послезавтра будем дома, если все пойдет хорошо.

— Что пойдет? А не хочешь ли ты... будь добра хотя бы объяснить, зачем ты увезла нашу дочь во Флориду? Тебе что, просто захотелось устроить каникулы? Просто вдруг подумала — а не свозить ли мне внучку поваляться на солнышке?

— Нет, дело не в этом.

— Без единого слова! Мы что, по-твоему, не стоим, чтобы хотя бы позвонить?

— Ну да, все так, и, послушай, Эйдин каждый день хотела тебе позвонить, но я ей не давала, ведь ты бы попытался нас остановить.

— Да уж конечно, б...!

Милли и Грейс в один голос ахают. Услышать от Кевина слово на букву «б», по крайней мере в разговоре с матерью — это уникальный случай.

— Ей всего шестнадцать лет! — кричит он. Грейс сжимает его руку.

— Успокойся, — шепчет она. — Успокойся.

— У нее занятия в школе! — продолжает Кевин. — Нельзя же так — просто купить билет посреди недели, и... я просто не... и это в придачу к всему остальному — воровству, вранью, спектаклям, побегу из этого б...ского дома престарелых...

Опять! Сегодня мат из него так и сыплется.

Он уже собирается сказать ей, какая она безответственная, эгоистичная, что она не имеет понятия, что

значит терзаться мыслью, что твой ребенок погиб, но вспоминает о своей умершей сестре, Морин, которую даже не помнит, потому что был слишком маленьким.

— Я понимаю, что ты расстроен, — говорит мама возмущительно веселым голосом. — Я и раньше понимала, что ты волнуешься, но ведь я знала, что с ней все в порядке, все замечательно. Просто пропустит несколько дней в школе. Но, если хочешь знать правду, мне тоже есть что тебе сказать.

— Переключи на громкую связь, — просит Грейс.

В темной спальне слышится мамин голос:

— Ты сказал, что это полиция настояла на том, чтобы ко мне ходила сиделка, а это неправда. Это все ты. Ты все это придумал. Все.

— Та американка? — спрашивает Грейс.

Кевин кивает.

— Думаю, ты еще не в курсе, что эта Сильвия Феннинг, которую ты нанял, на самом деле мошенница. А, Кевин?

Он не в курсе.

— Она украла кольцо твоего отца — точнее, весь сейф, да, весь! И телевизор, и все остальное тоже.

Ярость Кевина утихает, во всяком случае, на время: ему нужно сначала переварить эту поразительную новую информацию.

— Что значит — все остальное? — спрашивает он.

— Так что, по-моему, ты виноват не меньше меня, и, я бы сказала, мы с тобой в каком-то смысле квиты. И в любом случае тебе не о чем беспокоиться, у нас все отлично, мы в безопасности, просто у нас тут очень важный проект, а один день все равно ничего не решит, так что сиди дома и не трать деньги.

— Мама!

— У нас все в полном порядке, Кев. Поцелуй от меня Грейс и детей, будь добр. Пока-пока!

60

Скромно скрестив ноги, Сильвия Феннинг изящно расположилась на диване в обставленной, но пустующей однокомнатной квартирке на четвертом этаже в доме Гаса. Гас с Сильвией уже обсудили это интересное совпадение — то, что Сильвия тоже жила когда-то в «Виктори-Тауэрс». Теперь она рассказывает ему о своем любимом местечке для барбекю. Передавая ему документы и подписывая его фальшивые бумаги (бланки для завещания куплены в магазине канцтоваров), она мимоходом рекомендует ему куриные крылышки в сладком и остром соусе в местном ресторане. Из темноты соседней спальни Милли и Эйдин наблюдают, как Сильвия эффектным жестом двигает бумаги Гасу через весь кофейный столик, словно одаривает поклонника своим автографом. Затем как будто спохватывается, опускает взгляд на колени и задумчиво качает головой, словно охваченная внезапной глубокой печалью.

— Как грустно. Такая удивительная женщина.

Тварь лицемерная.

Сильвия бросает ручку — ручку Гаса, между прочим! — в свою огромную кожаную сумку на ремне и поправляет складку на платье.

— Это все?

— Все.

— Оказывается, ничего сложного, — смеется она. — А как мне теперь получить чек?

Милли не видит лица Гаса, но ей кажется, что он старается скрыть отвращение.

— Мне отправили его по почте?

— У меня для вас конверт.

Это сигнал Милли, но, хотя для ее выхода все готово, она все еще чего-то ждет и наблюдает. Трудно оторваться от такого зрелища — как кто-то с непостижимой легкостью принимает твою смерть и старается выжать побольше денег за светской беседой о курятине.

— О, так даже лучше, — говорит Сильвия. — Просто замечательно.

Гас, очень представительный в темном костюме и галстук, держится на удивление хладнокровно. Он протягивает Сильвии конверт. Как только конверт оказывается у нее в руках, она со вздохом откидывается на диван и говорит:

— Пожалуйста, передайте мои соболезнования ее родным.

— Конечно.

— Я скучаю по этому району, — говорит она. — Я тут присматриваюсь к новому жилому комплексу — «Возвращенный рай», прямо на Бродвее, слышали?

— Не думаю.

— О, там сплошь новые кондоминиумы, действительно элитные. Паровой душ, тренажерный зал, бассейн олимпийского размера. Словом, потрясающе. — Она прижимает конверт к своему декольте и поднимает глаза к потолку. — Спасибо, Милли Гогарти!

— Ну что ж, — говорит Гас сухо — впрочем, Сильвия этой сухости не замечает, — я рад, что все сложилось так удачно.

Сильвия встает, благодарит Гаса и пожимает ему руку. Милли по-прежнему не двигается.

— Не знаю, имею ли я право об этом спрашивать, — неуверенно говорит Сильвия, — но нельзя ли мне кое-что узнать о других людях, в смысле, о других бенефициарах в завещании?

Она снова садится.

— Не упомянут ли там некий Шон Гилмор? Это мой племянник. Не то чтобы я на что-то рассчитывала... просто... ну, в общем, просто на всякий случай решила спросить, ведь вы, возможно, не знаете, что я его опекунша, поэтому мне придется оформлять все документы.

Эта алчная попытка вытянуть хотя бы еще крупичу наконец побуждает Милли к действию. В самом деле, можно ли вытерпеть еще хоть секунду? Эйдин, немного встревоженная, сидит рядом, и они с ней обмениваются нервными улыбками.

— Наш выход, птенчик, — шепчет Милли.

Две Гогарты храбро шагают через порог в холодную гостиную, где кондиционер работает на полную мощность. Комната тесновата для четверых и, наверное, недостаточно велика для такого торжественного момента. Но ничего, сойдет.

Взгляд Милли встречается со взглядом Сильвии. Есть ли в английском языке слова, которые могли бы в полной мере выразить эту радость — увидеть наконец-то беспомощную растерянность на обычно сияющем лице врага? Нет, конечно, никакие слова этого не передадут. Сильвия, очевидно, тоже потеряла дар речи. Милли совершенно отчетливо видит, как вращаются шестеренки в отвратительном мозгу этой женщины, когда она пытается осмыслить невероятное: Милли не умерла, она стоит напротив нее в квартире в Клируотере, Гас Спаркс — никакой не поверенный, нанятый ирландским банком, в конверте нет никаких денег, «Обретенный рай» потерян навсегда.

— Какого черта? — Сильвия вскакивает с места в своих сандалиях на танкетке, и ее сумка падает на пол. Из нее вываливаются телефон, пачка таблеток в розовой пластиковой упаковке в форме подковы, связка ключей на блестящем кольце. Милли вглядывается: нет ли там чего-нибудь компрометирующего — поддельных кредиток, паспортов, еще какой-нибудь улики, которая поможет ее прищучить?

— Что это такое? — взвизгивает Сильвия.

— Это призрак Милли Гогарти, — говорит Милли с дьявольской ухмылкой, которую Эйдин позже будет копировать всякий раз, пересказывая эту историю.

— Что вы здесь делаете?

Не то Сильвия и впрямь не верит собственным глазам, не то просто тянет время.

— Полагаю, это довольно очевидно. Я пришла посмотреть, как ты будешь получать мое наследство, — говорит Милли, изображая пальцами кавычки. — Хотя большую часть ты украла еще раньше.

Сильвия переводит взгляд с Милли на Эйдин, потом на конверт, где на самом деле лежит сложенный чистый лист бумаги.

— Это смешно. — Сильвия начинает шарить руками по ковру, торопясь собрать рассыпавшиеся вещи, но она уже в легкой панике, и получается это у нее неуклюже. Она плюхается на колени, задницей вверх, и лезет жадными пальцами под диван, чтобы достать завалившуюся туда двадцатидолларовую купюру. Милли видит узкую полоску бирюзовых трусов — стринги, кажется, они называются? — тонкую веревочку, зажатую прямо между ягодицами Сильвии, и на короткий миг чувствует к ней что-то вроде жалости.

Но лишь на короткий миг.

— Ты меня изрядно обчистила, — говорит Милли.

— Понятия не имею, о чем вы. — Сильвия поднимается с пола, крепко сжимая в руке банкноту. — И я не собираюсь сидеть тут и выслушивать этот бред.

И тут хитроумная внучка, та самая Эйдин, которую все вечно недооценивают, хватает с пола брелок с ключами.

— Отдай! — визжит Сильвия.

Эйдин сует брелок за пояс новых шортиков, которые накануне вечером соорудила из своих джинсов.

— Что ты делаешь?

— Придется посидеть здесь и послушать, потому что бабушка еще не все сказала.

— Верни мне ключи сейчас же, сучка бешеная, или я в полицию позвоню.

Гас делает шаг вперед, словно готовясь защитить Эйдин. Это превращение Сильвии из милой и услужливой женщины, какой она была в Дублине, в это отвратительное, мерзкое, лживое существо, хотя Милли должна была этого ожидать, все-таки шокирует.

— Блестящая идея, — говорит Милли. — Давайте вызовем полицию.

Она уже стоит у бежевого кнопочного телефонного аппарата, висящего на стене в кухне, и набирает ноль.

— Нужно набирать 911, — подсказывает Гас.

— Ах, вот как?

Сильвия фыркает.

— И что же вы им скажете?

— Скажу, что ты не та, за кого себя выдаешь.

— Ну да, на такой вызов они бегом прибегут. «Господин полицейский, эта дама не та, за кого она себя выдает!»

— А еще скажу им, что ты воровка. Что ты выкачала тысячи евро с моего банковского счета. Что чудовищной ложью выманила у меня чек.

— Вы действительно совершенно свихнулись, сами-то понимаете? — говорит Сильвия и качает головой, глядя на Гаса, словно уж им-то двоим это совершенно ясно.

— Обвинения будут предъявлены следующие... так, сейчас... подлог, мошенничество, хищение, — говорит Милли. — Я ничего не упустила, Эйдин?

— И еще обыкновенная кража.

— Еще угон, — говорит Гас. — Она ведь, кажется, угнала вашу машину?

— Не было этого! Не знаю, о чем вы говорите. Отдай мне ключи сейчас же! Я не шучу!

— На самом деле мне нужно только кольцо.

— Совсем из ума выжила.

— Ты знаешь, что оно для меня значит. Разве я этого не заслуживаю? Я же была добра к тебе.

— Ты была ко мне добра? — насмешливо переспрашивает Сильвия. — Не лсти себе! Мне без конца приходилось слушать твое нытье. Ах, у меня в доме сквозняки! Ах, где мои очки? Ах, у меня закончилась туалетная бумага. Ах, ко мне никто не заходит! Ха! Как будто твой сын не таскался к тебе чуть ли не каждый день. Ты даже не понимаешь, как тебе повезло, что твои родные терпят все твои выкрутасы. Что они еще не засунули тебя в подвал и не заперли там навсегда. Ты шутишь, что ли? — злобно фыркает она. — Я заработала эти деньги.

— Ну, пусть полиция с этим разбирается.

— Не хочется вас огорчать, но полицейское управление Клируотера мало колышет преступления, якобы совершенные в другой стране.

— Может, и нет, может быть, ты и права, — Милли выдерживает паузу. — Только вот интересно, что они подумают насчет мистера Пейла.

В глазах Сильвии читается неподдельное удивление.

— Интересно, что они найдут, если проверят последние выписки со счета мистера Пейла. — Милли выжидает, наблюдая за выражением ужаса на лице выпучившей глаза Сильвии, и добавляет как бы невзначай: — И его коллекцию живописи?

Неожиданно Сильвия бросается на Эйдин, и та визжит — так, что Милли не понимает, почему соседи еще не сбежались. С другой стороны, у многих, наверное, со слухом не очень. Сильвия грубо хватается Эйдин за руки. Эйдин отбивается как может, но Сильвия гораздо сильнее. Обе пыхтят от натуги. Гас вклинивается между ними, пытается оторвать Сильвию от Эйдин, но свалка не прекращается, и Сильвия с силой толкает Гаса. Он падает навзничь, и резкий хруст, когда он врезается головой в стену, звучит пугающе. Милли бросается к нему.

— Гас? Гас! Гас!

— Отдай ключи, б...! — вопит Сильвия.

— Ничего, — хрипит Гас.

Но нет, дело плохо. Он сидит скорчившись, дыхание у него прерывистое, глаза закрыты. Сейчас он кажется совсем древним стариком. Милли берет его лицо в ладони.

— Где больно, Гас? Я вызову скорую?

Сильвия, не глядя на них, крепко сжимает в кулаках тонкие запястья Эйдин. Потом выпускает одну руку и отвешивает девушке хлесткую пощечину. Эйдин вскрикивает от боли. Все летит к чертям, и так быстро!

— Ничего, — повторяет Гас и тянет руку к затылку, чтобы пощупать рану. На пальцах остается кровь. Милли испуганно ахает, Сильвия с Эйдин оборачиваются посмотреть, что происходит, и тут Эйдин успевает воспользоваться моментом: она пихает Сильвию локтем в живот и на короткое время выводит ее из

стройка. Эйдин вскакивает, пулей влетает — почти ныряет — в ванную, захлопывает за собой дверь, и Милли слышит щелчок замка. Сильвия бежит следом и орет, требуя отдать ключи. Она молотит кулаками по двери, пока Эйдин не говорит совершенно спокойно:

— Если ты сию же минуту не уйдешь, я вызову полицию.

В квартире становится очень тихо, потом Милли слышит длинный звонок. Эйдин, должно быть, включила телефон на громкую связь.

— Девять-один-один, что у вас случилось?

— Психи долбанные! — говорит Сильвия, и вот она уже снова в гостиной — вихрем проносится мимо Милли и Гаса, все еще лежащего на полу, бросается к своей сумке, хватая ее и в три гигантских шага оказывается у двери.

Милли хочет догнать Сильвию, которая сейчас, должно быть, уже мчится по коридору и вбегает в лифт. Второй раз им ее, конечно, уже не найти. Милли, парализованная нерешительностью, уже готова все-таки бежать за ней, но тут же понимает: нельзя. Гас истекает кровью.

— Эйдин!

— Она ушла?

— Неси скорее полотенце, — говорит бабушка.

— Она ушла?

— Да! И скорую вызови.

Эйдин открывает дверь ванной.

— Боже мой... — шепчет она, увидев Гаса.

— Скорее! — кричит Милли.

На левой щеке у Эйдин отпечаток руки Сильвии, и все лицо мокрое от слез.

— Прости, дружок, не хотела на тебя кричать, но, пожалуйста, поторопись.

61

Эйдин изучает сидящие вокруг семьи, пытаюсь подобрать клинические термины для возможного стихотворения на медицинскую тему. Оказывается, в пункте неотложной помощи Клируотера можно найти немало источников вдохновения. Рана Гаса хоть и не так страшна, как в фильмах ужасов, но все-таки еще кровоточит, и это выглядит довольно жутко, не говоря уже о стремительно наливающейся разноцветной, как в мультиках, шишки, выпирающей из головы, словно лава. Как будто озорной мышонок только что треснул его чугунной сковородкой.

Гас с бабушкой скрылись за зеленой дверью — волшебным порталом, который открывается очень редко — примерно два раза в час, — и, когда это происходит, все головы в тихой, битком набитой приемной нетерпеливо поворачиваются в ту сторону. Они ждут. Кто-то играет на телефонах; какая-то тетка рассеянно обмахивается брошюрой под названием «Анальный зуд: причины и лечение».

Когда они были еще в квартире, Гас сказал, что скорая ему не нужна, и Милли подумывала даже сесть за руль «Мерседеса» Сильвии, но в конце концов они просто вызвали такси. Эйдин сидела впереди и слушала, как бабушка твердит: «Все будет хорошо, Гас. Все будет просто отлично». Когда эта мантра

пошла на третий круг, Эйдин поняла, что бабушка просто заговаривает ему зубы, а на самом деле ужасно волнуется.

Иногда ложь необходима и даже благородна.

Ожидание изматывает, запах здесь больничный, и холодно, и стулья казенные, но все же в этом месте есть что-то странно интимное. Здесь Эйдин ощущает небывалую до сих пор близость с гражданами этой страны — никакого сравнения с ее одинокой прогулкой по шоссе, или аптекой, или закуской, или торчанием у бассейна в раздумьях о Шоне. (Возможности расспросить о нем Сильвию так и не представилось: этот поезд ушел в тот момент, когда началась заваруха.)

Всем людям в этой приемной так или иначе больно или, по крайней мере, нехорошо, им всем нужна помощь, и это, кажется, не оставляет места для какого бы то ни было притворства и вынуждает снять защитную броню. Для Эйдин это удивительно непривычно: сама она с этой броней никогда не расстается, разве что дома, с родными. Напротив нее на виниловом стуле цвета разбавленной мочи сидит усталая, очень полная молодая мать в джинсовых леггинсах, с тонким золотым пояском на талии, и держит на руках младенца. Девочка (в ушках у нее поблескивают крошечные лиловые точки бриллиантовых сережек) уставилась на Эйдин широко раскрытыми влажными глазами — так серьезно, что не ответить кажется невежливым. Эйдин трижды смущенно закрывает лицо пальцами, изображая игру в «ку-ку», но малышка смотрит на нее без улыбки, все тем же профессорским взглядом — холодно, изучающе. Эйдин это смешит. Пожалуй, надо попробовать написать стихотворение от лица маленького ребенка.

Время от времени входная дверь распахивается, впуская внутрь поток теплого вечернего воздуха, и Эйдин смотрит, как входят в приемную раненые и больные, обычно в сопровождении кого-то из родственников. Неулыбчивая женщина за стойкой администратора тут же велит им пройти регистрацию с помощью автоматов, расположенных у дальней стены. Пожилые люди явно теряются и не знают, что делать, но их все равно отправляют к терминалам. Эйдин это начинает раздражать: люди явно нуждаются в элементарной человеческой помощи и не получают ее. Бледная миниатюрная женщина с морщинистым лицом, в фиолетовой ветровке, в полном замешательстве стоит перед экраном и что-то тихонько бормочет. Для нее это все равно что кабина пилота или машина времени.

Эйдин не в силах больше на это смотреть. Хотя это совсем не в ее характере, она подходит и говорит:

— Вам помочь?

Она выуживает из ветхого бумажника женщины водительские права, вынимает их из пластиковой обложки и проходит вместе с ней всю эту бюрократическую процедуру, этап за этапом. Датчик пищит, когда она проводит правами под красной лампочкой — сначала одной стороной, потом другой. Затем автомат требует карту медицинского страхования.

— «Медикэр», что ли? — переспрашивает женщина.

— Не знаю... — говорит Эйдин, берет у женщины кусочек неламинированного картона — такой тоненький и непрочный для такого важного документа — и проводит им под датчиком. Далее следует еще целая серия вопросов, подтверждений и проверок, и наконец экран спрашивает, воздерживался ли пациент от приема пищи.

— А?.. — говорит женщина.

— Он спрашивает, ели ли вы что-нибудь в последние двенадцать часов?

— Кекс с отрубями, — отвечает женщина.

Эйдин нажимает «нет». Так они отвечают на новые и новые вопросы, пока не доходят до последнего экрана. Женщина благодарит и предлагает Эйдин доллар, но та вежливо отказывается. После этого она уже не отходит далеко от автомата — на случай, если ее помощь понадобится еще кому-нибудь (дважды так и случается). Наконец зеленая дверь распаивается, и из нее бодро выскакивает бабушка.

— С ним все в порядке. Правда, нужно будет наложить скобы, но ничего, зайду в магазин канцтоваров и куплю степлер. — Бабушка говорит это с таким невозмутимым лицом, что Эйдин смотрит на нее оторопело, пока не замечает озорную улыбку.

— Господи! — Эйдин смеется, хотя и не уверена, что сейчас подходящее время для шуток.

Бабушка отводит ее в дальний угол этой мрачной комнаты, туда, где народу поменьше, и усаживает на стул.

— С ним все будет хорошо, птенчик, слава богу. Хотя Бог тут и ни при чем. Во всяком случае, он в полном сознании. И болтает всюду. Но его нужно везти в больницу — здесь скобки не накладывают. — Она смотрит на Эйдин. — Я поеду с ним.

— Тогда и я тоже.

— Нет, — говорит бабушка. — Это просто глупо, мы же...

— Я хочу поехать с вами.

На блузке у бабушки маленькое пятнышко — кровь Гаса.

— Я решила остаться здесь еще на несколько дней, может быть, на неделю, на две. С Гасом. У него

сотрясение мозга, кто-то должен за ним присматривать, не то еще заснет и не проснется.

— Разве брат не может за ним присмотреть?

— Наверное, может, — отвечает бабушка, — но Гас попросил меня. И потом, Эйдин, тебе все равно надо домой. Я пообещала твоему отцу. Если ты завтра же не сядешь в самолет, он мне точно голову оторвет.

— Я одна не полечу! — говорит Эйдин так громко, что посетители начинают оглядываться с любопытством.

— Но почему? Ты же здесь бродила повсюду одна, и ничего?

— Я не могу.

— Можешь.

— Но как же так? Улететь, и на этом конец? А какой тогда смысл? Ничего у нас не вышло. Сильвия осталась безнаказанной, деньги тебе не вернули. Шона я так и не увидела.

Бабушка усмехается.

— Ну, не совсем ничего не вышло. Даже совсем не ничего.

— Двойное отрицание.

— В грамматике ты сильна, Эйдин.

Эйдин мрачнеет с каждой секундой. Все, хватит с нее! Она уже сыта по горло и этими разговорами, и этой клиникой, и этими шуточками, и этой страной!

— Иди сюда, я тебе расскажу, — говорит бабушка. — Полиция может выдать ордер на арест Сильвии. Боб сказал, что случай с Гасом будет рассматриваться как нападение, если он подаст заявление. Но даже если не подаст, мы хорошо сделали, что поехали за ней к мистеру Пейлу. Он, похоже, здесь большая шишка, или был раньше, что-то связанное с инвестициями

в систему лазерной эпиляции. Не знаешь, случаем, что это такое? Как бы там ни было, они собираются начать расследование. К обману пожилых людей здесь относятся очень сурово. Целый специальный отдел этим занимается.

— Но если ее посадят в тюрьму, как же Шон?

Эйдин тут же представляет, как ее любимого снова передают под опеку первому попавшемуся родственнику или, еще хуже, на воспитание в назначенную государством семью. Или он оказывается в каком-нибудь учреждении. Или на улице.

— Ему же скоро исполнится восемнадцать?

— В мае.

— Ну вот, значит, с ним все будет в порядке.

Эйдин тут же приходит в голову нечто немыслимое и опасное: явиться прямо в квартиру Сильвии и потребовать впустить ее. Мысленно она уже поднимается по лестнице и слышит дико грохочущую музыку, еще даже не подойдя к двери. Наверное, у него на плече висит гитара, если он только что на ней играл...

— Знаешь, что меня больше всего поразило, если честно? — спрашивает бабушка. — Сильвия испугалась. Пусть на минуту, но всерьез.

— Это правда.

— И меня это очень радует. Не то чтобы мне нравилось пугать людей, но сам факт...

— Да, я понимаю.

— Пусть я старуха, — говорит бабушка, — но я пока еще не труп, черт возьми.

— Ты крутая, бабушка.

— А как ты ключи в штаны засунула!

Эйдин улыбается.

— Кажется, ей это не очень понравилось, — говорит Эйдин шепотом — для комического эффекта,

и вскоре они обе уже смеются, вспоминая свои абсурдные приключения.

— А что в итоге стало с ключами? Ты их там оставила? — спрашивает бабушка.

Эйдин извлекает ключи из кармана.

— Не знала, что с ними делать.

— Сувенир? — Бабушка встает. — Тебе пора идти собирать вещи. Встретимся в «Отверженных».

— Бабушка, а как же твое кольцо?

Бабушка вздыхает и складывает руки на коленях.

— Да, это большая потеря. Тут ничего не скажешь. Мне был двадцать один год, когда твой дедушка сделал мне предложение, ты это знала? Никогда не забуду его лицо. Такое перепуганное, как будто вот-вот описается от страха. Кажется, до этого момента я не верила, что он меня любит. А кольцо — это было кольцо его бабушки. И с тех пор оно всегда было со мной, не считая самого первого дня. Я тебе не рассказывала эту историю?

Рассказывала, конечно. Эйдин Гогарти и сама могла бы рассказать ее слово в слово.

— По-моему, нет.

Мать с младенцем пристально наблюдает за ними. Половина приемной, кажется, подслушивает, просто от скуки. Бабушка выпрямляет спину, и вот ее уже нет здесь — она перенеслась в Дублин, в тот чудесный день. Кольцо ей велико, оно соскальзывает с пальца, а они с Питером даже не замечают, где и когда, и ее нареченный ползает на коленях в траве (и откуда взялось такое идиотское слово — «нареченный»? — мысленно спрашивает Эйдин), а на следующий день замечает объявление, и вот наконец бабушка пьет чай с нашедшей кольцо женщиной в отеле «Шелбурн» и угощает ее сэндвичами и сконами со взбитыми сливками.

— Со взбитыми сливками? — переспрашивает Эйдин, отмечая эту новую деталь, и не знает, правда это или вымысел, и имеет ли это какое-то значение.

— Со взбитыми сливками, — повторяет бабушка. — И, помнится, с клубникой.

62

Пусть с годами Милли Гогарти все реже удастся приносить пользу людям, но вряд ли когда-нибудь ей выпадала более приятная роль, чем сейчас: просто сидеть рядом с Гасом Спарксом, весело щебетать, пока он, обессиленный, но благодарный, лежит на больничной койке. Она подходит к этой задаче со всем энтузиазмом и делится с пациентом, чей диагноз — сотрясение мозга — пока под вопросом, самыми разными красочными наблюдениями, которые она, в точности как Эйдин, успела собрать в приемной пункта неотложной помощи, пока его не перевели сюда. Рассказывает о джентльмене с красным воспаленным глазом, о медсестре в ужасных туфлях, которая дважды, насколько она успела заметить, удирала со своего поста, чтобы покурить на крыльце, и так далее.

Вечер, но еще не очень поздно, и из большого окна на шестом этаже видно бескрайнее розовое небо. Милли не из тех, кто привык скрупулезно следить за своим эмоциональным состоянием, однако она не может не признать, что сейчас, в этот момент, в этой комнате, в этой стране, рядом с этим человеком ощущает какую-то удивительную легкость. Даже после всех ужасных потрясений и бед этого дня ее все-таки греет чувство, что она на своем месте.

Но Гас выражает беспокойство о той, кого с ними нет, а именно об Эйдин. Тогда Милли просит одолжить

ей на минуту сотовый телефон и вскоре выясняет, что внучкин чемодан уже собран и стоит у двери, а сама она преспокойно полеживает на кровати в «Отверженных», поедает шоколадные батончики со странными названиями и смотрит шоу «Девятнадцать детей — не предел».

Приехали: Эйдин полностью американизировалась.

Милли хлопочет вокруг Гаса так, будто они сто лет женаты: наливает воды из графина, стоящего на століке, осторожно вставляет Гасу в рот соломинку и придерживает стакан, пока он пьет. Ей вспоминается, как она ухаживала за Питером после того ужасного инсульта, хотя тогда все было много хуже: его пришлось заново учить и сидеть, и стоять, и есть, и говорить. «Я Милли. Я твоя жена». Питер, пожалуй, счел бы Гаса человеком до неприличия прямолинейным, но все же неплохим.

Наконец, Гас кивает, и Милли, внутренне собравшись, приступает к следующей, гораздо менее приятной задаче. Она выходит в безмолвный коридор и набирает номер сына. Тогда, много лет назад, это Кевин обнаружил отца на шезлонге в саду с прикрытым кепкой лицом. Тогда они упустили немало драгоценных минут, потому что Кевин не догадался, что у него сердечный приступ, и не стал будить отца. В больнице Кевин все повторял: «Я думал, он просто спит», — всем, кто готов был слушать: и администратору, и медсестрам, и врачу. И ей, Милли, которая, сама онемев от ужаса, вряд ли могла толком его успокоить.

Медсестра, похожая на Винни-Пуха в своем бледно-розовом форменном костюме, деловито катит мимо какой-то сложный агрегат, напоминающий тележку с напитками в самолете, только сплошь оплетенный какими-то трубками и проводами. Милли слышит короткое «привет» сына. Она пытается вспомнить, когда

в последний раз говорила Кевину, что любит его, или хотя бы простое спасибо. И когда она последний раз сознавалась в чем-то Кевину, признавала свою ответственность за что-то?

Милли заглядывает в палату Гаса: он лежит, закутавшись в простыню, его прекрасное, мужественное, старое лицо повернуто в ее сторону. Вероятно, она еще пожалеет об этом, когда Кевин не захочет отдавать ей ключи от машины или станет разговаривать с ней, как с выжившей из ума старухой, да и сейчас ей тяжело дается эта уступка. И все же она решается. Она говорит ему:

— Прости.

63

В зале прилета в аэропорту Дублина Эйдин сразу же бросается к отцу, и он подхватывает на руки так, что ее высокие кроссовки с развязанными шнурками повисают в нескольких дюймах над полом, и душит в объятиях. Пожалуй, это самое унижительное публичное проявление родительских чувств, какое Эйдин приходилось терпеть за все ее трудные годы взросления. На миг в ней просыпается прежняя презрительная враждебность. Ужасно бесит, когда ее даже не спрашивают, хочет ли она, чтобы ее обнимали, как будто она не имеет права голоса.

И в то же время — Эйдин не хочет лгать себе — она втайне замирает от счастья в этом потоке отцовского внимания, с наслаждением купается в нем, пусть и сердито смагивая слезы. Она дома. Эйдин не забыла, как он умеет иногда раздражать, каким бывает недотепой, как часто злоупотребляет своей властью и бесцеремонно вмешивается в ее дела («вторгается в личное пространство», как говорят в Америке). Но все-таки, черт возьми, — это ее папа!

А ведь когда-то — она теперь с трудом вспоминает, как и почему, — она стала сомневаться, что родители ее любят. Теперь ей это кажется полным идиотизмом. Кажется, из всего этого мог бы получиться неплохой лимерик, но сейчас не до этого.

— Ты понимаешь, — говорит папа, когда они уже идут к автостоянке, — что тебе предстоит сидеть под замком ближайшую четверть века?

А правда, какое ее ждет наказание? Все девять часов в небе она терзалась мучительной тревогой. Но, как ни удивительно, ни о какой школьной чепухе речи не идет вообще. Может быть, ее исключат, может быть, ей придется сменить школу, а может быть, ее заставят вернуться в Миллберн и предстать перед Бликленд.

И вот они уже подъезжают к дому в Долки, который теперь, после ее путешествия, поражает своим царственным величием по сравнению с пастельными новостройками, на фоне которых разворачивались ее недавние приключения. Нуала, Киран и Джерард — он приехал! — все такие красивые и тощие, как модели, выходят на крыльцо и спускаются по каменным ступеням. Вид у всех странно нерешительный, будто никто не знает, что теперь говорить и что делать. Джерард первым подходит к Эйдин, горестно качая головой.

— Ну как ты? — он обнимает ее и обзывает балбесиной. Сестра тоже обхватывает ее руками и тут же начинает радостно трещать. А вот она никогда не была в Америке! А какие там парни? А правда, что там все девушки ходят в бикини? Киран тихонько берет Эйдин за руку. Теперь Эйдин понимает, что чувствует Чёткий, когда его окружает толпа фанатов. Рок-звезда, блин.

Эйдин вытаскивает из машины свой чемодан и идет к дому. Мама стоит в дверях, скрестив руки, с непонятным выражением лица. Радость? Печаль? Облегчение? Все вместе? Уголки маминых губ сползают вниз. На ней папин фартук с надписью «Вам еще не надоело смотреть, как я работаю?». Уголком фартука она вытирает глаза. Хм, думает Эйдин, кажется, все-таки все вместе...

Эйдин хорошо владеет собой, чертовски хорошо — до тех пор, пока мама не зовет ее по имени и не раскрывает объятия.

***

Из школы Эйдин теперь никуда не выпускают, и она проводит вечера перед экзаменами в комнате отдыха в «Фэйр»: играет в пинг-понг и жарит тосты вместе с Фионой Фэллон. Фиона не такой безбашенный ураган, как Бриджид, зато и не такая безжалостная. Эйдин умиляет, что новая подруга постоянно пытается резать мячи, даже когда это явно безнадежно, и со временем ей даже стали интересны Фионины рассказы, пусть и путанные, о многочисленных курах (она их всех зовет по именам), живущих на ферме ее родителей, и о том, как она вздыхает по Уильяму Рашу — двадцатилетнему деревенскому парню с кустистыми бровями, у которого ее отец покупает тракторы.

Эйдин ведет с перевесом в шесть очков, когда Бликленд вдруг окликает ее из своей застекленной крепости. Девушки переглядываются. Эйдин разрешили вернуться в школу с условием, что она принесет извинения Бликленд, но с тех пор ей удается избегать разговоров с ней и прямых взглядов. Вот бы и дальше так. Доучиться в Миллберне еще два года, избегая всякого контакта.

— Что такое? — спрашивает одними губами Фиона. Эйдин только пожимает плечами, хотя чувствует, как к горлу подкатывает тошнота, и откладывает деревянную ракетку.

Бликленд стоит в главном вестибюле и сортирует дневную почту, раскладывая ее по маленьким стопочкам. Это письма для иностранных учениц, в основном младших, отчаянно тоскующих по дому: для них это

необходимый глоток радости и условие душевного равновесия. Бликленд молча протягивает Эйдин конверт, и, хотя угловатый почерк Эйдин незнаком, обратный адрес — «Клируотер, Флорида».

Гас!

Она уже собирается бежать, но Бликленд произносит своим раздражающе бесстрастным голосом:

— Кажется, я видела трусики на батарее возле твоей кровати?

Вот еще! Эйдин Гогарти никогда бы не пришло в голову вывешивать на всеобщее обозрение свое белье, даже там, где одни девушки.

— Одежда на батареях — это нарушение правил пожарной безопасности.

— Я сейчас пойду и уберу, — говорит Эйдин и думает, что такой обыденный выговор за мелкое нарушение можно, пожалуй, считать признаком разрядки.

Старая дева устремляет на Эйдин свой непроницаемый взор. Хотя и с трудом, Эйдин все же заставляет себя посмотреть ей в глаза. Она надеется, что Бликленд прочитает в ее взгляде то, что она пытается сказать без слов: «Простите меня». А затем направляется напрямик в туалет на втором этаже.

Привет, Эйдин.

Не поверишь, это мое первое в жизни письмо. Я потерял телефон (с твоим номером), приходится писать, как древние люди. Мы вернулись во Флориду, но ты, наверное, уже догадалась? Я снова хожу в школу и собираю свою старую группу, только нет бас-гитариста. Я пишу новую песню, там есть прикольное место про того эксгибициониста, которого мы видели, помнишь? Как твои дела? Как живется в заточении? Как там эта хромая фашистка? Прости, что не пришел на встречу в кафе. Хреново вышло.

Длинная история, слишком долго писать. Позвонишь? Что там за темная история с Сильвией и твоей бабулей? Слышал какой-то бред. Ты слушаешь мой плейлист?

Скучаю по Дублину и по тебе.

Позвони?

Шон 727 873 0980

Только дойдя до подписи, Эйдин замечает, что перестала дышать. Она перечитывает записку еще трижды и только потом наконец позволяет себе в полной мере ощутить восторг, сумасшедшую, ничем не сдерживаемую радость от этих двух последних слов. Все девочки ушли гулять, или играть в хоккей, или еще куда-то — неважно, главное, в школе пусто. Эйдин без опаски во весь голос выкрикивает: «Ура!» и пытается сплясать какой-то дикий победный танец, ударяясь локтем о держатель для туалетной бумаги. «Позвони!»

64

В Америке Милли так и не удалось найти достаточно рассыпчатого картофеля, чтобы приготовить настоящее жаркое. Пробовала и молодой (слишком мягкий), и «юкон голд» (не та консистенция), и разные другие, все виды этого чертового картофеля в «Пабликс» (что за неприличное название для продуктового магазина!) перебрала, но так и не смогла наколдовать для Гаса то восхитительное блюдо, которое задумала. В другое время, если бы она вот так нахвасталась, а сделать не сумела, ей пришлось бы краснеть. Но с Гасом все по-другому. Он умеет быть благодарным за все: за чашку полустывшего кофе, за записочку «Скоро вернусь», которую она оставила как-то раз у него на столе, за мельком увиденного вдалеке (или вовсе не увиденного) кита на морской экскурсии, где им обещали возможность полюбоваться на этих чудовищ, даже за неудавшуюся картошку. Ему, кажется, хоть коровью лепешку приготовить на ужин, все равно поблагодарит. Милли восхищается этим его свойством, тем более что ему в жизни так мало дано — ни жены, ни детей. По сравнению с этим ее собственные страдания уже не кажутся ей такими страшными, и она готова принять их смиренно. Пожалуй, что ей-то как раз дано очень много — во всяком случае, достаточно.

Кевин с Эйдин, очевидно, опаздывают, но Милли это даже кстати: она все еще не может освоиться

с новой плитой, слегка раздражающей уже тем, что она новая. Милли Гогарти совершенно ни к чему вся эта навороченная техника! Но чек по страховке пришел огромный, и Кевин тут же заказал все это сверкающее, хромированное, первоклассное оборудование, не слушая ее многословных возражений. Он твердо стоял на своем: если она хочет жить в Маргите (а в этом вопросе она стояла на своем так же твердо) и хозяйничать здесь вместе с Тарой Уолен — новой, тщательно проверенной помощницей, по поводу которой они пока еще не пришли к окончательному соглашению, то она должна (и заслуживает) иметь нормальную кухню — не сгоревшую, не разломанную, не холодную, не грязную. В тот день, когда наконец повесили шкафчики, которые Джессика помогала Милли выбирать, Кевин принес коробку, завернутую в серебряную бумагу, такую блестящую, что жалко было разворачивать. В ней оказался огнетушитель.

Плита, как полагается чуду современной техники, издает звуковой сигнал, и на черном, в другое время совершенно невидимом экране всплывает тревожно-красное сообщение: «ГОТОВО». Милли тоже готова: она бросает на сковороду очищенную картошку вместе с говядиной, морковью и репой. На кварцевой столешнице — безупречно гладкой, словно только что вымощенная дорога, — уже стоит бутылка розового шампанского и три хрустальных фужера вместо двух — а почему бы, в самом деле, Эйдин тоже не попробовать глоточек?

***

Милли разожгла камин в гостиной, и огонь гудит вовсю. Позже, когда все уйдут, в их обычное время, она позвонит Гасу по скайпу — новшество, без

которого она в последнее время как без рук, величайшее изобретение со времен электрического чайника. Им ведь еще нужно обсудить детали маршрута. Орел приземлится первого числа следующего месяца.

Во время вчерашнего разговора выяснилось: родственники Пейла так благодарны Милли и Гасу за разоблачение аферы, что речь идет о денежном вознаграждении. Американцы все же удивительные люди, и такие добрые, особенно ее личный американец, да и ее внука тоже. Эйдин и Шон, счастливо воссоединившиеся, видимо, говорили по телефону часами, обсуждая историю с Сильвией. В результате Шон, возмущенный безмерным коварством тетки, после шумного скандала переехал жить к другу, по крайней мере пока. Сильвия и с ним выкинула номер. Чтобы как-то объяснить их внезапный отъезд из Ирландии несколько недель назад, она выдумала, что ей предложили работу во Флориде, и втихоря стащила его телефон. Когда они приехали в Америку, Шон попросил у Сильвии номер Милли, чтобы как-то связаться с Эйдин, но тетка отказала. Она сказала ему, что Милли якобы сошла с ума — подумать только! — и обвиняла Сильвию во всех смертных грехах. Сильвия уверяла его, что Гогарти вообще гнилая семейка, и запретила ему любые контакты с ними. Но Шон, молодец такой, не поверил. Он пытался звонить Эйдин в Миллберн, но там никто не хотел передавать сообщение. Тогда он взялся за ручку и, как мало кто из его поколения делает сейчас, написал Эйдин письмо на бумаге. Сильвия пыталась встать между ним и Эйдин. Но таких не остановишь — любовь не остановить!

Еще немного, и Милли слышит, как ее гости входят в дверь — слышится топот ног, и в дом вместе с ними бесцеремонно врывается соленый морской ветер.

— Входите, входите! — говорит Милли и выбегает к ним навстречу в коридор.

Кевин театрально принюхивается.

— Божественно, — говорит он.

— Стоит того, чтобы вернуть мне ключи от машины?

Он закатывает глаза и наклоняется, чтобы поцеловать ее.

— Ты как будто меньше ростом стала с понедельника. Здесь темновато, тебе не кажется?

— Лампочку пора бы заменить, — говорит Милли, — но мне не дотянуться.

— Пара пустяков.

— А табуретку-то найдешь? Она, наверное, в гараже.

Милли не вспоминала об этой табуретке с того дня, как присела на нее покурить, с чего все и началось.

Не успевает Кевин скрыться за дверью, как Эйдин хватается бабушку за руку и тащит на новую сверкающую кухню.

— Закрой глаза.

— Что?

— Это сюрприз. Просто закрой глаза.

Милли озадаченно смотрит на внучку.

— А ты прекрасно выглядишь. Это что, тушь?

— Бабушка! Закрой, я тебе говорю!

Милли наконец подчиняется, и то только потому, что это Эйдин. Она чувствует в ладони мягкое касание бархата: вышитый мешочек ВД, а внутри что-то лежит... что-то тяжелое.

— Все. Теперь открой.

— Уж больно ты раскомандовалась сегодня, птеник.

— Открывай-открывай!

И Милли открывает глаза.

Благодарности

Я очень обязана Лизе Эрбах Вэнс, верной партнерше, столь же доброй и постоянной, сколь остроумной и блестящей.

И Даниэлле Векслер, которая с бесконечной заботой и мудростью направляла это повествование и неизмеримо улучшила его.

Я очень благодарна всему коллективу Atria, особенно Лоан Ле, Джейд Ху, Феличе Джавит, Карле Бентон, Кейли Хоффман, Киоко Ватанабе, Джиму Тиллю, Изабель Дасилва, Джине Ланци и Пейдж Литл.

Спасибо Кейт Баллард за энергичную поддержку этой книги, а также Эду Фолкнеру и всем в Allen & Unwin.

Глубокая благодарность Деборе Голдстин и Сиджей Принсу, настоящим разгильдяям, за поддержку, понимание и шутки. Теперь ваша очередь.

Спасибо первым читателям Тине Далл, Марку Хардиману, Шале Анастасио, Дорри Рамати, Роджеру Розену, Аликс Клиберн и Бену Страузу. А за помощь и поддержку — Таре Джерман, Робину Хардиману, Бену Хардиману, Бонни Уэсту, Питеру Ахерну, Робу Даллу, Лоре Смит, Таре Паркер, Джоанне Серлинг, Джеми и Марку Куршнерам, Виктории Роуэн, Диане Спеклер и Венди Бихуньяк.

Особая благодарность Мари-Энн Бриггс и Жанне Стерлинг за то, что терпели мои глупости, а также

Майклу Слезаку, Митчу Рустаду, Алексис Аулете и всем безумным королевам за их многолетние издательства. Аллевия!

Я глубоко ценю могучие силы природы — мою мать, Пейшенс Хамфри, и моего брата, Бена Джермана. Быки покупают.

А самая большая благодарность лучшим на все времена: Деклану, Заку, Саймону и моему мужу Алексу, отчаянно умному, пронзительно остроумному, терпеливому и доброму — настоящему миляге.

Об авторе

Ребекка Хардиман, в прошлом редактор журнала, живет в Нью-Джерси с мужем и тремя детьми. Это ее первый роман.

Оглавление

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	48
Глава 8	55
Глава 9	64
Глава 10	68
Глава 11	74
Глава 12	81
Глава 13	86
Глава 14	93
Глава 15	103
Глава 16	109
Глава 17	122
Глава 18	129
Глава 19	135
Глава 20	146
Глава 21	150
Глава 22	159
Глава 23	166
Глава 24	176
Глава 25	184

Глава 26	191
Глава 27	197
Глава 28	204
Глава 29	210
Глава 30	220
Глава 31	230
Глава 32	237
Глава 33	241
Глава 34	246
Глава 35	249
Глава 36	254
Глава 37	256
Глава 38	272
Глава 39	277
Глава 40	284
Глава 41	290
Глава 42	299
Глава 43	304
Глава 44	315
Глава 45	321
Глава 46	329
Глава 47	331
Глава 48	340
Глава 49	345
Глава 50	351
Глава 51	354
Глава 52	359
Глава 53	367
Глава 54	376
Глава 55	381
Глава 56	390
Глава 57	397

Глава 58	402
Глава 59	408
Глава 60	412
Глава 61	420
Глава 62	428
Глава 63	431
Глава 64	436
Благодарности	440
Об авторе	442

АРКАДИЯ

Литературно-художественное издание

Для лиц старше 16 лет

Ребекка Хардиман
НЕ КАК У ЛЮДЕЙ

Генеральный директор *Мария Смирнова*
Главный редактор *Антонина Галль*
Ведущий редактор *Александр Александров*
Художественный редактор *Александр Андрейчук*

Издательство «Аркадия»
Телефон редакции: (812) 401-62-29
Адрес для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 21

Подписано в печать 30.03.2021.
Формат издания 84×108¹/₃₂. Печ. л. 14,0. Печать офсетная.
Тираж 4000 экз. Дата изготовления 30.04.2021. Заказ № 2103700.

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

Произведено в Российской Федерации
Срок годности не ограничен

По всем вопросам, связанным с приобретением книг издательства,
обращаться в ТФ «Лабиринт»:

тел.: (495) 780-00-98
www.labirint.org

Заказ книг в интернет-магазине «Лабиринт»:
www.labirint.ru

16+

ЗНАК ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ

